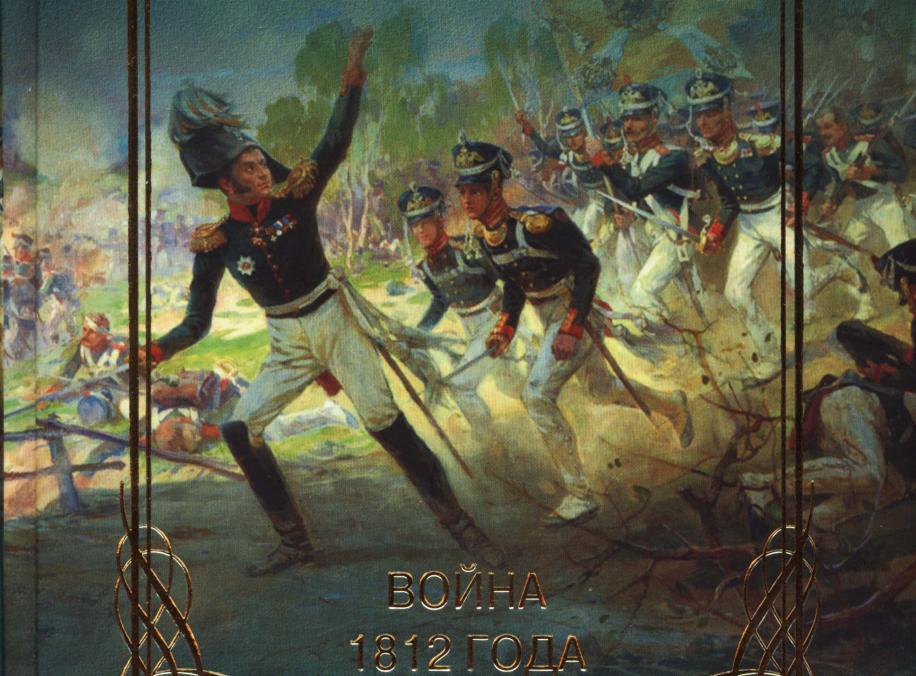

1812 ГОД
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ПАРТИТУРА
ПЕРВОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

ВОЙНА
1812 ГОДА

ПАРТИТУРА
ПЕРВОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

ФОНД
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ

**ПАРТИТУРА
ПЕРВОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.
ВОЙНА 1812 ГОДА**

Москва
«Вече»

УДК 630.161.1(09)
ББК 63.3-6+66.4(0)
П18

Издание подготовлено Фондом исторической перспективы (Москва)
и Институтом демократии и сотрудничества (Париж)

Редакционный совет серии «Актуальная история»:

Артизов Андрей Николаевич — д.и.н., руководитель Федерального архивного агентства;

Мясников Владимир Степанович — академик РАН;

Нарочницкая Наталья Алексеевна — д.и.н., президент Фонда исторической перспективы;

Решетников Леонид Петрович — директор РИСИ, генерал-лейтенант;

Ржешевский Олег Александрович — д.и.н., президент Ассоциации историков Второй мировой войны;

Сирош Игорь Иванович — помощник руководителя Администрации Президента Российской Федерации;

Тихвинский Сергей Леонидович — академик РАН;

Торкунов Анатолий Васильевич — академик РАН, ректор МГИМО МИД РФ;

Фалин Валентин Михайлович — д.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Редакционная коллегия:

Е.А. Бондарева, В.В. Романов, Е.Н. Рудая

П18   **Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года /**

Сост. Е.Н. Рудая. — М. : Вече, 2012. — 384 с.

ISBN 978-5-4444-0461-4 (Актуальная история)

ISBN 978-5-4444-0219-1 (К 200-летию Отечественной войны 1812 г.)

Война 1812 года — первая война, которая Россией была наречена Отечественной, и таковой она и останется в русском сознании. Подлинное национальное сознание — это не слепое любование, не завышенная самооценка, это жгучее чувство принадлежности ко всей истории Отечества и его будущему. В годину «грозы 1812 года» это чувство пронизало все общество — от аристократии, преклонявшейся перед французским глямуром, до крестьян, знающих только Псалтырь. Такое же чувство — «ярость благородная» — «всплыло как волна» во время гитлеровского нашествия. И именно Великая Отечественная война, востребовав национальное чувство, порушенное классовым интернационализмом, воссоединила в душах людей разорванную, казалось, навеки, нить русской и советской истории. Память об Отечественной войне 1812 года вдохновила и на великую Победу мая 1945-го...

Уроки истории, хотя никого не учат, все-таки назидательны.

УДК 630.161.1(09)

ББК 63.3-6+66.4(0)

ISBN 978-5-4444-0461-4

ISBN 978-5-4444-0219-1

© Рудая Е.Н., составление, 2012

© Фонд исторической перспективы, 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Н.А. НАРОЧНИЦКАЯ

*президент Фонда исторической перспективы (Москва),
директор Института демократии и сотрудничества (Париж)*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Война 1812 года — первая война, которая была Россией наречена Отечественной, и таковой она и останется в русском сознании. России приходилось воевать немало, практически каждое десятилетие в течение многих столетий. Однако войны Нового времени, в том числе и героические походы А.В. Суворова, которые прославили русского солдата на всю Европу, не затрагивали судьбу страны в целом, а служили либо решению геополитических задач, или участию в коалициях и замыслах других держав, то есть были борьбой за интересы, но не за живот.

«Гроза 1812 года» — вот в памяти народа образ нависшей над нацией огромной тучи, угрожавшей не столько отобрать часть достояния, сколько лишить нацию как самостоятельное явление истории самого будущего. Именно такое ощущение рождает неприятельская армада, вторгшаяся на просторы Отечества, и превращает войну в Отечественную, когда старый и молодой, образованный и простой, богатый

и бедный вдруг ощущают себя единственным преемственно живущим организмом с общим духом, с общими целями и ценностями национального бытия, с общими историческими переживаниями. Ибо беда случается не с государством, а именно с Отечеством — понятием, включающим не только и не столько землю и построенную на ней жизнь, но чувство рода, живую сопричастность действиям предков и судьбе потомков. Неслучайно в учении Филарета Московского государство — это не «общественный договор», а «разросшееся семейство». Утрата самостояния в истории в сознании народа вдруг ощущается обессмысливанием всех предыдущих национальных сверхусилий — и стояния за Веру, и победы на Чудском озере и на Куликовом поле, и подвига Минина и Пожарского, воплотивших общенародную волю к восстановлению разрушившегося государства, и петровского «окна в Европу».

Если нация способна ощутить угрозу Отечеству как общенациональную беду, то это симптом известного духовного строя народа, который определяется тем, что он почитает наиценнейшим. Рациональные иностранцы в 1812 году видели варварство в пожаре Москвы. Но этот эпизод, по словам Д. Хомякова — сына А.С. Хомякова, — иллюстрирует, «как народ смотрит на земные блага, когда они стоят поперек пути к высшим целям», ради которых он сознательно жертвует действительными и мнимыми благами, чтобы охранить и сохранить наиценнейшее¹. В таком порыве нет места сомнениям о цене победы. Помещики жгли свои поместья, крестьяне бросали свое хозяйство, не думая о том, что потом нечего будет есть, брали вилы и шли на неприяте-

¹ Хомяков Д.А. Православие, Самодержавие и Народность. Монреаль, 1983. С. 136—137.

ля. Упоминая «самосожжение» Москвы, Ильин писал, что «Россия победила Наполеона именно этой совершеннейшей внутренней свободой... Нигде люди не отказываются так легко от земных благ... нигде не забываются так окончательно потери и убытки, как у русских»².

Отечество вечно, в отличие от государства — преходящей формы, творения рук человеческих, которая наследует предыдущие грехи и накапливает собственные. Государство всегда несовершенно и всегда будет вызывать критику, даже отторжение у части общества. Отечество же — это вечный дар, данный нам для постоянного исторического делания. Подлинное национальное сознание — это не слепое любование, не завышенная самооценка, это жгучее чувство принадлежности ко всей истории Отечества и его будущему. Такое чувство пробуждается, когда встает вопрос: «Быть или не быть?» В годину «грозы 1812 года» это чувство пронизало все общество от аристократии, преклонявшейся перед французским гламуром, до крестьян, знающих только Псалтирь. М.Ю. Лермонтов неслучайно написал свое знаменитое «Бородино» от лица простого солдата, свободного от всякого «классового» чувства, об отсутствии которого в войне 1812 года так сокрушалась «красная профессура» ультрамарксистской школы Покровского, считавшая Наполеона «освободителем», который нес якобы прогресс в «отсталую» Россию. Но нет, Царь, офицер, аристократ и простой мужик были едины: «Полковник наш рожден был хватом, слуга Царю, отец солдатам...».

Такое же чувство — «ярость благородная» — «вскипело как волна» во время гитлеровского нашествия, хотя многие

² Ильин И.А. О национальном призвании России. (Ответ на книгу Шубарта.) См.: Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока. М., 1997. С. 380.

пребывали в ужасе от революции и ее следствий, не принимали государство. Но когда чужеземцы пришли топтать русскую землю, «ее бесчестить небеса, пожрать богатства, сжечь леса и высосать моря и руды» (М. Волошин), ощущение вселенского зла затмило все распри об устройении государства ради спасения Отечества. И именно Великая Отечественная война, востребовав национальное чувство, порушенное классовым интернационализмом, очистила от скверны гражданской войны и воссоединила в душах людей разорванную, казалось, навеки нить русской и советской истории. Неслучайно тогда были возвращены с «исторической свалки» великие имена Суворова, Кутузова, Давыдова. Память об Отечественной войне 1812 года вдохновила и на великую Победу мая 1945-го...

В сегодняшний век скепсиса и нигилизма нeliшне помнить, что нация, способная ценить и чтить свою историю, в итоге всегда побеждает и остается самостоятельным субъектом мировой истории. Победа в отечественной войне консолидирует национальную волю и дает огромный заряд энергии, несмотря на материальные потери и гибель людей — самых смелых и пылких. И Россия вышла из войны 1812 года и последующего победного шествия по Европе способной к историческому рывку — как всегда в русской истории, противоречивому, усилившему внутренние напряжения, рождая буйное переживание новых идей общественного переустройства. Именно эта способность подвигла Россию на дальнейшее закрепление на Дальнем Востоке, на Черном море и в Закавказье, оградив его от Персии и Турции, несмотря на все козни Англии. На Венском конгрессе 1815 года она уже действительно могла вести себя как держава, «без которой ни одна пушка в Европе не стреляла». Россия стала превращаться в

такой фактор мирового соотношения сил, который и поныне вызывает нервозное отношение.

1812 год оставил глубочайший след в сознании и, без сомнения, породил исполинский творческий импульс, давший миру великую русскую литературу. Наши национальные гении — столпы мировой литературы — А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой не могли обойти вниманием это событие. У Пушкина есть потрясающее стихотворение «Бородинская годовщина», по которому можно изучать геополитику с XIX века по сегодняшний день: «Куда отвинем строй твердынь? — За Буг, до Ворсклы, до Лимана? За кем останется Волынь? За кем наследие Богдана?»

Лев Толстой через призму ВОЙНЫ как глубокого переворота всех взаимосвязей, когда меркнет все суетное, представил панораму русской и одновременно общечеловеческой жизни, когда война уравнивает всех, и это явлено в образе и испытаниях Пьера Безухова.

XIX век — век империй и «тиранов» — был еще веком почти «рыцарских» войн по сравнению с войнами XX столетия и сегодняшним веком насаждаемой бомбами вселенской демократии, породившей явление Гуантанамо. В народной памяти не осталось воспоминаний о жестокости пришельцев, хотя «на войне как на войне», и было и мародерство, и смерть гражданского населения, и взаимная жестокость, но война еще велась с соблюдением христианских представлений о морали, о человеке, о смерти. Маленький шедевр советского кинематографа фильм «Гусарская баллада» неслучайно стал удивительно светлым отображением исторической памяти о войне 1812 года. И своя сторона, и противник представлены одинаково по-человечески достойными образами: с верностью присяге и долгу и этическим нормам, как на дуэли.

Но война 1812 года, если говорить и о жертвах, и о геополитике, имела всеевропейский характер. По масштабу геополитических амбиций «тяготеющего над царствами кумира» и по втянутым участникам наполеоновского нашествия на Россию это была почти мировая война. В ходе нашествия «двунаадесяти языков» французы составляли лишь половину «великой армии». В ней же была вся покоренная Европа — голландцы и бельгийцы, баварцы, саксонцы и хорваты, итальянцы и принудительно мобилизованные испанцы и португальцы, австрийцы в лице восточноевропейцев, румын и мадьяр, и, конечно, неугомонные, когда дело касается вреда России, поляки, давшие 100 тысяч солдат.

Почти религиозным поклонением Наполеону и почти мистической ненавистью к России был сжигаем Адам Мицкевич. Бредя вместе с А. Герценом по ночному Парижу и поравнявшись с памятником Наполеону на Вандомской площади, Мицкевич снял шляпу и поклонился, прошептав: «Это ОН!» На одном из собраний разноплеменных либералов он пламенно призывал к новому походу на Россию двунаадесяти языков, разумеется, под флагом демократии, которая «собирается в новый открытый стан» и «снова ринется на освобождение всех притесненных народов, под теми же орлами, под теми же знаменами, при виде которых бледнели все цари и власти». Повести же этот стан должен был опять «один из членов той венчанной народом династии, которая как бы самим провидением назначена вести революцию стройным путем авторитета и побед». Это был Наполеон III — фигура, противоположная идеалам демократии, но враждебная России, что, в глазах поляка делало его героем. Это с горечью описал А. Герцен, как и то, что, к чести собрания, Мицкевича никто не под-

---

держал, а прудонист испанец Рамон де ла Сагра — сын народа, «притесненного» амбициями Бонапарта, да еще с помощью польского полка, не оставил речь поляка без «протестации» и призвал погибель на всякий «деспотизм, как бы он ни назывался: королевским или императорским, бурбонским или бонапартовским!»³

Похоже, А. Мицкевичу была неизвестна подлинная цена польского вопроса для Западной Европы. Его кумир — Наполеон Бонапарт, «не любивший Польши, а любивший поляков, проливавших за него кровь» (Герцен), считал Польшу разменной картой против России, о чем свидетельствуют его предложения в ходе переговоров по Тильзитскому миру.

Наполеон, ярчайшая фигура не только французской, но и европейской истории, вернул залитой революционной кровью Франции мотив национального единения и величия, за что его правомерно почитают французы. Но в соответствии с западным «прометеевским» типом (В. Шубарт) Бонапарт обратил революционный пафос в завоевательный, демонстрируя воспетое Вернером Зомбартом «героическое авантюрное начало “народов-завоевателей” в отличие от презираемой ницшеанским сознанием “морализаторской аскетической склонности”» «незападных» народов. Возжелав возглавить Европу, Наполеон безуспешно пытался подорвать мощь своего главного соперника — Британии, втягивая в «континентальную блокаду» Россию, безуспешно предлагал в Тильзите Александру I убрать с карты Европы Пруссию. Наполеон, может быть, первым в истории осознал, что невозмож-

---

³ Герцен А.И. Былое и думы. Часть V. Глава XXXVII. М., 1933. Т. II. С. 50.

но стать правителем мира, не устранив с мирового поля Россию, не лишив ее роли великой державы. Россия уже мешала, как будет она мешать в XX и в XXI веке любому, кто мчит управлять миром. Не пожалевшая жизней за Отчество Россия уже тогда оказалась силой, равновеликой совокупной мощи Европы, что и выразил Пушкин с его необычайным историческим чутьем:

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор...

Выдающийся русский политический географ В.П. Семенов-Тян-Шанский, председатель Русского географического общества, рассматривал большие когда-либо существовавшие геополитические проекты, среди которых со временем Пунических войн было стремление кольцеобразно овладеть обоими побережьями Средиземного моря, что делали и арабы, и турки и что начал реализовывать Наполеон. Если бы он по наущению своей соперницы Англии, как пишет Семенов-Тян-Шанский, не двинулся на Россию, Бонапарт вполне мог стать «господином мира». Было бы интересно найти документальные подтверждения такому мнению, и выяснить, не являлись ли англосаксы уже тог-

---

да заинтересованными в сталкивании крупных континентальных соперников в Европе, дабы не допустить формирования одной преимущественно влиятельной державы на европейском континенте, что составляет суть британской стратегии. Это была роковая ошибка Наполеона. Потерпев сокрушительное поражение, он бежал из России, бросив свою разгромленную, голодную, оборванную и замерзающую «великую армию». Россия же за века не знала такой гибели людей и такого разорения и опустошения.

Русская армия победоносно вошла в Париж, удивляя парижан казачьим обмундированием и желанием все получить «быстро-быстро». Но Россия, тем не менее, спасла Францию, став на Венском конгрессе единственной, кто не позволил лишить ее геополитического значения, что предпочитали Австрия и Пруссия. Император Александр содействовал уменьшению reparаций, возложенных на Францию, сокращению срока оккупации союзными войсками французской территории. Меркантильность совершенно не была свойственна тогдашней русской политике, руководствовавшейся прежде всего принципом легитимизма и тогда еще сохраняемой государственной морали.

Исследователи за два столетия уже, наверное, вскрыли все доступные документы, с разных точек зрения рассмотрели канву событий. Трудно предположить, что какие-то ранее неизвестные факты могут радикально изменить представление о летописи войны 1812 года. Однако у современного человека и исследователя есть возможность осмыслить этот период не только с высоты накопленных знаний, но более отстраненно и панорамно в свете совокупности международных отношений и преемственных геополитических

устремлений за два столетия. Именно сейчас можно в полной мере оценить значение этой эпопеи для всей русской истории, для положения России в мире и в истории, провести параллели и сравнения.

Любопытную картину могло бы дать исследование эволюции в историографии трактовки тех масштабных событий. Ибо борьба идей и общий тон мировой политики, особенно в наш век невиданной идеологизации амбиций, окрашивает интерпретацию не только современных явлений, но и предыдущих этапов истории, в чем можно убедиться на примере искажения и пересмотра смысла и итогов Второй мировой войны. Это относится и к оценке Первой мировой войны, столетие которой непременно продемонстрирует попытку использовать историю как инструмент политики. Так, если до Второй мировой войны и даже в годы «холодной войны» никто не обвинял историческую Россию в развязывании Первой мировой войны, то в апогее «идеологического противоборства» в 1970—1980 годах в некоторых работах это уже присутствует. То же можно проследить в отношении войны 1812 года.

Необычайно интересно осмыслить, как память об этой войне отражается в общественном сознании, как образы России и Франции в сознании друг друга эволюционировали на протяжении двухсот лет через призму памяти о наполеоновском нашествии. Настало время исторической социологии, ибо мировоззренческая рама исторического сознания определяет формирование образа друг друга.

Хотя Франция была неприятелем и завоевателем, французские политические идеи оказали весьма заразительными, и российские умы возмечтали о республиках, социализме, свержении самодержавия, ничуть не испугавшись

террора. Это и дух декабризма с его еще кабинетными, хотя весьма кровожадными утопиями, это и развивавшийся весь XIX век революционный проект, который реализовал себя через столетие в Октябрьской революции, скопировавшей и якобинский «революционный террор», и неизбежный итог, когда «революция, как Сатурн, пожирает собственных детей» (А. Франс), а гильотина репрессий рубит уже собственных «октябрьских» дантионов и робеспьеров.

Можно только пожалеть о том, что взаимное узнавание России и Европы, столкновение и взаимодействие культур, привычек, образа жизни непосредственно и осязаемо происходило в прошлые века тогда, когда русский народ, изгоняя захватчиков и оттесняя их к собственным границам, освобождал и другие страны и народы. Но это очень интересный процесс на самом живом человеческом уровне. Классическая историография Нового и тем более Новейшего времени в основном опирается на официальные документальные источники. Для исторических исследований второй половины XX века и вовсе характерны сухость изложения, скучность образности. Но возвращаясь сегодня к «грозе 1812 года», о которой уже написаны тысячи страниц, есть смысл обратиться и к письмам, мемуарам, устным преданиям и рассказам, которые передают дух эпохи.

Живые образы людей, походя высказанные в письме мнения и зарисовки, расширяют нашу палитру восприятия и понимания прошлого, воссоздавая живую картину эпохи, и придают нашим знаниям гуманистическое измерение. Такие краски возвращают нас к классической истории античных времен, когда описание нравов и поведения, живых характеров имело значение наравне с фактами, которые как

раз искались в первую очередь. Наверное, такой и должна быть история, которой покровительствует муза Клио, а не холодный рассудок.

Если во французском языке русские оставили слово «бистро» — быстро, то в русском языке до наших дней сохранилось слово «шаромыжник» — вызывающий жалость проситель, от французского обращения «Шер ами» (Cher ami! — Дорогой друг!), с которым замерзающие французы поздней осенью 1812 года, съев уже своих павших лошадей, просили поесть и обогреться. Слово это чисто по-русски беззлобно отражает судьбу завоевателя, который приходит в Россию в блестящем мундире на белом коне, мня себя правителем мира, а обратно, усеяв русскую равнину своими и нашими мертвыми телами, возвращается с протянутой рукой, голодный, холодный, жалкий и недоумевающий, зачем он сюда пришел с оружием... Уроки истории, хотя никого не учат, все-таки назидательны.

В.А. ТОМСИНОВ,
зав. кафедрой истории государства и права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

РОКОВАЯ ВОЙНА НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

«Тот, кто избавил бы меня от этой войны, оказал бы мне великую услугу; но вот она передо мною, нужно из нее выпутываться».

*Наполеон — министру полиции
А.-Ж.М.Р. Савари, герцогу Ровиго.
Апрель 1812 года*

О войне Франции с Россией, начавшейся 12(24) июня 1812 года вторжением в российские пределы огромной на-полеоновской армии, написана масса книг и статей. Участники этой войны оставили множество воспоминаний о ней. Историки описали в деталях ее предысторию, изучили все ее мало-мальски значимые события, собрали и обобщили множество разнообразных сведений о сражавшихся войсках, их командах. И тем не менее многие тайны данной войны до сих пор остаются неразгаданными. Самой

главной из них является, безусловно, тайна ее возникновения. Ни Франции, ни тем более России эта война была не нужна, никакой жизненно важной задачи, стоявшей перед ними, победа в ней решить не могла — почему же тогда она произошла? Оба императора — и Наполеон Бонапарт, и Александр I — не желали этой войны, поскольку ясно сознавали, что она несет в себе опаснейшие угрозы для самого существования их государств, и несмотря на это, не предпринимали сколько-нибудь серьезных попыток предотвратить ее, но, влекомые неумолимым роком, шли к ней неудержимо и неостановимо, по меньшей мере, с конца 1810 года.

* * *

Три державы определяли в первое десятилетие XIX века течение европейской политической жизни: Англия, Франция и Россия. При этом только между первыми двумя государствами существовали непримиримые противоречия — непримиримые потому, что имели экономическую природу.

Данные противоречия проявились еще в период французской революции. 18 вандемьера II года Республики (10 октября 1793 года) якобинский Конвент издал декрет, который запрещал ввоз во Францию любых товаров, произведенных в Англии. Якобинская диктатура пала, но проводившаяся ею в отношении Англии политика была продолжена другими французскими правительствами.

10 брюмера V года Республики (1 ноября 1796 года) Советом старейшин был принят закон, ранее одобренный Советом пятисот, в котором устанавливалось, что «импорт произведенных товаров, происходящих из английских фабрик

или торговли, запрещается, как по морю, так и по суше, на всем пространстве Французской республики»⁴. Закон предписывал конфисковывать все попадавшие во Францию товары английского производства, даже если они приобретались не у англичан. В пятой статье данного акта приводился список товаров, которые были отнесены к разряду «считающихся происходящими из английских фабрик (*réputés provenir des fabriques anglaises*)». Они подлежали конфискации даже в том случае, если их английское происхождение было не доказано.

Торговая война Франции и Англии продолжалась и в последующие годы. Административная реформа, проведенная в 1800 году первым консулом Наполеоном Бонапартом, жесткие меры, предпринятые им против коррупции, а также мероприятия по стимулированию промышленности способствовали быстрому росту французской экономики. Между тем установленные законом 1796 года запреты на ввоз английских товаров на территорию Франции довольно часто успешно обходились. Значительные их партии ввозились контрабандным путем: население испытывало нужду в этих товарах и охотно приобретало их нелегальным способом. В ответ на рост контрабанды французские промышленники стали требовать от своего правительства ужесточения запретительной политики по отношению к продукции английского производства. Правительство не могло игнорировать интересы отечественной промышленности, которая в

⁴ «L'importation des marchandises manufacturées provenant, soit des fabriques, soit du commerce anglais, est prohibée, tant par mer que par terre, dans toute l'étendue de la République française» (цит. по: Тарле Е.В. Сочинения. В 12 томах. Том 3. Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I. М., 1958. С. 114).

то время еще только становилась на ноги и сильно уступала промышленности Англии, и приняло дополнительные меры по недопущению английских товаров в пределы страны⁵. Причем Наполеон не отказался от этой политики даже после того, как 25 марта 1802 года в Амьене заключил с Англией мирный договор.

Как показали последующие события, правительства обеих стран смотрели на этот договор как на временное перемирие и, преследуя свои интересы, не стеснялись нарушать его условия. В результате 22 мая 1803 года Англия объявила войну Франции. Не прекращавшаяся даже во время действия Амьенского мирного договора торговая война между обеими странами стала вследствие этого еще более ожесточенной. Чтобы предотвратить попытки ввоза английской хлопчатобумажной ткани во Францию под видом продукции других стран, Наполеон своим декретом, изданным 22 февраля 1806 года, полностью запретил ввоз на французскую территорию подобных тканей из-за границы. Французские производители хлопчатобумажных тканей встретили данный акт с восторгом. Благие последствия этой меры отметил и министр внутренних дел, заявивший в отчете императору: «Этот декрет создаст эпоху в истории французской промышленности, наши фабриканты никогда не забудут, с каким вниманием ваше величество рассмотрело этот вопрос, именно благодаря декрету хлопчатобумажная промышленность процветает, несмотря на общие неблагоприятные обстоятельства. В момент издания декрета Франция покупала хлопчатобумажной пряжи и материй на 70—80 миллионов франков, и вся эта сумма

---

⁵ См. об этом: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 111—112.

шла в пользу Англии. Теперь почти вся эта сумма остается во Франции»⁶.

Создавая благоприятные условия для развития французской текстильной промышленности, Декрет от 22 февраля 1806 года одновременно воздвигал барьеры на пути развития текстильного производства в других странах. Его издание показывало, что главным средством борьбы с Англией император Наполеон избрал меры, подрывающие ее экономику. Данный выбор был во многом вынужденным. Поражение, нанесенное английским флотом под командованием адмирала Нельсона франко-испанскому флоту 21—23 октября 1805 года у мыса Трафальгар, лишило Наполеона возможности безопасно переправить свои войска через пролив Ла-Манш для высадки на территории Великобритании и решить конфликт с Англией путем военного вторжения в ее пределы. Однако торговая война Франции против Англии могла быть успешной лишь при условии содействия ей всех европейских стран. Но как мог Наполеон заставить их присоединиться в данном случае к Франции? — Очевидно, только подчинив своей воле правительства этих стран. Однако достичь этой цели возможно было, лишь применив военную силу. Продолжение экономической войны Франции против Англии подводило Наполеона к идее военного захвата европейских стран.

Австрийский дипломат Клемент фон Меттерних был, пожалуй, самым внимательным в Европе наблюдателем за внешнеполитическими действиями Наполеона. В своих мемуарах он оставил весьма любопытное рассуждение о характере наполеоновских завоеваний. По его словам, «система

---

⁶ Цит. по: *Тарле Е.В. Указ. соч. С. 143.*

завоеваний Наполеона была, впрочем, по своему характеру всецело своеобразной. Всеобщее господство, к которому он стремился, не имело целью концентрацию в его руках прямого управления огромной массой стран, но установление центрального верховенства над государствами Европы, согласно идеалу, искаженному и преувеличенному империей Карла Великого⁷. Указав на главную цель наполеоновских завоеваний в Европе, Меттерних не дал объяснение этой их особенности. А между тем стремление Наполеона подчинить себе верховные государственные власти европейских стран, оставив население в прежнем состоянии, было вполне логичным для того направления действий, которое являлось основным в его внешней политике. **Французский император вел войну, в сущности, только против одной страны — Англии. Его военные походы против других европейских стран были, за редким исключением, всего лишь частью этой большой войны, от исхода которой зависела судьба Франции.** Французская экономика не могла подняться в условиях свободного доступа английских товаров на европейский рынок: они были дешевле и качественнее и при свободной конкуренции легко заполняли бы и рынок самой Франции, разоряя ее промышленность. Но закрыть европейский рынок для английских товаров можно было лишь совместными действиями всех или хотя бы ведущих стран Европы. Побудить эти страны к таким действи-

⁷ «Le système de conquêtes de Napoléon était d'ailleurs d'un caractère tout particulier. La domination universelle à laquelle il visait n'avait pas pour objet de concentrer dans ses mains le gouvernement direct d'une masse énorme de pays, mais d'établir une suprématie centrale sur les États de l'Europe, d'après l'idéal défiguré et exagéré de l'Empire de Charlemagne» (Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'État. Tome 1. Paris, 1880. P. 290—291).

ям Наполеон и рассчитывал посредством их завоевания. Он полагал, что ему нетрудно будет заставить правительства завоеванных стран проводить единую дискриминационную политику по отношению к Англии, особенно если четко прописать ее основные принципы в специальном законодательном акте.

К осени 1806 года Наполеону удалось с помощью военной силы подчинить своей власти почти всю Центральную Европу. Контроль французского императора был установлен над Голландией, Италией, Испанией, большинством германских государств. В октябре указанного года Наполеон провел успешную военную операцию против Пруссии, разбив ее армию при Зальфельде, под Йеною и Ауэрштедтом. 27 октября французские войска вступили в Берлин.

Здесь 21 ноября 1806 года Наполеон подписал «декрет, объявляющий британские острова в состоянии блокады»⁸. Он начался с констатации того, «что Англия совсем не признает международного права, которому повсеместно следуют все цивилизованные народы», «что она считает врагом всякого индивида, принадлежащего к вражескому государству, и делает вследствие этого военнопленными не только экипажи военных судов, но еще и экипажи торговых судов и кораблей торговцев, и даже торговых посредников и негоциантов, путешествующих ради своих коммерческих дел», «что она распространяет на торговые суда и на товары и на имущество частных лиц право захвата, которое не может применяться к тем, кто принадлежит к враждебно-

⁸ Décret qui déclare les îles britanniques en état de blocus. 21 November 1806 // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglement, et avis du Conseil-D'État, publiée sur les éditions officielles du Louvre; de l'imprimerie nationale, par Baudouin; et du bulletin de lois. Tome 16. À Paris, 1826. P. 66—68.

му государству», «что она распространяет на города и торговые неукрепленные порты в гаванях и в устьях рек право блокады, которое в соответствии с разумом и обычаем всех цивилизованных народов применяется только к укрепленным местам», «что она объявила блокированными места, около которых нет даже одного военного корабля...», «что это чудовищное злоупотребление правом блокады не имеет ничего иного, как воспрепятствовать сношениям между народами и развить торговлю и промышленность Англии на обломках промышленности и торговли континента»...

Перечисление нарушений Англией международно-правовых норм заканчивалось в декрете от 21 ноября 1806 года следующим заявлением: «Мы решили применить к Англии те приемы, которые она закрепила в своем морском законо-дательстве». Предпринимавшиеся французским правительством против Англии меры были изложены в десяти статьях декрета.

Первая статья гласила: «Британские острова объявляются в состоянии блокады». Во второй статье устанавливался запрет на всякую торговлю и всякую корреспонденцию с британскими островами. Третья статья объявила: «Всякий индивид, подданный Англии, какого бы состояния и положения он ни был, который будет обнаружен в странах, оккупированных нашими войсками или войсками наших союзников, будет обращен в военнопленного». В четвертой статье устанавливалось: «Всякий склад, всякий товар, всякое имущество, какой бы природы оно ни могло быть, принадлежащее подданному Англии, будет объявлено законной добычей (bonne prise)».

Пятая статья декрета о блокаде британских островов запрещала торговлю английскими товарами и объявила «законной добычей» «всякий товар, принадлежащий Англии

или происходящий из ее фабрик или из ее колоний». Семь-
мая статья предупреждала, что всякое судно, приходящее
непосредственно из Англии или из английских колоний, с
момента публикации настоящего декрета не будет принято
ни в одном порту.

В декрете отмечалось, что его положения будут рассма-
триваться в качестве «фундаментального принципа импе-
рии (principe fondamental de l'empire)» до тех пор, «пока
Англия не признает, что право войны одно и то же на суше
и на море; что оно не может распространяться ни на част-
ное имущество, каким бы оно ни было, ни на личность ино-
странцев военной профессии, и что право блокады должно
быть ограничено укрепленными местами, действительно
обладающими достаточными военными силами»⁹.

Подписанный 21 ноября 1806 года декрет о блокаде бри-
танских островов Наполеон в тот же день передал своему
министру иностранных дел Шарлю Морису де Талейрану
и приказал разослать его текст по столицам подчиненных
Франции европейских государств. Так было положено на-
чало самому грандиозному явлению европейской истории
наполеоновского периода — политике так называемой кон-
тинентальной блокады. В лоне именно этой политики воз-
никнут импульсы, которые в конце концов двинут Наполео-
на в военный поход против России.

Англия не могла оставить без ответа издание декрета о
блокаде британских островов. 7 января 1807 года был издан
приказ короля в совете (order in council), который запретил
«торговлю из одного порта в другой», если в эти порты не
допускались английские корабли. Британское правительство

---

⁹ Décret qui déclare les îles britanniques en état de blocus. 21 November 1806. P. 67.

взяло курс на уничтожение любых, в том числе замаскированных, форм экспортной торговли Франции. 11 ноября 1807 года в Лондоне было издано одновременно три приказа короля в совете, посвященных регулированию международной торговли. Они устанавливали запрет для любой нейтральной страны торговать со странами «враждебными его величеству» без захода кораблей в английский порт и уплаты там налогов и пошлин, установленных британским правительством. Для торговцев, которые нарушают данный запрет, устанавливалось наказание в виде конфискации кораблей и грузов.

В ответ на эти акты Наполеон принял меры, ужесточавшие блокаду британских островов. Декретами, изданными 23 ноября и 17 декабря 1807 года, корабли нейтральных стран, которые выполняли требование британского правительства о заходе в английские порты и об уплате налогов и пошлин, приравнивались к английским и соответственно подлежали конфискации.

* * *

Все подобные меры означали, что вражда между Англией и Францией все более затрагивала интересы других стран. Россия не имела серьезных причин для конфликта ни с Англией, ни с Францией и готова была поддерживать добрые отношения одновременно с обеими этими странами. Однако острота англо-французской вражды делала такой вариант устройства международных отношений невозможным. В результате заключение Россией союза с одной из этих держав всегда означало вступление в войну с другой. Император Павел I осенью 1800 года совершил поворот внешней политики России к союзу с Францией.

Казалось бы, никакой необходимости рвать при этом отношения с Великобританией у него не было. Однако уже в начале января 1801 года Павел I и Наполеон Бонапарт начали подготовку совместного похода двух экспедиционных корпусов (по 35 тысяч чел. каждый) в индийские владения Англии, то есть Россия фактически ввязалась в войну с ней. Данный поворот во внешней политике скорей всего и решил судьбу Павла I: есть все основания полагать, что в заговоре против российского императора, ставшего союзником французского первого консула, повлекшем за собой убийство Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, активное участие приняло британское правительство, добиваясь тем самым отказа России от союза с Францией, смертельно опасного для Англии¹⁰.

Вступивший на престол после убийства Павла I его сын Александр действовал как по команде из Лондона — Россия снова стала дружить с Англией, а с Францией толькоссориться. В 1805 году Россия приняла участие в войне с Францией в составе коалиции европейских стран Австрии, Англии, Швеции и Неаполя. Поражение войск коалиции в битве с наполеоновской армией под Аустерлицем 20 ноября (2 декабря) 1805 года привело к ее распаду. Австрия поспешила заключить мир с Францией. С середины ноября 1806-го и до начала июня 1807 года Россия снова находилась в войне с Францией — на этот раз в союзе с Англией и Прусией. Кровопролитные сражения русских войск с французскими при Прейсиш-Эйлау¹¹ 7—8 (19—20) февраля

¹⁰ См. об этой версии убийства Павла I в книге: Томсинов В.А. Аракчеев (серия «ЖЗЛ»). М.: Молодая гвардия, 2003. С. 125—138.

¹¹ Ныне г. Багратионовск.

1807 года¹² и под Фридландом 2 (14) июня 1807 года¹³ убедили Александра I и Наполеона в бессмыслиности войны между Россией и Францией, а именно в том, что она могла иметь только один итог — взаимное истощение русских и французских сил¹⁴ к выгоде Англии¹⁵, у которой вследствие этого развязывались руки для проведения угодной ей политики на континенте.

Заключение мирного договора было в создавшихся условиях очевидным шагом для обеих сторон, и они пошли на него, договорившись предварительно о перемирии. Любопытно, что инициаторами замирения для выработки мир-

¹² Русский корпус, которым командовал генерал Л.Л. Беннигсен, потерял в этом сражении убитыми и ранеными 26 тыс. чел., французы — не меньше. «Ce n'était pas une bataille, mais un carnage (это была не баталия, а кровавая бойня)», — сказал впоследствии Наполеон генералу Беннигсену о сражении при Прейсиш-Эйлау.

¹³ Русские войска потеряли в этом сражении более 15 тыс. чел.

¹⁴ Князь Александр Борисович Куракин, занимавший в 1807 г. должность чрезвычайного и полномочного посла при Венском дворе, принимал участие в тильзитских переговорах Александра I и Наполеона. Пребывая в Тильзите, он регулярно писал императрице Марии Федоровне о том, что там происходило. В письме от 3 (15) июня 1807 г. он описал совещание приближенных к Александру I сановников, состоявшееся в указанный день, на котором обсуждались возможности России вести длительную войну с Францией. Великий князь Константин Павлович категорично высказался против продолжения этой войны, указав, что у России мало для этого резервов — всего две дивизии, «в которых едва будет 35 тыс.», что есть «недостаток в оружии, припасах, деньгах», а на народ надеяться не следует, хотя он «известен своею доблестью и беспредельною преданностью своим государям», «противиться же победоносной армии, когда она на него нападет, народ не в состоянии» (Русский архив. 1868. Вып. 1. С. 84).

¹⁵ В письме из Тильзита к императрице Марии Федоровне, датированном 22 мая (3 июня) 1807 г., Ал-р Б. Куракин писал: «Даже самые ревностные защитники Англии не могут объяснить в хорошую сторону ее поведение в отношении нас и ничтожность пособий, которые она до сих пор выставила, и ею по справедливости все недовольны» (Русский архив. 1868. Вып. 1. Стлб. 48–49). Англия не выполнила своего обещания послать для поддержки своих союзников 10–12 тыс. вспомогательный корпус и помочь финансами, но равнодушно взирала, как терпела поражение Пруссия. В то же время британское правительство направило свои войска в Египет, начало боевые действия против Аргентины, расширило свои владения в Индии.

ного договора были одновременно Александр I и Наполеон. Французский император сразу же после сражения под Фридландом дал понять, что не желает продолжать войну с Россией. Он отказался от дальнейшего наступления, хотя мог воспользоваться победой в сражении и занять Вильно¹⁶, более того Наполеон позволил русской армии со всеми ее обозами беспрепятственно переправиться по Тильзитскому мосту на правый берег Немана. Днем 7 (19) июня генерал Беннигсен послал к маршалу Бертье князя Д.И. Лобанова-Ростовского, присланного Александром I специально для проведения переговоров о перемирии. А в ночь на 8 (20) июня к главнокомандующему русскими войсками прибыл от Наполеона генерал Дюрок, сообщивший о желании императора французов заключить мир с российским государем.

13 (25) июня 1807 года Александр I и Наполеон встретились посреди Немана на возведенном специально для этого случая плоту. Первая фраза, которую произнес российский государь, была весьма примечательной: «*Je hais les Anglais autant que vous les haïssez, et je serai votre second dans tout ce que vous ferez contre eux*» (Я ненавижу Англию не менее вас и готов вас поддерживать во всем, что вы предпримете против них). Роковая закономерность, с давних времен пронизывавшая отношения трех ведущих европейских держав, продолжала действовать и в этот раз: **заключение Российской нового союза с Францией означало вступление ее в войну с Англией**. Наполеон дал на эти слова Александра I вполне естественный ответ. «Если так, — сказал он, то все может быть улажено и мир упрочен».

¹⁶ В письме Александру I от 28 февраля 1811 г. Наполеон сообщил, вспоминая указанные события: «Я мог быть в Вильне через двенадцать дней после сражения при Фридланде».

Тильзитский мирный договор был подписан 25 июня (7 июля) 1807 года, а ратифицирован через два дня — в годовщину Полтавской победы русской армии над шведской. В нем констатировалось прекращение всех враждебностей со стороны России и Франции на суше и море («*Toutes les hostilités cesseront immédiatement de part et d'autre, sur terre et sur mer*»)¹⁷. Все военные корабли, принадлежавшие какой-либо из сторон и захваченные другой стороной, подлежали, согласно третьей статье договора, возвращению, а если они были проданы, то возвратить надлежало их стоимость. Четвертой статьей Наполеон соглашался возвратить Прусскому королю, союзнику русского императора, часть отторгнутых Францией городов и территорий. Однако польские провинции, присоединенные в 1772 году к Пруссии, отходили, в соответствии с пятой статьей, в полную собственность и под суверенитет короля Саксонии, который должен был владеть ими под титулом Варшавского герцога. Четырнадцатой статьей Наполеон принимал посредничество Александра I для ведения переговоров о заключении мирного договора между Францией и Англией. Двадцать третьей статьей российский император обязывался вывести свои войска из Валахии и Молдавии.

В приложенных к Тильзитскому договору сепаратных и секретных статьях император Александр I признавал все изменения в политическом строе Европы, произведенные в результате наполеоновских завоеваний¹⁸.

¹⁷ *Traité de paix et d'amitié* // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 89. СПб., 1893. С. 52. «Со дня размена ратификаций настоящего трактата будет между Его Величеством императором Всероссийским и Его Величеством императором французским, королем итальянским, мир и совершенная дружба», — гласила первая статья русского текста Тильзитского договора (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830 (далее: 1-ПСЗРИ). Том 29. № 22584. С. 1233).

¹⁸ *Articles séparés et secrets* // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 89. С. 58—59.

Кроме того, 25 июня (7 июля) 1807 года в Тильзите между Россией и Францией был заключен тайный «Договор о союзе наступательном и оборонительном»¹⁹, состоявший из девяти статей.

Первая его статья гласила: «Его Величество император всей России и Его Величество император французов, король Италии²⁰, берут на себя обязательство действовать заодно, или на суше, или на море, либо, в конце концов, на суше и на море, в любой войне, которую по необходимости предпримет Франция или Россия, или оказывать поддержку против любой европейской державы»²¹. Согласно третьей статье, Россия и Франция обязывались при ведении совместных военных операций против какого-либо государства не заключать с ним договора о мире без участия и согласия друг друга.

В четвертой статье «Договора о союзе наступательном и оборонительном» говорилось, что если Англия не примет посредничества России, или примет, но не даст согласия до будущего 1 ноября заключить мир, признав, что флаги всех держав должны пользоваться равенством и полной независимостью на морях, и возвратив захваченное ею у Франции и ее союзников с 1805 года, то российский император будет действовать заодно с Францией и, в случае если британское правительство не даст категоричного и удовлетворительного ответа на предложение России, по-

¹⁹ *Traité d'alliance offensive et défensive conclu à Tilsit le 25 Juin (7 Juillet) 1807 // Там же. С. 60—62.*

²⁰ Титул короля Италии носил Наполеон.

²¹ «Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté l'Empereur des Français, Roi d'Italie, s'engagent à faire cause commune, soit par terre soit par mer, soit enfin par terre et par mer, dans toute guerre que la France ou la Russie serait dans la nécessité d'entreprendre ou de soutenir contre toute puissance Européenne» (*Traité d'alliance offensive et défensive conclu à Tilsit le 25 Juin (7 Juillet) 1807 // Там же. С. 60*).

сол России в Лондоне получит приказ покинуть немедленно Англию.

Ключевой статьей рассматриваемого договора между Россией и Францией была пятая. В ней устанавливалось: «При наступлении случая, предусмотренного предыдущей статьей, высокие договаривающиеся стороны будут действовать совместно и в тот же самый момент потребуют от трех дворов: Копенгагена, Стокгольма и Лиссабона, закрыть свои порты для англичан, отзвать из Лондона своих послов и объявить войну Англии. Тот из трех дворов, который откажется это сделать, будет считаться врагом двумя высокими договаривающимися сторонами и, если Швеция откажется, то Дания будет вынуждена объявить ей войну»²². Данная статья означала присоединение России к блокаде Англии в случае отказа британского правительства вступить в переговоры о мире с Францией и фактическое объявление Россией войны Великобритании. Очевидно, что именно этого и хотел Наполеон, заключая мирный договор с императором Александром I. Правда, из содержания четвертой и пятой статей «Договора о союзе наступательном и оборонительном» следовало, что Россия присоединялась к блокаде Англии не сразу, а только после 1 декабря 1807 года. И при условии, если участие в ней принимали Дания, Швеция и Португалия. Эффективность создававшейся Наполеоном системы континентальной блокады сводилась к минимуму, если хотя бы одна европей-

---

²² «Arrivant le cas prévu par l'article précédent, les hautes parties contractantes feront de concert et au même moment sommer les trois Cours de Copenhague, de Stockholm et de Lisbonne, de fermer leurs ports aux Anglais, de rappeler de Londres leurs Ambassadeurs et de déclarer la guerre à l'Angleterre. Celle des trois Cours qui s'y refusera sera traité comme ennemie par les deux hautes parties contractantes et la Suède s'y refusant, le Danoemark sera contraint de lui déclarer la guerre» (там же. С. 61—62).

ская страна не участвовала в ней. С морской контрабандой еще можно было бороться с надеждой на успех, борьба с контрабандой по суше не могла его иметь. Поэтому при неучастии какой-либо европейской страны в блокаде Англии, английские товары легко могли попадать через нее во все другие страны Европы.

В Манифесте «О заключении мира с Французской империей», изданном 9 августа 1807 года, Александр I назвал данный мир «благословенным». «Постановлением настоящего мира, — заявлялось в заключительной части Манифеста, — не токмо пределы России во всей их неприкосновенности обеспечены, но и приведены в лучшее положение присоединением к ним выгодной и естественной грани²³. Союзнику нашему²⁴ возвращены многие страны и области, жребием войны, отторгнутые и оружием покоренные. Сoverшив на сих основаниях мир желанный, и Богу, устроящему судьбы царств и покровительствующему России, восслав хвалу благодарения, удостоверены Мы, что все верные Наши подданные, предваренные уже известием о сем радостном происшествии, прольют теплые их молитвы к Престолу Царя Царей, да благодатию его ограждаемая Россия, в справедливом уповании на любовь и преданность сынов ее, на непоколебимое и испытанное мужество знаменитого ее воинства, наслаждается незыблемою тишиною и благоденствием»²⁵.

Однако в действительности заключение Александром I в Тильзите мирного договора с Наполеоном было восприня-

²³ В данном случае подразумевается присоединение к России Белостокской области Польши.

²⁴ Имеется в виду Пруссия.

²⁵ 1-ПСЗРИ. Том 29. № 22584. С. 1232—1233.

то в России как происшествие совсем не радостное. Всего лишь несколько месяцев назад было издано «Увещание от Святейшего Синода к православным христианам», где о Наполеоне говорилось: «Это тварь, сожженная собственною своею совестью, от которой и благость Божия отступила! И желает он с помощью помощников злодейства его, иудеев, похитить священное имя Мессии». Данное «Увещание» повелено было читать по воскресным дням по всем церквам России вместо проповеди. И вот после серии таких чтений вдруг приходит официальное известие о том, что российский император встретился с этой «тварью» на Немане, обнимался с нею, обменивался орденами, вел переговоры и заключил мирный договор. Русские люди расценили все это как унижение своего национального достоинства.

Русские купцы и помещики, которые вели выгодную для себя торговлю с английскими промышленниками, получив известие о заключении Александром I мирного договора с Наполеоном, забеспокоились и по другой причине. Тильзитский мир предвещал им большие убытки. «Договор о союзе наступательном и оборонительном», предусматривавший присоединение России к блокаде Англии, остался в тайне, но нетрудно было догадаться, что без этого условия Наполеон не заключил бы с российским императором мирного договора.

28 сентября 1807 года шведский посланник в Петербурге барон Штединг сообщал своему королю Густаву IV: «Недовольство императором все более и более растет, повсюду говорят такое, что страшно слушать... Раздаются публичные речи о необходимости перемены правления... Говорят, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена от власти, а так как императрица-мать и императрица

Елизавета не обладают соответствующими данными, то на трон хотят возвести великую княгиню Екатерину (сестру Александра I. — *B.T.*)».

Нетрудно представить, как должны были восприниматься подобные разговоры российским государем, знаяшим, что нечто сходное говорилось о его отце после того, как он пошел на союз с Наполеоном, тогда еще первым консулом. Приехавший с Александром в Тильзит Н.Н. Новосильцов однажды прямо заявил ему: «Государь, я должен вам напомнить о судьбе вашего отца».

Сын Павла I оказался после Тильзита в трудном положении: он должен был объяснить русскому обществу, почему пошел на союз с Наполеоном, но при этом не мог назвать публично истинную подоплеку этого своего поступка — пожалуй, важнейшего за всю его предшествовавшую жизнь. Он не мог раскрыть подлинных причин своей податливости даже собственным сановникам, из опасения, что они станут известны потом и Наполеону. Поэтому изобретал объяснения, которые могли оправдать его как человека, но совершенно не оправдывали как русского государя.

Именно такое объяснение заключению мира с Наполеоном Александр I дал в своей инструкции новому послу России во Франции графу П.А. Толстому, датированной 14 сентября 1807 года. Его величество писал в ней: «Месье генерал-лейтенант граф Толстой! Восстановление мира между Россией и Францией позволяет мне направить посла в Париж, я нисколько не колебался остановить свой выбор на Вас... Руководствуясь постоянно неизменными правилами справедливости, бескорыстия и непреложною заботливостью о моих союзниках, Я не пренебрег ничем, находящимся в моей власти для поддержания и защиты их. Независимо

от дипломатических сношений, сделанных с этой целью по моему повелению, Я два раза вступал в борьбу с Францией, и, конечно, не будут меня упрекать ни в одном из этих случаев в преследовании каких-либо личных выгод. Усматривая постепенное разрушение начал, на которых уже столько веков основывалось спокойствие и благосостояние Европы, Я чувствовал, что обязанность и достоинство российского государя обязывали меня не оставаться праздным зрителем этого окончательного разрушения. Я сделал все, что было в силах человеческих. Но в том положении, до которого ошибками других доведены были дела, — когда мне одному пришлось бороться со всеми силами Франции, поддержаными огромными средствами, доставляемыми ей Германией, Италией, Голландией и даже Испанией; когда Я был совершенно оставлен союзниками, на которых Я имел повод всего более рассчитывать; наконец, когда увидел, что границы моей империи подвергаются опасности от сцепления ошибок и обстоятельств, которые мне невозможно было тотчас отвратить, — Я рассудил, что имею полное право воспользоваться предложениями, неоднократно сделанными мне в продолжение сей войны императором французов. Тогда и Я в свою очередь решился предложить перемирие, за которым в скором времени последовал окончательный мир между Россией и Францией, подписанный в Тильзите 25 июня (7 июля) и ратифицированный одной и другой сторонами через два дня»²⁶.

Граф П.А. Толстой был убежденным противником союза России с Францией и тем не менее Александр I, как он сам признал, «нисколько не колебался», выбирая его на долж-

²⁶ Сборник императорского Русского исторического общества. Том 89. С. 103. Текст императорской инструкции был написан на французском языке.

ность посла в Париж. Маленькая деталь, но она больше говорила о подлинных настроениях российского императора, нежели изложенное им в этом письме объяснение своего решения заключить мирный договор с Наполеоном.

Истинные свои взгляды на Тильзитский мир и союз с Францией Александр I раскрыл только своей матери. 25 августа 1808 года, перед отъездом в Эрфурт на новое свидание с Наполеоном, он получил от Марии Федоровны письмо, в котором выражалась тревога относительно положения России, возникшего после заключения ею мирного договора с Францией. «Я встревожена и опечалена до глубины души, дорогой Александр, угнетена ужасной мыслью — видеть Вас вредящим самому себе», — писала императрица. — «Общее положение дел за границей представляет в высшей степени грустную и поражающую картину. Европа подчинена велениям кровожадного тирана, управляющего ею с железным скипетром в руках». «Бросим взгляд на наше внутреннее положение: мы увидим там всеобщее недовольство, смешанное с негодованием, отвращение к французам, погубленную торговлю; цены на предметы первой необходимости возросли столь чрезмерно, что для бедных это равнозначно голоду; недостаток в соли, финансовые средства в положении, близком к банкротству; имеющееся небольшое количество звонкой монеты, ходящее по чрезмерному курсу, так как ассигнации потеряли половину своей стоимости, уменьшив наполовину средства пропитания живущих жалованьем и вынуждая их к нищенству и кражам. Так как произведения страны остаются у нас на руках, денежных оборотов более не происходит, и, следовательно, рудники, заводы, мануфактуры падут, само государство, вследствие потерь таможенного дохода, видит свои средства значитель-

но уменьшившимися, а между тем расходы постепенно расходятся под влиянием обстоятельств, одновременно угнетающих и деревенского жителя и дворянина, одним словом, нет сословия, которое не страдало бы, не было бы отягощено». Мария Федоровна опасалась, что при новой встрече с Наполеоном ее сын снова пойдет на уступки, и пыталась побудить его отказаться от поездки в Эрфурт. Ее слова, проникнутые тревогой за судьбу России, пронзали Александра совсем не материнским укором. «Бонапарт, — взывала она к разуму сына, — сумел вырвать у Вас в Тильзите согласие на разрыв с англичанами, на войну со Швецией и даже на это новое несчастное свидание. И вот пусть прошлое послужит Вам уроком для будущего. Это свидание исторгнет от Вас новые кровавые меры, резню, оно повлечет за собой гибель вашей страны и, в конце концов, даже Вашу собственную. Вы согласитесь действовать против Австрии, против всех врагов Бонапарта, Вы разделите его намерения, будете действовать для него, подкапываясь, таким образом, под самого себя, потому что разве не очевидно, что, ослабляя силы государств, оказывающих сопротивление Бонапарту, Вы истощаете самого себя и в равной мере увеличиваете силы, которые он когда-нибудь выставит против нас. Ради Бога, Александр, уклонитесь от этого свидания, уважение народа утрачивается легко, но не столь же легко завоевывается обратно».

Александр I дал достойный ответ на этот укор, похожий на укол шпаги. В письме императрице Марии Федоровне, написанном 26 августа, он объяснил сокрытую от всех подоплеку своего союза с французским императором:

«Ваше письмо, дорогая матушка, и предмет, о котором оно говорит, налагаю на меня обязанность отвечать на него

с доверием и откровенностью, на которую я чувствую себя способным. Не входя во все подробности, которые повлек бы за собой спор об общем положении дел за границей, я ограничусь указанием на некоторые факты, которые, как мне кажется, трудно опровергнуть, не попирая истины. После несчастной борьбы, которую мы вели против Франции, последняя осталась наиболее сильной из трех еще существующих континентальных держав, и по своему положению, по своим средствам, она может одержать верх не только над каждою из них в отдельности, но даже над обеими, взятыми вместе. Не является ли в интересах России быть в хороших отношениях с этим страшным колоссом, с этим врагом поистине опасным, которого Россия может встретить на своем пути?

Для того чтобы было позволено надеяться с достаточным основанием, что Франция не будет пытаться вредить России, нужно, чтобы она была заинтересована в этом; одна лишь польза является обычным руководящим началом в политической деятельности государства. Нужно, чтобы Франция могла думать, что ее политические интересы могут сочетаться с политическими интересами России, с того момента, как у нее не будет этого убеждения, она будет видеть в России лишь врага, пытающегося уничтожить которого будет входить в ее интересы. Если какая-нибудь надежда на мир на континенте вероятна, то разве не путем единения между Россией и Францией можно надеяться осуществить ее?

Можно ли ожидать, чтобы Наполеон не знал о превосходстве своих сил, своих средств, своего местного положения, и надежда побудить его идти другим путем, чем тот, которого он держится, не является ли несбыточной?

Поэтому, каким другим средством могла располагать Россия для того, чтобы сохранить свое единение с Францией, как не готовностью примкнуть на некоторое время к ее интересам и тем доказать ей, что она может относиться без недоверия к ее намерениям и планам.

К этому-то результату должны были клониться все наши усилия, чтобы таким образом иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы... А для этого мы должны работать в глубочайшей тайне и не кричать о наших вооружениях и приготовлениях публично, не высказываться открыто против того, к кому мы питаем недоверие...

Момент, выбранный для свидания именно таков, что налагает на меня обязанность не избегать его. Наши интересы последнего времени заставили нас заключить тесный союз с Францией; мы сделаем все, чтобы доказать ей искренность, благородство нашего образа действия. Следует ли, ввиду минутных неудач, испытываемых Наполеоном, испортить все сделанное нами и поселить в нем сомнения насчет наших истинных намерений? Неудачи, которые он испытывает, быть может, кратковременны, в таком случае не должны ли мы быть уверены, что навлечем на себя в полной мере его месть, и находимся ли мы уже в состоянии пренебречь ею?

Если этим неудачам суждено продолжаться, постоянство, которое мы вносим теперь в наш образ действий, не причинит нам никаких затруднений, мы спокойно будем смотреть на его падение, если такова воля Провидения... Но чего я желаю прежде всего, так это того, чтобы мне доказали, на чем основываются предположения о столь близком падении

столь могущественной империи, как Франция настоящего времени. Разве забыли, что она сумела оказать сопротивление всей сплотившейся против нее Европе в такое время, когда ее саму раздирали всевозможные партии, междоусобная война в Вандее, когда вместо армии она имела лишь национальную гвардию, а во главе себя правительство слабое, колеблющееся, столько раз ниспровергавшееся другим правительством, столь же слабым. А в настоящее время она управляет необыкновенным человеком, таланты, гений которого не могут быть и оспариваемы, и управляет со всей силою, которую придает ему самая неограниченная власть, поддерживаемая всеми наиболее грозными средствами, при наличии армии закаленной, испытанной пятнадцатью годами походов... Мечты оказались бы слишком пагубными для целой Европы, пора бы, чтобы они перестали руководить кабинетами и чтобы наконец соблаговолили видеть вещи такими, какими они являются в действительности, и удерживались бы от всяких предубеждений. Если Провидение предрешило падение этой колоссальной империи, я сомневаюсь, чтобы оно могло произойти внезапно; но если бы даже оно было и так, то более благоразумно выждать, чтобы она рухнула, а затем уже принять свое решение. Таково мое мнение...

Я удовольствуюсь, сказав, что было бы преступно с моей стороны, если бы я приостановился с осуществлением того, что считаю полезным для интересов империи, под влиянием разговоров, которые позволяют себе в обществе без малейшего знания дела, не углубляясь в сущность обстоятельств, не желая даже узнать побудительных причин моего образа действий. Поступить иначе, значило бы изменить своему долгу, чтобы погнаться за грустным преимуществом

оказаться в согласии с этим “что скажут?” данной минуты, столь же шатким, как и люди, порождающие его. В своем образе действий в области политики я могу следовать лишь указаниям своей совести, своего лучшего убеждения, никогда не покидающего меня желания быть полезным своему отечеству... Признаюсь, мне тяжело видеть, что, когда я имею в виду только интересы России, чувства, которые составляют действительную силу моего образа действий, могут быть так непонятны»²⁷.

Смысл Тильзитского договора разъяснился через несколько месяцев после его заключения, причем предельно понятно, поскольку разъяснил его сам Наполеон, своими действиями: французский император, по замечанию императрицы Марии Федоровны, сделанному в приведенном выше письме к Александру I, «не только не выполнил ни одного из принятых на себя, по договору, обязательств, но некоторые из них нарушил, заняв области, неприкословенность которых он гарантировал». Очевидно, что союз с Россией был необходим Наполеону лишь для одной цели — чтобы осуществить полную блокаду Англии. Но участие в блокаде британских островов меньше всего отвечало интересам России. Уже по одной этой причине **Тильзитский мир не мог быть ничем более, как всего лишь перерывом перед решающей схваткой двух держав, его заключивших.**

Это чувствовали и французы, и русские, собравшиеся в Тильзите во время переговоров двух императоров. В обстановке, в которой самым распространенным в разговорах

---

²⁷ Русская старина. 1899. Кн. 4. С. 18—23.

словом было слово раіх—мир, уже витал дух будущей великой войны между Францией и Россией. Этот дух ощутил в атмосфере русско-французского тильзитского общества побывавший в ней адъютант генерала П.И. Багратиона Денис Васильевич Давыдов. И навсегда запомнил. В своих воспоминаниях о Тильзите 1807 года он отметит: «Что касается до нас, — одно любопытство видеть Наполеона и быть очевидными свидетелями некоторых подробностей свидания двух величайших monarchов в мире, — занимало всех нас в высшей степени; но тем и ограничивалось все наше развлечение. Общество французов нам ни к чему не служило; ни один из нас не искал не только дружбы, даже знакомства ни с одним из них, невзирая на их старание, — вследствие тайного приказа Наполеона, — привлекать нас всякого рода приветливостями и вежливостью. За приветливости и вежливость мы платили приветливостями и вежливостью — и все тут. **1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть**»²⁸ (выделено мною. — *B.T.*).

То, что Тильзитский мир между Францией и Россией не мог быть ничем более, как всего лишь перерывом перед их решающей схваткой, хорошо понимал М.М. Сперанский. В конце 1811-го или в начале 1812 года им была составлена записка «О вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира», которая начиналась со следующих выводов:

«Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром. Самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с

²⁸ Давыдов Д.В. Тильзит в 1807 году // Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Часть 2. М., 1860. С. 255.

точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению невозможно.

Достоверность всякого мира может быть твердо основана на трех только положениях:

- 1) На относительной слабости одной из воюющих держав.
- 2) На выгодах мира.
- 3) На характере государей.

Тильзитский мир не довольно ослабил Россию, чтоб не могла она помышлять о новой войне.

Выгоды сего мира не столь были важны, чтоб вознаградить потерю коммерческих ее сношений.

Следовательно, один характер государя доставлял всю достоверность, все ручательство мира.

Франция совершенно знала и не скрывала сего положения вещей.

Следовательно, самый простой расчет благоразумия запрещал ей полагаться на Тильзитский мир. Страхом оружия надлежало поддержать слабость трактатов.

Франция точно и следовала сему правилу.

С самым почти Тильзитским миром началось образование и сооружение Варшавского герцогства. Силы ее, в Пруссии и в Германии расположенные, не ослабевали; сколь ни настоятельны были нужды испанской войны, Франция всем жертвовала, чтоб сохранить по всей возможности северную воинскую ее систему.

Следовательно, Тильзитский мир для Франции всегда был мир вооруженный»²⁹.

Обозрев историю взаимоотношений Франции и России с момента заключения в Тильзите мирного договора, Спе-

---

²⁹ Сперанский М.М. О вероятностях войны с Франциею после Тильзитского мира // Русская старина. 1900. Том 101. № 1. С. 57—58.

ранский сделал вывод о том, что войну между ними можно лишь отдалить, но никоим образом «нельзя отвратить ее на долгое время». «Тильзитский мир, — пояснил он свою мысль, — по существу своему есть мир невозможный, не потому, чтоб Россия не могла выдержать торговых его последствий, но потому, что она не может никогда представить Франции достаточного ручательства в точном его сохранении. Следовательно, удаляя войну, должно, однако же, непрестанно к ней готовиться. Должно готовиться не умножением войск, которое всегда опасно, но расширением арсеналов, запасов, денег, крепостей и воинских образований»³⁰.

Присоединение России к блокаде британских островов произошло не сразу после ратификации тильзитских договоров. Первый шаг к этому был сделан 24 октября 1807 года изданием декларации «О разрыве мира с Англией». Вину за указанный разрыв Александр I возложил на британское правительство, имея для этого более чем достаточно оснований. В тексте декларации были приведены факты очевидного предательства Англией своего союзника, которого она втянула в войну с Францией за свои интересы и бросила на произвол судьбы. Здесь говорилось, в частности: «Двукратно император Всероссийский воспринимал оружие в такой войне, коей прямые и ближайшие последствия относились к Англии. Тщетно Его Величество настоял, чтоб, по убеждению собственных польз ее, решилась она содействовать. Не к соединению войск ее с российскими была она призываема, но чтоб произвесть диверсию; к удивлению Его Величества, в собственном ее деле она пребывала в бездействии. Взирая

³⁰ Сперанский М.М. О вероятностях войны с Франциею после Тильзитского мира // Русская старина. 1900. Том 101. № 1. С. 65.

равнодушно на зрелище кровопролитной брани, ею воспаленной, она посыпала между тем войски свои к овладению Буэнос-Айра; другая часть воинских сил ее, собравшихся в Сицилии, двинулась, наконец, с сего места. Надлежало предполагать, что силы сии, предназначенные действовать в Италии, обратятся к берегам Неаполитанским: но они обратились к покушению овладеть Египтом.

С большою еще чувствительностью и прискорбием Его Императорское Величество видел, что против добной веры и точных и самых явственных выражений трактатов, Англия угнетала на море торговлю подданных Его Величества; и в какое время? Тогда, как кровь России проливалась в знаменитых сражениях, где против войск Его Величества были направлены и удерживаемы все воинские силы Его Величества императора французского, с коим Англия была, как и теперь еще находится, в войне»³¹.

После перечисления фактов предательства Англии по отношению к России и ее агрессивных действий относительно Дании³², в декларации провозглашалось: «Его Императорское Величество прерывает всякое сообщение с Англией, отзывает Свое посольство, там бывшее, и не желает иметь здесь английского. С сего времени не будет между обеими державами никакого сношения. Его Величество требует от Англии, чтоб удовлетворены были Его подданные во всех правильных их исканиях по кораблям и товарам, взятым и удержаным против точной и явственной силы трактатов, во время царствования Его заключенных».

---

³¹ 1-ПСЗРИ. Том 29. № 22633. С. 1306.

³² Осуждая Англию за агрессию против Дании, Александр I имел в виду нападение британского военного флота на Копенгаген и захват англичанами всех датских военных кораблей.

Верный своей внешнеполитической линии защищать интересы не только России, но и союзных с нею государств, Александр I заявлял далее, что не восстановит никаких сношений с Англией, «доколе Дания удовлетворена не будет».

В заключительной части декларации российский император выражал надежду, что «Его Величество король Великобританский, внемля собственной своей чувствительности, вместо того, чтоб дозволять своим министрам расширять вновь пламя войны, поступит к заключению мира с Его Величеством императором французским, мира, коего совершение может распространить на все народы неоцененные плоды общего спокойствия»³³.

28 октября, то есть всего через четыре дня после издания декларации «О разрыве мира с Англией», Александр I издал именной указ, данный министру коммерции, которым повелел наложить эмбарго на все английские суда, находящиеся в российских портах, и на имущество англичан, пребывающее на этих судах, при биржах и в таможенных пакгаузах³⁴. Дальше этой меры российский император идти не желал. И своего посла в Англии М.Р. Воронцова не отозвал. Запрет на ввоз английских товаров в Россию как по морю, так и по суше Александр I ввел лишь 20 марта 1808 года³⁵, и то после настоятельных требований сделать это со стороны французского посла Коленкура. 16 августа 1808 года его величество издал именной указ, данный министру коммерции, которым постановил конфисковать привезенные на двух кораблях к

³³ 1-ПСЗРИ. Том 29. № 22633. С. 1308.

³⁴ 1-ПСЗРИ. Том 29. № 22664. С. 1316.

³⁵ См.: Именной указ, данный Сенату, «О запрещении привоза английских мануфактурных товаров в Россию». 20 марта 1808 года // 1-ПСЗРИ. Том 30. № 22908. С. 145.

городу Архангельску товары из Англии, однако остальные шесть кораблей с солью, поставляемой в казну, распорядился принять³⁶. После этого английские корабли продолжали заходить в российские порты, но лишь под нейтральным флагом.

В результате Россия присоединилась к блокаде британских островов, но в полной мере предписанного «Договором о союзе наступательном и оборонительном» режима не соблюдала. Однако и эти половинчатые меры наносили заметный ущерб русско-английской торговле.

М.М. Сперанский не принял во внимание пагубных последствий Тильзитского мира для экономики России, полагая, что они были вполне преодолимы. Вытекавшие из Тильзитского мирного договора ограничения торговли с Англией действительно не могли привести российскую экономику к краху, однако проблемы для нее создавали весьма чувствительные. Сильнее всех от них страдали интересы торговавших с англичанами русских дворян, купцов, промышленников.

К началу 1808 года курс российского рубля упал почти вдвое. И главной причиной этого падения было прекращение российского экспорта в Англию. Казалось бы, сырьевые материалы и в первую очередь строевой лес, который прежде поставлялся из России на британские острова, вполне могла приобретать Франция, но дело в том, что Великобритания в ответ на присоединение России к системе континентальной блокады блокировала своим военным флотом французские порты. Между тем сырьевые товары, в которых существовала потребность во Франции, могли поставляться

³⁶ См.: Именной указ, данный министру коммерции, «О конфисковании всех привозимых к российским портам из Англии товаров» // 1-ПСЗРИ. Том 30. № 23226. С. 525.

из России, по причине своей громоздкости, только морем. Перевозка их по сухе была слишком дорогой. Сокращение же вывоза продукции из России приводило к разорению именно тех слоев русского общества, которые были потребителями французских товаров. Поэтому введенная Наполеоном система континентальной блокады, пагубно влияя на российскую экономику, начинала плохо сказываться и на экономике французской. Рынок сбыта французских товаров не увеличивался в результате блокады британских островов, но — как ни парадоксально — сокращался. Между тем представители французского правительства в России бдительно следили за тем, чтобы отсюда ничего не уходило в Англию. 16 июля 1808 года французский посол в Петербурге Арман Огюстен Луи де Коленкур сообщал министру иностранных дел Жан-Батисту Номперу де Шампань о том, что предпринимает попытки воспрепятствовать поставке русской пеньки англичанам³⁷, и в то же время жаловался, что предотвратить ввоз английских товаров в Россию через Архангельск и Одессу французам никак невозможно. Комментируя эту ситуацию, Е.В. Тарле писал: «Другими словами, французский посол понял, что осуществлять континентальную блокаду в России можно, собственно, односторонне: мешая больше русским продавать свой товар англичанам, нежели препятствуя англичанам продавать свои товары русским. Получался абсурд: выходило, что посол Наполеона, союзника Александра, сидит в столице Александра, чтобы способствовать разорению русской торговли, а не английской»³⁸.

³⁷ См. письмо Коленкура Шампань от 16 июля 1808 г. в издании: Николай Михайлович, вел. князь. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона: 1808–1812 гг. В 7 томах. Том 2. СПб., 1906. С. 231.

³⁸ Тарле Е.В. Сочинения. В 12 томах. Том 3. Континентальная блокада. С. 351.

К началу 1810 года в министерстве иностранных дел Франции окончательно пришли к мысли о том, что затеянная Наполеоном блокада британских островов оказалась совершенно неэффективной. 16 марта 1810 года министр Шампань представил своему императору секретный доклад, в котором говорилось о том, что Англия продолжает вести обширную торговлю с северными странами. «При таком положении вещей к чему служит для Франции мнимая коалиция северных государств против англичан? Не обладая морскими силами для действительного воздействия на последних, расположенные втайне покровительствовать обману, заменяющему для них дозволенную торговлю, они, отдавая пустые приказания, лишь делают вид, что способствуют целям вашего величества и исполняют свои обязательства. Поэтому-то и блокада, которая должна заставить Англию умереть с голода среди сокровищ обеих Индий, свелась к системе бессвязной, лишенной единства и безрезультатной. Россия, Пруссия, Дания, Швеция, под видом открытого разрыва с лондонским двором и близких отношений к Франции, сохраняют настоящий нейтралитет, выгодный лишь для англичан, так как состояние нашего флота делает его совершенно призрачным для нас. И тогда преимущества, которых мы ожидали от союза с Россией, с каждым днем исчезают, Россия, напротив того, быстро пользуется всеми выгодами, вытекающими для нее от союза с нами. Она уже мирно владеет Финляндией, и для полного осуществления всех секретных соглашений, Тильзитского и Эрфуртского, ей остается лишь обеспечить себе договором обладание Молдавией, Валахией и Бессарабией, с давних пор покоренных и занятых ее войсками»³⁹.

³⁹ Секретный доклад, представленный Наполеону Министерством иностранных дел. 4 (16-го) марта 1810 года // Русская старина. 1897. Том 89. № 3. С. 424—425.

Главными тезисами доклада стали выводы о том, что союз Франции с Россией, «несмотря на личный характер императора Александра, следует считать союзом непрочным и близящимся к своему концу»; и что «сближение петербургского и лондонского дворов, вызванное различными обстоятельствами, не может быть отдалено на очень долгое время и частью зависит от состава и политики нового английского министерства»⁴⁰.

Предельно откровенный доклад министерства иностранных дел о плачевном состоянии континентальной блокады не побудил, однако, Наполеона отказаться от этой политики. Напротив, как показали дальнейшие события, выводы этого документа подвигли французского императора на более решительные действия с целью укрепления системы блокады британских островов. Очевидно, что без Российской империи данная блокада теряла всякий смысл. Между тем заставить Александра I соблюдать в полной мере заключенные им с Наполеоном в Тильзите и подтвержденные в Эрфурте соглашения об участии России в торговой войне против Англии было все труднее и труднее.

После поражения под Аустерлицем российский император развернул широкомасштабную программу реорганизации и перевооружения армии. За короткий срок благодаря титаническим усилиям инспектора всей артиллерии и военного министра графа А.А. Аракчеева была усовершенствована русская артиллерия, введена новая, более совершенная структура вооруженных сил, упорядочена система управления войсками, обучены военному делу сотни офицеров и десятки тысяч солдат⁴¹.

⁴⁰ Там же. С. 453—454.

⁴¹ См. об этом: Томсинов В.А. Аракчеев (серия «ЖЗЛ»). М.: Молодая гвардия, 2003. С. 170—179, 193—208.

К началу 1810 года Россия имела новую, более мощную армию, чем когда-либо прежде. Свидетельством произошедших в русских войсках перемен к лучшему стала успешная война России со Швецией. Она началась в феврале 1808 года и длилась почти полтора года. Завершилась она мирным договором России со Швецией, подписанным во Фридрихсгаме 5 (17) сентября 1809 года. По нему, в вечное владение России переходили вся Финляндия, Аланские острова и восточная часть Вестро-Ботнии до рек Торнео и Муонио. Швеция обязывалась присоединиться к континентальной блокаде.

Франция в то время воевала вместе со своими союзниками с коалицией государств в составе Австрии, Великобритании, Сардинии и Сицилии и тоже победила.

Поведение России во время этой войны стало еще одним свидетельством ее возросшей мощи.

В январе 1809 года Наполеон обратился через своего посла к Александру I с вопросом: не поддержит ли Россия Францию своими войсками в случае войны с Австрией? Российский император ответил, что его держава исполнит свой союзнический долг — русские войска будут к услугам Наполеона в любой момент. Французский император принял эти заверения за правду и стал усиленно готовиться к войне. Между тем Александр I дал понять австрийскому правительству, что в случае начала войны Австрии с Францией он и пальцем не пошевельнет, дабы помочь своему союзнику. В марте 1809 года австрийская армия развернула активные военные действия против французских войск. Наполеон, опять-таки через своего посла в Санкт-Петербурге Коленкура, стал настойчиво просить российского императора о поддержке. Но Александр каждый раз отвечал, что

русская армия уже на границе и готовится к выступлению. Русские войска численностью в 70 тысяч человек в то время действительно были на границе, но во все продолжение войны Франции с Австрией так и не двинулись с места. И лишь когда Наполеон вышел на берега Дуная и решил тем самым участь Австрии, Александр I дал приказ командовавшему ими князю С.Ф. Голицыну перейти границу. В июле 1809 года русские войска без единого выстрела заняли польский город Краков. Война с Австрией закончилась. Россия не потеряла в ней ни одного своего солдата. Французский император был вынужден стерпеть эту хитрость своего союзника.

1 апреля 1810 года Наполеон вступил в брак с Марие-Луизой, дочерью австрийского императора Франца I. Этот брачный союз стал основой и политического союза между Францией и Австрией.

К осени 1810 года ситуация изменилась настолько, что перед Наполеоном вплотную встала проблема — что делать с Россией? Связанная мирным договором с Францией, обязанная в соответствии с договором с ней о союзе наступательном и оборонительном соблюдать правила континентальной блокады Англии, Россия начала вести себя так, будто никаких соглашений между российским и французским императорами не подписывалось.

19 (31) декабря Александр I утвердил «Положение о нейтральной торговле на 1811 год в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей западной сухопутной границе». В изданном по этому случаю манифесте российский император объявил: «Усмотрев из настоящего положения Нашей торговли, что привоз иностранных товаров к явному ущербу внутренней промышленности и с нарочитым

понижением денежных оборотов несравненно превосходит выпуск российских произведений, и желая сколь можно восстановить надлежащее в сем равновесие, вняв мнению Государственного совета, признали Мы нужным постановить на производство внешней нейтральной Нашей торговли особенные правила, коих целью есть преградить усиление непомерной роскоши, сократить привоз товаров иностранных и поощрить, сколь можно, произведения внутреннего труда и промышленности»⁴².

Данное «Положение» не нарушало режима континентальной блокады, поскольку в одном из его параграфов предусматривалось: «Товары, кои состоят в росписи дозволенных, но по происхождению их окажутся неприятельскими, и потому запрещенными, предаются конфискации» (§ 28). Но под установленные запреты и ограничения, повышение пошлин, наконец, попадали, как бы случайно, именно те категории товаров, которые составляли значительную часть французского экспорта в Россию — в первую очередь предметы роскоши, мебель, вина. Е.В. Тарле, специально изучавший последствия принятого в России 19 (31) декабря «Положения о нейтральной торговле на 1811 год», пришел к выводу, что данный акт — «декабрьский указ 1810 г.», по терминологии историка, — «имел пагубное значение для французского сбыта в России», он «нанес французской торговле в России тяжкий, окончательно ее погубивший удар»⁴³.

Вместе с тем и Наполеон в декабре 1810 года совершил враждебное действие против своего «союзника», присоеди-

---

⁴² 1-ПСЗРИ. Том 31. № 24464. С. 486—487.

⁴³ Тарле Е.В. Указ соч. С. 502.

нив к Франции герцогство Ольденбургское. Любимая сестра Александра I великая княгиня Екатерина Павловна была замужем за сыном и наследником герцога Ольденбургского. Наполеон даже не уведомил об этом своем шаге российского императора, в результате получил от него протест: все эти поступки французского и российского императоров совершенно не укладывались в рамки союзнических отношений.

26 декабря 1810 года Александр I написал письмо сестре Екатерине Павловне, в котором грустно заметил: «По-видимому, кровь еще должна будет проливаться, по крайней мере, я сделал все, что было человечески возможно, чтобы этого избежать»⁴⁴. Эти слова показывают, что Александр начинал в то время осознавать: Россия обречена на войну с Францией.

Бесцеремонный захват Наполеоном герцогства Ольденбургского свидетельствует, что и он был такого же мнения. В бумагах Наполеона самое раннее свидетельство о том, что он стал допускать возможность новой войны Франции с Россией, относится к 3 марта 1811 года. Этим днем датировано его письмо к министру иностранных дел Ж.-Б.Н. де Шампаньи. «Мне кажется, — писал в нем французский император, — что надо добавить несколько пассажей, которые бы дали знать, что я совершенно не буду воевать из-за указа и тарифа, но я буду принимать меры против последствий дурного духа, вызванных этим актом, и что я не начну войны, если только Россия не захочет помириться с Англией»⁴⁵ (выделено мною. — B.T.).

⁴⁴ Цит. по: Тарле Е.В. Сочинения. Том 7. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 449.

⁴⁵ Lettres inédites de Napoléon I (An VIII – 1815) publiées par Léon Lecestre. Tome second (1810—1815). Paris, 1897. P. 116.

Наполеон не мог не понимать, что завоевать Россию при ее пространствах и народе, привыкшем довольствоваться весьма скучным материальным достатком, практически невозможно⁴⁶. Однако он и не ставил перед собой цели покорить Россию. Многие обстоятельства и в том числе высказывания самого Наполеона указывают на то, что мысль о войне против России возникла в нем в тесной связи с его мыслями о судьбе континентальной блокады. Понимая, что без участия России никакого сколько-нибудь плодотворного результата политика блокирования английской торговли не даст, он искал способ принудить ее к активным действиям в этом направлении. Очевидно, что Наполеону нужен был новый договор с Россией о ее участии в блокаде Англии, однако силы тильзитского договора «о союзе наступательном и оборонительном», по которому Россия брала на себя такое обязательство, показывал, что само по себе соглашение между двумя государствами является слабой гарантией того, что оно будет ими соблюдано. Россия едва ли не с самого начала не считала для себя нужным выполнять полностью статью названного договора, предусматривавшую ее присоединение к континентальной блокаде. Но по мере роста ее военного могущества стала принимать меры и против французской торговли. В этих условиях желание Наполеона сохранить и упрочить систему блокады Англии диктовало ему только один способ решения проблемы под названием «Россия» — военный.

⁴⁶ «Я не до такой степени не понимаю своих выгод, чтобы ринуться в войну против великой державы, которая обладает огромными средствами и которой храбрые войска будут защищать свои собственные жилища», — говорил Наполеон 30 марта (11 апреля) 1811 г. в разговоре с посланником Александра I полковником А.И. Чернышевым (Донесения полковника А.И. Чернышева императору Александру Павловичу // Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 76)

Чтобы Россия стала более податливой для политики континентальной блокады, надобно было превратить ее в слабое государство. Ведь Наполеону нужен был новый договор о континентальной блокаде не просто с Россией, но со слабой Россией. Достичь ее ослабления можно было не только военным способом, но французский император был человеком армейским — он и государством своим управлял так, как управляют армией. Война являлась его профессией и потому казалась самым лучшим способом решения политических проблем.

* * *

О том, что мысль о военном походе на Россию вызрела в сознании Наполеона на почве проводившейся им политики континентальной блокады, и что война против России была для него не чем иным, как продолжением этой политики, свидетельствует и сам характер подготовки французского императора к военному удару по России.

Эта подготовка не только не скрывалась, но как будто даже специально демонстрировалась императору Александру.

9 (21) февраля 1811 года посланник императора Александра I, а фактически разведчик, направленный его величеством для сбора информации о подготовке Франции к войне с Россией, полковник А.И. Чернышев сообщал канцлеру Н.П. Румянцеву: «Все принимаемые Наполеоном меры теперь уже могут служить для нас доказательством, что война с Францией неизбежна, хотя и нельзя с точностью определить время, когда она начнется. Дела испанские и приготовления Наполеона, которые он, конечно, захочет окончить прежде, нежели ее нам объявить, дают

повор надеяться, что мы будем иметь 6 или 8 месяцев для приготовлений»⁴⁷.

В послании Чернышева Румянцеву, датированном 28 апреля (10 мая) 1811 года, отмечалось: «Все заявляемые уверения в дружбе и расположении к нам Франции нисколько не меняют положения и хода дел. Их цель заключается лишь в том, чтобы нас усыпить и выиграть время, и приготовления к войне продолжаются усиленно и с необыкновенною быстро-тою, как заявил мне сам император Наполеон. Кажется, они еще более усилены с тех пор, как получено было известие о назначении некоторых наших дивизий в дунайскую армию и вообще о числе собранных нами войск»⁴⁸.

Летом полковнику Чернышеву удалось собрать сведения о переменах во внутренней организации французской армии, которые явно свидетельствовали, что Наполеон готовится к большой войне. 5 (17) августа 1811 года он сообщал Н.П. Румянцеву: «Маршалы Удино и Ней уже восемь дней, как получают жалованье генералов, начальствующих над корпусами большой армии. Три дня тому назад первый уехал, чтобы принять начальство над утрехтским лагерем и Эмбденским, так же как и над всеми войсками 17-й и 31-й дивизий. Маршал Ней, кажется, положительно, назначается начальствовать над Булонским лагерем. Все военные говорят, что подобные распоряжения делаются обыкновенно перед самым открытием кампании. Устройство администрации для большой армии окончено, лица назначены, многие части уже отправлены, другие получили приказание быть

---

⁴⁷ Донесения полковника А.И. Чернышева канцлеру графу Н.П. Румянцеву // Сборник императорского русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 150.

⁴⁸ Там же. С. 158—159.

готовыми, огромные магазины с запасами устроены в Магдебурге, Гамбурге и преимущественно в Везеле. Из последнего перечня, который я отправил в Петербург, ваше сиятельство могли заметить увеличение сил внутри империи, независимо от конскриптов, отправленных в Испанию и другие корпуса, находящиеся вне пределов Франции. В настоящее время, не довольствуясь обыкновенною конскрипцией, собирают еще не добанных конскриптов 1811 г. или резерв и речь идет уже о конскрипции за 1812 г.»⁴⁹.

7 (19) сентября 1811 года полковник Чернышев передал новые подробности о намерениях Наполеона: «Выиграв время для окончания всех приготовлений к войне против России, на которую он окончательно решился, она представляется ему в настоящее время неизбежной для того, чтобы достигнуть той власти, которой желает, к которой направлены все его действия, т.е. к господству над Европою. Можно даже прибавить, что эта мысль льстит его самолюбию и защищает его до такой степени, что никакие уступки с нашей стороны не могут отсрочить этой великой и важной битвы, от исхода которой будет зависеть не только судьба России, но и всей Европы. Император Наполеон, имея под рукою более 300 тысяч хороших войск, весьма выгодные операционные линии, опирающиеся на первоклассные крепости и притом решив судьбу Пруссии, окружив ее со всех сторон, не опасается исхода войны с Россией в том случае, если ему удастся окончить ее в одну непродолжительную кампанию. Чего он может опасаться и чего действительно опасается — это того, чтобы она не затянулась надолго, зная очень хоро-

⁴⁹ Донесения полковника А.И. Чернышева канцлеру графу Н.П. Румянцеву // Сборник императорского русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 222.

шо бедность и недовольство господствующие внутри Франции, равно как отчаяние и плачевное положение различных государств в Германии и оставляя войну в Испании во всем ее разгаре во всех местностях, несмотря на многочисленные подкрепления, которые туда отправлены»⁵⁰.

30 ноября 1811 года посол России во Франции князь Ал-р Б. Куракин направил из Парижа письмо к графу Н.П. Румянцеву, в котором писал: «Слухи о начатии военных действий на севере и всякого рода приготовления к оным не перестают умножаться. Повсюду при дворе и в городе явно говорят о скорой, непременной войне против нас. С сожалением должен я повторить, что оное не подвержено уже ни малейшему сомнению... Военный министр в доверенном разговоре с одним приятелем своим сказал, что Франция, готовясь теперь к войне против нас, никогда еще не имела столь обильной попечительно снабженной армии, потому что на сии приготовления имела время и оные не теряла. Великие силы и способы Наполеоном к ополчению против нас изготавлены. Не время уже нам манить себя пустою надеждою, но наступает уже для нас то время, чтобы с мужеством и непоколебимою твердостию достояние и целость настоящих границ России защитить»⁵¹.

В донесении графу Румянцеву от 24 декабря князь Куракин еще раз обращал внимание на подготовку Франции к войне. «Признаки враждебных намерений императора Наполеона в отношении к нам, на которые я уже указывал ва-

⁵⁰ Донесения полковника А.И. Чернышева канцлеру графу Н.П. Румянцеву // Сборник императорского русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 238—239.

⁵¹ Донесения и письма князя А.Б. Куракина канцлеру графу Н.П. Румянцеву // Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 351—352.

шему сиятельству в предшедших моих депешах, с каждым днем увеличиваются и становятся очевиднее, — подчеркивал он. — Военные приготовления продолжаются непрерывно и в настоящее время уже не скрываются»⁵².

В декабре 1811 года приготовления Франции к войне с Россией зашли настолько далеко, что люди, осведомленные о происходившем в высших кругах Французской империи, стали говорить о том, что война начнется в ближайшее время. «Лица наиболее сведущие, — сообщал 6 (18) декабря 1811 года полковник Чернышев из Парижа канцлеру Румянцеву в Петербург, — думают, что положение дел таково: император Наполеон со дня на день все более раздражается против России, и потому не может быть сомнения, что разрыв последует в непродолжительном времени, что в настоящее время нельзя уже отвечать более, как за два-три месяца спокойствия и даже со дня на день надо ожидать его внезапного отъезда к армии»⁵³.

Россия также готовилась к войне заблаговременно. Первые мероприятия, предваряющие эту подготовку, были осуществлены еще в 1809 году, когда квартирмейстерские офицеры провели по поручению Александра I рекогносцировку пограничной полосы на западной границе Российской империи.

В январе 1811 года военный министр М.Б. Барклай-д-Толли зачитал Александру I доклад, в котором изложил свой план ведения военной кампании при вторжении французских войск в Россию. В нем предполагалось разделение русских войск на две армии и обсервационный корпус, но

---

⁵² Там же. С. 352.

⁵³ Донесения полковника А.И. Чернышева канцлеру графу Н.П. Румянцеву // Сборник императорского русского исторического общества. Том 21. С. 269.

война со стороны России еще мыслилась в то время наступательной⁵⁴. Позднее, узнав, какие огромные военные силы собирает Наполеон для похода в Россию, русские генералы признают, что более эффективным способом ведения войны с Наполеоном будет отступление, заманивание его армии вглубь России и уничтожение по частям.

Наполеон имел, по меньшей мере, два плана ведения военной кампании против России. Перед началом войны он отдавал предпочтение плану, который был рассчитан на двухлетний срок и предполагал в первый год боевых действий продвижение армии вторжения только до Смоленска, а захват Москвы откладывал на второй год.

Но ход войны с первых же ее дней пошел не по тому сценарию, который он себе начертал, и французский император принял решение идти на Москву как можно быстрее. Чем был продиктован этот оказавшийся роковым для него выбор древней русской столицы в качестве конечной остановки на своем пути в Россию? — Трудно сказать. Думается, немалую роль сыграла здесь обыкновенная растерянность человека, столкнувшегося с неизвестным и неожиданным.

Впрочем, есть основания считать, что растерянность овладела Наполеоном еще весной, когда, размышляя о военном походе в Россию, понял он, что *эта затея может иметь только один смысл — погубить его самого*.

Анн-Жан-Мари Рене Савари, герцог Ровиго (1774—1833), занимавший с весны 1810 года должность министра полиции Франции, записал в своих мемуарах весьма любопытный разговор, состоявшийся у него с Наполеоном вес-

---

⁵⁴ См.: Доклад Военного министра государю императору // Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Переписка русских правительственные лиц и учреждений. Том 7. Подготовка к войне в 1811 году. СПб., 1907. С. 187—189.

ной 1812 года. Французский император готовился тогда к отъезду из Парижа к войскам, собиравшимся для вторжения в Россию, и не мог не думать о предстоявшем походе. По словам Савари, Наполеон заговорил с ним в этой беседе «о войне, которую он снова вынужден предпринять: он жаловался на плохое стечеие обстоятельств и на то, что оказался вынужденным вступить в войну против России только в этом году, дабы не иметь Австрию и Пруссию против себя в следующем году; он сказал мне, что в данный момент он обладает многочисленной армией, достаточной для этого предприятия, в то время как он может стать слабее, если будет бороться в следующем году с большим числом врагов. Он сильно сожалел о том, что доверился чувствам, побудившим его заключить мир в Тильзите, и часто повторял: «**Тот, кто избавил бы меня от этой войны, оказал бы мне великую услугу; но вот она передо мною, нужно из нее выпутываться»**⁵⁵ (выделено мною. — B.T.).

* * *

В марте 1812 года Александр I, по всей видимости, уже знал дату, если не точную, то приблизительную, запланированного вторжения наполеоновских войск в пределы России. 17 марта его величество выслал в Нижний Новгород Сперанского, которого в столичном обществе считали по-

⁵⁵ «C'est dans cette conversation qu'il me parla de la guerre qu'il était encore forcé d'entreprendre: il se plaignit d'avoir été mal servi, et de se trouver obligé de faire la guerre à la Russie seul cette année, pour n'avoir pas l'Autriche et la Prusse contre lui l'année suivante; il me dit que dans ce moment il avait une armée nombreuse, suffisante pour cette entreprise, tandis qu'elle pourrait devenir inférieure, si l'année suivante il avait des ennemis de plus à combattre. Il regrettait vivement d'avoir eu confiance dans les sentimens qui l'avaient décidé à faire la paix à Tilsit, et répétait souvent: Celui qui m'aurait évité cette guerre m'aurait rendu un grand service; mais enfin la voilà, il faut s'en tirer» (Mémoires du duc de Rovigo, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. Tome cinquième. Second édition. Paris, 1829. P. 229)

клонником Наполеона⁵⁶, а в начале апреля стал готовиться к отъезду из Санкт-Петербурга в действующую армию. 3 апреля 1812 года император издал именной указ, данный Сенату, которым приказал соединить департаменты законов и государственной экономии Государственного совета и предусмотрел порядок их действий после своего отъезда из столицы. «На случай отсутствия Нашего из столицы, — постановлял государь, — соединенные департаменты уполномочиваются разрешать министра финансов на отпуск сумм для чрезвычайных надобностей свыше 10 000 рублей, по объявляемым от имени Нашего повелениям от лиц, на то право имеющих, не ожидая собственноручных Наших указов. В таком случае разрешают они министра финансов на отпуск сумм по всем делам, не терпящим времени на удовлетворение важных государственных нужд; и при каждом таковом решении доносят Нам немедленно, посредством Председателя Государственного совета»⁵⁷.

Одновременно с этим указом был издан акт более общего характера, определивший порядок производства дел в Государственном совете во время отсутствия императора в столице⁵⁸.

9 апреля Александр I покинул Санкт-Петербург. 14 апреля его величество прибыл в Вильно, где в то время располагалась главная штаб-квартира русской армии. У Наполеона

⁵⁶ См. об этой истории и о записках М.М. Сперанского, посвященных подготовке России к войне с Францией, в издании: Томсинов В.А. Сперанский (серия «ЖЗЛ»). М., 2006. С. 198—230.

⁵⁷ Именной указ, данный Сенату, от 3 апреля 1812 года «О соединении Государственного совета департаментов законов и государственной экономии и о правах оных во время высочайшего отсутствия из столицы» // 1-ПСЗРИ. Том 32. № 25073. С. 276.

⁵⁸ Именной указ, данный Государственному совету, от 3 апреля 1812 года «О порядке производства в оном дел во время высочайшего отсутствия из столицы» // 1-ПСЗРИ. Том 32. № 25074. С. 277—278.

эта новость вызвала беспокойство: не собирается ли российский император ввести свои войска в Восточную Прусию или в герцогство Варшавское. 27 апреля он отъехал из Парижа в Дрезден, направив перед этим в Вильно графа Луи Нарбонна с предложениями касательно взаимоотношений между Францией и Россией. В разговоре с посланником Наполеона Александр I не скрыл, что знает о намерении французского императора пойти войной на Россию. Подведя Нарбонна к развернутой на столе карте Российской империи, Александр сказал ему: «Я не ослепляюсь мечтами; я знаю, в какой мере император Наполеон великий полководец, но на моей стороне, как видите пространство и время. Во всей этой враждебной для вас земле нет такого отдаленного угла, куда бы я не отступил, нет такого пункта, который я не стал бы защищать, прежде чем согласиться заключить постыдный мир. **Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России**»⁵⁹ (выделено мною. — В.Т.).

Граф Нарбонн передаст это высказывание российского императора Наполеону, а впоследствии приведет его в своих мемуарах.

* * *

С рассветом 12 июня 1812 года полумиллионная наполеоновская армия начала форсирование Немана близ Ковно (Каунаса). Перед началом переправы через реку в войсках, подошедших в ночной темноте к берегу, было прочитано возвзвание Наполеона к армии.

⁵⁹ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Том 3. Издание 2-е. СПб., 1905. С. 79.

«Солдаты! — говорилось в нем. — Начинается вторая война польская. Первая кончилась пред Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия клялась иметь вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого объяснения в странных поступках своих, доколе орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Неужели починает она нас переменившимися? Разве мы не те уже воины, которые сражались под Аустерлицем? Россия поставляет нас между бесчестием и войною. Выбор не может быть сомнителен. Итак, двинемся вперед! Перейдем Неман. — Внесем войну в ее пределы. Вторая польская война, точно как и первая, прославит оружие французское; но мир, который заключим мы, будет прочен и положит конец сему кичливо-му влиянию, которое Россия уже пятьдесят лет производит на дела Европы...»⁶⁰.

Назвав затяжную военную кампанию против России «второй польской войной», французский император хотел, вероятно, показать, что одной из целей начатой им войны против России является восстановление польского королевства и привлечь этим на свою сторону поляков⁶¹. А может, всерьез думал, что исход войны с Россией решится у ее за-

⁶⁰ Цит. по: Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. С официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов. Ч. 1. Издание 2-е. СПб., 1837. С. 128.

⁶¹ Первыми из французов переправились на восточный берег Немана саперы. Была еще ночь, но переправившиеся были сразу же обнаружены одним из казачьих разъездов. Приблизившись к саперам, его командир спросил их, кто такие. «Французы», — услышал он в ответ. «Чего вы хотите и зачем вы в России?» — спросил еще раз русский офицер и получил предельно откровенное признание: «Воевать с вами, взять Вильну, освободить Польшу!» Вслед за этими словами в сторону русских полетели пули. Выстрелив в ответ на них, казачий патруль скрылся в темноте. Это было первое боевое столкновение Отечественной войны 1812 года.

падных границ. Как бы то ни было вместо «польской» он получил самую что ни на есть русскую войну.

Александр I также обратился с воззванием к своим войскам, которое гласило: «Из давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем Нашем желании сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах Нашей империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нами спокойствия. Французский император, нападением на войска Наши при Ковно, открыл первый войну. Итак, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего творца небес, поставить силы Наши противу сил неприятельских. Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с вами. На начинающего Бог. Александр»⁶².

Весть о том, что Наполеон пошел войной на Россию, всколыхнула все русское общество. «Русский народ поднялся как один человек, и для этого не требовалось ни прокламаций, ни манифестов, — писал в одном из своих писем из Петербурга чиновник Министерства иностранных дел России Готхильф Фабер. — Правительство говорило

---

⁶² Цит. по: Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. С. 132.

о том, чтобы положить предел вызванному движению; но письменными приказами нельзя сдержать подобных порывов, подобному тому, как нельзя возбудить их такими приказами. Совершенно исключительное зрелище представлял этот народ, прямо подставляющий неприятелю свои открытые груди... Русская любовь к родине не похожа ни на какую другую. Она чужда всякой рассудочности; она — вся в ощущении. С одного конца России до другого она проявляется одним и тем же способом, решительно все выражают ее одинаково; это не расчет, это ощущение, и это ощущение — молния. Бороться и все принести в жертву, огнем и мечом — вот в чем сила этой молнии. Вступать в сделку с неприятелем — такая мысль не вмещается в русской голове. Никакое примирение невозможно, ни о каком сближении не хотят и слышать. Победить или быть побежденным, середины для русских не существует»⁶³.

Это настроение русского общества выразилось и в именном указе императора Александра I председателю Государственного совета и Комитета министров графу Н.И. Салтыкову, изданном 13 июня, на следующий день после начала вторжения французских войск в Россию. В нем говорилось:

«Граф Николай Иванович! Французские войска вошли в пределы Нашей Империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством Престола и пользой Моего народа. Все старания Мои были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло

⁶³ Фабер Г.Ф. Письмо из Петербурга // Недаром помнит вся Россия... К 175-летию Отечественной войны 1812 года. М., 1987. С. 45—46.

явным образом лживость подтверждаемых в недавнем еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается Мне иного, как поднять оружие, и употребить все врученные Мне Провидением способы к отражению силы силой. Я на-деюсь на усердие Моего народа и храбрость войск Моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственной им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное Наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили Нас препоясаться на брань. **Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем.** Пребываю к вам благосклонный»⁶⁴ (выделено мною. — В.Т.).

Противостоявшие наполеоновским войскам в июне 1812 года русские военные силы были разделены на две армии: в 1-й из них, находившейся под командованием М.Б. Барклая-де-Толли, насчитывалось 118 000 чел., во 2-й армии, которой командовал П.И. Багратион, насчитывалось 35 000 чел., то есть против полумиллионной армии вторжения Россия могла выставить всего лишь 153 000 воинов.

К этому следует заметить, что у Наполеона было значительно больше возможностей пополнения своих войск, двинувшихся в поход против России, нежели у Александра I. Общая численность французской армии на начало 1812 года составляла 850 000 чел. Кроме того, Наполеон располагал войсками своих союзников (Италии, герцогства

⁶⁴ Именной указ, данный Председателю Государственного совета и Комитета министров графу Салтыкову, от 13 июня 1812 года «О необходимости поднять оружие к отражению французских войск от Российских пределов» // Законодательство императора Александра I. 1812—1825 годы / Составитель и автор вступительной статьи В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 1.

Варшавского, германских княжеств) общей численностью в 337 000 чел. В его распоряжении находились, таким образом, вооруженные силы общим числом в 1 187 000 чел. Все сухопутные силы Российской империи составляли на 1 января 1812 года 517 682 человек регулярных войск⁶⁵.

Спустя три недели после вторжения войск Наполеона в Россию Александру I стало очевидным, что одной армией, без помощи народа, это нашествие не отразить. Поэтому 6 июля русский государь обратился к своим подданным с возвзванием о сборе ополчения из представителей всех сословий. Данное возвзвание было издано в виде манифеста. Его содержание в полной мере соответствовало такой форме законодательного акта.

Начинался Манифест 6 июля 1812 года с указания на чрезвычайную опасность для России вторжения в ее пределы сильной армии, собранной французским императором из войск нескольких иностранных держав: «Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силой и соблазнами потрясти спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска Наши, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных Наших подданных, что собранные им разнодержавные силы вели-

⁶⁵ Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. С. 69—70, 86.

ки, и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования»⁶⁶. Отсюда делался вывод о невозможности защитить страну одной лишь армией без содействия всего народа. В качестве способа оказать помощь армии Александр I предлагал местному российскому дворянству создавать ополчение. «Мы уже возвзвали к первопрестольному граду Нашему, Москве, — заявлял его величество, — а ныне взываем ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений»⁶⁷.

В день, когда появился Манифест «О сборе внутри государства земского ополчения», Александр I подписал еще один весьма значимый акт, а именно «Трактат о заключении мира между Россией и Англией»⁶⁸. Он прекращал состояние войны, в котором обе державы находились с 24 октября 1807 года, то есть с момента издания декларации «О разрыве мира с Англией», объявившей о том, что российский император «прерывает всякое сообщение с Англией, отзывает Свое посольство, там бывшее», и не желает иметь в России ничего английского. Издание этого документа показывало, что военный поход Наполеона против России приводил к прямо противоположному результату, нежели тот, которого французский император стремился посредством его добиться.

⁶⁶ Полный текст Манифеста от 6 июля 1812 года «О сборе внутри государства земского ополчения» см. в документальном приложении данной книги. С. 304—305.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Законодательство императора Александра I. 1812—1825 годы. С. 7—9.

Не дожидаясь ратификации трактата о заключении мира с Англией, Александр I Именным указом, данным Сенату 4 (16) августа, повелел открыть английскому флагу все российские порты на Балтийском, Белом, Черном и Азовском морях для того, чтобы между Российской империей и Английским королевством начались «торговые сношения со всякою бозопасностию» и «на основании ныне существующих узаконений»⁶⁹.

12 (24) сентября 1812 года высочайшим Манифестом было позволено всем российским подданным, «на основании существующих законов, с подданными Великобританского королевства, яко с союзною, издревле дружественною с Нами державою, вступать беспрепятственно и безопасно во всякие торговые сношения»⁷⁰.

15 (27) сентября 1812 года Именным указом Александра I, данным Сенату, с английских торговых кораблей было снято эмбарго, наложенное высочайшим Указом от 28 октября 1807 года⁷¹.

Манифест «О торговых сношениях между Россией и Англией» и Указ «О снятии с английских купеческих кораблей эмбарго и об освобождении от секвестра имущества, англичанам принадлежащего» были изданы в то время, когда Наполеон пребывал в Москве. Он вошел в древнюю столицу России 2 (14) сентября. Французский император, считав-

⁶⁹ Именной указ, данный Сенату, от 4 августа 1812 г. «О восстановлении с Англиею мира и о начатии торговых с оною сношений, на основании существующих узаконений» // 1-ПСЗРИ. Том 32. № 25197. С. 405.

⁷⁰ Манифест «О торговых сношениях между Россиею и Англиею» // 1-ПСЗРИ. Том 32. № 25223. С. 421.

⁷¹ Именной указ, данный Сенату, от 15 сентября 1812 г. «О снятии с английских купеческих кораблей эмбарго и об освобождении от секвестра имущества, англичанам принадлежащего» // Там же.

ший себя победителем в Бородинском сражении, надеялся именно здесь подписать с Александром I новый мирный договор и потому не спешил покидать Москву, задержавшись в горевшем огнем и ненавистью к захватчикам городе на целых 34 дня, в то время когда буквально каждый день промедления с выступлением из Москвы ухудшал положение пребывавших там его войск.

По мнению Дениса Давыдова, эта задержка роковым образом сказалась на судьбе наполеоновской армии, вошедшей в Москву. «И подлинно, — писал он, вспоминая о событиях Отечественной войны, — выступи армия сия на 14 дней прежде, то ни один замысел фельдмаршала (Кутузова. — В.Т.) не достиг бы до полной зрелости. Армия наша не успела бы усилиться частию войск, сформированных князем Лобановым; в лагере учение рекрут и поступивших в линейные полки ратников не пришло бы к окончанию; с Дону не успели бы прибыть 24 полка козаков, что с находившимися при армии полками составило более 20 тысяч истинно легкой конницы, причинившей столь много вреда неприятелю во время его отступления; дух армии не возвысился бы от победы, одержанной над неприятельским авангардом 6 октября». По словам героя Отечественной войны, последние 14 дней пребывания Наполеона в Москве «довершили расстройство неприятельской армии. Недостаток в продовольствии оказался уже по истечении 20-дневного срока; ибо все, что еще оставалось под рукою, все окончательно израсходовалось, а по израсходовании всего, бродяги умножились и разврат обуял все части армии. Если бы армия сия выступила 14 дней прежде, то она не только избегла бы голода, но и прошла бы все расстояние от Москвы до Смоленска путем сухим и погодою ясною, по той причине

не, что осень была необыкновенно теплая, а стужи и выюги поднялись только 22 октября, то есть в то время, в которое неприятель мог уже быть за Смоленском»⁷².

Выступив из Москвы утром 7 (19) октября, французский император спустя десять дней достиг Бородинского поля. Еще через три дня он был в Вязьме. 24 октября (5 ноября) его видели с гвардией в Дорогобуже. 28 октября (9 ноября) Наполеон добрался до Смоленска. Выступив ранним утром 2 (14) ноября из Смоленска, он к вечеру 7 (19) ноября оказался в Орше. Отечественная война явно подходила к своему очевидному, предопределенному многими обстоятельствами завершению.

3 (15) ноября — в день, когда Наполеон был на пути из Смоленска в Оршу — Александр I издал Манифест «О изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества». Выражая в нем признательность русским ратным людям, дворянам, купцам и мещанам, проявившим в борьбе с опасным врагом мужество, верность и любовь к Отечеству, российский император одновременно рисовал картину обрушившейся на русскую землю войны. Он обращал особое внимание на тот факт, что вместе с французскими войсками в Россию вторглись австрийские, прусские, саксонские, баварские, виртембергские, вестфальские, итальянские, испанские. Португальские и польские полки; что целями Наполеона было разорение России, разрушение религиозных и нравственных устоев русского общества, лишение русских людей самостоятельной государственности. «Убийства, пожары и опустошения следовали по стопам его, — отмечалось в Манифесте. — Разграбленные имущества, сожженные города и села, пылающая Москва, по-

---

⁷² Давыдов Д.В. Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона. М., 1825. С. 31—33.

дорванный Кремль, поруганные храмы и алтари Господни, словом: все неслыханные доселе неистовства и лютости, открыли напоследок то самое в делах, что в глубине мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобильное и благополучное Царство Российское рождало всегда в сердце врага страх и зависть. Обладание целым Светом не могло его успокоить, доколе Россия будет процветать и благоденствовать. Исполнен сей боязнью и глубокой ненавистью к ней, вращал, изобретал, устраял он в уме своем все коварные средства, которыми бы мог нанести силам ее страшный удар, богатству ее всеконечное разорение, изобилию ее повсеместное опустошение. Даже хитрыми и ложными обольщениями мнил потрясть верность к Престолу, поруганием же Святыни и храмов Божиих поколебать Веру, и нравы народные заразить буйством и злочестием. На сих надеждах основал он пагубные свои замыслы, и с ними, наподобие тлетворной и смертоносной бури, понесся в грудь России»⁷³.

Манифест «О изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества» был издан в то время, когда наполеоновская армия находилась еще на территории России. Но картина ее состояния, которая давалась в этом акте, не оставляла никаких сомнений относительно исхода войны. Это была картина бегущих в беспорядке вражеских войск, оставляющих пушки, обозы, бросающих тысячами на произвол судьбы своих раненых и больных. В свете такой картины совсем не преждевременным оказалось изъявление Александром I благодарности русским людям всех сословий. Для ее выражения автор текста Манифеста⁷⁴ на-

⁷³ Законодательство императора Александра I. 1812—1825 годы. С. 11—12.

⁷⁴ Им был, скорей всего, тогдашний государственный секретарь адмирал и писатель Александр Семенович Шишков (1754—1741).

шел простые и в то же время душевые слова: «Внимая с отеческим чадолюбием и радостным сердцем сим великим и знаменитым подвигам любезных Наших верноподданных, вначале приносим Мы теплое и усердное благодарение Источнику и Подателю всех отрад, Всемогущему Богу; потом торжественно от лица всего Отечества изъявляем признательность и благодарность Нашу всем Нашим верноподданным, яко истинным сынам России. Всеобщим их рвением и усердием доведены неприятельские силы до крайнего истощения, и главной частью или истреблены, или в полон взяты. Все единодушно в том содействовали. Храбрые войска Наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое двоинство не пощадило ничего к умножению государственных сил. Почтенное купечество озnamеновало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно в ополчения, в самом скором времени сообразные, явили в себе мужество и крепость приученных к браням воинов. Твердая грудь их и смелая рука с такой же неустршимостью расторгала полки неприятелей, с какой, за несколько перед тем недель, раздирала плугом поля»⁷⁵.

В Манифесте особо выделялся подвиг, совершенный крестьянами, простыми русскими людьми. «Многие селения, — отмечалось в нем, — скрывали в леса семейства свои и малолетних детей, а сами, вооружась и поклявшись перед Святым Евангелием не выдавать друг друга, с невероятным мужеством оборонялись и нападали на появляющегося неприятеля, так, что многие тысячи оного истреблены и взяты

⁷⁵ Законодательство императора Александра I. 1812—1825 годы / Составитель и автор вступительной статьи В.А. Томсинов. М.: Зерцало. 2011. С. 12.

в плен крестьянами, и даже руками женщин, будучи жизнью своей обязаны человеколюбию тех, которых они приходили жечь и грабить. Толь великий дух и непоколебимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомков»⁷⁶.

Заканчивался Манифест от 3 ноября 1812 года следующими словами русского государя: «*Почитаем за долг и обязанность сим Нашим всенародным объявлением изъявить перед целым светом благодарность Нашу, и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу Российскому*»⁷⁷.

Война разорила помещичьи и крестьянские хозяйства Смоленской и Калужской губерний, нанесла огромный урон купечеству, оставила большие разрушения в городах, сильно пострадали от европейских варваров и церкви. 10 декабря 1812 года Александр I утвердил Положение Комитета министров «О продовольствии разоренных жителей и об устройстве Смоленской и частью Калужской губерний», представлявшее собой обширную программу помощи населению указанных губерний, план преодоления всех вообще последствий вражеского вторжения⁷⁸.

В этом Положении предусматривалось, в частности, «для продовольствия разоренных поселян Смоленской губернии составить запасы в Тамбовской и частью в Тульской губерниях, произведя закупку на счет казны через избранных от дворянства чиновников, без огласки для отвращения возвышения цен, или, буде издержки на сие будут для казны отя-

⁷⁶ Законодательство императора Александра I. 1812—1825 годы / Составитель и автор вступительной статьи В.А. Томсинов. М.: Зерцало. 2011. С. 13.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ См.: Там же. С. 13—20.

готительны, заимствовать хлеб из сельских магазинов оных же, или и прочих губерний с доставлением в Смоленскую». Такой запас продовольствия предполагалось сделать для 200 000 душ, преимущественно казенных и удельных крестьян; помещичьим же крестьянам предписывалось оказывать помощь только в случае, когда помещики, «не имея достаточной собственности в других губерниях, лишены способов к доставлению им продовольствия». «Положение» допускало выделение пособий и для помещиков других губерний, если они будут испытывать в нем нужду, но такое пособие было предложено давать «заимообразно», обеспечивая его возвращение «при первом урожае, с тех же самых имений»⁷⁹. На закупки хлеба для казенных и помещичьих крестьян, «кои потерпели совершенное разорение и вовсе не имеют способов к своему продовольствию», из государственной казны выделялся миллион рублей. Крестьяне и мещане освобождались от податей за вторую половину 1812 г. и за весь будущий год. Устанавливался запрет на взыскание в разоренных селениях недоимок. Купцы же, приписанные к городам Смоленской и Калужской губерний, которые были заняты неприятелем и претерпевшие разорение, освобождались от платежа процентов с капиталов за будущий год, если они оставались «на прежнем местопребывании и в прежних гильдиях»⁸⁰.

Вечером того дня, которым было датировано приведенное Положение об оказание помощи разоренным жителям Смоленской и Калужской губерний, император Александр I прибыл в Вильно — город, в котором он встретил нача-

⁷⁹ Законодательство императора Александра I. 1812—1825 годы / Составитель и автор вступительной статьи В.А. Томсинов. М.: Зерцало. 2011. С 14.

⁸⁰ Там же. С. 18.

ло Отечественной войны. 12 декабря у государя был день рождения, ему исполнялось 35 лет. На следующее утро по прибытии его величество собрал у себя генералов и тепло поблагодарил их за службу. Затем отправился с ними и с великим князем Константином Павловичем на войсковой парад. Прибывшие из Петербурга сановники и генералы сразу же заметили, что русская армия не та, что была прежде. Одета несравненно проще — так, как должно одеваться для длинных, утомительных переходов и боев. Даже солдаты-гвардейцы и те напоминали своей толстой неуклюжей обувью и простой одеждой более крестьян, нежели бравых воинов. А уж строем и вовсе ходить разучились. Император Александр заметно помрачнел. А брат его Константин, глядя на проходящие мимо нестройные ряды русского войска, не смог сдержать негодования: «**Эти люди только и умеют, что сражаться!**» — вскричал с досадой великий князь.

Для многих современников и участников описываемых событий войны 1812 года между Россией и Францией представлялась грандиозным явлением мировой истории. Александр Яковлевич Булгаков (1781—1863), состоявший в 1812 году чиновником для особых поручений при московском генерал-губернаторе графе Ф.В. Ростопчине, свою книгу о походе Наполеона против России, писавшуюся весной 1813 года, начал со следующей констатации: «Поход Наполеона Бонапарте против России в 1812 году есть одно из чрезвычайнейших событий от самого сотворения мира. Размышляя, что более полумиллиона войска, сто двадцать тысяч лошадей, тысяча триста пушек приведены были с отдаленнейшего края Европы к границам Азии, в июне месяце вошли в пределы Русского царства, в сентябре вторглись в древнюю нашу столицу; что в начале декабря двадцатая

токмо часть с предводителем своим спаслась бегством, и что, наконец, три месяца спустя отважные наездники с берегов Волги и Дона привели поить лошадей своих к Эльбе, кто из потомков наших не усомнится в происшествиях, превышающих всякое человеческое воображение?»⁸¹ Указывая на мировое значение победы России в войне с Францией, А.Я. Булгаков счел необходимым использовать ключевой образ библейской мифологии. «Позднейшее потомство, — утверждал он, — будет говорить о 1812 году, как мы теперь говорим о всемирном потопе. Тогда окруженный водою ковчег спас Ноеву семью; здесь же, объятая пламенем Москва спасает наводненную злодеяниями, безбожием и ужасными бедствиями Европу»⁸².

Командующий 2-й Западной армией генерал П.И. Багратион не имел дара выражаться столь образно, поэтому изображал войну России с наполеоновской Францией более простыми, народными красками. 7 августа 1812 года он писал управляющему канцелярией императора Александра I генералу А.А. Аракчееву: «Слух носится, что вы думаете о мире. Чтобы помириться, Боже сохрани! После всех пожертвований и после таких сумасбродных отступлений мириться: вы поставите всю Россию против себя, и всякий из нас за стыд поставит носить мундир. Ежели уже так пошло, — надо драться, пока Россия может, и пока люди на ногах; **ибо война теперь не обыкновенная, национальная**»⁸³ (выделено мною. — В.Т.).

⁸¹ Булгаков А.Я. Русские и Наполеон Бонапарт. Издание второе, с рисунками. М., 1814. С. I. На титульной странице данного издания фамилия автора не указана.

⁸² Там же. С. III.

⁸³ Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. Л., 1941. С. 54.

Подобную оценку давал войне 1812 года и Федор Николаевич Глинка (1786—1880). Будучи офицером и участником боев с наполеоновской армией, он последовательно в течение всего времени, пока они шли, записывал свои впечатления о них в жанре писем другу. В 1821 году часть этих писем, посвященная боевым действиям на территории России, была издана с параллельными текстами на двух языках — русском и французском — под названием «Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года». Характеризуя в письме, датированном 30-м августа 1812 года, главную битву этой военной эпопеи, Ф.Н. Глинка писал: «О, мой друг! Какое ужасное сражение было под Бородином! Сами французы говорят, что они сделали 60 000 выстрелов из пушек и потеряли 40 генералов! Наша потеря также очень очень велика. Князь Багратион тяжело ранен. „Оценка людей, — говорит премудрая Екатерина, — не может сравняться ни с какими денежными убытками!“ Но в **войне отечественной**⁸⁴ и люди ничто! Кровь льется как вода: никто не щадит и не жалеет ее! — Нет, друг мой, ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии никогда еще не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасным громом пушек сопровождаемого сражения! — Одни только русские могли устоять: они сражались под отечественным небом и стояли на родной земле⁸⁵ (выделено мною. — В.Т.). В письме, написанном 18 декабря 1812 года, Федор Глинка заявлял: «*Отечественная война*⁸⁶ переродила людей... Мой друг! Сия война

⁸⁴ С.Н. Глинка перевел фразу «в войне отечественной» на французский язык словами «*dans la guerre nationale*», т. е. как «в войне национальной».

⁸⁵ Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года, сочиненные Федором Глинкою, а на французский язык переведенные С. Глинкою. М., 1821. С. 126, 128.

⁸⁶ В данном случае для перевода словосочетания «*отечественная война*» на французский язык С.Н. Глинка использовал слова «*la guerre patriotique*».

ознаменована какою-то священною важностию, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное; отцы вырывались из объятий семейств, писатели из объятий *независимости* и *Муз*, чтобы стать грудью за родной предел»⁸⁷.

25 декабря 1812 года Александр I возвестил своим Манифестом «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского» об окончании Отечественной войны. «Объявляем всенародно, — обращался государь к своим подданным. — Бог и весь свет тому свидетель, с какими желаниями и силами неприятель вступил в любезное Наше Отечество. Ничто не могло отвратить злых и упорных его намерений. Твердо-надеющийся на свои собственные и собранные им против нас почти со всех Европейских Держав страшные силы, и подвизаемый алчностью завоевания и жаждой крови, спешил он ворваться в самую грудь Великой Нашей Империи, дабы излить на нее все ужасы и бедствия не случайно порожденной, но издавна уготованной им, всеопустошительной войны... Какой пример храбрости, мужества, благочестия, терпения и твердости показала Россия! Вломившийся в грудь ее враг всеми неслыханными средствами лютостей и неистовств не мог достигнуть до того, чтобы она хотя единожды о нанесенных ей от него глубоких ранах вздохнула. Казалось с пролитием крови ее умножался в ней дух мужества, с пожарами градов ее воспалялась любовь к Отечеству, с разрушением и поруганием храмов Божиих утверждалась в ней вера и возникало непримиримое мщение. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, ку-

⁸⁷ Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года, сочиненные Федором Глинкою, а на французский язык переведенные С. Глинкою. М., 1821. С. 126, 128, 214, 216.

печество, народ, словом, все государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовь к Отечеству, колико любовью к Богу. От сего всеобщего согласия и усердия вскоре произошли следствия, едва ли имоверные, едва ли когда слыханные. Да представят себе собранные с 20 Царств и народов, под едино знамя соединенные, ужасные силы, с какими властолюбивый, надменный победами, свирепый неприятель вошел в Нашу землю. Полмиллиона пеших и конных воинов и около полуторы тысячи пушек следовали за ним. С сим толико огромным ополчением проникает он в самую средину России, распространяется, и начинает повсюду разливать огонь и опустошение. Но едва проходит шесть месяцев от вступления его в Наши пределы и где он?.. Где войска его, подобные туче нагнанных ветрами черных облаков? Рассыпались, как дождь. Великая часть их, напоив кровью землю, лежит, покрывая пространство московских, калужских, смоленских, белорусских, и литовских полей. Другая великая часть в разных и частых битвах взята со многими военачальниками и полководцами в плен, и таким образом, что после многократных и сильных поражений, напоследок целые полки их, прибегая к великолдушию победителей, оружие свое перед ними преклоняли. Остальная, столь же великая часть, в стремительном бегстве своем гонимая победоносными Нашими войсками и встречаляемая мразами и гладом, устлала путь от самой Москвы до пределов России, трупами, пушками, обозами, снарядами, так что оставшаяся от всей их многочисленной силы самомалейшая, ничтожная часть изнуренных и безоружных воинов, едва ли полумертвая может прийти в

страну свою, дабы к вечному ужасу и трепету единоземцев своих возвестить им, коль страшная казнь постигает держающих с бранными намерениями вступать в недра могущественной России»⁸⁸.

* * *

Открытая и даже демонстративная подготовка Франции к войне с Россией, формирование Наполеоном огромной — приблизительно полумиллионной армии вторжения, периодически повторяемые им высказывания о том, что на самом деле он войны с Россией не желает, но вынужден пойти на нее, чтобы предотвратить ее союз с Англией, — все это заставляет думать, что французский император смотрел на свой военный поход в Россию помимо прочего еще и как на грандиозный военный спектакль, призванный произвести впечатление на Европу, на Россию, на российского императора. Он почему-то решил, что война — это лучший способ добиться выгодного для себя мира и думал, что если войдет в Москву, то Александр I немедленно начнет с ним мирные переговоры. Наполеон не догадывался, что в России монарх только по названию самодержец, что нет у него власти остановить войну русских людей против чужой армии, пришедшей на их землю, что такая война всегда неизбежно превращается в ОТЕЧЕСТВЕННУЮ, которую прекратить в России может только РУССКАЯ ПОБЕДА.

---

⁸⁸ Законодательство императора Александра I. 1812—1825 годы. С. 21—23.

М.-П. РЕЙ,
профессор кафедры истории России
и Советского Союза, директор Центра исследований
по истории славян Университета Сорбонна (Париж)

КАМПАНИЯ 1812 ГОДА В ПЕРЕПИСКЕ НАПОЛЕОНА I

Прошедший под знаком русского похода 1812 год стал ключевым в наполеоновской эпопее, ознаменовав собой переломный момент в истории Империи, после которого ее ожидал закат.

Когда в июне 1812 года во главе своей считавшейся непобедимой армии Наполеон переправляется через реку Неман и вторгается на территорию своего «брата» Александра I, многие рассчитывают на быструю кампанию, которая завершится победой в решающем сражении — секрет таких побед был известен императору. В глазах многих преимущество «военного гения» Наполеона над Александром, который, по его собственному признанию, считал себя простым человеком⁸⁹, а также сравнение современного организацион-

⁸⁹ О новом взгляде на личность Александра I и его правление см. M.P. Rey, *Alexandre Ier*, Paris, Flammarion, 2009. Перевод на русский язык готовится издательством «Росспэн».

ного устройства и технического оснащения Великой армии с безнадежно устаревшей организацией русских войск не оставляли сомнений в исходе противостояния. Однако менее чем через 6 месяцев по завершении похода, ставшего катастрофой в плане человеческих и материальных ресурсов⁹⁰, наполеоновский орел возвращается во Францию побежденным, причем менее 60 000 его солдат сопровождают его при переправе через Неман. Русский медведь показал сопротивление и одержал победу. «Наполеон бежит зайцем, пришедши тигром»⁹¹, — с издевкой напишет великий историк и писатель Николай Карамзин.

От этого похода Наполеон уже не оправится, в итоге он потеряет империю, власть и свободу. А Александр I, победитель в «Отечественной войне 1812 года», триумфально вступивший в Париж в 1814 году во главе войск коалиции, напротив, обеспечит России большее влияние и возможность политического давления в ходе Венского конгресса, придавшего карте Европы тот вид, который она сохранила вплоть до 1914 года.

В то время как многочисленные мемуаристы, современники событий и участники похода 1812 года проявили живой интерес к этому страшному году и каждый из них оставляет свои воспоминания, мнение и оценку грандиозной военной авантюры, сам Наполеон был довольно сдержан в упоминаниях этого события. «Мемориал Святой Елены» лишь кратко повествует о русском походе и то для того, чтобы объяснить

⁹⁰ На эту тему см. мою недавнюю работу *L'effroyable tragédie, une nouvelle histoire de la campagne de Russie*, Paris, Flammarion, 2012 («Страшная трагедия, новая история русской кампании», Париж, Фламмарион, 2012) и труд Доминика Ливена (Dominic Lieven), *Russia against Napoleon, the Battle for Europe, 1807 to 1814*, London and New York, Allen Lane, 2009 («Россия против Наполеона, битва за Европу, 1807—1814». Лондон и Нью-Йорк, Аллен Лейн, 2009).

⁹¹ Цит. по: *Н. Троицкий. 1812, великий год России*. М.: Омега, 2007. С. 453.

поражение «не усилиями русских», а «просто непредвиденными обстоятельствами», «поджогом столицы, несмотря на присутствие жителей, из-за иностранных интриг», «зимой, морозом, таким сильным и таким внезапным, что иначе как чудом природы его нельзя назвать», «ошибочными донесениями, нелепыми интригами, предательством, глупостью»⁹². А сам император был бессилен:

«Дело в том, что я не желал этой знаменитой войны, этого дерзкого предприятия; я не хотел сражаться. Александр еще менее желал этого, но обстоятельства столкнули нас друг с другом: рок свершил остальное»⁹³.

Тем не менее в июне 1812 года, после более чем годичной подготовки, именно желание императора, а не рок привело на берега Немана около 440 000 человек с намерением вторгнуться на территорию Российской Империи и завоевать ее. Почему и каким образом получилось так, что это военное предприятие под очевидно умелым управлением в конечном счете окончилось крахом, натолкнувшись на сопротивление русских? По мере того как трудности становились все многочисленнее, а перспективы предприятия — все неопределеннее, что думал Наполеон о собственной судьбе и о судьбе своих людей? Новейшее издание переписки Наполеона за 1812 год⁹⁴, более полное, чем то, которое было доступно до сегодняшнего дня, содержит ценные сведения, которые помогают ответить на эти основополагающие вопросы. 2552 письма, опубликованные в этом издании, представля-

⁹² E. de Las Cases, *Mémorial de Sainte-Hélène*, Paris, édition Barbezat, tome XVIII, 1830, p. 28. (Э. Де Лас Каз. Мемориал Святой Елены, Париж, издательство Барбеза, том XVIII, 1830. С. 28.)

⁹³ Там же. С.29.

⁹⁴ Napoléon Ier, Correspondance générale de Napoléon Bonaparte. Tome 12 : 1812, La campagne de Russie, Paris, Fayard, 2012. (Наполеон I. Общая переписка Наполеона Бонапарта, том 12: 1812, русский поход. Париж, Файар, 2012).

ют собой бесценный источник информации для историка, который ставит перед собой цель не только ознакомиться с подготовкой похода и сложной системой функционирования Великой армии в ходе военных действий, но и составить представление о психологии императора, его реакциях и поведении перед лицом испытаний и невзгод.

Данная статья⁹⁵ не ставит задачи проанализировать все аспекты, затронутые в этих письмах, поскольку, как и в переписке предыдущих лет, Наполеон демонстрирует склад ума столь же блестящий, сметливый и синтетический, сколь и склонный к словесной булими. Из этих писем видно, что он способен с одинаковой глубиной и проницательностью рассуждать как о важнейших вопросах, таких как развитие противостояния в России или война в Испании, так и о менее значительных темах (здесь можно вспомнить о его комментариях по поводу «Трактата о теории вероятностей» Лапласа, опубликованного в том же году) или даже о совсем мелких, если не просто анекдотических предметах: например, он внес изменения в список дам, «представленных» ко двору, или оставил раздраженные замечания по поводу меню кавалерийской школы в Сент-Жермен, жалуясь на плохое качество еды! В то время как русская кампания шла полным ходом, несмотря на то, что вокруг свирепствовала война, а неудачи следовали одна за другой, Наполеон продолжает принимать решения, распоряжаться и управлять империей на расстоянии (и это не менее важная подробность, которую можно почерпнуть из этой переписки). Он редко прибегает к чужим советам, принимает на себя ответственность за все решения, как самые важные, так и самые незначительные,

---

⁹⁵ Данная статья – это переработанная и дополненная версия предисловия к изданию двенадцатого тома упомянутой ранее Переписки, которое автор этих строк имел честь написать.

не предоставляя другим почти никаких полномочий, упоенный желанием полностью управлять собственной судьбой и судьбой своей империи. Поскольку невозможно обсудить все темы, затронутые в рассматриваемых письмах, я отдал предпочтение трем вопросам: подготовка к походу; что представляла собой Великая армия и трудности, с которыми она столкнулась в ходе войны; психология и поведение Наполеона перед лицом испытаний.

Подготовка к походу

С самого начала 1812 года⁹⁶ меры по подготовке к войне, которым была посвящена переписка в течение первых шести месяцев, позволили Наполеону в полной мере проявить свой организационный талант. В течение всего этого времени он постоянно трудится над созданием двенадцати корпусов, которые составили Великую армию⁹⁷, и очень тщательно подбирает для них личный состав. Он принимает решения по мельчайшим деталям их экипировки, сам определяет количество запасов провианта и обмундирования, которое необходимо подготовить, назначает даты перемещения войск и составляет путевые листы. Ничто не ускользает от его внимания, Наполеон следит за всем: он должен лично пронаблюдать за тем, чтобы все его люди были готовы к предстоящим значительным потрясениям.

В отношении запасов провианта было установлено определенное правило: по дороге к Неману войска должны были кормиться тем, «что дает земля», поскольку, как отме-

⁹⁶ Однако готовиться к походу Наполеон начал еще в 1811 году, поскольку в письме к своему брату Жерому от 27 января 1812 года, оправдывая военные намерения, заявляет: «Я должен был созвать войска, организовать их и восполнить запасы вооружения. Эта подготовка заняла год».

⁹⁷ См., например, письмо номер 30111 к маршалу Бертье от 3 марта.

чает император в письме от 30 марта⁹⁸, адресованном Луи-Александру Бертье⁹⁹, князю Невшательскому и генерал-майору Великой армии, «потребление сего продовольствия не должно начинать до переправы через Неман». Что касается необходимого обмундирования, то его описание дает много информации историкам: 13 июля, находясь в Вильнюсе, Наполеон запрашивает у Бертье «50 000 пар обуви, 6000 шинелей, 6000 мундиров, 6000 жилетов, 6000 кюлот». Но в этом списке отсутствует теплая одежда, которая могла бы помочь войскам выдержать суровую русскую зиму, — то есть император полагал, как он писал Марии-Луизе 1 июня, что «через 3 месяца все будет кончено»¹⁰⁰. У него нет сомнений в том, что предстоящая война будет быстрой и легкой. В те дни Наполеон, как и Александр I накануне Аустерлица, грешит излишней самоуверенностью.

Между тем применяющиеся методы, организация и проведение подготовительных мер в таком гигантском масштабе не обходятся без задержек и ошибок, которые вызывают нетерпение императора: из Торуня, 4 июня, он пишет Бертье, что не понимает, «как военные грузы, находившиеся в Бромберге, все еще не доставлены в Торунь. Было приказано, чтобы они прибыли 1-го июня»¹⁰¹. На следующий день, разъяренный, Наполеон разражается градом новых упреков:

⁹⁸ Речь идет о письме номер 30343.

⁹⁹ Луи-Александр Бертье родился в 1753 г. и умер в 1815 г. Маршал Империи с 1804, он стал князем Невшательским в 1806, а затем князем Ваграмским в 1809. Генерал-майор Великой армии с февраля 1812-го по март 1813 г., он сыграл ключевую роль в русском походе.

¹⁰⁰ Письмо начинается ласково: «(...) Ты права, что думаешь обо мне. Ты знаешь, что я люблю тебя, и для меня настоящее испытание — не видеть тебя два-три раза в день. Но я думаю, через 3 месяца все будет кончено. Adio, mio dolce amore. Искренне твой». Письмо к Марии-Луизе от 1-го июня, Познань.

¹⁰¹ Письмо к Бертье от 4 июня, Торунь.

«Кузен, напишите Раппу, что, согласно моим сведениям, из Данцига отправлено 10 000 центнеров зерна, что я такого приказа не давал и что отправить надо было муку, а не зерно, необходимости в котором нет нигде».

Задолго до начала военных действий видно, что мелкие происшествия затягивают процесс приведения в готовность этой колоссальной военной машины, устройство которой весьма особенное.

Великая армия и ее особенное устройство

Режим воинской повинности, явившийся результатом дипломатических и военных альянсов, а также правил, которые Наполеон установил для вассальных государств, позволил ему собрать многонациональную армию, в состав которой входили солдаты из доимперской Франции, призывники из французских департаментов, вошедших в состав империи после 1805 года, а также солдаты иностранных государств-союзников. Так, Италия предоставила 27 000 человек, Неаполь, Австрия и Бавария — по 30 000, Пруссия — 29 000, Саксония — 20 000, Вестфалия — 25 000, Бюргемберг — 12 000, Баден — 8000, другие государства Рейнского Союза — 20 000, Варшавское герцогство — 50 000, к этому личному составу следует добавить многие тысячи испанских, португальских и швейцарских солдат. И вот эта многонациональная армия, называемая также «армией двадцати наций», гордость империи, сталкивается с трудностями и многочисленными неблагоприятными обстоятельствами, и сам Наполеон сокрушается по поводу перебойного функционирования ее элементов. Начиная с 4 июня, письма, написанного в Торуни, Наполеон критикует скверное поведение

вестфальских войск, которые вопреки полученным приказам занимались «грабежами страны» и сеяли «ужас и разорение» на территории Польши; несколько неделей спустя, в июле¹⁰², он пишет кронпринцу Вильгельму Вюртембергскому, жалуясь на то, что «офицеры ведут самые скверные разговоры» и выражают «некороющие настроения», и приказывает строго наказать тех, кто противится войне с Российской империей:

«Имеются офицеры, которых Вы должны обуздатъ и наказать, есть и такие, которых Вы должны изгнать из войска. Вашему Высочеству они известны лучше, чем мне. Вы должны вселить в их тела дух усердия и единства, чтобы они ничем не отличались от французов».

По отношению к полякам Наполеон столь же суров, упрекая их в отсутствии боевого духа и неоправданности (по его мнению) жалоб, которые князь Понятовский передал императору от их имени. 9 июля в Вильнюсе Наполеон выражает недовольство, заявляя, что князь «говорит о жалованьи и хлебе, когда речь идет о преследовании врага», и подчеркивая, что «ему очень жаль, что поляки — весьма плохие солдаты и что им не хватило силы духа для преодоления подобных лишений»¹⁰³. Письмо оканчивается категорическим отказом от продолжения темы: «Его Величество надеется, что Ему не придется более слышать об этом»¹⁰⁴.

Малая сплоченность войск и их склонность «роптать» еще более усугубились трудностями, с которыми они столкнулись, и тем, что император, отвергнув их жалобы, в

---

¹⁰² Точная дата этого письма, написанного в июле в Вильнюсе, не указана в документе.

¹⁰³ Письмо к Бертье от 9 июля, Вильнюс.

¹⁰⁴ *Idem.*

конечном счете пришел в недовольство. Проходят недели, Наполеон видит перебои в снабжении оружием и провиантом, которые он объясняет не столько ленью подчиненных, сколько их некомпетентностью. 2-го июля, жалуясь Бертье на то, что строительство печей все еще не начато из-за отсутствия лошадей для транспортировки кирпичей, Наполеон подчеркивает, что «для такой важной операции, как строительство печей, следовало пригнать рабочих лошадей» и гневно завершает: «Но штаб организован так, что о предусмотрительности нет и речи»¹⁰⁵.

Последствия таких сбоев не заставляют себя долго ждать: нехватка продовольствия и корма для лошадей вынуждает солдат в поисках пропитания удаляться все дальше и дальше от своих частей, идти на риск, и часто это заканчивалось тем, что они попадали в засаду или становились жертвами нападений казаков. 3-го сентября, в Гжатске, Наполеон сокрушается по поводу этих прискорбных потерь и в письме к Бертье пытается найти выход:

«Кузен мой, напишите командующим армейскими корпусами, что каждый день мы теряем много людей из-за недостаточного порядка в обеспечении продовольствием, что необходимо срочно согласовать с различными командирами меры, которые следует принять для того, чтобы положить конец сложившемуся ходу вещей, который грозит армии гибелью; напишите, что количество пленных, попавших к врагу, увеличивается каждый день на сотни и сотни. (...) И наконец, сообщите герцогу Эльхингенскому, что он ежедневно теряет больше людей, чем потерял бы, участвуя в сражении»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Письмо к Бертье от 2 июля, Вильнюс.

¹⁰⁶ Письмо к Бертье от 3 сентября, Гжатск.

К сбоям в организации снабжения добавляются трудности, связанные со слабой политической и материальной поддержкой, оказываемой Наполеону структурами, которые он сам организовал на оккупированных территориях. Так, хотя император и возлагал большие надежды на временное литовское правительство, результат не соответствовал его ожиданиям. 22-го августа он пишет из Смоленска:

«Кузен мой, ответьте барону Биньону, что итог таков: правительство мало чего делает, организация не продвигается, что у администрации мало ресурсов и что территория эта мало чем мне полезна. Что мне кажутся смешными все его разногласия с правительством, в то время как он должен помогать ему ради того, чтобы хорошо служить мне».

Впоследствии слова Наполеона по этому поводу станут более радикальными и горькими. 3-го декабря он заявит Маре, своему министру иностранных дел:

«Литва и Герцогство Варшавское оказали мне очень плохую поддержку, или скорее не оказали вообще никакой — я не получил ничего ни от правительства, ни от населения»¹⁰⁷.

Тем временем проходят недели, трудности нарастают, а сопротивление русских усиливается, и за октябрь они призывают Великую армию к отступлению, которое пока еще никто так не называет. Как ведет себя Наполеон в такой совершенно непривычной для него обстановке? Быстро ли он осознал, что ситуация выходила из-под его контроля, что русские уклонялись от встречи с ним, чтобы не давать решающего сражения, от которого он ожидал всего? Или, напротив, он слишком поздно понял, что происходит? Что может поведать нам переписка о его реакциях и психологии?

¹⁰⁷ Письмо к Маре от 3 декабря, Молодечно.

Поведение Наполеона перед лицом испытаний

Корпус из писем, находящихся в нашем распоряжении, свидетельствует о неистощимом оптимизме Наполеона или, по крайней мере, о неистощимом желании демонстрировать оптимизм при любых испытаниях. В многочисленных письмах Наполеон выражает уверенность в победе над русскими, военный потенциал и численность личного сс. ая которых он постоянно недооценивает. Сражение при Бородине в его глазах — явная победа; подчеркивая размах потерь русских войск у Москвы-реки, Наполеон не забывает минимизировать или даже обойти молчанием собственные. В письме к Марии-Луизе от 8 сентября он уточняет:

«Мой дорогой друг, я пишу тебе с поля битвы у Бородина. Вчера я разбил русских, все их войско из 120 000 человек участвовало в битве. Сражение получилось горячим: в 2 часа пополудни победа была за нами. Я взял в плен несколько тысяч пленных и 60 единиц орудий. Потери русских можно оценить в 30 000 человек. У меня порядочно убитых и раненых»¹⁰⁸.

Но император не стремится оценить и собственные потери тоже.

На следующий день, обращаясь к Маре, он восклицает с энтузиазмом, вызывающим по меньшей мере удивление: «потери русских на Москве-реке огромны. Это самое прекрасное (sic) поле битвы, которое я когда-либо видел, 2000 французов и 12 000 русских без преувеличений»¹⁰⁹, то есть соотношение один к шести. Между тем потери в ходе битвы сегодня оцениваются в 25—28 тыс. человек со сторо-

¹⁰⁸ Письмо к Марии-Луизе от 8 сентября, Бородино.

¹⁰⁹ Письмо к Маре от 9 сентября, Можайск.

ны Великой армии и около 42—45 тыс. с русской стороны, и соотношение потерь в таком случае (оно составляло самое большее один к двум) было не столь выгодным для наполеоновской армии, как это представлял в письме император, кстати, довольно равнодушно воспринявший резню, ставшую самым кровавым сражением за всю кампанию.

Полный оптимизма и уверенности в своей окончательной победе, французский император поздно понимает, что положение в ходе кампании 1812 года быстро изменилось и друг другу противостоят уже не две армии, а целый народ поднялся против захватчиков, и что, следовательно, эти люди, равно как и их монарх и армия, готовы прибегнуть к самым крайним средствам, чтобы покончить с чужаками. Так, Наполеон удивлен, узнав, что генеральный штаб русских распространяет составленные на немецком языке призывы к сдаче, предназначенные для солдат Великой армии. Он неприятно поражен действиями, которые считает малосовместимыми с представлениями о «честной» войне, не понимая, что для русских — как военных, так и гражданского населения — цели в этой войне теперь таковы, что разрешено все, даже самые предосудительные методы. Равным образом, если первоначально Наполеон рассчитывал воспользоваться враждебными чувствами крестьян по отношению к их господам, как это видно из его письма к Эжену от 5 августа, в котором он просит рассказать ему, «декрет или возвзвание какого типа можно было бы использовать для того, чтобы поднять восстание крестьян в России и объединиться с ними»¹¹⁰, то вскоре он был вынужден отказаться от этого плана, натолкнувшись на народный патриотизм, силу которого Наполеон явно недооценил. На-

---

¹¹⁰ Письмо к Эжену Богарне, вице-королю Италии, от 5 августа, Витебск.

конец, пожар в Москве, городе, в котором, как император признается в письме к Марии-Луизе от 18 сентября, «было 500 дворцов столь же прекрасных, как Елисейский дворец, мебель во французском стиле, невероятная роскошь, множество великолепных императорских дворцов, казарм, больниц»¹¹¹ поражает Наполеона до такой степени, что он испытывает необходимость написать «своему брату» Александру I и сообщить ему о разрушениях, считая «невозможным, чтобы Вы¹¹², с Вашими принципами, сердцем и точностью мыслей, могли разрешить подобное бесчинство, недостойное великого монарха и великой нации»¹¹³. Посылая это письмо, Наполеон не осознает, что этот ужасный пожар, плод желаний одного лишь Ростопчина, станет поворотным моментом всего похода, сплотив нацию вокруг царя и ускорив падение Великой армии, члены которой отныне были более заняты грабежами и личным обогащением, чем борьбой с врагом.

Как следует из чтения переписки Наполеона, он поздно понял, что из-за отсутствия подходящей одежды и достаточного продовольствия на горизонте вырисовывается страшная катастрофа: лишь 18 ноября, то есть через месяц после того, как французы оставили Москву, император откровенно и почти наивно делится с Маре своими организационными трудностями в противостоянии врагу, который находится в полном симбиозе с окружающей средой:

«С момента моего последнего письма Вам наше положение ухудшилось. Из-за суровых морозов с температурой, достигавшей 16 градусов, погибли почти все наши лошади,

¹¹¹ Письмо к Марии-Луизе от 18 сентября, Москва.

¹¹² То есть Его Величество Александр I.

¹¹³ Письмо к Александру I от 20 сентября, Москва.

то есть 30 000 животных. Мы были вынуждены сжечь более 300 артиллерийских орудий и огромное количество ящиков. (...) Впрочем, несколько дней отдыха, хорошее питание и прежде всего поставка лошадей и материала для артиллерии восстановят наши силы. *Но противник более привычен к передвижению по льду, у него больше опыта, чем у нас: зима дает ему огромное преимущество*¹¹⁴. Один ящик или одно орудие, которые мы не в состоянии поднять по склону мелкого оврага без того, чтобы не потерять 12—15 лошадей и 12—15 часов времени, русские, используя лыжи и наскоро сделанное оборудование, поднимают их быстрее, чем без льда»¹¹⁵.

Позже, на следующий день после переправы через Березину, письма к Маре становятся все более и более прямыми, свидетельствуя о масштабах катастрофы безо всяких прикрас. Утром 29 ноября Наполеон окончательно разбит: «Вот уже пятнадцать дней, как я не получаю никаких новостей, ко мне не приезжают курьеры, я в полном неведении». И добавляет: «Армия многочисленна, но дисциплина ужасно слаба», призывая Маре подготовить большое количество продовольствия в Вильнюсе. «Иначе, — предупреждает он, — нет таких страшных деяний, которые эта неуправляемая и оголодавшая толпа не совершил в городе»¹¹⁶. В последующие дни послания императора стали еще более тревожными. 30-го числа Наполеон оценивает в 40 000 человек количество солдат, «которые из-за усталости, недостаточного питания и холода превратились в бродяг или даже грабителей»¹¹⁷ и требует 100 000 порций хлеба. Если хлеба

¹¹⁴ Курсив мой.

¹¹⁵ Письмо к Маре от 18 ноября, Дубровна.

¹¹⁶ Письмо к Маре от 29 ноября, хутор Занивки на правом берегу Березины.

¹¹⁷ Письмо к Маре от 30 ноября, Плещеницы.

не будет, угрожает он, в Вильнюсе воцарится анархия и насилие. Наконец, 4 декабря (и это одно из последних писем, отправленных императором Маре перед переправой через Неман), Наполеон признается в абсолютном поражении:

«Армия устала и истощена до крайности, это конец. Она уже ни на что не способна, даже если бы речь шла о защите Парижа»¹¹⁸.

Однако невзгоды продлились недолго. Начиная с 19 декабря, прибыв в Париж и очевидно ободренный настроением населения, император Франции начинает строить грандиозные планы, горя желанием сформировать новые войска и снова взяться за оружие. Прямо в день возвращения он пишет Мюрату:

«Я прибыл в Париж. Я чрезвычайно доволен духом Нации. Люди готовы на любые жертвы, я незамедлительно займусь реорганизацией всех своих средств. У меня уже есть армия из 40 000 человек в Берлине и на Одере»¹¹⁹.

Уже не стоит вопрос о допущенных ошибках или неточностях: Орел снова поднял голову, он не был побежден. И, как и 1812 год, год 1813-й начнется предзнаменованиями войны.

---

¹¹⁸ Письмо к Маре от 4 декабря, Молодечно.

¹¹⁹ Письмо к Мюрату, королю Неаполя, от 19 декабря, Париж.

Т. ЛАНЦ,
профессор истории и общественного права
Университета г. Нанси, президент Фонда «Наполеон»

НАПОЛЕОНОВСКАЯ «ФЕДЕРАТИВНАЯ СИСТЕМА»

Исторический подход

«Одной из моих величайших мыслей было собирание, соединение народов, географически единых, но разъединенных, раздробленных революциями и политикой [...]; я хотел сделать из каждого одно национальное тело. Как было бы прекрасно в таком шествии народов вступить в потомство, в благословение веков! Я чувствовал себя достойным этой славы! [...] [Невозможно] в Европе другое великое равновесие, помимо собирания и союза великих народов». Так в разговорах, которые Наполеон вел на острове Святой Елены¹²⁰, он определял то, что никогда не переставал называть «моя система».

Если верить создателю «наполеоновской системы», целью проекта было объединить Европу, но при этом движущей силой для сбалансированного единства должна была стать Франция.

---

¹²⁰ Лас-Каз, Мемориал Святой Елены, 11 ноября 1816 г. Мы используем издание Марселя Дюнана (Фламмарион, 2 тома, 1951 год).

Находясь в ссылке, первый император Франции наконец поведал подробнее о своих планах. До тех пор (если не считать нескольких официальных заявлений) они были лишь набросками, не выражавшими суть и границы амбиций Наполеона. После Тильзита, к примеру, он заявляет Законодательному корпусу: «Франция объединена с немецким народом законами Рейнского союза, а с народами Испании, Голландии, Швейцарии и Италии — законами нашей *федеративной системы*»¹²¹. В преамбуле к «Дополнительному акту к конституции Империи» от 22 апреля 1815 года Наполеон подтверждает, что всегда имел цель организовать «великую федеративную европейскую систему», которую он считал «соответствующей духу времени и благоприятствующей развитию цивилизации».

Было не суждено узнать, какой должна была или могла быть такая «федеративная система». Можно добавить, что факты почти всегда противоречат полным фантазий и неудержимым заявлениям побежденного императора. Красноречие не отменяет прагматичности. Действия императора казались «рядом отдельных операций по воле случая, [управляемых] желанием воспользоваться приобретенными преимуществами, чтобы заполучить новые, боязнью того, что враг (или просто сосед) может безвозмездно занять новые позиции»¹²². Если Наполеон хотел создать федерацию европейских наций, то есть организовать структуру, в которой все составные части были бы равными, то он скрыл это

¹²¹ Речь 17 августа 1807 года, *Ле-Монитер*. — Курсив наш.

¹²² André PALLUEL-GUILLARD, «Les événements en France», *Histoire et dictionnaire du Consulat et de l'Empire*, Robert Laffont, 1995, p. 399 (Андре Палюель-Гийард. События во Франции. История и словарь Консулатата и Империи. Робер Ляффонт, 1995. С. 399).

как от других держав континента, так и от народов, имеющих отношение к вопросу.

Разумеется, он не стремился к «всемирной империи». Для подобной невозможной мечты он был слишком большим реалистом. Но постоянно заявляя о своей покорности «диктатуре событий», Наполеон никогда не хотел замыкаться в рамках жесткой доктрины, удовлетворяясь несколькими простыми принципами, которые часто подсказывала традиционная политика Франции XVIII века, как, например, англофobia или стремление упростить географические карты Германии и Италии. В остальном, повторим, он не умел (или не хотел) четко определять свои планы, прагматичность его в конечном счете стала помехой в международном контексте, где были необходимы (и всегда нужны) четкие позиции. Он был не в состоянии укрепить свои союзы и, что еще хуже, часто менял союзников. Он не всегда соблюдал договоры, которые подписывал. Он был неоднозначен в вопросе определения «наций», будь то польская, немецкая или итальянская. Он запутал карты, восстановив монархию в пользу собственной семьи, «сочетание реформ и инноваций с подчинением и эксплуатацией»¹²³. Наполеон не уточнял ни высшие цели Франции, ни, в особенности, главную задачу «системы», а повторение определения «федеративный» не могло служить политической программой. Таким образом, возникало впечатление, что имперское господство выступало синонимом эксплуатации завоеванных территорий, и это при том, что, с другой стороны, империя проводила глубокие реформы на всем европейском континенте. Такая неопределенность не

---

¹²³ Alexander Grab, *Napoleon and the Transformation of Europe*, New-York/Londres, Palgrave Mac Millan, 2003, p. 19 (Александр Граб. Наполеон и трансформация Европы. Нью-Йорк/Лондон, Палгрейв Мак-Миллан, 2003. С. 19).

могла не усилить беспокойство держав и облегчить задачи британских дипломатов, партизан европейского «равновесия» и противников любых континентальных «систем».

Таким образом, дать определение наполеоновской системе практически невозможно, особенно в узких рамках данного доклада. Чтобы попробовать это сделать, следует придерживаться фактов, а не легенды и возникших на ее основе «распространенных представлений». Мы будем размышлять над тремя основными вопросами:

Как определить место системы в геополитическом контексте и традициях дипломатии?

Какими были ее основополагающие принципы?

Почему замысел потерпел неудачу?

I. Наполеоновская система в дипломатическом контексте того времени

Для того чтобы доказать единичность такого исторического явления, как Наполеон, его действия часто сводят к отдельным войнам и завоеваниям. Между тем Европа не просто была разделена на два лагеря в течение двадцати пяти лет революций и конфликтов между империями. Если бы это было так, то общая коалиция сформировалась бы задолго до 1813 года. Однако многие годы доминирование Франции удовлетворяло «старые монархии», благодаря которому те могли передвигать фигуры на политической шахматной доске и защищать свои интересы. Если и было «сопротивление», то ему предшествовал или даже сопутствовал «коллаборационизм»¹²⁴, причем неслучайный. Со

¹²⁴ Чтобы вернуться к названию главы из Michael Broers. *Europe under Napoleon. 1799—1815*, New York, 1996, p. 99—101 (Михаэль Бруерс. Европа под властью Наполеона. 1799—1815. Нью-Йорк, 1996. С. 99—101).

своей стороны Франция пыталась извлечь выгоду из разногласий между различными державами, чтобы утвердить свое господство, которое ей часто было важнее идеологии. В период с 1800 по 1814 год в Европе не все можно свести к позициям «за» и «против» Наполеона. Тот факт, что французский император занимал важное место на политической арене и что его действия были основным двигателем европейского организма в течение пятнадцати лет, объясняет, почему историография того периода часто не обращает внимания на другие элементы в европейской мозаике взаимоотношений. Однако «искусная дипломатия» XVIII века (Люсьен Бели¹²⁵) не канула в Лету.

Это видно, к примеру, по тому, что в геополитике не произошло переворота из-за одного лишь факта Французской революции или из-за того, что на трон вступил император, считающий себя преемником Карла Великого. С 1800 по 1815 год государства-анклавы продолжают оставаться таковыми, острова по-прежнему находятся посреди моря, а монархи не перестают мечтать об «идеальной» стране и притязать на природные ресурсы или контроль над крупными путями сообщения.

Также не будут забыты вечные амбиции, страхи и традиции. Амбиции Франции расширить свою территорию до природных границ, желание Англии ограничить влияние великих держав на континенте, стремление России получить выход к Средиземному морю, а Австрии, Англии и Франции — воспрепятствовать этому и т.д.

Но, с другой стороны, иногда говорят, что все изменилось после Революции, наследником и распространителем которой был Наполеон. Так что же происходило?

¹²⁵ *Les relations internationales en Europe. XVIIe—XVIIIe siècles*, P.U.F., éd. 2001, p. 677 (Международные отношения в Европе. XVII—XVIII вв. ПУФ, изд. 2001, стр. 677).

У интерпретации, основанной на том, что выше мы обозначили как «распространенные представления» о Наполеоне, есть два недостатка. С одной стороны, в ее рамках по умолчанию считалось бы, что единственная стратегическая цель революционеров — это «освобождение» народов и как неизбежное следствие — конец «феодализма». С другой стороны, в таком случае последствия наполеоновских завоеваний выдавались бы за их причину. История революционной дипломатии сводится к заявленным принципам и благородству не в большей степени, чем к обратному, имперский режим нельзя рассматривать лишь как завоевания и стремление к гегемонии.

Дипломатические цели, преследуемые Францией, претендовали на благородство: не имея других территориальных амбиций, кроме расширения до природных границ, она намеревалась принести или установить повсюду «право народов на самоопределение»¹²⁶. Эти два базовых принципа долгое время оставались декларацией о намерениях, тем более что в некоторых отношениях противоречили друг другу. Как же планировалось отстаивать права народов в случае жителей территорий на правом берегу Рейна, Бельгии и юго-востока (Авиньон, Ницца, Савойя), будущие союзы с которыми предусматривались теорией о природных границах? Будем реалистами: внезапное появление на дипломатической сцене этой теории имело целью не только объединить под одним флагом пограничных революционеров или воздать должное галлам. В ней просматривался экспансио-

¹²⁶ Этот принцип был заявлен в речи Мерлена де Дуз 28 октября 1790 года. О внешней политике Франции в 1789—1815 гг. см. Thierry LENTZ, «De l'expansionnisme révolutionnaire au système continental (1789—1815)», *Histoire de la diplomatie française*, Pertin, 2005, р. 409—505. (Тьерри Ленц. От революционного экспансионизма к континентальной системе (1789—1815). История французской дипломатии. Перрен, 2005. С. 409—505).

низм и соответствие экономическим и стратегическим интересам.

После распуска Директории «военные цели» Франции имели мало общего с целями Законодательного собрания или даже Конвента. Борьба с тиранами была забыта, природные границы перейдены, а права народов понимались с определенными ограничениями. Аннексии — их называли «объединениями» — начались еще несколько лет назад¹²⁷. В то же время право народа стало прежде всего правом революционных друзей Французской республики после создания дочерних республик в Италии, Голландии или Швейцарии¹²⁸. В остальном французская дипломатия снова практически полностью вернулась в классическую игру между державами.

Не будучи сторонником исключительно природных границ, не будучи убежденным в осуществимости прав народов — что противоречило его собственным планам, — Наполеон не был, таким образом, наследником *теории Революции*. Он был скорее наследником «реальной политики» революционеров, особенно участников Директории.

---

¹²⁷ Авиньон и Венессенское графство (1791), Савойя (1792), Ницца (1793), Бельгия (1795) и Женева (1795). Что касается рейнских областей, то они были окончательно объединены с Францией в 1801 году (по Люневильскому миру), они считались французскими уже несколько лет до того.

¹²⁸ О дочерних республиках см.: Jean-Louis HAROUEL, *Les Républiques sœurs*, P.U.F., 1997 (Жан-Луи Аруэль. Дочерние республики, ПУФ, 1997); M. VOVELLE, *Les républiques sœurs sous le regard de la Grande Nation. 1795—1803. De l'Italie aux portes de l'Empire ottoman, l'impact du modèle républicain français*, L'Harmattan, 2000 (М. Вовель. Дочерние республики под контролем Великой нации. 1795—1803. От Италии до ворот Османской империи, влияние французской республиканской модели. Л'Арматтан, 2000). О внешней политике Директории см.: M. BELISSA, *Repenser l'ordre européen (1795—1802). De la société des rois aux droits des nations*, Paris, 2006, особенно стр. 291—297 (М. Белиssa. Переосмысление европейского порядка (1795—1802). От общества королей до прав наций. Париж, 2006, особенно С. 291—297).

II. Некоторые ведущие принципы наполеоновской системы

Как функционировала «наполеоновская система» в этом геополитическом, дипломатическом и идеологическом контексте?

Начнем с замечания, которое, к сожалению, не сможем обсудить подробнее: эта система не была только «континентальной»¹²⁹. Дело в том, что, несмотря на преимущество Королевского военно-морского флота Великобритании, постоянные поражения французского флота и потерю колоний, Наполеон никогда не оставлял идею господства на море для пользования заморскими территориями. Об этом нужно было думать из-за пришедшего в упадок экономики прибрежных и портовых зон, необходимости хотя бы частичного восстановления колониальной торговли и продолжения глобальной войны с Англией. То, что Наполеон предпочел наземную политику, объясняется его возвращением к реальности против собственного желания. Этот фактор не должен быть обойден вниманием при анализе его внешней политики, даже если слабость Империи на море отодвинула его на задний план и континентальное господство стало приоритетом.

Это господство задумывалось Наполеоном в виде трех концентрических окружностей: первая, общий центр — это Французская Империя, вторая — наполеоновские королевства, а третья — система союзов с другими европейскими державами.

---

¹²⁹ На эту тему см. наше изложение в *Nouvelle histoire du Premier Empire*. III. *La France et l'Europe de Napoléon (1804—1814)*, Fayard, 2007, p. 694—698 (Новая история Первой Империи. III. Франция и Европа Наполеона (1804—1814). Файяр, 2007. С. 694—698).

Первый круг, имперская Франция, занимала в то время добрую треть Европы, примерно 44 миллиона жителей в ис-конной Франции, Бельгии, Голландии, по обе стороны Рей-на, Северной Италии, Каталонии и современной Хорватии. Все считались французами и подчинялись французским за-конам.

Второй круг, который можно назвать «братские королев-ства», преемники «дочерних республик» предыдущего пе-риода. Благодаря возвращению монархии стал возможным замысел «нового Карла Великого» — распространить им-перские принципы и кровные связи Бонапарта по Европе, на которую распространялось его господство: это стало бы, как он полагал, гарантией для его системы. В течение нескольких лет члены его семьи утвердились на целом ряде европейских тронов: Жозеф Бонапарт — в Неаполе, а затем в Испании, Луи — в Голландии, Жером — в Вестфалии, Мюрат — в Бер-ге, а затем в Неаполе. Эжен де Богарне правил от имени свое-го отчима в Италии. Элиза была великой герцогиней Тоскан-ской, Камилло Боргезе, муж Полины — генерал-губернатором французских департаментов по другую сторону Альп. Один сын, Наполеон-Луи, сын Луи Бонапарта и Гортензии Богарне, официально стал великим герцогом Бергским после отъезда Мюрата в южную Италию.

Но эти королевства не были независимыми. Наполеон оставил за собой исключительное право назначать королей и разжаловывать их. Он принуждал их применять француз-скую модель в администрации и законодательстве. Но глав-ное — он нещадно эксплуатировал экономику королевств во благо Империи. «Тоже возьмите себе девизом: Франция — прежде всего», — писал он Эжену де Богарне¹³⁰.

---

¹³⁰ Письмо от 23 августа 1810 года, *Переписка*, номер 16824.

Третий круг — союзники. В этом отношении Наполеон часто колебался и менял свое мнение. Он знал, что для того, чтобы держать континент под контролем, ему нужна была поддержка (если не дружба) другой великой державы.

Выбирая союзников, он был в нерешительности, колебался и передумывал. Хотя Наполеон никогда не рассматривал серьезно равноценный союз с Испанией, Пруссией или другими немецкими государствами (возможно, это было большой ошибкой), хотя он вызвал недовольство поляков своими бесконечными метаниями и воспользовался традиционным союзом Франции с Оттоманской империей, но он сформировал по крайней мере два последовательных крупных союза: первый — с Россией (результат Тильзитского мира), который некоторые с оптимизмом называли «разделом мира»¹³¹, второй — с Австрией, благодаря браку Наполеона с Марией-Луизой.

Эти два проекта «третьего круга» были взаимоисключающими. Несмотря на договор о разделе Польши, Россия и Австрия были практически врагами или, по крайней мере, природными антагонистами, поскольку последние блокировали выход к Средиземному морю, препятствовали сколь-либо значительному продвижению на Балканах, а русские оспаривали поддержку Германии.

Одним словом, наполеоновская конструкция строилась на двух значениях, которые можно приписать понятию «empire». Это было и империя как «господство» (*господство Франции на континенте*), и империя как «институт» (*Французская империя*). Она прекрасно ил-

¹³¹ Gherardo Casaglia, *Le partage du monde. Napoléon et Alexandre à Tilsit*, S.P.M., 1998 (Герардо Казалья. Раздел мира. Наполеон и Александр в Тильзите, СПМ, 1998).

люстрирует определения, данные теоретиками понятию империи¹³².

Было возможно исключительное территориальное расширение и осуществление власти над территорией, значительно превышающей пределы «Франции». Это пространство было подразделено на несколько уровней по их *зависимости от центра* с целью создания *собственной цивилизации*.

После эволюционного дипломатического проекта, направленного на установление французского господства, Наполеон приобрел репутацию «модернизатора» системы государств, которые после завоевания он держал в своей власти. Возможно, это смягчило впечатление от финального поражения в глазах потомков. Вероятно, поэтому в данной теме проявляется примечательная часть сути «системы»: чувство превосходства, связанное с выбором общественного устройства, результатом эпохи Просвещения и Французской революции. Этот комплекс широко распространился внутри подверженных французскому влиянию элит, как пишет в мае 1808 года посол в Баварии, Отто, с оптимизмом, опровергнутым фактами: «Вся баварская администрация убеждена в том, что это королевство, тесно связанное с Францией самыми священными политическими узами, должно перенять все наши институты; [оно] воспользуется нашим опытом и при этом избежит потрясений, произошедших до начала блистательного правления Вашего Величества Императора»¹³³.

---

¹³² См., например, Jean Tulard, dir., *Les empires occidentaux de Rome à Berlin*, P.U.F., 1997 (Жан Тюляр, ред., Западные империи от Рима до Берлина, ПУФ, 1997).

¹³³ Цитата по Marcel Dunan, *Napoléon et l'Allemagne. Le système continental et les débuts du royaume de Bavière*. 1806—1810, Plon, 1943, p. 121 (Марсель Дюнан. Наполеон и Германия. Континентальная система и зарождение Баварского королевства. 1806—1810. Плон, 1943. С. 121).

В этом Наполеон — человек XVIII века, хоть после своего падения он и превратился в преимущественно романтический образ. Его принципиальное желание отменить феодализм, распространить гражданское равноправие и принудить к рациональным административным и финансовым решениям неоспоримо. Эта «французская» структурная модель дополнялась другими элементами, такими как, например, принятие метрической системы мер, единых единиц измерения веса и длины или французского языка — факторов если не унификации, то сближения отдельных членов системы. Остается вопрос о методах, сопротивлении, результатах этих действий, а также об уместности подобного прямого и простого навязывания модели большинству государств Европы, столь неоднородной в начале XIX века. Также нельзя не принимать во внимание серьезную стратегическую ошибку: кроме политики экспансии, «мощной» политики Наполеона и его плана навязывания французских решений, в проектах императора было дополнить территориальную и политическую гегемонию экономическим доминированием, буквальным использованием континента на благо французской индустрии. Таким образом, то, что до тех пор было просто тягостно для вассалов, конфедератов и союзников, стало невыносимым.

В этом смысле нельзя сказать, что континентальная блокада была средством для европейской интеграции и что она могла играть роль «общего рынка». Несмотря на доказательства в пользу данного тезиса (создание трансевропейских путей и каналов, организация коллективного пользования морскими транспортными средствами, стремление к унификации единиц измерения), целью этой системы запрета и контроля являлось покровительство французским товарам и французскому производству в ущерб английским, а так-

же продукции других стран континента. Речь не шла об открытии французских границ, уменьшении таможенных пошлин, способствовании товарообмену и тем более не было и мысли о создании зоны свободной торговли. Происходило ровно обратное. И даже когда применение блокады, казалось, заменялось политическими соглашениями, их участники довольно быстро догадывались о смысле, который Наполеон всегда стремился придать своей подписи. Самый впечатляющий пример сему — Россия после Тильзита, порты и земледелие которой стали приходить в упадок. Рейнский союз, хоть и был самым верным союзником, но был поставлен в те же самые условия¹³⁴. Запретив ему торговать с Англией, император вызвал повышение цен, упадок в экономике прибрежных зон и лишил индустрию сырья. Дезорганизация экономик, которые при других условиях могли бы процветать, была дополнена фактическим обязательством торговать только с Францией.

Наконец, отмечает Сильвия Марцагалли, «блокаде не хватало основополагающего компонента успешной экономической программы: консенсуса среди подчиненных»¹³⁵. Можно добавить, что ей не хватало еще и создания преимуществ для экономик подчиненных стран. Следовательно, государи не могли терпеть такое дополнительное болезненное средство для утверждения французского господства в течение долгого времени.

¹³⁴ Roger Dufraisse, «Politique douanière française, Blocus et système continental en Allemagne», *Revue du Souvenir napoléonien*, № 389, juin-juillet 1993, p. 5—23 (Роже Дюфраис. Таможенная политика Франции, блокада и континентальная система в Германии. Журнал «Souvenir napoléonien», номер 389, июнь—июль 1993. С. 5—23).

¹³⁵ См. Silvia Marzagalli, «Le Blocus continental pouvait-il réussir?», *Napoléon et l'Europe. Regards sur une politique*, Fayard, 2005, p. 114 (Сильвия Марцагалли. Могла ли быть успешной континентальная блокада? Наполеон и Европа. Взгляд на политику. Файар, 2005. С. 114).

III. Система против равновесия или крушение «федеративной» мечты

Как говорится в пословице, в вопросах дипломатии нет места дружбе, есть только интересы. Защищая интересы лишь Франции, император пришел к тому, что подавлял своих самых мелких союзников и, таким образом, лишал союз всякой пользы. Уступчивость или хотя бы хладнокровный анализ положительных и отрицательных сторон не были отличительным свойством внешней политики Наполеона. В его оправдание можно сказать, что укрепление союзнических связей, несомненно, требует времени и стабильной обстановки. Этого преимущества у Наполеона не было. Войны (которые ему часто навязывали) и движения (неотъемлемые элементы истории наполеоновской системы) не дали заключенным союзам возможности полностью сформироваться. Одна лишь история с Австрией, казалось, должна была принести свои плоды. Она растянулась на три года, и союз мог показаться крепким, потому что интересы двух держав если не совпадали, то, по крайней мере, были схожи. Поражения и упорство императора, не желавшего делать выводы из происходящего, ретировавшись за Рейн, повредили и этому союзу, который мог бы быть лучшим выходом для наполеоновской системы.

У этой системы был непримиримый противник. Происходило прямое столкновение с другой концепцией организации Европы: равновесие, при котором главой и основным получателем выгоды была Англия. Она не допускала, чтобы одна доминирующая империя заменяла собой так называемый равновесный ансамбль средних держав, которые не мешают ее торговле. Именно для того, чтобы избежать такого доминирования, Англия стала «заклятым вра-

том» Франции. Две державы находились в состоянии войны (с временными затишьями) в течение ста лет: война Аугсбургской лиги (1688—1697), война за испанское наследство (1701—1713), Семилетняя война (1755—1763), американская революция (1776—1783), Великая французская революция (с 1793 года)¹³⁶. В редких конфликтах победителями выходили жители материка, что должно было бы послужить им уроком или по крайней мере предупреждением. Страгическая ошибка Наполеона заключалась, несомненно, в том, что он не пытался примириться с Лондоном. Хрупкий Амьенский мир (1802—1803) показал, что это было невозможно. В 1806 году было вероятно заключение соглашения, но, опьяненный успехом при Аустерлице, император не вступил в переговорную игру, предложенную неустойчивым английским правительством. Больше такого шанса не представилось. Хуже того, с установлением блокады после вторжения в Португалию и Испанию Французская империя, по мнению Великобритании, прошла точку невозврата. На этот раз предстояла борьба не на жизнь, а на смерть.

Наполеоновские войны являлись, в конечном счете, англо-французскими войнами, их вели «по доверенности» другие страны на материке.

Для Лондона эти конфликты были по существу своему экономическими¹³⁷. Хотя французская буржуазия тоже имела мнение о европейской или мировой торговле, руководство империи выбрало путь, отличный от английского:

¹³⁶ На нескольких великолепно написанных страницах Пьер Гаксот говорил об этом периоде, который завершится Ватерлоо, как о «второй Столетней войне» (*Le siècle de Louis XV*, Fayard, éd. 1997, p. 191—196) (Век Людовика XV. Файар, изд. 1997. С. 191—196).

¹³⁷ Этот аспект очень хорошо проанализировал и объяснил Пьер БРАНДА в последней части своей книги *Pierre Branda, Le prix de la gloire. Napoléon et l'argent*, Fayard, 2006 (Цена славы. Наполеон и деньги. Файар, 2006).

оно хотело прийти к господству в экономике (и наверстать свое отставание) политическим и территориальным путем, что делало задачу невозможной и еще больше способствовало войнам. Это «преимущество Англии над Францией», обуждаемое Франсуа Крузе в сборнике эссе о соперничестве двух наций¹³⁸, не ищется ни в чем другом, кроме как в простоте целей и средств. Планы Англии были не менее гегемонистскими, чем планы Наполеона. Но у них была другая природа. Англия не имела никаких территориальных притязаний на материке. Она лишь хотела контролировать экономические процессы, избавиться от слишком сильных конкурентов и установить свободу торговли и европейский рынок. Для этого крупные западные порты должны были оставаться открытыми и, в любом случае, не зависеть от Франции. Англия намеревалась систематически вытеснять колониальных конкурентов: распад французской и голландской империй на Антильских островах или в Индийском океане был важнейшей целью войны. Укрепившийся на своем острове, охраняемый от вторжения своим неоспоримым превосходством на море, Альбион всего лишь должен был проявить спокойствие и выдержку. У антидемократической, антидоктринальной и при необходимости жестокой (как во внешней, так и во внутренней политике) британской олигархии на руках были лучшие карты, она была не менее цинична и более pragmatична, чем ее противник. Процессы, бушевавшие на материке, в конечном итоге показали ее правоту. При помощи своих финансовых средств она стимулировала их возникновение или усугубляла последствия.

¹³⁸ François Crouzet, *De la supériorité de l'Angleterre sur la France. L'économique et l'imaginaire. XVIIe—XXe siècles*, Perrin, 1985 (2e éd., 1999) (Франсуа Крузе. О превосходстве Англии над Францией. Экономическом и воображаемом. XVII—XX века. Перрэн, 1985 (2 изд., 1999)).

Англия не выиграла войну «в экономике», совсем наоборот, но во многом благодаря экономике.

«Империя обречена на гибель», — пишет Жан Тюлар¹³⁹. В свою очередь, Жан-Батист Дюросель, для которого «всякая империя погибнет», объясняет падение империй фактами, многие из которых можно применить к наполеоновской конструкции¹⁴⁰:

— Великая держава способна обеспечить свою безопасность только в конфликте с любым противником, взятым по отдельности. Так было в случае с Французской империей, одержавшей победу во всех «двусторонних» противостояниях и проигравшей небольшим коалициям. Это продемонстрировали 1805, 1806, 1807, 1808, 1809 года и даже, в некотором смысле, начало 1812-го. Наполеон не сумел поддержать свое превосходство над врагом в ключевой момент, то есть после отступления русских. Эта ошибка была тем более чревата последствиями, что его военный потенциал был сильно подорван произошедшей катастрофой.

— Завоевания мелких или средних государств или на окраинах крупных предусматривают систему компенсаций. Конечно же, Наполеон этому не следовал. Безусловно, он осуществлял некоторые компенсации или возмещение ущерба мелким союзникам (Баварии или Саксонии, например), но он не собирался делать такую практику систематической, свидетельством чему служат его действия (раздра-

---

¹³⁹ Jean Tulard, «Introduction», *Les empires occidentaux de Rome à Berlin*, P.U.F., 1997, p. 12 (Жан Тюлар. Введение. Западные империи от Рима до Берлина. ПУФ, 1997. С. 12).

¹⁴⁰ Jean-Baptiste Duroselle, *Tout empire périsse. Théorie des relations internationales*, Économica, 1992, p. 272—273 (Жан-Батист Дюросель. Всякая империя погибнет. Теория международных отношений. Экономика, 1992. С. 272—273).

жавшие Россию и Австрию) в вопросе раздела европейских владений Оттоманской империи или неуверенность, которую он демонстрировал в своих планах относительно Польши. Государства-спутники начинали все чаще отвергать такое устройство, контролируемое односторонне господствующей державой. Неудобства, вызываемые постоянным сокращением их независимости, в конечном итоге перевесили преимущества, которые давала принадлежность к системе. Это ослабило последнюю.

— Если великая держава пытается закрепить свою гегемонию, она тем самым вызывает образование против себя широких коалиций, которые в конечном итоге всегда побеждают. По этому «правилу» тех, кто пытался заменить европейское равновесие на другую систему, всегда разбивали союзы других государств. У Людовика XIV уже был горький опыт на сей счет. Поверженный последней коалицией против Франции, в состав которой входило большинство стран континента, Наполеон последовал за Королем-Солнце по пути поражения, вдобавок потеряв трон в качестве дополнительного наказания. Вильгельм II и Германия разделили ту же судьбу в 1918 году. Разумеется, материковая Европа не так легко объединялась, тем более что одно время державы считали наполеоновскую империю полезной для своих традиционных амбиций, шла ли речь о русско-австрийском противостоянии в центральной части или на востоке, о соперничестве между германскими государствами, о властных намерениях на севере в рамках датско-шведской конкуренции, о торговых войнах или о чем-то еще. Следовательно, каждая держава со своей стороны стремилась найти компромисс с государством-гегемоном, это была своего рода игра в «кто кого перехитрит» в обстановке, которую Напо-

---

леон постоянно пытался использовать в свою пользу. История (и не только история наполеоновской системы) научила нас, что невозможно построить и объединить Европу путем гегемонии.

К трем простым эмпирическим «законам» Дюроселя можно добавить еще один, впрочем, вытекающий из них: империи всегда погибают от истощения их экономики и финансовой системы, потому что на военные расходы уходит больше, чем экономика может выдержать¹⁴¹. Сила Французской империи долгое время зависела от ее военного могущества, а оно, в свою очередь — от мобилизуемых ресурсов, производимых или конфискуемых. Доля ресурсов, поглощаемых империей для развития или удержания господства, не прекращала расти, сопровождаясь увеличением расходов и уменьшением поступлений. В конце концов наступило финансовое истощение и разрушение «нерва войны».

Акт Венского конгресса положил конец наполеоновской системе. Рожденная в тот момент, когда войска республики пытались «принести миру свободу», эта империя, казалось, первоначально основывалась на гуманистическом желании преобразовать социальное устройство Европы, в которой господствовали «старорежимные» силы. Но с момента революции простота интерпретации нарушалась внутренней подоплекой событий (жирондисты против монтаньяров, теория природных границ, насущные потребности Директории и т.д.) и (во внешних сношениях) возвращением на передний план традиционной политики, основывающейся

---

¹⁴¹ Идея, мастерски развитая в книге Paul Kennedy, *Naissance et déclin des grandes puissances*, première édition française en 1989 (Payot) (Пол Кеннеди. Рождение и закат великих держав. Первое французское издание 1989 года (Пайот)).

на соперничество между державами. Эта сложность, практически безнадежно запутанная смесь доктрин сменилась относительной простотой через два или три года после того, как к делам приступил Наполеон. Одержанность «европейской системой» пришла на смену стремлению освободить народы. В конце этой эпопеи можно было наблюдать живописную картину того, как европейские державы делают вид, что французский император для них — просто «разрушитель свобод, сторонниками которых они себя объявляли и которым обещали отныне служить самой надежной опорой»¹⁴².

В двух упрощенных, но проливающих свет на суть событий фразах Меттерних дает прекрасный анализ наполеоновской системы: «Французская революция была, в первую очередь, социальной; это ее особенный характер, которым она обладала с самого начала. Политический же характер, который достиг своего апогея при Наполеоне, вначале отсутствовал»¹⁴³. То есть система была *политической* в том смысле, что она была прежде всего направлена на установление господства в Европе и за ее пределами. Если вначале имперское доминирование шло бок о бок с социальными требованиями, то после Тильзитского мира последние стали более расплывчатыми, а затем и вовсе исчезли в шуме празднеств, устроенных по случаю австрийской свадьбы.

За последние четыре года правления система стала такой, какой ее видели другие державы: организацией, в кото-

¹⁴² Louis Villat, *La Révolution et l'Empire. II. Napoléon* (1799—1815), P.U.F., 1947, p. 333 (Луи Вилла. Революция и империя. II. Наполеон (1799—1815). ПУФ, 1947. С. 333).

¹⁴³ *Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich*, Plon, 1880, t. I, p. 206 (Мемуары, документы и различные тексты, оставленные князем Меттернихом. Плон. Т. I. С. 206).

рой безраздельно доминировала Франция и преследовались лишь ее интересы. Реакция других участников не заставила себя долго ждать: вокруг идеи о том, что пора восстановить европейское равновесие, образовалась другая коалиция, благодаря которой, как считается, в Европе в течение второй половины XVIII века царил мир. В то время как Россия осознавала, что наполеоновский режим закрывал ей окно на запад и вредил ее экономике, а Австрия, ностальгируя по могуществу Священной империи, видела в чрезмерном росте Франции угрозу быть отброшенной к восточным границам, а Пруссия никак не могла примириться со своим южным унижением, в то время как государства среднего размера, особенно германские, считавшие, что уже утолили территориальный голод в отношении своих старых соседей-германцев, чувствовали усталость от бремени, которое представлял собой их тяжеловесный покровитель — французский император, последний, если и ощущал нарастание опасности, то все равно не менял своей тактики. Он продолжал шагать вперед, не ограничивая свой аппетит.

Господство Франции стало невыносимым для других участников, подбадриваемых Англией. Каждый шаг убеждал в том, что становилось невозможным восстановить условия международного общения, которые мы бы назвали «многосторонними» и что в игре «кто кого перехитрит» всегда был один и тот же победитель и одни и те же проигравшие. Понятие равновесия связано с понятием независимости различных государственных единиц, а наполеоновская система враждебно относилась к любым стремлениям к независимости или даже к нейтралитету. Так сложилась окончательная коалиция, общим интересом участников которой было положить конец Французской империи и ее вдохновителю,

---

выиграть последнюю войну, несмотря на разногласия. «Бывает так, — писал Реймонд Арон, — что случайные союзники в глубине души являются заклятыми врагами»¹⁴⁴. Такое зрелище представлял собой союз Европы против Наполеона в 1813 году.

Даже если император Франции не всегда нес ответственность за конфликты, следует отметить, что в конечном итоге, поскольку он проиграл, то, значит, не был прав с исторической точки зрения. Имперская конструкция была разрушена, а вместе с ней исчезло и французское господство. Наполеоновская катастрофа породила новое равновесие, основанное на том, что в английском языке называется balance of power, и на убежденности, что европейский ансамбль должен управляться государствами сообща, консервативно и с целью совместного урегулирования конфликтов. Несмотря на наличие антидемократических идей (усиление государств было заменено усилением правящих семейств), данный принцип ожидало прекрасное будущее.

От наполеоновской системы в 1814 году не осталось и следа. После Наполеона Франция стала меньше, чем она была до него. Но, как нам известно, его наследие состоит не в европейской системе. Оно — в другом, и оно гораздо содержательнее.

---

¹⁴⁴ *Paix et guerre entre les nations* p. 40 (Мир и война между нациями. С. 40)

А.В. ГЛАДЫШЕВ,
профессор Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского

СЕН-СИМОН, НАПОЛЕОН И ИДЕЯ ЕВРОПЫ

Крах наполеоновской Великой армии в России не мог не отразиться на вере французов в своего императора. Даже когда ему, казалось, удалось оправиться после 1812 г., сформировать новую Великую армию и успешно противостоять антифранцузской коалиции в кампании 1813 г., умы, привыкшие жить не блеском сиюминутных военных побед, а ясностью социально-экономической перспективы, все настойчивее предлагают различные проекты мирного решения общеевропейского конфликта. Военные же поражения, естественно, лишь активизируют миротворческое течение мысли, и речь уже идет не только о мире, но часто и о кардинальном политическом переустройстве всей Европы.

С середины августа 1813 г. грохот сапог почти миллионной армии шестой коалиции сотрясает Европу и все более пугающе отчетливо слышен в Париже. В октябре Наполеон вынужден отступить после сражения под Лейпцигом.

Император утратил стратегическую инициативу. 14 ноября 1813 г. император Франции Наполеон I, выступая в Сенате, констатировал: «Год назад вся Европа маршировала вместе с нами, сегодня Европа идет против нас»... Когда начнется 1814 г., то общим настроением большинства французов будет требование мира с этой марширующей Европой.

Эти умонастроения и породили череду самых разнообразных проектов, ни один из которых сам по себе реализован не был и даже тогда всерьез никем не рассматривался. Главной их идеей была идея «вечного мира» и реорганизации Европы на новых началах, за что они получат у историков квалификацию «утопических». Но эти проекты отражали и одновременно формировали направление умов. Таким образом, 1812 год имел в качестве своего эха еще и оживление европейского (планетарного) мышления, активизацию идеи Европы. И в этом отношении, наверное, можно говорить об «эпохе 1812 года», которая не совпадает с календарем и не ограничивается одними сражениями и военными кампаниями. Один из наиболее оригинальных проектов реорганизации Европы того времени принадлежит К.-А. Сен-Симону.

Клод-Анри де Рувра де Сен-Симон¹⁴⁵ принадлежал к знатному пикардийскому роду, который, по семейной легенде, вел свое происхождение от императора Карла Великого. И в этой семейной родословной для нас важно не столько то, как было на самом деле, сколько то, как это воспринимал К.-А. Сен-Симон, как это представление отразилось на его жизни. С юношеских лет поведение Сен-Симона определяют страсть к славе, смутные филантропические желания и вполне конкретные заботы о хлебе насущном. На закате

¹⁴⁵ Подробнее жизненный и идеальный путь К.-А. Сен-Симона см.: Гладышев А. В. Миры К.-А. Сен-Симона. От Старого порядка к Реставрации. Саратов, 2003.

Империи, в конце 1813 г. Сен-Симон откроет перед читателями то, что «с наибольшим деспотизмом управляет человеческим сердцем»: «с одной стороны, чувство, что делаешь полезное дело, с другой — надежда приобрести славу»¹⁴⁶. «Деспотизм сердца» зовет его к «великим делам», утверждает каролингский масштаб свершений.

Вся революционная эпоха стала важнейшей школой для Сен-Симона, наложила неизгладимый отпечаток на его мировоззрение. С 1798 г. появляются первые признаки того, что Сен-Симона волновала не только политическая неустойчивость режима, но и «пороки социального» порядка», что он уже готов приступить к поискам «новой системы морали», нового «физико-политического пути» для человеческого разума¹⁴⁷. Сен-Симон сам выделял революцию как рубеж, который изменил направление всей его жизни. «Здесь кончается моя военная карьера и начинается моя карьера научная», — вспоминал он в 1812 году¹⁴⁸.

Сен-Симон чувствует себя мессией, и это чувство нарастает по мере нарастания его экзальтации. Мессианство и тягу к великим делам в первой четверти XIX в. человеку сен-симоновского темперамента и склада ума было так же легко подцепить, как европейцу малярию в тропиках. У мыслителей в области теологии, социальных доктрин, философии истории, литературы наблюдается некое тревожное томление. Бональд, де Местр, Сен-Симон, Фурье, Кузен, Азай,

¹⁴⁶ Сен-Симон. Избр. соч. М.; Л., 1948. Т. I. С. 285.

¹⁴⁷ «С 1798 г. начинается философская карьера Сен-Симона. Он погружается в поиски эпистемологических основ «научной революции», иными словами социо-политической революции, основанной на революции наук и связанной с ней». См.: *Regnier Ph. Saint-Simon // Dictionnaire des utopies*. Р., 2003. Р. 194.

¹⁴⁸ Цит. по: *Gouhier H. La Jeunesse d'Auguste Comte et la formation du positivisme. T. II: Saint-Simon jusqu'à la Restauration*. Paris, 1936. Р. 353.

Вронски, Кёссен, Балланш, Окар — все они предлагают свои общественные системы. Это время пророков.

Осознание собственной исключительности помогало ему до поры до времени переносить неудачи и тяготы жизни. Но закончилось это глубоким душевным кризисом, который в 1812 г. привел его в психиатрическую лечебницу. Сен-Симон не пал духом. Он вновь предлагает планы то осушения болот Соммы, то восстановления фамильного землевладения, то реорганизации Европы.

Водоворот событий не дает ему успокоиться. Он словно чувствует, что надвигаются события грозные и исторические, которые изменят облик и Франции, и Европы. Из надежд и тревог, из смутных ощущений иочных размышлений, из личного опыта жизни и чужих научных трактатов всплывает ключевое слово: «Реорганизация»... Ему было 54 года...

К концу 1813 — началу 1814 г. у Сен-Симона окончательно созрел план реорганизации Европы. Но прежде, чем явление получит своё имя, оно, по крайней мере, должно родиться... И, конечно, проект такого масштаба не мог родиться на совершенно пустом месте.

В годы Империи он настойчиво (но безуспешно) добивался внимания ученых или самого Наполеона, метя на роль «научного лейтенанта» императора. В ноябре 1813 г., когда представители антифранцузской коалиции собрались во Франкфурте, чтобы обсудить условия договора, который положил бы конец войне на почетных для Франции условиях, Сен-Симон открыто выступил в пользу мира с двумя сочинениями — одно обращено к императору, другое — к членам Института.

Чтобы привлечь внимание императора, он прибег к «контрабандистской хитрости»¹⁴⁹ и дал своей работе «Труд о все-

¹⁴⁹ Carbonell Ch.-O. *L'Europe de Saint-Simon*. Toulouse, 2001. P. 91.

мирном тяготении» подзаголовок, который мало соответствует содержанию работы, но зато прямо связан с тем кругом проблем, что обуревали императора: «Средство заставить англичан признать независимость флагов». Это «средство» позволит положить конец блокаде континента английским флотом, блокаде, которая разрушает и угнетает Европу. Ш.-О. Карбонель увидел в этом сочинении свидетельство того, что Сен-Симон «неожиданно увлекся политикой, играя в советника императора по европейским делам»¹⁵⁰.

Второе сочинение — «Очерк науки о человеке» — обращено к членам Института, физикам, химикам и математикам. В сущности, это живая обличительная речь, в которой эти ученые были осуждены за пособничество (путем усовершенствования вооружений) ужасной бойне, которую испытывает Европа. Сен-Симон призывает разработать науку о человеке, которая бы позволила установить прочный мир и реорганизовать общество. Такая наука должна сформироваться на основе связи между такими фундаментальными науками, как «социальная физиология» и история.

Сен-Симон не оставил каких-то размышлений, посвященных специально русской кампании 1812 г. С 1802 г. Россия воспринималась им как варварская страна (наподобие Турции), в которой процветает рабство, и, не ожидая от России какого-то прорыва в области наук¹⁵¹, он уделял ей мало

---

¹⁵⁰ *Carbonell Ch.-O.* Op.cit. P. 91.

¹⁵¹ Сен-Симон полагал, что в России, если императору не понравится какой-нибудь ученый, то тому отрезали нос и уши и ссылали в Сибирь (1802). Хорошо уже и то, что Сен-Симон хотя бы допускает существование русских ученых, потому что дальше идут обычные рассуждения о «русском варварстве»: «В России крестьяне также невежественны, как и их лошади: и вот, друзья мои, русские крестьяне скверно питаются, плохо одеты и подвергаются палочным ударам». См.: Сен-Симон. Избр. соч. М.; Л., 1948. Т. I. С. 125. В 1822 г., в третьей части сборника «Об индустриальной системе», обращаясь к народам, доказавшим свою способ-

внимания. Но постепенно с течением событий в его мировоззрении развивается и укрепляется исторический взгляд на вещи. Результаты русской кампании навели не только Наполеона на философские размышления о длине пути от великого до смешного. Сен-Симон в своей переписке 1812 г. демонстрирует понимание роли истории для современного общества. Он выражает, в сущности, социальную роль истории как науки: «Хорошо наблюдаемое прошлое может облегчить выводы о будущем». В 1813 г. в «Очерке науки о человеке» история вообще выглядит у него как наука наук. В этих сочинениях мысль Сен-Симона приобретает европейский размах, он муссирует идею европейского единства. И именно научный подход, исторический взгляд на вещи убеждает Сен-Симона в необходимости *реорганизации Европы*. Об этом он пишет еще в «Очерке науки о человеке»: «именно прогресс наук дает средства реорганизовать европейское общество и улучшить политическую систему».

В октябре и ноябре 1814 г. вышло в свет сочинение «О реорганизации европейского общества или о необходимости и средствах рассмотрения народов Европы как единого политического корпуса, в котором каждый народ сохраняет свою национальную независимость». Это сочинение Сен-Симона, было встречено современниками довольно благосклонно, но потом быстро предано забвению. В качестве авторов обозначены: «Граф Сен-Симон и О. Тьери, его

ность к самостоятельному ведению дел, перечисляя те нации, у которых научное мировоззрение возобладало над метафизическим, Сен-Симон называет «французов, англичан, бельгийцев, голландцев, датчан, шведов, немцев, итальянцев, испанцев и португальцев». См.: *Saint-Simon. Oeuvres*. 1966. Т. 6. Р. 467. Но в 1825 г. Россия включается Сен-Симоном в список государств, чей духовный строй должен быть подвергнут анализу.

ученик»¹⁵². Один из экземпляров «О реорганизации европейского общества» был предназначен для отправки Александру I¹⁵³. Тогда от русского царя ожидали либеральных преобразований. Французская печать активно обсуждала вопрос о характере русского прогресса, об уровне русской образованности, выражала надежду, что Россия примет из рук побежденной Франции эстафету цивилизации. Те, кто еще недавно восторгался гением Наполеона, теперь возлагали все свои надежды на Александра I. Еще в последние дни 1813 г. Констан писал в предисловии к работе «О духе завоеваний»: «пожары Москвы стали авророй свободы».

Сама по себе «идея Европы» была не нова. Не Сен-Симон впервые задумал общеевропейскую организацию. Да и вообще «единая Европа» — это изобретение не нового времени, это идеал, который притягивал умы на протяжении всего тысячелетия. Взгляд на Европу как на некую общность, отличную от других частей света, сформировался еще во времена античности. Идея Европы пережила и Средние века.

¹⁵² См.: *Lemonnier Ch. (édit.). Oeuvres choisies de C.H. de Saint-Simon, précédées d'un essai sur sa doctrine*. Bruxelles, 1859. T. III. P. 384. См. так же: *Saint-Simon C.-H., Thierry A. De la Réorganisation de la société européenne. Introduction de Henry Jouvenel*. Lausanne, 1967; Сен-Симон К.-А., Тьерри О. О преобразовании европейского общества // Родоначальники позитивизма. Вып. III. СПб., 1911.

¹⁵³ В докторской диссертации Жоржа Сурена указывается, что Сен-Симон в это время был по сравнению с Фурье «менее хорошо известен» в России. И в качестве первого шага на пути к такой известности исследователь называет «длинное письмо» Сен-Симона Александру I, «оригинал которого до сих пор не найден». См.: *Sourin G. Le fouriériste en Russie. Contribution à l'histoire du socialisme russe*. Paris, 1936. Называя вещи своими именами, замечу, что сен-симоновские работы периода Консульства и Империи в России были тогда вообще неизвестны. Первый зафиксированный прямой контакт Сен-Симона с русскими — его знакомство с будущим декабристом Луениным в 1816 г. См. также: Семевский В. Сен-симонисты и фурьеисты в России в царствование Николая I. М., 1914. Что касается самого письма, то о содержании его ничего не известно, здесь все исследователи склонны доверять О. Родригу, который якобы видел копию этого послания. См., например: *Pereire A. Autour de Saint-Simon. Documents originaux*. Paris, 1912. P. 70.

В начале XIV в. Пьер Дюбуа предложил план объединения европейских государств. Особенno ярко многоголикая европейская идея проявилась в XVII—XVIII вв. Католический интернационализм Средневековья был заменен в XVIII в. светским космополитизмом ученых, философов, артистов, королей и писателей¹⁵⁴. В XVIII — начале XIX в. в той или иной форме ее неоднократно высказывали в своих трудах различные европейские мыслители. «Записка о сохранении вечного мира в Европе» Сен-Пьера¹⁵⁵ и «Суждение о вечном мире» Руссо — наиболее известные сочинения по этому вопросу¹⁵⁶.

В конце XVIII — начале XIX в. потрясения от революционных и Наполеоновских войн, с одной стороны, а перспективы экономического развития и сотрудничества — с другой, актуализовали идею Европы, неразрывно связав ее с идеей политического мира. Филантропы возможность осуществления общеевропейской реорганизации видели в связях, оставленных веком Просвещения, теократы, — в идее европейской христианской цивилизации, либералы, — в существовании схожих парламентских институтов в различных государствах Европы. Последняя точка зрения характерна для порой весьма различных людей. Ее мы мо-

¹⁵⁴ Leroy M. La Société professionnelle des nations. Un projet d'Henri de Saint-Simon // Europe. 1924. № 18. Т. 5. Р. 207.

¹⁵⁵ Под заголовками «Записка о сохранении вечного мира в Европе», «Проект», «Проект договора» Сен-Пьер опубликовал в 1712, 1713 и 1717 гг. различные письма. Затем они были сведены в «Краткий обзор проекта вечного мира, выданный королем Генрихом Великим ... приспособленный к современному состоянию дел в Европе».

¹⁵⁶ См. соответственно: Deroque G., Beaulavon G. Les idées de J.J.Rousseau sur la guerre // Revue de Paris. 1917. Octobre; Deroque G. Le projet de paix perpetuelle de l'abbé de Saint-Pierre comparé au pacte de la Société des nations. Paris, 1929; Patterson S.G. J.J. Rousseau, l'Etat de guerre and Projet de paix perpetuelle. New York; London, 1920.

жем обнаружить и у И. Бентама (его проект стал известен через 30 лет после того, как был написан), и у И. Канта, который в своем «Проекте вечного мира» (1795 г.) указал, что федеральное устройство Европы возможно, только если Европа превратится в Республику республик. Идея вечного мира была увязана Кантом с идеей переустройства каждого государства на республиканских началах и возрастания роли народов в определении внешней политики государств¹⁵⁷. Истинная общность будет только между нациями политически гомогенными, — это фундаментальный тезис Канта.

Так что у Сен-Симона в деле развития «европейской идеи» были не только предшественники, но и современники, помимо вышеуказанных, это: И.Г. Фихте, С. Пиатолли, Г. Франчи, В.Ф. Малиновский, Ф. Цинзерлинг, наконец К.Х.Ф. Краузе с его «Проектом федеративного европейского государства» (1814 г.). К тому же многие проекты публика той эпохи оставила без внимания, и эти сочинения остались до сих пор практически не исследованными и малоизвестными, как, например, в случае с Ж.Ж.Б. Гондо¹⁵⁸. Реоргани-

¹⁵⁷ В этом же трактате Кант высказал мысль об уничтожении со временем постоянных армий, которые лишь побуждают государства «к стремлению превзойти друг друга в количестве вооруженных сил, что не знает никакого предела, и [...] связанные с миром расходы становятся в конце концов тяжелей короткой войны...». См.: Чубарьян А.О. Европейская идея и XIX век // История Европы. Т. 5. М., 2000. С. 608. Этую же идею будет высказывать и Сен-Симон. О «Проекте» Канта см.: *Delbos V. Les idées de Kant sur la paix perpétuelle // Nouvelle Revue*. 1899. № 8; *Tully J. The Kantian Idea of Europe: Critical and Cosmopolitan Perspectives // Pagden A. (ed.) The Idea of Europe. From Antiquity to the European Union*. Cambridge, 2002.

¹⁵⁸ *Gondon J.J.B. Du droit public et du droit des gens ou Principes d' association civile et politique, suivis d'un Projet de paix générale et perpétuelle*. Paris, 1807, 3 vol. Издатели хрестоматии «Les Française à la recherché d'une Société des Nations, depuis le roi Henri IV jusque' aux combattants de 1914» (Pairs, 1920), доказывая, что идея Общества наций не была «идеей одного человека», что она не принадлежит «ни романтизму, ни позитивизму», а над ней работали «поколение за поколением», помещают текст Сен-Симона после текстов Сюлли, Фенелона, Монтескье, маркиза

зация Европы — императив начавшегося века. Эти планы — дети надежды и мифа. При этом планетарное мышление и мифическое вовсе не противоречат друг другу. «Два мифа пленили французов, размышлявших над планами европейской реставрации, — писал А. Гуйе, — миф космополитизма и миф христианства»¹⁵⁹. В 1814 г. появилась целая череда публикаций, в которых рассматривались вопросы общеевропейской организации. Это уже не просто проекты одионоких мечтателей, это общественный интерес. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть «Journal de la libraire» за 1814 г. В многочисленных сочинениях читатель нашел бы «одну идею, которая нигде не выражена как таковая, но воодушевляет всех. Это идея наилучших институтов <...> Война не замедлит навсегда исчезнуть из мировой истории, когда будет найдено единственное средство решать международные споры и консолидировать интересы»¹⁶⁰. Многие литераторы, ученые, публицисты были заняты поисками мира, внутренней и внешней стабильности¹⁶¹.

де Мирабо, аббата де Сен-Пьера, Ж.Ж. Руссо, Л.С. Мерсье, Кондорсе, Дестюта де Траси, Рабо Сен-Этьена, Л. Карно. Дестют де Траси развивал идею европейской конфедерации в 1806 г. См.: *Head B. Ideology and Social Science: Destutt De Tracy and French Liberalism*. Dordrecht, 1985. P. 4.

¹⁵⁹ *Gouhier H. La Jeunesse d'Auguste Comte et la formation du positivisme*. T. III. *Auguste Comte et Saint-Simon*. Paris, 1941. P. 21.

¹⁶⁰ *Pillet A. De l'idée d'une Société des nations*. Paris, 1919. P. 7. См.: *Bibliographie de la France: ou Journal général de l'imprimerie et de la librairie*. V. 4. Paris, 1814. Может быть, этим и объясняется общественный интерес к книге Сен-Симона. «Несмотря на химерический характер содержащихся в ней проектов, брошюра 1814 года имела полный успех». См.: *Dumas G. Psychologie de deux messies positivistes, Saint-Simon et Auguste Comte*. Paris, 1905. P. 72.

¹⁶¹ О чувстве долга перед миром и свободой в общественной мысли того времени см.: *Poetschke O. Claude Henri de Saint-Simon im Rahmen seiner Zeit. Ein Beitrag zum Verständnis des Werkes und der Persönlichkeit*. Phil.-Diss. Leipzig, 1927. P. 131 и след. стр.; *Halévy E. L'Ere des tyrannies. Etudes sur le socialisme et la guerre*. Paris, 1938. P. 31 и след. стр.; *Gouhier H. Op. cit. T. III. P. 44 et suiv.*

Таким образом, оригинальность Сен-Симона не в самой идее создания единой и мирной Европы, а в том, как он «уточняет условия, модальности и природу организации, которая в конечном итоге будет означать новый одновременно и политический, и социальный порядок»¹⁶².

Самые различные исследователи подчеркивают, что реорганизация Европы была одной из центральных идей Сен-Симона на всех этапах его творчества¹⁶³. Сен-Симон жил в Америке, в Голландии, в Испании, путешествовал по Германии и Англии, посещал Швейцарию, Женеву — колыбель интернациональной европейской организации. В первом же его сочинении, в «Письмах Женевского обитателя», написанных после заключения Амьенского мира в 1802 г., отправная точка рассуждений Сен-Симона следующая: Европа находится в состоянии кризиса и прогресс разума должен вывести ее из этого состояния. При этом Сен-Симон хочет, чтобы европейцы действовали *коллективно*. Его проект носит поистине интернациональный характер, Сен-Симон критикует патриотизм как форму национального эгоизма, он предлагает европейцам учредить Совет Ньютона для совместной работы над усовершенствованием планетарной среды обитания человека.

¹⁶² Ganzin M. *La pensée européenne de Saint-Simon: réorganisation et prohaptéisme* // Colloque AFHIP. Toulouse, 1991. P. 138. Страгий по отношению к Сен-Симону А. Гуйе так писал по этому поводу: Сен-Симон в своих поисках «общества наций» далеко не самый первый и не самый оригинальный. Может быть, заслуги его работы в большей степени следует искать даже не в области рассуждений об обществе, а в области рассуждений о нации. См.: Gouhier H. Op. cit. T. III. P. 90.

¹⁶³ На преемственность «идеи Европы» у Сен-Симона обращал внимание и А. Гуйе, и Э. Дюргейм. См.: Gouhier H. Op. cit. T. II. 1936. P. 224 et suiv.; Durkheim E. *Le Socialisme*. Paris, 1960. P. 114—115. Вслед за мэтрами о том же пишут и некоторые современные авторы. См.: Swedberg R. *Saint-Simon's vision of a united Europe* // *European Journal of Sociology*. 1994. Vol. 35. №. 1; Chappay J.-L. *Les Archives littéraires de l'Europe (1804—1808)/ Un projet intellectuel et politique sous l'Empire // La Révolution française [En ligne]. Dire et faire l'Europe à la fin du XVIIIe siècle*. 2011. № 6. (Consulté — le 13 avril 2012). URL : <http://lrf.revues.org/index284.html>.

В 1807—1808 гг., когда Сен-Симон хотел стать «научным лейтенантом императора», он так писал о революции и Наполеоне: «Энергия французов помогла им счастливо свергнуть старое правительство и отказаться от старой политики: великие обстоятельства породили великих людей. Борьба с англичанами заставила вылупиться гения, которому предназначено реорганизовать федерацию»¹⁶⁴.

В заключении «Очерка науки о человеке» (1813 г.) Сен-Симон обращается к физиологам: «Господа, мое единственное страстное желание — это умиротворить Европу; моя единственная идея — это преобразовать европейское общество...»¹⁶⁵. В «Труде о всемирном тяготении» (1813 г.), который автор сам назвал «первым наброском моего проекта преобразования европейского общества»¹⁶⁶, уже более конкретно говорится о необходимости объединения в политическом отношении народов Европы, о реорганизации европейского общества «посредством особого учреждения, общего для всех народов, которые его представляют. Это учреждение <...> окажет положительное политическое действие в обуздании честолюбия народов и королей...»¹⁶⁷. Таким образом, к концу 1813 г. Сен-Симон

¹⁶⁴ *Saint-Simon. Oeuvres. 1966. Т. 6 (1). Р. 211.*

¹⁶⁵ Цит. по: *Анекштейн А. Анри де Сен-Симон. Его жизнь и учение. С приложением очерка учения и деятельности сен-симонистов. М.; Л., 1926. С. 56.*

¹⁶⁶ Сен-Симон. Избр. соч. Т. 1. С. 212. Жан-Люк Шапеи даже назвал «О реорганизации Европы...» продолжением «Очерка науки о человеке». См.: *Chappay J.-L. Les Archives littéraires de l'Europe (1804—1808). Un projet intellectuel et politique sous l'Empire // La Révolution française. 2011. № 6. Р. 28.*

¹⁶⁷ Сен-Симон. Избр. соч. Т. 1. С. 229, 287. «Труд о всемирном тяготении» имел подзаголовок: «Средство заставить англичан признать свободу плавания». Сен-Симон предлагал Наполеону организовать конкурс проектов реорганизации Европы с огромной суммой вознаграждения победителю — 25 миллионов! Ж. Дюма видел прямую связь между этой работой и «О реорганизации Европы»: сосланный

вполне определенно задумал проект реорганизации всего европейского общества. При этом мысль его по реорганизации Европы уже несколько проэволюционировала: если ранее он отводил ключевую роль в этом процессе физикам и математикам, то теперь их критикует, а реорганизацию мыслит путем создания принципиально новой науки о человеке¹⁶⁸ и поддержки со стороны Наполеона. Мысль Сен-Симона становится чуть менее элитарной: наука о человеке должна быть введена в систему народного образования и распространиться по всей Европе. Реорганизация Европы мыслится через сознание не только научных элит, но и через массовое сознание.

Материальная неустроенность мыслителя, отсутствие денег до поры до времени откладывали развитие этого проекта. Но после марта 1814 г., после вступления войск антифранцузской коалиции в Париж, краха Империи и восстановления на троне династии Бурбонов, Сен-Симон возвращается к этой проблеме и более основательно штурмует вопрос о федеральном устройстве Европы. Сен-Симон со многими нюансами и уточнениями воспроизводит тот проект, который он только наметил в «Письмах женевского обитателя». В этом отношении «О реорганизации европейского общества» логически развивала давнишний замысел Клода-Анри.

Перекройка политической карты Европы в годы Наполеоновских войн дорого обошлась и европейцам и фран-

---

на Эльбу Наполеон не мог уже возглавить жюри конкурса, да и установление мира подтолкнуло Сен-Симона к быстрому наброску очередного проекта, но главная его идея осталась той же См.: *Dumas G. Op.cit. P. 69.*

¹⁶⁸ То, что Сен-Симон называл «наукой о человеке», через примерно двадцать лет будет названо О. Контом «социологией», а позднее благодаря усилиям, в том числе и Э. Дюргейма, войдет во все университетские курсы. См.: *Swedberg . Saint-Simon's vision of a united Europe // European Journal of Sociology. 1994. Vol. 35. №. 1. P. 151.*

цузам, которые, по некоторым подсчетам, потеряли более 2 миллионов людей. Но, когда весной 1814 г. стало очевидно, что наполеоновская попытка «денационализировать Европу»¹⁶⁹, создав подобие империи Карла Великого, потерпела крах, выяснилось, что «планетарное мышление» не исчезло. Революционеры, контрреволюционеры, либералы, консерваторы, все были согласны, что кризис, начало которому положил 1789 год, кризис европейского масштаба и у Реставрации будет тот же масштаб, что был у Революции и Империи — европейский.

О какой «Европе» ведет речь Сен-Симон? В работе «О реорганизации европейского общества» мы не найдем ни одной дефиниции «европейского пространства»¹⁷⁰. И мы ответим на этот вопрос, только подвергнув анализу контекст лексических выражений, с помощью которых Клод-Анри описывал Европу¹⁷¹.

¹⁶⁹ Mattelart A. *Histoire de l' utopie planétaire: de la cité prophétique à la société globale*. Paris, 1999. P. 105.

¹⁷⁰ Piguet M.-F. *L'Europe des Européens chez le comte de Saint-Simon // Mots. Les langages du politique*. 1993. № 34. P. 12.

¹⁷¹ Термин «Европа» стал популярен с эпохи Возрождения. С этого времени он постоянно используется дипломатами, политиками, публицистами. Этот концепт, подчеркивающий общность судьбы, вытесняет средневековый концепт христианской общности. В к. XVII — н. XVIII в., когда европейские государства были не более едины, чем остервенело бьющиеся между собой соседи, образ общей Европы переживает период сомнений и колебаний. Но в раздираемой династическими войнами, разделенной амбициями суверенов и конфессиональными границами Европе утверждается космополитичный взгляд на вещи, и наряду с проектами «европейского равновесия» появляются проекты «вечного мира», утверждается идея «Европы Разума». Революционные и Наполеоновские войны, естественно, сыграли решающую роль в осмыслиении «Европы». Подробнее см.: Nurdin J. *Le rêve européen des penseurs allemands 1700—1950*. Paris, 2003. P. 21—22. Профессор университета Сорбонны (Пари-4) Жорж-Анри Суту пишет, что и во времена Античности, и в Средние века Европа была чисто географическим концептом, который не вызывал никаких чувств, связанных с политикой, моралью или культурой. Понадобилась Реформация, чтобы концепт Европа начал выходить за чисто географические рамки, приобретая более широкий смысл: «Европа» стала тем,

В работе «О реорганизации европейского общества» следует различать три преимущественных употребления собственного имени «Европа». В первом случае речь идет главным образом о пространстве, и мы имеем дело с семантическим эквивалентом европейской территории. Во втором характерном случае словоупотребления пространство тесно по смыслу соседствует с населением, которое живет на этой территории. В третьем случае пространство отступает перед людьми, и тогда обозначение «Европа» имеет ту же семантическую ценность, что и прилагательное «европейский». Когда используется собственно прилагательное «европейский», то оно почти во всех случаях соседствует с существительным, которое прямо или косвенно описывает ансамбль людей: «европейские народы», «европейская раса», «европейское общество», «Европейский парламент», «европейский патриотизм».

Это позволяет сделать вывод, что «Европа» Сен-Симона ближе к людям и истории, ближе к народам, чем к территории, которую они населяют. «Европа» ассоциируется в первую очередь с пространством цивилизации, что было достаточно распространено в ту эпоху¹⁷². Этот вывод, в свою очередь, позволяет нам определить, в каком отношении план «реорганизации европейского общества» отличается от простого

что объединяет европейцев в условиях разделенного христианства. «Политический исток современного смысла слова «Европа» ясен: нам удалось подняться до идеи Европы, начиная с идеи европейского равновесия. Английское понятие «баланс сил» с начала восемнадцатого века широко используется в британской политической литературе и дипломатии». В 1814—1815 гг. Венский конгресс, после потрясений времен революции и империи, вновь вернулся к идее Европы. Путем переговоров создана новая международная система, которая на протяжении всего девятнадцатого века называлась «Европейский концерт» (или «Концерт держав», или «европейская система»). Подробнее см.: *Soutou G.-H. L'identité de l'Europe du point de vue de l'historien // Outre-Terre. 2004. № 7. P. 31–42.*

¹⁷² Bénétton Ph. *Histoire de mots: culture et civilisation*. Paris, 1975.

средства мирного сосуществования государств. Эта идея рационализует воспоминания автора о прошлом «европейского общества» и его утверждения о «европейской расе», которая должна заселить мир. Сен-Симон предпринимает первые теоретические шаги по разработке того, что мы сегодня бы назвали «концепцией европейской идентичности».

Что касается понятия «раса», то его смыслы в сен-симоновском дискурсе не так-то легко определить. Сен-Симон еще в 1807—1808 гг. противопоставлял «негров» «европейцам», и теперь «европейская раса» характеризуется им как «первая» или «лучшая» (как это было в случае с «европейской разновидностью»). Эта точка зрения Клода-Анри на негров вполне соответствует дореволюционным взглядам XVIII в.¹⁷³. Сен-Симона интересовал в первую очередь прогресс науки, в этом он видел главный критерий интеллекта нации или расы. Под этим углом зрения ущербность «негров» была для него очевидна¹⁷⁴. Так, и с точки зрения мифологизированной истории, и с точки зрения своего места на цивилизационной лестнице «европейцы» занимают первое место. Интерес Сен-Симона к европейскому пространству проявлялся в различных формах, но имел одну цель — определить автономную группу человеческого сообщества под названием «европейцы».

Сен-Симон постарался представить публике «О реорганизации» не просто как публицистику, а как *научную* работу. Все рецепты выводятся из наблюдений за общей тенденцией эволюции человеческого разума. А из этих наблюдений вид-

¹⁷³ См.: Poliakov L. *Le mythe aryen. Essai sur les sources du racisme et des nationalisms*. Paris, 1971.

¹⁷⁴ Сен-Симон разделяет господствовавшее в XVIII в. мнение о превосходстве белого человека над неграми — это видно еще из «Писем женевского обитателя» (1802 г.). Но Сен-Симона интересует не физическая разница между расами, а уровень развития науки. Именно в этом смысле он и пишет о превосходстве «европейской расы». См.: Piguet M.-F. *L'Europe des Européens chez le comte de Saint-Simon // Mots. Les langages du politique*. 1993. № 34. P. 17

но, что человеческий дух вступил в позитивную фазу, следовательно, и политика может из гадательной стать научной. Клод-Анри с оптимизмом расценивает будущую эволюцию человеческого общества, утверждает общий взгляд: золотой век — впереди. Как пишет Фише, главный тезис Сен-Симона (принять во Франции английскую конституцию, чтобы объединить народы Европы в один политический корпус, сохраняя при этом национальную независимость) представлен с точностью хорошего силлогизма — «столь же универсальный и столь же абсолютный»¹⁷⁵.

Предложенный в работе «О реорганизации» механизм разделения властей призван обеспечить наилучшее законодательство, наилучший баланс сил: одна власть защищает интересы государства, другая — интересы индивидов, а третья — палата лордов — призвана обезопасить общество от рисков сползания к авторитаризму или к анархии и гарантирует баланс первых двух властей. За этими формулами скрывается либеральный план ограниченной парламентом монархии. Хоть Сен-Симон, с одной стороны, и выводит свои формулы из общеначальной методологии, с другой, он понимает, что опыт — лучшее доказательство правильности любой теории, стремится обосновать свои рассуждения наблюдениями за ходом развития человеческого разума, и подчеркивает, что рекомендуемое им конституционное устройство вовсе не химера. Оно уже около ста лет существует в Англии¹⁷⁶. Либеральная, конституционная,

¹⁷⁵ Fichet A. Réorganisation de la société européenne selon Saint-Simon et Augustin Thierry // L'Europe naissance d'une utopie? Genèse de l'idée d'Europe du XVI au XIX siècles. Paris, 1996. P. 156.

¹⁷⁶ А. Мишель не без сарказма в этой связи заметил, что «прийти к простой апологии парламентского режима можно было бы и без такого длинного предисловия». См.: Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со временем Революции. М., 1909. С. 217.

коммерческая Англия для Сен-Симона — идеал так же, как и для мадам де Сталь, Б. Констана и многих других. Сен-Симон в 1814 г. встал под знамена парламентаризма. Он, по-видимому, действительно удовлетворен Хартией 1814 года, и мы слышим фукуяновские интонации «конца истории»: «Франция свободна, так же как и Англия», они «солидарны в политических принципах», их государственный строй «схож», «французы ввели у себя английскую конституцию», «этота конституция непоколебима в общественном мнении», «представительный строй <...> — последний предел всех желаний»¹⁷⁷ и т.д.

Сен-Симон недоволен всеми прежними проектами вечного мира, начиная с проекта аббата Сен-Пьера¹⁷⁸, и критически настроен в отношении возможностей участников Венского конгресса, он выступает с собственной программой реорганизации Европы¹⁷⁹. Сен-Симон писал, что сомневается в успехе Венского конгресса потому, что на нем преобладают частные интересы, а таким путем прочный мир не может быть достигнут: «ни одному из участников не поручено рассматривать проблемы с общей точки зрения»¹⁸⁰. Он указывал, что свои собственные интересы есть у Австрии, Швеции, Франции и Англии, что Талейран, Меттерних и

¹⁷⁷ Сен-Симон К.-А., Тьери О. О преобразовании европейского общества... С. 127, 128.

¹⁷⁸ Сен-Пьер опубликовал в различных редакциях трактат «О вечном мире» в 1712, 1713 и 1717 гг., затем дополнил эти издания «Кратким обзором проектов вечного мира» в 1729 г.

¹⁷⁹ Saint-Simon. Oeuvres. 1966. Т. 1 (1). Р. 175. Ср.: «Я задал себе вопрос, почему все усилия политических деятелей не могут исцелить язвы Европы, и пришел к заключению, что единственным спасением для нее является общее преобразование. Я задумал план преобразования; изложение этого плана будет предметом настоящего произведения». См.: Сен-Симон К.-А., Тьери О. О преобразовании европейского общества... С. 129.

¹⁸⁰ Saint-Simon. Oeuvres 1966. Т. 1 (1). Р. 171.

Каслри, каждый со своей стороны, будут доказывать, что именно его план соответствует интересам всех. Конгрессы, трактаты, договора, конвенции и т.п. — это все «политическая рутина». Сен-Симон же новатор, поэтому он и предложил подходить к международным делам с принципиально иных позиций: нужны не политические союзы, а коренное преобразование общественной системы¹⁸¹.

Сен-Симон полагает, что необходимо начинать с создания принципиально новой философской системы, которая будет основой нового общества¹⁸². Сен-Симон и его ученик стремились показать народам, сколь велики возможности мирного сосуществования «мирного соперничества», «борьбы без насилия», «сражений без риска для жизни»¹⁸³. Граждане, — призывали они, — трудитесь на благо всех людей Земли, и они будут трудиться на вас. Ваше оружие — искусство и торговля; ваши победы — прогресс в этих областях; ваш патриотизм — это доброжелательность, а не ненависть»¹⁸⁴. Принципу коалиции, национального эгоизма и войны должна быть противопоставлена идея всеобщего объединения, сотрудничества и мира. В работе «О реорганизации европейского общества» читаем: «Без сомнения наступит время, когда все народы Европы поймут, что нужно урегулировать проблемы, представляющие общий инте-

¹⁸¹ *Saint-Simon. Oeuvres* 1966. Т. 1 (1). Р. 171. Ср.: «Желать установить в Европе мир с помощью трактатов и конгрессов — значит желать, чтобы социальное тело жило конвенциями и соглашениями; в обоих случаях должна существовать общая деятельность сила, которая объединяет воли, согласует движения, делает интересы общими и связи прочными». См.: Сен-Симон К.-А., Тьерри О. О преобразовании европейского общества... С. 130.

¹⁸² Тем самым повторяется мысль Сен-Симона из «Введения в научные труды XIX века», что философские системы определяют социальный и политический строй исторической эпохи.

¹⁸³ *Saint-Simon. Oeuvres*. 1966. Т. 1 (1). Р. 119.

¹⁸⁴ *Ibid.* Р. 127.

рес, прежде чем заниматься интересами национальными; тогда бедствия начнут уменьшаться, смуты успокаиваться, войны исчезать; к этой цели мы беспрестанно стремимся, к ней увлекает нас развитие человеческого ума! Но что более достойно для человеческого достоинства, плестись к этой цели или спешить ей навстречу?»¹⁸⁵. Народы были ввергнуты в войну, потому что никакая мораль не сдерживала их претензии, Сен-Симон пытался «доказать, что установление Системы, приемлемой для нынешнего состояния проповедования, и создание общей власти, способной обуздить честолюбие народов и королей, — единственное, что могло бы установить в Европе мирный и прочный порядок вещей»¹⁸⁶. Итак, в тот момент, когда императорские армии терпят поражение, Сен-Симон приходит к выводу, что никакой мир не может быть достигнут на полях сражений: нужна новая духовная власть. Как выразился М. Леруа, проект Сен-Симона заслуживает эпитета «césariens»¹⁸⁷.

Сочинение Сен-Симона полно оптимизма в отношении господства разума, надежд на помощь в практическом осуществлении их проекта (иначе бы, зачем посыпать свою работу сопроводительным письмом Александру I). Действительно, помимо, как выразился Ф. Мэнюэл, «пророческого пафоса»¹⁸⁸, работа содержит и конкретные предложения. Вторая часть работы посвящена внешнеполитическим вопросам.

Для достижения прочного мира необходимы согласованные действия национальных правительств и органов обще-

¹⁸⁵ *Ibid.* P. 247.

¹⁸⁶ *Ibid.* P. 244.

¹⁸⁷ Leroy M. La Société professionnelle des nations. Un projet d'Henri de Saint-Simon // Europe. 1924. № 18. Т. 5. Р. 210.

¹⁸⁸ Manuel F.E. The New World of Henri Saint-Simon. Cambridge, 1956. P. 177.

европейского управления. Для этого необходимо создание «общих учреждений», «общей организации»¹⁸⁹. Сен-Симон специально выделяет: «*Европа имела бы наилучшую из возможных организаций, если бы все составляющие ее нации, управляясь каждой своим парламентом, признавали бы верховную власть общего парламента, поставленного над всеми национальными правительствами и облеченного властью разбирать их споры*»¹⁹⁰. Фактически предлагался Европарламент, который бы выполнял функции межгосударственного координатора, служа общеевропейским интересам¹⁹¹.

В аргументации своего проекта Сен-Симон вновь прибегает к смеси из логики и истории. Он логическим путем хочет найти форму правления, основанную на принципах «верных, безусловных, всеобщих и независимых от места и времени»¹⁹², а затем подкрепить свои рассуждения историческим опытом.

Немного логики.

Внешняя политика, защищаемая Сен-Симоном, является логической копией его предложений по внутренней политике. Когда в работе «О реорганизации...» он обращается к области внешней политики, то опять использует ту методику, которую он уже выработал в годы Империи: «Я сначала установлю *принципы*, на которых должна основываться европейская организация, затем остановлюсь на *проявлениях* этих принципов, а затем уже найду в совре-

¹⁸⁹ *Saint-Simon. Oeuvres* 1966. Т. I (1). Р. 158, 166, 173, 174, 181.

¹⁹⁰ Сен-Симон К.-А., *Тьерри О.* О преобразовании европейского общества... С. 140.

¹⁹¹ Сама по себе эта идея не столь уж неожиданна. Подобную идею, например, еще в 1789 г. выдвигал И. Бентам.

¹⁹² Сен-Симон К.-А., *Тьерри О.* О преобразовании европейского общества... С. 134.

менных условиях средства для их выполнения»¹⁹³ (курсив Сен-Симона. — А.Г.).

Всякая политическая организация, подобно всякой социальной организации, имеет свои принципы, которые составляют ее сущность, и без которых она не может существовать. Всего Сен-Симон упоминает 4 принципа и 3 условия реорганизации европейского общества¹⁹⁴.

Принципы: 1. Европейское общество — «гомогенный ансамбль», в котором все институты являются следствием «одной единой концепции», а правительства государств схожи по своей форме. Сен-Пьер не понял главного: «Всякая политическая организация, учрежденная с целью связать вместе несколько народов, сохраняя каждому его национальную независимость, должна быть систематически однородной, т.е. все учреждения должны быть следствием единой концепции, и, следовательно, правительство, на всех своих ступенях, должно быть однообразно»¹⁹⁵. Для этого национальные интересы должны сочетаться с общеевропейским патриотизмом. 2. Общее правительство должно быть полностью независимо от национальных правительств, со-

---

¹⁹³ *Saint-Simon. Oeuvres.* 1966. Т. 1 (1). Р. 182—183, 170.

¹⁹⁴ Подсчет О. Петре-Гренуйо. См.: *Pétré-Grenouilleau O. Saint-Simon. L'utopie ou la raison en actes.* Paris, 2001. Р. 276.

¹⁹⁵ Сен-Симону казалось, что всякая ассоциация предполагает наличие некоторых общих моментов и что аналогичные политические институты могут сыграть здесь важную роль. Для авторов «О реорганизации...» будущее Европы — именно в политическом однообразии, в то время как, например, для Б. Констана в 1814 г. «однообразие — это смерть, разнообразие — это жизнь». В 1809 г. во втором проспекте своего «Проекта Энциклопедии» Сен-Симон писал: «говорить об организации европейского общества, это значит говорить о таком состоянии вещей, когда все европейские народы связаны политическим институтом, от которого зависит каждый из этих народов, а сам институт не зависит ни от одного из них, это значит говорить о таком положении вещей, когда национальные организации каждого народа основываются на одних и тех же принципах». См.: *Saint-Simon. Oeuvres.* Т. 6. Р. 315.

стоять из лиц, «склонных к общим взглядам», основой его могущества должно быть общественное мнение¹⁹⁶. 3. Члены европейского общества должны видеть и специально заниматься общими интересами. 4. Главной решающей силой среди членов европейского общества должно быть общественное мнение.

Условия: 1. Наилучшая конституция должна быть рекомендована общим правительством национальным правительствам; 2. Члены общего правительства должны быть «принуждены силой вещей трудиться над общим благом»; 3. Общественное мнение (главная сила) должно быть основано на связях, которые ничто не может поколебать и которые были всегда и везде.

Такова логика. Немного истории.

Создание общеевропейских властных органов — это не пустая мечта, общую организацию Европа уже имела в течение шести веков во времена «папизма». Вестфальский мир (1648 г.) разорвал «единственную политическую связь, соединявшую все европейское общество»¹⁹⁷. Начиная с Вестфальского мира, война становится обычным делом в Европе. Сен-Симон и О. Тьери не призывают вернуться *назад* в XIII век, они совершенно не идеализируют власть римских пап. Они не призывают вернуться и в век XVIII, в этом весьма существенное отличие их от теократов. Они, по сути, призывают: «*вперед, к конфедеративной Европе*».

---

¹⁹⁶ Сен-Симон К.-А., Тьери О. О преобразовании европейского общества... С. 133.

¹⁹⁷ «Европа некогда составляла союзное общество, соединенное общими учреждениями, подчиненное общему правительству, которое было для народов тем, чем являются национальные правительства для отдельных лиц; только подобный порядок вещей мог бы все исправить». См.: Сен-Симон К.-А., Тьери О. О преобразовании европейского общества... С. 126, 127.

Европарламент предлагается создать двухпалатным — по образу и подобию английского парламента — из палаты общин и лордов. Но есть нюансы.

Первые два нюанса касаются формирования палаты общин. Представительство наций в Европарламенте должно быть пропорционально количеству населения каждой страны. В Палату общин общеевропейского парламента каждый миллион «грамотных граждан» посыпает по четыре депутата. Всего в парламенте будет около 240 членов. Что это за люди? О. Петрэ-Гренуайо кажется, что Сен-Симон в 1814 г. не слишком далек от своей позиции 1802 г.: политическая власть должна принадлежать элите просвещенных собственников, открытой талантам¹⁹⁸. Но, если в 1802 г. Сен-Симон говорил преимущественно об «ученых» и «артистах», то теперь к ним прибавляются «индустриалы». Это позволило М. Леру несколько утрировать мысль Сен-Симона и сделать вывод, что состоящая из профессиональных индустриалов палата Европарламента — «эскиз синдикализма»¹⁹⁹. Но это все оценочные суждения историков, а Сен-Симон так указывал на свои предпочтения: «видные представители торгового мира», ученые, судьи²⁰⁰ и администраторы. Следовательно, каждый миллион европейцев должен был бы послать в Палату общин Европарламента одного купца, одного ученого, одного судью, одного администратора. Каждого депутата на 10 лет выбирает соответствующая корпорация. При этом члены Палаты общин Европарламента должны быть крупными

¹⁹⁸ Pétré-Grenouilleau O. Op.cit. P. 278—279.

¹⁹⁹ Leroy M. La Société professionnelle des nations. Un projet d'Henri de Saint-Simon // Europe. 1924. № 18. Т. 5. Р. 210.

²⁰⁰ Отношение Сен-Симона к судьям, «легистам» всегда было либо скептическим, либо недоброжелательным. Возможно, здесь мы имеем дело с непосредственным влиянием О. Тьери, возможно же опять оказывается благожелательное отношение к новой «конституции» — к Хартии 1814 г., написанной «легистами».

собственниками (не меньше 25 000 франков поземельной ренты).

В работе «О реорганизации...» ставится вопрос о взаимосвязи социальных преобразований и вопроса о перераспределении собственности. Сен-Симон утверждает, что «социальные преобразования возможны лишь при изменении собственности²⁰¹. Стремление к общественному благу может поначалу заставить собственников пойти на соответствующие жертвы — таков первый этап этой великой революции²⁰². Однако довольно скоро они раскаиваются в содеянном, отказываются от него, и тогда начинается второй этап революции. Сопротивление собственников не может быть сломлено, если люди, лишенные собственности, не возьмутся за оружие, — отсюда гражданская война, прокрипции. Кровопролитие»²⁰³.

Но у самого Сен-Симона такой собственности не было, и он допускает в эту палату лиц, «выдающихся какими-либо достоинствами». Таким образом, «талант и владение собственностью не будут разделены». Каждый раз на новых выборах будут избираться 20 кандидатов, выделяющихся талантами, но не имеющих собственности. Сам подчас не имеющий средств для издания своих сочинений, Сен-Симон добавляет, что такие кандидаты будут «наделены двадцатью пятью тысячами франков поземельной ренты». Очевидно, по его мнению, именно столько нужно для безбедного существования.

²⁰¹ Сен-Симон К.-А., Тьерри О. О преобразовании европейского общества... С. 160.

²⁰² Сен-Симон абсолютизирует здесь опыт Французской революции, в частности события 4 августа 1789 года, когда французские дворяне отказались от части своих привилегий.

²⁰³ Или: «Без изменения в понятии собственности, не может быть изменения в социальном строев». См.: *Saint-Simon. Oeuvres*. Paris, 1966. Т. 1 (1). Р. 242.

Таким образом, в нижнюю палату Европарламента выбирают частично по способностям, частично по обладанию имуществом. М. Ганзен назвал такой принцип формирования палаты «гибридным»: «полумиротократический, полуцензитарный»²⁰⁴. Это результат идеи, восходящей еще к просветителям, что союз собственности и талантов является гарантией социальной стабильности.

И второй нюанс. Он касается уже не квот, а личностных качеств кандидатов. Для палаты общин европейского парламента нужны соответствующим образом подготовленные люди, т.е. люди, которые, — «благодаря обширным связям, благодаря привычкам, менее замкнутым в кругу привычек их родины, благодаря трудам, полезным не только родному народу, но и всем народам», — способны скоро достигнуть общности взглядов, проникнуться общим интересом. Сен-Симон и Тьеरри предлагали развивать склонность к общему интересу, привычку рассматривать интересы Европы в целом, т.е. в сущности то, что некоторые исследователи именуют «европейским патриотизмом», идущим на смену национальному патриотизму²⁰⁵.

²⁰⁴ Ganzin M. La pensée européenne de Saint-Simon: réorganisation et prophétisme // Colloque AFHIP. Toulouse, 1991. P. 152.

²⁰⁵ Фише «наиболее замечательным» в работе «О реорганизации» кажется отказ от чисто юридического рассмотрения вопроса в пользу исторического анализа и вытекающие из этого пророчества: «Сен-Симон не утруждает себя определениями федерации и конфедерации, он лишь констатирует, что европейская конфедерация (не определяя, что это такое) существовала до конца XV века, когда Рим царствовал над народами Европы, а в самой Европе существовали гомогенные режимы (имея в виду форму правительства) <...> Вместо того чтобы в своих юридических апориях озабочиться определениями федерации, конфедерации, наднациональности, многосторонности, (Сен-Симон. – А.Г.) исходит из конкретного геополитического и политического анализа и набрасывает такие черты портрета Европы золотого возраста, как экономическая кооперация и европейский патриотизм». См.: Fichet A. Op.cit. P. 156.

Формирование палаты пэров Европарламента. Члены палаты пэров назначаются королем, но они должны обладать полумиллионом франков поземельной ренты. Их места передаются по наследству. Помимо этого, в палату пэров опять-таки должны войти 20 кандидатов, которые своими трудами «оказали наиболее полезные услуги европейскому обществу». Этих неимущих новоиспеченных пэров Европарламент должен наделить полумиллионом франков поземельной ренты²⁰⁶.

Может быть, Сен-Симон, когда писал «О реорганизации европейского общества», искренне надеялся, что его план будет востребован, может быть, он рассчитывал, что или французы, или Европарламент оценят его вклад в общее дело Европы и он сможет войти в число 20 пэров или, на худой конец, 20 депутатов палаты общин, оплачиваемых Европарламентом. Заслуги надо поощрять, а в палате пэров предусмотреть ротацию, и Сен-Симон сделал приписку: «Кроме первоначально избранных двадцати пэров, при каждом новых выборах в парламент будет избираться и надеяться собственностью один пэр»²⁰⁷.

Сен-Симон, обдумывая общеевропейскую законодательную ветвь власти, чувствует необходимость и в общеевропейской исполнительной власти, ему грезятся императоры Священной римской империи германской нации, недавно

²⁰⁶ Сен-Симон К.-А., Тьери О. О преобразовании европейского общества... С. 141—142.

²⁰⁷ Сен-Симон К.-А., Тьери О. О преобразовании европейского общества... С. 142. Необходимость сочетания в правительстве собственности с талантом доказывается примером Французской революции: «Дворянство и духовенство, явившиеся крупнейшими собственниками в государстве, предоставив просвещению сосредоточиваться в классе людей, не имеющих собственности, были сметены последним, и собственность перешла в его руки». См.: Сен-Симон К.-А., Тьери О. О преобразовании европейского общества... С. 150, сноска.

упраздненной Наполеоном: Европейский парламент избирает единого короля, который и призван быть регулирующей властью. Европарламент вместе с королем будет иметь в своей юрисдикции отдельный европейский город, будет иметь право взимать необходимые налоги. Европарламент во главе с королем — единственный судья в спорах между правительствами, между правительствами и народами (имеется в виду желание части населения страны образовать отдельную нацию или даже подчиниться юрисдикции иностранного правительства). «Предприятие должно быть начато им», то есть «королем Европейского парламента»²⁰⁸. Вопрос о прерогативах власти такого монарха остается открытым, Сен-Симону очень тяжело отвлечься от приятных поэтических картин и спуститься на почву политической прозы. Следующая глава «О короле» так и осталась ненаписанной: «выбор верховного главы европейского общества столь важен и требует столь тщательного исследования, что я оставлю обсуждение этого вопроса до другой моей работы...»²⁰⁹.

Как видно, данная схема носит несколько умозрительный, абстрактный характер, автор зашел в тупик, дойдя до вопроса о «главе европейского общества». Но задачи, которые он ставит перед общеевропейской властью, более реалистичны.

---

²⁰⁸ *Saint-Simon. Oeuvres* 1966. Т. I (1). Р. 200—203.

²⁰⁹ *Saint-Simon. Oeuvres* 1966. Т. I (1). Р. 203. Возможно, что упоминание «европейского короля» — дань политическому моменту. Но в то же время тема баланса сил — излюбленная тема Сен-Симона. Он пытается установить баланс общих и частных интересов, баланс светской и духовной ветвей власти, баланс национальных и общеевропейских интересов. Об утопичности проектов Сен-Симона см. ниже.

В чем заключается внутренняя и внешняя деятельность этого «великого парламента»? Общеевропейский парламент будет иметь широкие полномочия. Во-первых, Европарламент — координатор межгосударственных, транснациональных хозяйственных работ (предлагаемые авторами работы в качестве примера каналы «Дунай — Рейн» и «Рейн — Балтийское море», — отголоски увлечения Сен-Симоном Панамским и Мадридским каналами)²¹⁰. Европарламент — координатор освоения и цивилизации всего мира или, как выразился И.С. Фендель, координатор всех сил просвещенных народов Европы «для выполнения культрегерской миссии по всему земному шару»²¹¹. Европарламент помимо строительства каналов, осушения болот и прокладки дорог, будет заниматься заселением новых стран: «Заселять мир²¹² европейской расой, которая превосходит все другие расы; делать мир таким же обжитым как Европа, — вот предприятие, ко-

²¹⁰ *Saint-Simon. Oeuvres* 1966. Т. I (1). Р. 204.

²¹¹ Фендель И. Ранний пророк «организованного» капитализма // ПЗМ. 1925. № 5/6. С. 168.

²¹² Сен-симонистский журнал «Le Producteur» развивает выше процитированные мысли, которые находят также свое продолжение в «Новом христианстве». Земля будет населена «неисчислимой братской популяцией, имеющей только один интерес и одну мысль — мысль о наиболее полной и методической эксплуатации планеты». (См.: *Charléty S. Essai sur l'histoire du Saint-Simonisme*. Paris, 1896. Р. 43). Вслед за Сен-Симоном и сен-симонисты имели план, как выразился Ж. Дэов, «экономического космополитизма», (См.: *Debove G. Saint-Simon a-t-il été socialiste?* // *Revue des études coopératives*. Т. 15. 1935/36. Р. 141), или, как выразился Э. Дюркгейм, «профессионального интернационализма», цель которого состояла в «систематической эксплуатации земного шара» (См.: *Durkheim E. Le socialisme. Sa définition, ses débuts. La doctrine saint-simonienne*. Paris, 1928. Р. 252, 254). Это обширный план эксплуатации мира и мировых ресурсов, но не на основе конкуренции, а на основе солидарной общественной практики, на основе наднационального правового порядка, в котором Сен-Симон, может быть, видел себя «гуманистарием,rationально рисующим картину общества», — пишет Крамер. (См.: *Krämer H.L. Die fraternitäre Gesellschaft. Aspekte der Gesellschafts- und Staatstheorie von Claude-Henri de Saint-Simon*. Saarbrücken, 1969. С. 98).

торым Европейский парламент должен постоянно занимать активность Европы, и держать ее всегда в напряжении»²¹³. «Доктрина превосходства Европейской расы, пишет Ф. Мэнюэл, — старая идея Сен-Симона. Что поразительно в этом подходе так это <...> — воинственная колонизация всего мира, разрешение Европейских воинственных инстинктов, которые, если бы они были направлены внутрь, могли бы стать убийственны. Потребность расхода агрессивного духа индивидуума и нации, война в производительной деятельности — утверждение, которое он много раз повторяет в своих работах»²¹⁴. Этот «общий парламент» как бы отвечает за сублимацию агрессивных возможностей общества в различные достижения в торговле, экономике и индустрии.

Во-вторых, Европарламент решает спорные международные вопросы и имеет определяющий голос, если какая-либо часть европейского населения пожелает выделиться в новое государство или, наоборот, присоединиться к какому-нибудь государству. Высшая политическая инстанция Европы — «общий парламент», обладает правом решать споры между государствами — членами союза.

В-третьих, этот парламент должен защищать свободу личности, свободу совести, ведать народным образовани-

²¹³ *Saint-Simon. Oeuvres. Paris, 1966. Т. 1. (1). Р. 204.* Никакой глагол лучше не передает колониальный дух эпохи, чем глагол *«assimiler»*. Главный смысл этого глагола, если верить словарю Робера, — *«rendre semblable à»*. Цит. по: *Ruscio A. Le Credo de l' homme blanc. Paris, 1996. Р. 12.* Сен-Симон, по сути, и предлагает сделать остальной мир похожим на Европу.

²¹⁴ *Manuel F.E. The New World of Henri Saint-Simon. Cambridge, 1956. Р. 176.* Отношение Сен-Симона к колониализму может служить предметом специального внимания. Сейчас ограничимся замечанием, что в этом отношении на Сен-Симона мог оказать влияние аббат Грекуар, известный революционер, чей «Трактат о рабстве черных и белых, написанный другом всех людей и цветных» обсуждался на страницах тех же периодических изданий, в каких публиковался и сам Сен-Симон. См.: *Censeur....1815. Т. 4. Р. 210—230.*

ем и составлением кодекса морали. Европарламент является высшей инстанцией, предназначеннной для открытия «морального кодекса настолько всеобщего, чтобы объединял и национальный и индивидуальный» кодексы морали и воспитания в обществе²¹⁵. Эти кодексы общей, национальной и личной морали, составленные под руководством Европарламента, будут преподаваться по всей Европе. Под руководством Европарламента в Европе будет установлена полная свобода совести и вероисповеданий. В этих рассуждениях можно найти отголоски идеи создания нового катехизиса, которую Сен-Симон высказал как-то еще в годы Империи, а также отголоски идеи о цивилизаторской миссии Европы.

Таким образом, основными условиями осуществления общеевропейской политики должны быть «согласованность институтов, союз интересов, максимальные связи, общность морали и народного образования»²¹⁶. Мирного сосуществования и единства народов можно достигнуть, если члены сообщества будут иметь идентичные социальную и политическую системы, а также идентичные кодексы морали. Их структура должна стать «последовательно однородной». В заключении работы вновь повторяется: «Таким образом <...>, Европа будет иметь лучшую возможную Организацию, если все нации, из которых она состоит, будучи управляемы каждой своим парламентом, признают супрематию общего парламента, поставленного над всеми

---

²¹⁵ *Saint-Simon. Oeuvres*. Paris, 1966. Т. 1 (1). Р. 203.

²¹⁶ *Saint-Simon. Oeuvres*. 1966. Т. 1 (1). Р. 205. Ср.: «сходство учреждений, объединение интересов, согласованность правил, общность морали и народного образования». Ср.: *Сен-Симон К.-А., Тьерри О. О преобразовании европейского общества...* С. 144.

национальными правительствами и предоставят ему власть судить об их разногласиях»²¹⁷.

«Европейский парламент» — организация, задуманная Сен-Симоном в теории. Он не указывает «ни границы власти, ни модальности ее исполнения. Он лишь широкими мазками набрасывает направления деятельности, которыми Европарламент будет руководить». Из рассуждений Сен-Симона, вздыхает Пиже, невозможно даже понять, как будет выглядеть географическая карта Европы, которой будет управлять этот парламент²¹⁸.

Глядя из XX и тем более из XXI века, можно на многое попенять Сен-Симону, тем более если мы не станем уточнять насколько «широкими» допустимы мазки на историче-

---

²¹⁷ *Saint-Simon. Oeuvres*. Paris, 1966. Т. 1. (1). Р. 197. Таким образом, Проект, изложенный в работе «О реорганизации...», содержит два руководящих принципа: первый утверждает существование абсолютно хорошей конституции, другой утверждает необходимость ввести эту конституцию в действие и для каждой европейской нации в отдельности, и для той супернации, которой станет европейское общество в целом. Но для реализации этих двух принципов, кажется, необходимым условием является установление «идентичных кодексов морали», нового духовного порядка, который бы стал основой для абсолютного характера первого принципа и унифицирующего характера второго. Идея взаимосвязи революции в умах и реформы институтов — одна из «констант» в воззрениях Сен-Симона. А Гуйе, забегая вперед, акцентировал религиозную ноту в дискурсе Сен-Симона, ноту, которая в 1814 г. была еле слышна: «Миф о светском христианстве, где царствует разум, заменит царство веры, единство науки заменяет единство теологии — таково видение мира, исходя из которого, наш политический архитектор намечает свой план действий. Предлагая этот план как неотложное лекарство, передавая перо своему молодому секретарю, не посвященному в более глубокие истины мифа о светском христианстве, наш философ религиозной революции исчезает на фоне философа социальных реформ». См.: *Gouhier H. Op. cit. T. III. P. 88*. Но не следует забывать, что для Сен-Симона политическая система — лишь институционализация общих идей, политические институты являются для него только «идеями в действии», выкристаллизованными идеологиями. Духовная власть не может быть полностью заменена светской властью. См.: *Saint-Simon. Oeuvres*. Т. 3. Р. 188—189

²¹⁸ *Piguet M.-F. L'Europe des Européens chez le comte de Saint-Simon // Mots. Les langages du politique*. 1993. № 34. Р. 11—12. Но еще А. Гуйе пенял Сен-Симону за непрояснение деталей функционирования предлагаемого им механизма. См.: *Gouhier H. Op. cit. P. 87—89*.

ском полотне. Программа действий Сен-Симона и О. Тьери сводится к созданию сначала «англо-французского парламента» или «англо-французской конфедерации», к которой потом присоединяются другие нации.

Третья часть «О реорганизации европейского общества» посвящена детализации этапов создания Европарламента, в частности англо-французскому парламенту и его влиянию на остальные европейские народы...

Сен-Симон отдает себе отчет, что принятие предлагаемой им «новой философской системы», утверждение мирной ассоциации народов — дело нелегкое²¹⁹. Он предлагал поэтапное решение проблемы.

Несмотря на все потуги на «научность» и на призывы к превращению политики в некое подобие современной политологии, Сен-Симон как бы предчувствовал, что теоретическое обоснование и общий характер предлагаемого плана могут показаться современникам утопичными (забегая вперед, скажу, что такие упреки в утопизме все же ему будут сделаны). Поэтому «О реорганизации европейского общества» не ограничивается общими положениями о выгодах вечного мира, Сен-Симон попытался не только наметить стратегию реформы, но и снизошел до некоторых подробностей. В работе «О реорганизации европейского общества» Сен-Симон предлагает конкретный политический проект — проект создания англо-французского союза, к которому затем присоединится Германия. Проект этот кому-то из исследователей (как Фише) кажется «смелым и оригинальным», а кому-то (как А. Гуйе) — программой «несколько идеалистической и не очень серьезной, но написанной с большим чувством». Сухой же факт таков — в тот момент, когда Венский кон-

²¹⁹ *Saint-Simon. Oeuvres. T. 1 (1). P. 175.*

гресс рассматривал судьбу Европы, Сен-Симон предложил проект англо-французского союза.

Столь на первый взгляд неожиданное предложение не так уж для Сен-Симона и неожиданно (и не может быть объяснено влиянием О. Тьеरри). Опять-таки еще в годы Империи Сен-Симон выдвигал идею духовного союза двух наций с общей системой образования, идею установления между Англией и Францией мира во имя совместного научного труда на пользу позитивной науке. Объединенных в один корпус ученых двух наций Сен-Симон предлагал именовать «англо-французской церковью»²²⁰. Совместная выработка позитивной доктрины привела бы, по его мысли, к окончательному и решающему союзу между двумя нациями: все народы мира должны будут принять их научную доктрину и политические институты, свергнуть повсеместно деспотические или республиканские режимы и установить режимы ограниченных монархий²²¹.

Но, если в годы Империи Сен-Симон вел речь о духовном союзе, о союзе умов ученых, то теперь акцент переносится в политическую область.

Европарламент может быть учрежден тогда, когда европейские народы достаточно просветятся, чтобы оценить преимущества парламентаризма и перейти от «режимов произвола», от режимов «неограниченной монархической власти» к парламентскому строю. И на этом пути принятие Хартии 1814 г. кажется началом эпохи европейского парла-

---

²²⁰ *Saint-Simon. Oeuvres. T. 6. P. 315.* В проспекте «Проект Энциклопедии» Сен-Симон говорит устами Бэкона, обращаясь к англичанам: «Объединитесь с французами с целью создать новую позитивную доктрину» (doctrine positive). См.: *Saint-Simon. Oeuvres. T. 6. P. 296—297.*

²²¹ *Nauroy Ch. Un Manuscrit inédit de Saint-Simon // La Revue socialiste. 1899. № 172. P. 457, 461, 463.*

ментаризма²²². После принятия Хартии уже можно начинать с учреждения англо-французского парламента. Затем этот парламент будет саморасширяться. Каким путем? — Англичане и французы имеют достаточно средств, чтобы «поддерживать всею своею силою сторонников представительного строя» в других странах или, как более прямолинейно замечено в сноске, — «средств для подкупа»²²³. Таким образом, по Сен-Симону, в политическом отношении шанс Европы — в парламентаризме, и поскольку наилучшая форма правления уже известна, остается только транслировать ее на всю Европу.

Зачем этот парламент нужен англичанам, которые вынуждены будут пойти на некоторые жертвы, и, чем это выгодно французам? Сен-Симон опять пугает: «Англии и Франции угрожает большое политическое потрясение, и ни та, ни другая в отдельности не могут найти средств для предотвращения надвигающейся опасности». Средство же против революций и войн — англо-французский союз.

Англии угрожает «финансовая и политическая революция» вигов, которые не упускают случая дать открытое доказательство «своих самых либеральных воззрений». Англия — «большой торговый дом, создавший великолепные предприятия, но задолжавший при этом огромную сумму».

²²² Историко-юридические исследования, посвященные Хартии 1814 г., еще в XX в. показали, что с юридической точки зрения государственный порядок установившийся во Франции, нельзя считать собственно парламентаризмом. Как считает историк Бартелеми, Хартия 1814 г. не устанавливала юридически парламентского строя, но на протяжении всего периода Реставрации происходила эволюция в этом направлении. См.: *Barthélémy. Introduction du régime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X. Paris, 1904; Bonnefon. Le Régime parlementaire sous la Restauration. Paris, 1905; Simon P. L'Elaboration de la charte constituinelle de 1814. Paris, 1906.*

²²³ Сен-Симон К.-А., Тьерри О. О преобразовании европейского общества... С. 146.

Сен-Симон как экономист описывает финансовую и торговую ситуацию в Англии и заключает, что эта экономически наиболее могущественная нация уже достигла того рубежа, когда ее превосходство стало опасным для нее самой: ее долг подавляет, чтобы избежать банкротства она нуждается в таком компаньоне как Франция²²⁴.

Сен-Симон еще в 1810 г. в «Проекте Энциклопедии» высказал мысль, что это политика английских тори мешает Европе нормально развиваться. Английское правительство идет на большие финансовые затраты, общественный долг растет. Ему кажется, что банкротство этой политики — не за горами. Европа скоро освободится от английского ига²²⁵. В 1814 г. Сен-Симон вновь взывает: тори немедленно должны отказаться от политики интриг, ибо, разрушая другие страны, они разрушают свою страну. Подавлять все то, что поднимается, поддерживать Францию в униженном состоянии, — эти игры будут стоить дорого: катастрофа на носу.

Положение же дел в самой Франции так же тревожно. «Революции Франции и Англии, если их рассматривать как ряды фактов, имеют пять аналогичных членов, и пятый член, относящийся к французской революции, представляет собой нынешнее состояние вещей». Во Франции, по мне-

²²⁴ Сен-Симон остается верен своей привычке: он восхищается английскими институтами, но сурово критикует английскую политику. Он не единственный, кто так поступает, в «Цензоре» (№ 12 за сентябрь 1814 г.) есть статья «О политике англичан и об их поведении по отношению к американцам». В ней показано, что либерал — в первую очередь «проамериканец» (Америка — родина реальной свободы), и поэтому он противостоит англичанину, даже если иметь в виду, что Англия — родина институтов, которые стали для американцев моделью. Анти-английские замечания мы находим и в других номерах «Цензора». Критику внешней и финансовой политике Англии дал Ж.-Б. Сей в своей работе «Об Англии и англичанах» (1815).

²²⁵ *Nauroy Ch.* Op. cit. P. 461.

нию Сен-Симона, идет борьба старого и нового дворянства; судейское сословие утратило свое политическое значение, но надеется на то же положение, что и английские судьи; торговцы, банкиры, купцы, фабриканты не видят достаточного уважения к индустрии со стороны правительства, помимо этого этот класс, «столь важный для могущества государства, подавлен притязаниями и влиянием дворянства»; неимущие недовольны косвенными налогами. Наконец, «все классы общества, все французы возмущены слабостью правительства, допустившего отнять у Франции Бельгию. Французы с сокрушенным сердцем видят, что Австрия увеличила свою территорию частью Польши и Иллирийскими провинциями, что Россия приобрела Крым, Финляндию и обширные владения в Азии, что Пруссия присоединила к себе Силезию и часть Польши, а Франция унижена, ослаблена и втиснута в свои старые границы». Сен-Симон критикует правительство за отсутствие твердости и прямоты, за слабость и безволие. Во Франции пока еще только «ублюдочная форма правления, где правительство является только бесполезным аппаратом, бессильным бороться со злоупотреблениями власти». Таким образом, «недовольство нации, интриги Англии (имеется в виду правительство тори. — А.Г.), слабость правительства угрожают Франции грядущей революцией». Эта революция падет в первую очередь на короля, ибо управляющая королевская власть еще не отделена от наследственной королевской власти, принцип ответственности министров во Франции в отличие от Англии еще не утвердился. Но, как только Франция объединится с Англией, страсти, волнующие общество, ослабнут, национальная гордость будет удовлетворена, владычество над морями станет общим, общий банк удовлетворит жела-

---

ния торгового сословия, парламентаризм разовьется и укрепится²²⁶.

Итак, Франция, не только социально, но и политически находящаяся в состоянии перехода, (когда прежняя система свергнута, а новая еще не установилась), нуждается в таком компаньоне, как Англия, чтобы избежать новой революции. Сен-Симон отказывается от претензий прежних аристократов и их неуклюжестей; он говорит о нуждах негоциантов, горестях магistrатов, возмущении неимущих, слезах населения побережья, сократившего каботажную торговлю из-за потери колоний. И при этом он постоянно указывает на разочарование оскорбительным внешнеполитическим положением Франции в Европе. Что касается Англии, то если уж она первой сменила «феодальное правительство» на парламентскую конституцию, то ей и дальше надо практиковать международную либеральную политику, что минимизирует ее внутренние финансовые риски.

Союз Англии и Франции не только необходим для обоих государств, но и имеет к тому объективные предпосылки. Речь совершенно не идет о каком-то исключительно сердечном согласии: просто эти два народа следуют одним и тем же историческим путем; их политические структуры схожи; надлежащие условия для того, чтобы установить общество наций Франции и Англии, уже сложились²²⁷. В настоящее

---

²²⁶ Сен-Симон К.-А., Тьерри О. О преобразовании европейского общества... С. 146—157.

²²⁷ «Это согласие характеризует общность цивилизаций, верований в одни и те же духовные ценности, близость институтов», — писал А. Гуйе. См.: *Gouhier H. Un «Projet d'encyclopédie» de Saint-Simon // Revue internationale de philosophie.* Т. 14. 1960. Р. 394. Ж. Дави акцентировал понимание Сен-Симоном общности не только политического, не только духовного, но и индустриального пути Англии и Франции. См.: *Davy G. Doutes sur l'interprétation de Saint-Simon // Revue internationale de philosophie.* Т. 14. 1960. Р. 297, 316.

время, утверждает Сен-Симон, Франция и Англия просто морально обязаны образовать «конфедерацию», которая будет прелюдией к реорганизации всей Европы.

Англия, которая первой ввела у себя парламентаризм, конституцию и национальную церковь, воспользовалась своим положением. Она развивала торговлю, пока Европу раздирали конфликты эпохи Реформации. Она использовала политику баланса сил, чтобы ослабить и столкнуть между собой континентальные державы. Теперь нужно объединить интересы недавних противников, установив политическую связь. Как подметила Фише, геополитический, политический и исторический анализ Сен-Симона исходит из свершившегося факта — победы Англии и ее господства²²⁸.

Руководящая роль в этом англо-французском парламенте отводится англичанам, так как они имеют больший парламентский опыт, а французский опыт ограничен Хартией 1814 г. Каждый миллион умеющих читать и писать англичан и французов делегирует двух своих депутатов (от Англии) и одного (от Франции) в общий парламент. Поэтому временно (до создания Европарламента) французы будут иметь только треть в общих представительных органах: «еще мало привычные к парламентской политике, они нуждаются в опеке англичан, которые имеют больший опыт в этом отношении»²²⁹.

Итак, Англии не надо давить возвышающуюся Францию, наоборот, союз с Францией спасет ее от банкротства, а Фран-

---

²²⁸ *Fichet A.* Op. cit. P. 156.

²²⁹ Сен-Симон К.-А., Тьери О. О преобразовании европейского общества... С. 150. Естественно, что после выборов в Европарламент представительство французов в этом общем органе резко увеличится.

ция в «великодушном порыве» должна согласиться разделить тяжесть государственного долга Англии, за что получит от последней все те преимущества, коими она пользуется. Другие государства, присоединяясь к англо-французскому союзу, будут также брать на себя часть долга.

Итак, Сен-Симон вместо передела Европы между ведущими державами — участниками Венского конгресса²³⁰ предлагает систему альянсов между наиболее прогрессивными нациями. В качестве первоочередной меры предлагается союз между англичанами и французами. «Союз Англии и Франции может реорганизовать Европу», — пишут Сен-Симон и О. Тьери. Так как до того момента, когда все европейские народы введут у себя парламентское правление еще далеко, то пока можно ограничиться учреждением общего парламента для Англии и Франции: остальные к ним примкнут потом без потрясений и революций. Итак, достижению объединения и политической реорганизации Европы должен предшествовать первый подготавливающий этап: англо-французский союз с совместным правительством и совместным парламентом²³¹.

Если появится эта новая политическая сила в Европе, то следующим заданием будет постепенно интегрировать все народы Европы в союз, как только их анахроническая политическая форма абсолютный монархии — «деспотическое правление» («gouvernements arbitraires») — будет заменена «представительным правлением»²³².

²³⁰ «Политическая география, которая является фоном «О реорганизации», может показатьсяrudimentарной: Австрия, Англия, Россия с ее неясно очерченными контурами <...> и наконец Германия <...> Эта география целиком касается держав — участниц Венского конгресса». См.: *Fichet A. Op. cit. P. 156.*

²³¹ *Saint-Simon. Oeuvres. Paris, 1966. T. I. (1) P. 206.*

²³² *Ibid. P. 207*

По всей видимости, главной (по крайней мере, одной из главных практических) миссией англо-французского парламента по замыслу Сен-Симона должно было стать вмешательство во внутреннюю жизнь других государств с целью покровительствовать противникам деспотизма (хотя бы, как мы уже видели, и путем подкупа). Таким образом, один из главных тезисов «О реорганизации европейского общества» — Англия и Франция, будучи в социальном и политическом отношениях странами самыми передовыми, так как живут в условиях парламентского режима с конституционным королем и двухпалатным парламентом, должны играть роль гида и вести за собой другие европейские нации. В конце этого процесса, который должен протекать без войн, катастроф и революций, появится объединенная Европа, управляемая совместным парламентом. «Французы и англичане создав союз (Сен-Симон использует термин «société», а не «union»). Т.е. речь идет о совместном «обществе». — А.Г.) установят между собой общий парламент; главная цель этого союза — увеличиваться, привлекая другие народы; как следствие, англо-французское правительство покровительствует всем нациям — сторонникам представительных учреждений; оно поддерживает всей своей властью стремление, чтобы парламенты установились у всех народов, имеющих абсолютные монархии; любая нация, с момента, когда она примет форму представительного правления, может присоединиться к союзу и делегировать в общий парламент своих избранных членов, и организация Европы произойдет незаметно, без войн, без катастроф, без политических революций»²³³.

---

²³³ *Saint-Simon. Oeuvres. Paris, 1966. T. 1. (1). P. 208.*

Первым делом англо-французского парламента предполагалось ускорение преобразований в Германии, реорганизация ее на парламентских началах.

Ганзен как-то отметил мощное влияние на суждения Сен-Симона и О. Тьеरри о Германии идей мадам де Сталь: суждения авторов «О реорганизации» о немцах неизменно романтические²³⁴. Две главы из «О реорганизации...» воспроизводят темы из «О Германии» (первая часть из второй главы и третья часть из одиннадцатой): Германия искренняя, верная, склонная к идеализации, и даже мало интересующаяся формой светского порядка. Сен-Симон приписывает этой нации многочисленные высокоморальные качества. Немцы отличаются от других европейцев своей наукой, своей философией и отсутствием меркантильного духа. Высокие знания, чистая нравственность, искренность, природная доброта, простота нравов, — характерные осо-

---

²³⁴ Ganzin M. *La pensée européenne de Saint-Simon: réorganisation et prophétisme* // Colloque AFHIP. Toulouse, 1991. P. 150. Эти главы о Германии можно было бы добавить данными, собранными в книге Алана Хеннинга «Германия мадам де Сталь и романтическая полемика. Судьба работы во Франции и Германии (1814—1830)». См.: Henning A. *L'Allemagne de madam de Stael et la polémique romantique. Première fortune de l'ouvrage en France et en Allemagne (1814—1830)*. Paris, 1929. «О Германии» де Сталь появилась в Лондоне на французском языке 3 ноября 1813 г., отрывки в марте и апреле 1814 г. были опубликованы в «Mercure de France» и в антина-полеоновской брошюре Л.А. Мартена (Martin). Впрочем, эти версии отличались от опубликованного текста, который произвел на публику столь живое впечатление. См.: Henning A. Op. cit. P. 30—31. 12 мая де Сталь вернулась в Париж, в мае увидело свет и парижское издание «О Германии». «К середине 1814 года уже почти весь свет читал или уже прочитал это сочинение <...> Можно сказать, что к концу июня эта книга лежала на всех туалетных столиках» См.: Henning A. Op. cit. P. 36. Труд очень быстро приобрел известность и популярность, с этого времени отрывки и цитаты из «О Германии» мы можем найти в самых различных ежедневных газетах и фельетонах. Правда, мнение критиков было менее благоприятно, чем мнение публики. Но в целом книга раскупалась хорошо, особенно теми, кому нравилась «Корина» и кто восхищался Руссо. Об отношении Тьеरри в это время к мадам де Сталь и ее сочинениям нам ничего неизвестно, а об отношении Сен-Симона к мадам де Сталь я уже писал. См.: Гладышев А.В. Мирры Сен-Симона. От Старого порядка к Реставрации. Саратов, 2004.

бенности германской нации. Более того, немцы необходимы и для англичан, и для французов: «немцы, которые войдут в общее правительство, внесут в него ту нравственную чистоту, то благородство чувств, которыми они отличаются; они поднимут до себя, в силу влияния примера, англичан и французов, которые, вследствие своих коммерческих занятий, более своекорыстны и менее способны отвлекаться от своего собственного интереса»²³⁵.

В Германии чувствуется приближение революции. Она «на полпути между рабством и свободой», она уже созрела для единства и либеральных принципов: «все говорит о том, что революция здесь подготавливается». В работе «О реорганизации...» немцы рассматривают как великую в будущем нацию, которая пока еще остается раздробленной. Первым делом надо «ускорить» унификацию и либерализацию германских государств, если англо-французское сообщество будет поддерживать приверженцев прогресса, никто не осмелится ему сопротивляться и можно будет избежать гражданской войны; новый порядок без всяких потрясений установится в стране.

Центральное положение Германии, моральные качества ее обитателей, количество населения, — все придает объединению немецких земель такое значение, что тройной союз Англии, Франции и Германии и будет практически «Европой».

---

²³⁵ Сен-Симон К.-А., Тьери О. О преобразовании европейского общества... С. 161. Не случайно на основании подобных пассажей из работы «О реорганизации» ученики Сен-Симона именно ему, а не Фурье приписывали честь создания учения о трехмерной ассоциации. Например, Феликс Турне риторически вопрошает в одном из писем 1832 г.: «...кто до Сен-Симона говорил, что человечество идет к всемирной ассоциации в трех аспектах — нравственном, интеллектуальном и физическом?». См.: Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 301.

Работа заканчивается следующими словами: «Несомненно, наступит время, когда все народы Европы почувствуют, что необходимо отрегулировать точки общего интереса, прежде чем обратиться к интересам национальным, тогда несчастья начнут уменьшаться, беспорядки успокаиваться, войны угасать; именно к этому мы беспрестанно идем, именно сюда увлекает нас ход человеческого разума <...> Воображение поэтов поместило золотой возраст человечества в колыбель истории человечества, среди дикарей первобытного общества; то есть его надо было бы сослать дальше возраста железа. Золотой возраст человечества вовсе не позади нас, он — впереди, он — в улучшении социального порядка; наши отцы его совершенно не видели, наши дети его однажды увидят; это мы им прокладываем дорогу»²³⁶.

...Одни исследователи, как А. Гуйе или М. Ганзен, акцентируют на утопичности, ошибочности Сен-Симона в его конкретных ожиданиях. Для кого-то идея союза с Англией в 1814 г. — проявление личной смелости²³⁷, а для кого-то

²³⁶ *Saint-Simon. Oeuvres. 1966. Т. 1 (1). Р. 247. Ср.: Сен-Симон К.-А., Тьерри О. О преобразовании европейского общества... С. 162.*

²³⁷ Иногда обвинения выглядят несколько курьезно. Косма Соринель из Бухареста пишет, что «О реорганизации...» — «содержит идею федеративной Европы, основанной на французских идеях революционной рациональности и английских идеях индустриальной организации». При этом автор указывает, что Сен-Симон «не понял, что индустриальным успехом англичане обязаны идеям экономической и социальной свободы, которые были прямо противоположны французским революционным идеям». И далее: «в 1814—1815 Сен-Симон проявляет не только политическую дерзость, но и личную смелость: в 1814 во время оккупации союзниками Парижа или в 1815 во время Стадней или после Ватерлоо, когда провозглашает необходимость союза между Францией, Англией и Германией как единственного пути к установлению мира в Европе». См.: *Cosma Sorinel. L'Europe saint-Simonienne // The Journal of the Faculty of Economics. Universitatea Ovidius Constanta. 2010. V. 2. № 2. Р. 226—227.* То же см.: *Annals of the University of Oradea: Economic Science. 2010. № 12.* Кажется единственная смелость здесь — это личная смелость К. Соринель, публикующей результаты своих научных изысканий о Сен-Симоне...

лишь «оригинально и неожиданно» звучащая идея. Большинство же авторов предпочитает упомянуть гениальность его глобальных предвидений.

И прежде всего их поражает пророчество относительно единой Европы. Идеи мирной ассоциации народов Европы, с одной стороны, (в части создания «общих учреждений» и утверждения «всеевропейской власти» для упрочения принципа мирного сотрудничества) намного опередили время. «О реорганизации Европы...» через сто лет принесет Сен-Симону настоящую славу. Исследователи охотно акцентировали внимание на исполнении пророчества Сен-Симона и представляли его как прародителя мирной Европы и Лиги наций²³⁸. Как выразился А. Перейр, Сен-Симон был «пророком сердечного согласия»²³⁹. Е. Эйхталь писал о сен-симоновской «замечательной способности предвидения в одних случаях и слишком упрощенческом и доходящем до наивности оптимизме — в других»²⁴⁰. М. Леруа в 1925 г.

²³⁸ Анри Жувенель тогда провозгласил: «И через сто лет после своей смерти Сен-Симон не позади нас в истории, а — впереди!». См.: *Jouvenel H. de. Le Compte de Saint-Simon et la reorganization da la société européenne // Revue de Paris*, 1925. Цит. по: *Carbonell Ch.-O. L'Europe de Saint-Simon. Toulouse*, 2001. Р. 11. «Сен-Симон говорил: «Европейский парламент», мы теперь говорим: «Лига Наций», — писал М. Леруа. См.: *Leroy M. La Société professionnelle des nations. Un projet d'Henri de Saint-Simon // Europe*. 1924. № 18. Т. 5. Р. 209. У Сен-Симона мы находим «одно из первых размышлений о возможности создания Общества Наций». См.: *Piguet M.-F. L'Europe des Européens chez le comte de Saint-Simon // Mots. Les langages du politique*, 1993, № 34. Р. 7. «Идеи французского мыслителя, в частности его проект общеевропейского парламента, звучат и сегодня весьма современно; они наряду с другими учитывались при строительстве объединенной Европы после второй мировой войны». См.: Чуба-Ръян А.О. Европейская идея и XIX век // История Европы. Т. 5. М., 2000. С. 616.

²³⁹ Притом Альфред Перейр писал, что этот потомок автора знаменитых «Мемуаров» предложил союз между Францией и Англией в тот момент, когда, казалось бы, он был абсолютно нереален. Предлагаемый Сен-Симоном и Тьери в октябре 1814 г. альянс не мог быть расценен тогда никак иначе, нежели как парадоксальный. См.: *Pereire A. Autour de Saint-Simon. Documents originaux. Paris*, 1912. Р. 23. Эту фразу повторяет и М. Леруа. См.: *Leroy M. La vie...* Р. 259.

²⁴⁰ *Eichthal E. Les idées de Henri de Saint-Simon sur la paix européenne // Séances et travaux l'Academie des sciences morales et politiques*. 1925. sept.-oct. Р. 350.

называл «О реорганизации европейского общества» «прекрасной книгой, оставшейся актуальной и через сто лет»²⁴¹ и особое внимание обращал на сен-симоновскую идею создания Общества Наций и Интернационального Бюро Труда. Второе, что восхищало Леруа в этой работе Сен-Симона, — появление формулы Руссо: золотой век не позади, а впереди нас — «он в улучшении социального порядка»²⁴².

В международном плане Сен-Симон отказывается от традиционной политики европейского эквилибра в пользу идеи европейской конфедерации. Обращаясь к мыслителям и ученым (что для него вполне обычное дело) и политикам, он взвывает к «акселерации Европы». Он предлагает отказаться от национальных государств²⁴³... И в этом заключается первое новшество Сен-Симона: разрыв с традицией «альянса принцев» и замена ее принципом представительства — выборами европейских депутатов.

Второе новшество. План Сен-Симона ставит европейскую проблему на почву, выражаясь его языком, «общих интересов». В «Реорганизации» Сен-Симон стремится к

---

²⁴¹ *Leroy M. La vie...* P. 258.

²⁴² *Leroy M. La vie...* P. 258. Работы других историков первой половины XX в., которые особо подчеркивали его вклад в развитие идеи европейского сообщества: *Pillet A. De l' idée d'une Société des nation*. Paris, 1919; *Puech J.L. La tradition socialiste en France et la Société des nations*. Paris, 1921; *Puech J.L. La société des nations et ses précurseurs socialistes: Le Compte C.-H. de Saint-Simon // Revue politique et littéraire*, 1921; *Bonnard L.Ch. Essai sur la conception de la Société des nations*. Paris, 1921; *Hodé J. L' idée de la fédération internationale dans l'histoire*. Paris, 1921; *Mathieu M.-H.-J. Evolution de l'idée de Société des nations*. Nancy, 1923; *Jouvenel H. de. Le Compte de Saint-Simon et la reorganization de la société européenne // Revue de Paris*, 1925; *Spitz R. La formation du pacte de la Société des nations, les sources et les influences*. Paris, 1932.

²⁴³ Г. Ионеску указывает на прогноз Сен-Симона о конце классического территориального суверенитета, который опережает высказывания таких плюралистов XX столетия, как, к примеру, Гарольд Ласки (Harold Laski). См.: *Ionescu G. Saint-Simon and the politics of industrial societies // Government and opposition*. 1973. Т. 8. Р. 36.

тотальной когерентности Европы: моральной, религиозной, социальной, политической и даже экономической. В этой тотальности и его оригинальность как певца федерализма: он обновил эту идею, привнеся в условия создания федерации требование тождества политических институтов и политico-экономической солидарности. И М. Ганзену уже кажется, что Сен-Симон имел полное право написать: «план, который я предлагаю, — первый, имеющий характер новый и всеобщий»²⁴⁴.

Конечно, «идея мира через свободу торговли развивалась британскими экономистами от Адама Смита до Кобдена. Это было первым условием всеобщего мира. Во Франции идея была подхвачена графом Сен-Симоном, большим почитателем Англии и вдохновителем Наполеона III»²⁴⁵. Но Сен-Симон не просто «подхватил» идею свободы торговли. Иногда авторы пытаются подчеркнуть значимость и новизну Сен-Симона указаниями на количественные показатели: Сен-Симон обращается в своей аргументации к экономике *более чем кто-либо другой из авторов подобных планов*. В этом отношении он, как это любили утверждать исследователи в 1950—60-е гг., — истинный предшественник той тенденции XX века, которая привела к образованию Общего рынка²⁴⁶.

Современные авторы, предпочитают все же во главу угла ставить качественные показатели, вписывая при этом

²⁴⁴ Ganzin M. Op. cit. P. 159.

²⁴⁵ Nurdin J. Le rêve européen des penseurs allemands 1700—1950. Paris, 2003. P. 137.

²⁴⁶ См. по этому поводу так же: Ledermann L. Fédération internationale. Idées d'hier. Possibilités de demain. Neuchâtel, 1950; Rougemont D. de. Vingt-huit siècle d'Europe. La conscience européenne à travers les textes d' Hésiode à nos jours. Paris, 1961; Duroselle J.-B. L' idée d' Europe dans l' histoire. Paris, 1965.

сен-симоновские идеи в тот или иной поток общественной мысли эпохи. Шапеи самым «оригинальным» считает проект общеевропейского парламента²⁴⁷, а и Ганзен, и Фише, подчеркивают важность экономики в построениях и аргументации Сен-Симона. Фише прямо утверждает: «наиболее оригинальный аспект» работы «О реорганизации...» — важность, придаваемая экономическим ставкам в будущей Европе. Но при этом делается оговорка, что работа Сен-Симона вписывается в общее течение мысли, начиная с «Писем англичанам» Вольтера, главы, посвященной «духу коммерции» в «Духе законов» Монтескье, Бёрка и Канта с его проектом вечного мира, где он пишет о власти денег. Расходы на войну были раскритикованы еще Сен-Пьером, Руссо, Кине, Адамом Смитом и многими другими, включая Неккера и Талейрана в 1792 г. В 1814 г. Б. Констан коснулся, выражаясь языком Фише, «экономических ставок» в своем труде «О духе завоеваний». А еще ранее Ж.-Б. Сей заговорил об «индустриализме», о развитии индустрии, которое требует либеральной политики и мира. «В этот период, сотрясаемый войнами Империи, индустриализм казался посланием изобилия: золотой век впереди нас, индустрия, свобода, мир, казалось, идут рука об руку и положат конец несчастьям народов»²⁴⁸. С такого

²⁴⁷ Шапеи, «не вдаваясь в подробности», указывает, что «оригинальность проекта частично основана на необходимости создания иерархии представительных собраний, которая позволит создать общий европейский парламент с широкими полномочиями. Развитие торговли является условием того, что Европе удастся обеспечить прогресс цивилизации, предотвратив всякие возможности новой революции. Восстановление мира в Европе в конечном счете благоприятствует продвижению этих «космополитических» идей единства Европы, базирующегося, однако, на иных основаниях, нежели чисто дипломатические, что используются на конгрессе в Вене». См.: *Chappey J.-L. Les Archives littéraires de l'Europe (1804—1808). Un projet intellectuel et politique sous l'Empire // La Révolution française. 2011. № 6. P. 29.*

²⁴⁸ *Fichet A. Op. cit. P. 159.*

ракурса видны вполне определенные границы «оригинальности» мысли Сен-Симона.

Россия опять не занимает в дискурсе Сен-Симона ведущих ролей, и понятно, что работа «О реорганизации Европы...» писалась вовсе не для отсылки Александру I, последнее было (если было) спонтанным решением. О России с имперскими нотками в голосе упоминается, только когда заходит речь о внешней политике: поднимается Бельгия, Австрия аннексирует часть Польши и иллирийские провинции, Россия получает Крым и Финляндию, Пруссия — Силезию, а «приниженная и ослабленная Франция отказывается от своих прежних границ». Когда в 1815 г. Сен-Симон, предлагая уже Наполеону рецепты по спасению Франции, рассматривал возможные варианты союзника для Франции, то наряду с Англией, Германией, Австрией упомянул и Россию. По его мнению, начиная с Петра I, Россия являла собой государство, построенное исключительно на расширении территории, на завоевательной политике: «в этом суть ее системы, в этом единственная цель ее политики». К тому же весьма низкий уровень просвещения нации ставит ее внешнюю политику в зависимость от капризов императора, что делает Россию союзником для Франции ненадежным: прочный союз невозможен между столь разнородными элементами. Сен-Симон ни словом не обмолвился о войне 1812 г., не видел он в обозримом будущем России и в Европарламенте. Это лишний раз подтверждает мысль, что взаимовосприятие «другого» связано не только с правительственной пропагандой и поворотами во внешней политике или даже личными наблюдениями, но и архетипами сознания. После катастрофы 1812 г. образ россиянина-варвара, дикаря (*sauvage*) еще легче находил благодатную почву среди французов, чья на-

циональная гордость, несомненно, была ранена. Череда публикаций французских мемуаров о кампании 1812 г. лишь придала новый импульс мифу о русском варварстве. Сен-Симон был лично знаком с некоторыми молодыми русскими дворянами, с которыми встречался в парижских салонах в эпоху Реставрации. Но и эти встречи не сильно поколебали его представления о цивилизованности России. Он еще согласился бы иметь дело с «царем», но никак не с самой страной. Не имея представления о прогрессе наук в России, он упорно отказывает победителям 1812 г. в праве на первые роли в эвентуальной единой Европе. Выстраивая евросоюз по масонской модели — узкий круг просвещенных и более широкий круг профанов, куда собственно и попадет Россия, если захочет быть с «Европой», — он вносит свою лепту в формирование (укрепление) стереотипа восприятия этой страны. 1812 г., роль России в освобождении Европы от национального господства еще раз показали, что без России Европе не обойтись, но в то же время укрепили архетипические страхи перед «нашествием с Востока» или «варварским нашествием». Понадобятся десятилетия взаимного узнавания, новые опорные пункты в исторической памяти и появление новых совместных врагов, чтобы стало возможным «сердечное согласие» между Францией и Россией.

Л.Л. ИВЧЕНКО,
главный хранитель Государственного музея
«Бородинская панорама»,
заслуженный работник культуры РФ

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 года

(200-летний юбилей события)

Последние четверть века, предшествовавшие празднованию 200-летнего юбилея победы России в Отечественной войне 1812 года, совпали с общественно-политическими изменениями в стране. «В критические для общества времена, когда кажется, что “история нас обманула” (Марк Блок), упреки в адрес историков — и словом, и делом — нарастают. Недавно, в начале 90-х годов, их адресатами стали “советские историки”. В ситуации катастрофического разрыва между видением прошлого (и ожиданием определенного будущего) с позиций “марксистско-ленинской концепции” и реальным настоящем <...> на историков обрушилось две категории упреков. Упреки делом: началось лихорадочное (вне всякой науки) переиздание “настоящих” историков <...>. Упреки словом восходили примерно к тому

же представлению о “настоящей истории” — что-де вы, советские историки (да и историки вообще), без конца переписываете эту несчастную историю, вы подчиняете ее всякому последнему руководящему указанию, и у вас не хватает мужества раз и навсегда написать правдивую историю и т.д.»²⁴⁹. Эпоха «перестройки» воздействовала, что естественно, и на проблематику исследований и на научные концепции исследователей. Многим специалистам, занимающимся проблемами Наполеоновских войн, отечественная историография, существовавшая до них, представлялась сплошным конвойером умышленных фальсификаций, в связи с чем единственной методологической основой новых исследований до сих пор является преодоление идеологической составляющей, которая обозначается как «лжепатриотизм», основанный либо на дореволюционном «псевдопатриотизме», либо на его советском тоталитарном варианте — «сталинизме». И с этого «коночка» современные авторы, по-видимому, слезать не собираются, продолжая усердно работать над «ошибками прошлого». Этот процесс отождествляется с демократизацией. Бессспорно, что плюрализм мнений одно из достижений современного общества. Но, «в основе той формы социальной памяти, на которую опираются в данный момент общественные силы и тенденции развития, не плюрализм интерпретаций, а вполне определенный образ прошлого. <...> Плюрализм интерпретаций является лишь своего рода побочным продуктом весьма однозначного представления, которое не допускает иных интерпретаций, а если и допускает их, то не как равнозначные»²⁵⁰.

²⁴⁹ Муравьев В.А. История вновь и вновь...// Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв. — 1 февр. 2003. М., 2003. С. 22—23.

²⁵⁰ Смоленский Н.И. Теория и методология истории. 3-е изд. М., 2010. С. 184.

В наше время «социальную память» в основном формируют СМИ, являясь, так сказать, посредниками между историческим наследием и нашими гражданами, потребляющими их продукт, созданный с единственной целью: разоблачить очередной «миф». Социологи, политологи, тележурналисты посредством создания авторских программ, публикаций своих изданий в «авторской редакции» о культуре и историческом наследии России реализуют свое право на плюрализм мнений под предлогом, что историки извращают события под воздействием идеологии. «Добровольцы», говорящие от лица историков, безнадежно «путают исторический процесс с исторической наукой» и искренне предполагают «существование некоей абсолютно раз и навсегда данной истории, которую нужно раз и навсегда написать», избавившись от «идеологических мифов». Однако время убедительно показывает, что в нашей стране история — это не только наука, но и социальная практика, опирающаяся на идеологию. «Очевидна идеологическая составляющая исторической памяти — и не только в привычном людям моего и более старших поколений советском тоталитарном варианте <...> Идеология, идея присутствует в исторической памяти всегда», — справедливо отмечает современный исследователь²⁵¹. На смену старым мифам пришли новые, когда вместо вопросов к прошлому предлагаются готовые ответы, настойчиво формирующие обыденное историческое знание российских граждан. На наш взгляд, специалисты напрасно избегали и продолжают избегать дискуссий с историками-непрофессионалами, потому что привыкли к тому, что в советские времена ответ на вопрос: кому доверять — специалисту или любителю-энтузиасту? — не

²⁵¹ Румянцева М.Ф. Историческая память и музейная экспозиция в ситуации постmodерна // XVIII век в истории России. Труды ГИМ. М., 2005. С. 10.

вызывал сомнений. Теперь же взаимоотношения между исторической наукой и «эмоциональной публицистикой» можно охарактеризовать словами из детективной повести Г.К. Честертона: «Современная интеллигенция не приемлет ничего, что основывается на авторитетном суждении, но она принимает на веру все, что лишено авторитета»²⁵². В новых условиях мы явно недооценили потенциал социологов, политологов, тележурналистов — одним словом, всех тех, кто сейчас формирует представления об эпохе 1812 года и полагает, что их «свежий взгляд» на наше прошлое позволит установить «истину». Мы проглядели ту черту, когда количество недостоверной, но политически ангажированной информации перешло в качество.

Яркий пример современности — укоренившееся в российском обществе безотчетное и запоздалое по западным меркам преклонение перед Наполеоном, сформировавшееся благодаря мифу о том, что в России эта тема была якобы под запретом. Приведем подробную цитату из статьи А.В. Гордона, относящуюся к истории создания великими историками Е.В. Тарле и А.З. Манфредом знаменитых монографий о Наполеоне. Так, ученик академика А.З. Манфреда вспоминает о том, как в 1970-х гг. его научный руководитель выступил с докладом перед научной общественностью по теме одной из глав будущей книги о Наполеоне: «Восхищение собравшихся было всеобщим и вполне искренним. Критическую ноту внес Б.Ф. Поршнев, который в своеобразной аллегорической форме довел до коллег свои размышления об общественном значении и идеологическом смысле завершенного Манфредом труда. «Книга рассчитана на успех и будет иметь успех», — заявил Б.Ф. [Поршнев]. Слово «рас-

²⁵² Честертон Г.К. Исчезновение принца. Харьков—Белгород, 2011. С. 81.

чет» вызвало легкое раздражение у автора <...>. На мой тогдашний взгляд, однако, горше было продолжение поршневской речи. Б.Ф. [Поршнев] рассказал о своей поездке к горам Тянь-Шаня, о том, как в отдаленном кишлаке их принимал председатель местного колхоза-миллионера. Этот человек в ставшей знаменитой, благодаря портретам И.В. Сталина, полу военной форме — френче со звездой Героя — устроил, как водится, пышное застолье, на котором неожиданно поинтересовался: «А что, товарищи историки, нет ли чего новеньского о Наполеоне?» Имел ли Поршнев в виду, что потребность в новой биографии Наполеона связана с новым подъемом сталинизма, ощущавшимся тогда в стране, или только констатировал переплетение интереса к двум историческим личностям? <...> Тем, кто брался за образ Наполеона, приходилось учитывать читательские ассоциации, закреплению которых вольно или невольно способствовал Евгений Викторович Тарле своей книгой, написанной и изданной в пору утверждения сталинского полновластия»²⁵³. Академик Е.В. Тарле получил заказ на создание «идеально-го типа обобщающей модели единоличного правителя». Далее автор статьи продолжает: «Своим образом французского императора бывший представитель *école russe* подстраивался под господствовавшие в советском обществе настроения; и общественное восприятие торжествующего режима личной власти, разумеется, не могло не отразиться в его историческом сознании. <...>»²⁵⁴. Труд академика А.З. Манфреда, в свою очередь, отразил веяние времени, «являясь продуктом современной историку среды» (Н.И. Смолен-

²⁵³ Гордон А.В. А.З. Манфред – биограф Наполеона // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906–1976). М., 2006. С. 48–49.

²⁵⁴ Там же. С. 50.

ский): «А.З. Манфред лишь в конце 60-х гг. ощутил возможность (а он всегда хорошо знал, что дозволено) реализовать мечту о биографии Наполеона. Вышедшая в 1971 г., она имела колоссальный успех, разойдясь в читательской среде, несравненно более широкой, чем профессиональное сообщество»²⁵⁵. В связи с вышесказанным хочется заметить: в 2008 году в России вышла на русском языке книга отставного французского генерала М. Франчески и Б. Вейдера «Наполеон под прицелом старых монархий». Спустя почти 20 лет после распада СССР довольно странно услышать из-за рубежа следующий упрек: «Можно попросту разминуться с историей, если пренебречь тем важнейшим фактом, что Наполеон выступал как наследник Французской революции 1789 года, вызвавшей беспримерное социальное и идеологическое потрясение»²⁵⁶. Может быть, на Западе по каким-либо причинам об этом забыли, но в нашей историографии связь между Наполеоном и французской революцией всегда являлась краеугольным камнем. Приведем цитату из монографии А.З. Манфреда: «Мир лейтенанта Бонапарте — это был мир Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Руссо, Рейналя, Мабли, Вольнея, мир свободолюбивой мятежной литературы XVIII века. Могло ли быть иначе?»²⁵⁷ Кроме того, «Наполеон Бонапарт выступает у Манфреда убежденным сторонником союза с Россией, а сформулированный первым консулом в январе 1801 г. вывод “Франция может иметь союзницей только Россию” продуманным и обоснованным.

²⁵⁵ Гордон А.В. Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии. Материалы «круглого стола» // Французский ежегодник, 2011. М., 2011. С. 372.

²⁵⁶ Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий. М., 2008. С. 5.

²⁵⁷ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1972. Изд. 2-е. С. 38.

Историк придает этому выводу, можно сказать, непреходящее значение. Если сама идея союза с Россией трактуется “новым словом, внесенным Наполеоном в историю французской внешней политики”, то неоднократно повторяемый на страницах книги вывод выглядит своего рода политическим завещанием императора. <...>²⁵⁸. Тема союза России с Наполеоном как нереализованная возможность актуальна до сих пор, что доказывает монография петербургского исследователя О.В. Соколова²⁵⁹, автор которой полагает, что единственная причина вражды между Александром I и Наполеоном была личная зависть Российского монарха к великому полководцу и государственному деятелю. О.В. Соколов, так же как и А.Н. Боханов в монографии о Павле I²⁶⁰, видят в этом союзе неисчислимые выгоды и альтернативу российско-британским торговым отношениям. В этом случае версии авторов скорее можно отнести к «эмоциональной публицистике», чем к «строгому познанию».

Но кому же еще можно было продавать сырье, необходимое при строительстве флота, как не первой морской державе, господствовавшей на морях, не только вопреки, но даже благодаря своему злейшему недругу — Франции? В торговых связях России и Великобритании напрямую были заинтересованы и французские промышленники, что академик Е.В. Тарле доказал в знаменитой монографии «Континентальная блокада», из которой приведем здесь лишь один факт: «Лионская торговая палата, побуждаемая не только фабрикантами шелковых материй, но и «всеми гражданами» Лиона, докладывает [Наполеону, который, как

²⁵⁸ Гордон В.А. Указ. соч. С. 64—65.

²⁵⁹ Соколов О.В. Битва двух империй. 1805—1812. М.—СПб., 2012.

²⁶⁰ Боханов А.Н. Павел I. М., 2010.

всегда, был на войне. — *Авт.*] в декабре 1806 г., что вследствие прекращений сношений с Россией положение города «становится все более и более критическим». <...> Они извиняются, что нарушают общую радость, вызванную «невероятными успехами Его Величества» в прусской войне, но оправдываются грозящими городу бедствиями. Потребление, как колониальных продуктов, так и вообще, сведено до минимума. Сбыт мануфактурных товаров крайне уменьшился вследствие прекращения заказов из России и из Германии²⁶¹. Лионские шелкопряды, как и виноделы, и многие другие французские промышленники, рассчитывали, как в дореволюционные времена, вернуться на рынок — в Россию. До заключения Тильзитского мира в 1807 году это было невозможно. «<...> Английское владычество на морях делало надежды на установление *непосредственного* торгового обмена между Францией и Россией весьма проблематичным. В Петербург (и Кронштадт) за 1802 г. прибыло всего 986 торговых судов, и из них английских 477, а французских всего пять, по французским же данным»²⁶². Когда же в 1807 году Россия и Франция, ненадолго помирившись, объявили «континентальную блокаду» Англии, выяснилось: русские помещики должны были сначала продать свой товар англичанам, чтобы потом купить шелка лионских ткачей, именно активный баланс торговли с Великобританией обеспечивал их «звонкой монетой». В противном случае, у них просто не было денег. Обмен товарами, как это происходило с британцами, с французами был невозможен: российские «провенансы» не находили спроса в наполеоновской Франции. Поэтому нельзя без улыбки читать наивные утвержде-

²⁶¹ Тарле Е.В. Континентальная блокада. М.. 1913. С. 468—469.

²⁶² Там же. С. 466.

ния некоторых наших авторов о том, что торговля с Англией была выгодна только русским помещикам, а о простом народе, как всегда, никто не думал. Не народ же покупал во Франции дорогие вина и наряжался в лионские шелка! Современному обществу уже непонятно другое: как относиться к революционным переворотам? «Как заметил еще Шатобриан, именно дворяне нанесли первый удар по обветшалому зданию монархизма. Воспользовавшись финансовым кризисом, они посягнули на принципы абсолютизма. <...> Четырнадцатое июля и Великий Страх смили последние иллюзии. Зло, неосмотрительно выпущенное из ящика Пандоры, расправилось с потомственным дворянством, упразднило титулы, уничтожило феодальные привилегии, конфисковало поместья», — с осторожностью пишет о взятии Бастилии современный французский историк Ж. Тюлар²⁶³. Как относиться к преобразованиям, навязываемым извне силой оружия в интересах прогресса? Еще в начале прошлого столетия американский исследователь А.Т. Мэхэн совершенно иначе воспринимал социальные перемены во Франции, чем это было принято в советской историографии: «В 1792 году дух распространения революции насилием овладел всей французскойнацией. Как Наполеон метко заметил: “Война во имя принципов составляла часть политического исповедания Франции в ту эпоху”. “Монтаньяры и якобинцы, — говорит республиканский историк Генри Мартэн, беспощадный критик Бонапарта, — решились, подобно жирондистам, пропагандировать широкою оружия принципы революции...” Развитию такого плана можно было помешать, только воздвигнув против него барьер физического вооруженного сопротивления»²⁶⁴. И вообще:

²⁶³ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996. С. 14.

²⁶⁴ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. Т. 2. М.—СПб. С. 115.

что считать прогрессом? В советское время классовый подход к истории, конечно, значительно облегчал ответ на эти вопросы. Но как связать наш отказ от марксистко-ленинской методологии в оценке событий той эпохи с сердечной привязанностью к Наполеону, по-прежнему олицетворяющему «экспорт» передовых взглядов; как соотнести борьбу со «сталинизмом» с насаждаемым в нашем обществе культом «единоличного лидера»?

Популярной в наши дни является идея, что Наполеон за пределами Франции вел исключительно оборонительные войны, и даже на Пиренеи и в Россию его занесло «наваждение идеей мира»²⁶⁵. Апологеты французского императора, похоже, не слышат себя со стороны: «Территориальные потери Австрии весьма значительны, — торжествуют авторы. — Она подписывает <...> Люневильский мирный договор, выставивший австрийцам очень высокий счет за поражения в войнах, которые они непрерывно ведут против Франции на территории Италии и Германии. Священная империя вынуждена признать Рейн в качестве естественной границы новой Франции. Наконец сбывается доселе неосуществимая мечта французов, которые на протяжении стольких веков говорили: «Когда Франция из Рейна напьется, Галлия своего добьется». <...> Австрия должна признать Цизальпинскую и Лигурийскую республики и согласиться с обменом Великого герцогства Тосканского на Зальцбургское архиепископство. <...> Между тем в 1795 году Конвент аннексировал Бельгию, а Люневильский договор фактически распространил суверенитет Франции на Голландию»²⁶⁶. Цитирую А. Никонова, книга которого была названа в чи-

²⁶⁵ Франчески М., Вейдер Б. Указ. соч. С. 78.

²⁶⁶ Там же. С. 9—15.

ле «лидеров продаж» в Доме книги на Арбате: «24 июня 1812 года Наполеон перешел Неман и двинулся навстречу агрессорам, благо формальный повод у него был: разорвав мирный Тильзитский договор, Александр де-факто объявил Наполеону войну. <...> Так вот, даже перейдя Неман, Наполеон воевать с Россией не хотел. То есть не имел намерения вторгаться в Россию, но и вообще предпочел бы обойтись без кровопролития»²⁶⁷. Впрочем, испанцам тоже не поздоровилось: «И вот скажите мне теперь, за что воевали испанские голодранцы?.. Им не один хрен, кто там в Мадриде на троне сидит — Бурбон или Бонапарт? Тебе, оборванцу, какое дело?»²⁶⁸ Ответ на вопрос Никонова, по неизвестным причинам, не считающего себя оборванцем (фамилия явно не княжеская, а воспитание и того хуже), содержится в романе современного выдающегося испанского писателя Артура Перес-Риверте «День гнева» (М., 2009), посвященного восстанию в Мадриде: испанцы, невзирая на все недостатки государственной власти, «сделали то, что должен сделать каждый порядочный человек, если его страна подверглась нападению, взялись за оружие». Это простая истина, неведомая Никонову, была очевидной для наших предков.

Огромное количество литературы по «наполеонике», растиражированный СМИ образ французского императора как предтечи Евросоюза создают безусловные сложности в определении значимости событий, связанных с 1812 годом. «Самосожжение» Москвы, уничтожение наполеоновской армии подчас рассматриваются как борьба с прогрессом. Однако по поводу Евросоюза мы имеем довольно определенное мнение, высказанное французским историком: «...

²⁶⁷ Никонов А.П. Наполеон: попытка № 2. М.—СПб., 2008. С. 246—247.

²⁶⁸ Там же. С. 215.

Наполеон, уже находясь на острове Св. Елены, еще сумеет своими трудами создать впечатление, что его план завоеваний имел целью построение единой Европы, но, в действительности, это была чисто умозрительная конструкция, созданная задним числом»²⁶⁹. Удивительно, но основные положения монографии Жана Тюлара, «Наполеон: миф о спасителе» (во Франции книга вышла с более определенным названием «Миф о спасителе»), основанной на холодном и беспристрастном анализе источников, не встретили в нашей стране сочувствия не только среди любителей, но и среди специалистов. Между тем автор книги в этой теме человек не случайный: во Франции он является ведущим и признанным специалистом по наполеоновской теме. На фоне российского энтузиазма отсутствие встречных славословий из страны, где, казалось бы, великому корсиканцу должны быть более всего благодарны, несколько смущает. А с известным политологом А. Никоновым, судя по рассказу, и вовсе вышла незадача: «Однажды ко мне в гости приехал один знакомый француз по имени Мартин. Интеллигентный человек. Сидели, пили вино, разговаривали. И вдруг я отметил для себя, что отношение французской интеллигенции к своей стране напоминает отношение русской к своей — оно очень критично! Он ругал Францию, французский менталитет. Хотел покинуть родину... Каким-то образом разговор зашел о Наполеоне.

— Как ты к нему относишься? — спросил я.

— Никак. Наполеон — это просто авантюрист.

Сказать про Наполеона, что он был авантюрист, — все равно, что охарактеризовать Христа как человека с бородой.

²⁶⁹ Будон Ж.О. Путь Наполеона // Французский ежегодник, 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906—1976). М., 2006. С. 79.

Маловато будет... <...> Французы как будто стесняются его». Здесь бы нашему соотечественнику, разбранившему в своей книге и российский менталитет, и Россию, остановиться и задуматься: «Куда шел? Чего добивался?» Но нет, он опять про свое: «И если сегодняшние парижане [дополню: в Страсбурге та же самая картина. — *Авт.*] не хотят помнить это имя — что ж... Мир запомнит его и без них»²⁷⁰. Проблема не только в парижанах: положительной трактовке деятельности Наполеона в Европе убедительно противостоят версии германских историков, которые связывают процесс усиления Германием с торжеством Германской идеи, обернувшейся трагедией для Европы в Первую и во Вторую мировые войны. Американский исследователь Э. Крейе убедительно показал, что в основе союза Наполеона с Баварией, Саксонией, Вюртембергом, Вестфалией и др. лежало отнюдь не филантропическое стремление к политическим преобразованиям [Крейе назвал правление в Баварии в годы Наполеона «экстравагантным». — *Авт.*]: находясь постоянно в состоянии войны с Англией. Наполеон нуждался в союзниках, которые поставляли ему «пушечное мясо» в обмен на вознаграждения земельными территориями побежденных держав. Как только фортуна отвернулась от Наполеона, его союзники — кто раньше, кто позже — перешли на сторону победителей, вступив с ними в переговоры на Венском конгрессе. Именно Венский конгресс западноевропейские историки и считают прообразом Евросоюза, называя в числе его «зачинателей» Императора Александра I. Но в России считают: да нет же, не Александр, а Наполеон.

Профессиональные историки («любителям» история науки просто не по плечу, они живут сенсациями и сегод-

²⁷⁰ Никонов А.П. Указ. соч. С. 372—374.

няшним днем) должны были обратить внимание на то, что современное восприятие Наполеона в России напрямую связано с уже оформленной в советское время традицией почитания гения французского императора. Сталин мог запретить эту тему, а он способствовал. Блестящие работы Е.В. Тарле и А.З. Манфреда — это талантливо выполненный партийно-правительственный заказ, что нисколько не уменьшает значимости их труда. В отношении к Наполеону в нашем обществе планка поставлена очень высоко, через нее не то что «перемахнуть» — дотянуться трудно! На наш взгляд, проблема «Наполеон и российский менталитет» — тема для докторской диссертации. Например, политологу А. Никонову в голову не приходило, что он и сам на крючке у сталинской пропаганды (он даже оказался недоволен академиком Е.В. Тарле, назвав его почему-то «сталинским соколом»), когда он сочинял эти строки: «Славе Кутузова и орденам Кутузова мы обязаны товарищу Сталину. Желая оправдать катастрофический разгром 1941 года, он ухватился за лежащую на поверхности историческую аналогию и велел придворным историкам, включая Тарле, выдумать «хорошо подготовленное контрнаступление Кутузова». Которого не было. Да и быть не могло. Кутузов знал, что Наполеон уйдет из России только тогда, когда сам этого захочет. Так оно и вышло»²⁷¹. Никонову так важно донести до читателей свое мнение, что сам он не то что Кутузова, но и самого Наполеона, ради которого «затевалась» его книга, в грош не ставит. В противном случае автор внимательно прочитал бы следующие строки великого мастера войны: «Вообще действия, имеющие целью прикрыть столицу или другой пункт фланговыми маневрами, требуют выделения

²⁷¹ Никонов А.П. Указ. соч. С. 263.

особого корпуса и влекут за собою все невзгоды, сопряженные с раздроблением сил, при действиях против сильнейшего неприятеля. Когда после боя при Смоленске, в 1812 г., французская армия направилась прямо к Москве, генерал Кутузов прикрывал этот город последовательными маневрами, пока, прибыв в укрепленный лагерь под Можайском, не остановился и не принял сражения; проиграв его, он продолжил свой марш и прошел через Москву, попавшую в руки победителя. Если бы вместо того он отступил к Киеву, он увлек бы за собой французскую армию, но в таком случае ему пришлось бы отрядить особый корпус для прикрытия Москвы; ничто не помешало бы французам послать против этого корпуса другой, сильнейший, что заставило бы его эвакуировать эту столицу. Подобные вопросы весьма смущали бы Тюренна, Виллара, Евгения Савойского. Рассуждать догматически о том, что не проверено на опыте, — есть удел невежества. Это все равно что решать с помощью уравнения второй степени задачу из высшей математики, которая заставила бы побледнеть Лагранжа и Лапласа»²⁷². В этих строках профессионал взял в Наполеоне верх над идеологом: он признал за Кутузовым способность решать задачи из высшей математики, полагая, что у русского полководца не было возможности защитить Москву, кроме как в полевом сражении. Последнее, на наш взгляд, было сомнительно при отсутствии простого равенства в силах: преосходство за счет ополченцев не в счет. Сейчас Кутузова упрекают в том, что он не добился победы при численном преобладании, а если бы он ввел в бой ополченцев, то, вероятно, его обвинили бы в том, что он бросил в сражение необстрелянных и необученных людей. Наполеон считает

²⁷² Наполеон Бонапарт. Искусство войны. М., 2009. С. 387.

битву при Бородине выигранной по факту занятия Москвы французами, но у нас нет достаточно оснований утверждать, что Кутузов, решившись на эту битву, собирался отстаивать Москву до последнего солдата, не имея сведений ни о резервах, ни о поддержке фланговых армий. Однако в любом случае Наполеон видит в действиях Кутузова логическую систему, в которой упрямо отказывают полководцу отечественные историки-профессионалы и историки-любители под флагом борьбы со «сталинизмом» и «лжепатриотизмом»! Впрочем, не только историк-любитель А. Никонов, но и историки-профессионалы редко ссылаются в своих трудах на мнения классиков военного искусства. Им, в качестве доказательства нашего превосходства, непременно нужно, чтобы Кутузов сам атаковал Наполеона, в то время как в Европе существовали разные теории ведения боевых действий. Так, А. Жомини, полемизируя с К. Клаузевицем, заметил: «Сражения некоторыми авторами преподносятся в качестве главных и решающих характерных особенностей войны. Строго говоря, это утверждение не совсем верно, поскольку армии уничтожаются стратегическими операциями без заранее подготовленных на определенном участке сражений, чередой, казалось бы незначительных предприятий»²⁷³. Наступательная стратегия и тактика Наполеона многим его современникам представлялась рискованной и убыточной. По мнению британского премьер-министра У. Питта-младшего, Франция была обречена на неминуемое поражение: «...Питт, хотя и умалил время, потребовавшееся для истощения Франции, и не принял во внимание широкой системы хищений [контрибуций, взимаемых Наполеоном с побежденных государств. — *Авт.*], которыми пополнялся недостаток правиль-

²⁷³ Жомини А. Стратегия и тактика в военном искусстве. М., 2009. С.185.

ного дохода страны, был истинным пророком. Республика уже поглотила огромный капитал; и когда завоевательный дух, который она всегда обнаруживала, достиг естественной кульминации в Бонапарте, постоянно возобновлявшаяся нужда в деньгах вызывала со стороны его одно насилие за другим, пока не привела его к падению»²⁷⁴.

Накануне празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года, действительно, появилось немало литературы, критически отражающей как полководческую деятельность, так и личностные черты М.И. Кутузова. Впрочем, отправной точкой негативного отношения к победителю Наполеона на современном этапе нашей историографии, бесспорно, явилась монография профессионального историка Н.А. Троицкого, методологическая основа которой может быть определена как «демифологизация истории». Автор полагает: «Истинный масштаб личности Кутузова меньше той *видимости*, которую он обретает (благодаря совокупным усилиям наших, в основном советских, историков и литераторов) как главнокомандующий всеми русскими армиями в триумфальные для России дни 1812 г. Вопреки русской поговорке “Не место красит человека, а человек — место”, здесь перед нами скорее классический пример того, как и место в определенной степени красило человека. Кутузов **победоносно и в нужный момент** [выделено Л.И.] завершил войну с Турцией [1806—1812 гг.], но **не имел отношения ни к подготовке войны 1812 г., ни к ее смертельно опасному для России началу** [выделено Л.И.]. Не будь случая с назначением его главнокомандующим, он мог бы остаться в нашей военной истории всего лишь одним из первого ряда генералов (не

---

²⁷⁴ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. Т. 2. М.—СПб., 2002. С. 163—165.

фельдмаршалов!), ибо к 1812 г. ничем особо выдающимся и эпохальным себя не проявил»²⁷⁵. Аргументы, на основании которых Н.А. Троицкий, всю жизнь специализировавшийся на изучении революционной демократии в России, «корректирует» представления об «истинном масштабе личности М.И. Кутузова», на наш взгляд, явно противоречат друг другу (мы опускаем комментарий по поводу многообещающего заявления об «истине» в истории). Разве «победоносно и в нужный момент завершенная война» с Турцией не явилась весомым вкладом Кутузова в подготовку к войне с Наполеоном? Уничтожение армии великого визиря и принуждение неприятеля к миру накануне вторжения национальных войск в Россию, на наш взгляд, достаточно веская причина тому, что «смертельно опасное начало» не превратилось в катастрофу, так как Наполеон именно рассчитывал на содействие Турции в этой войне! Более того, современники тех событий основательно полагали, что отстранение М.И. Кутузова от подготовки к войне 1812 года и явилось причиной «ее смертельно опасного начала»: «<...> Даже когда Отечество стало на краю гибели, Государь даже и не начал говорить с ним про войну. Кутузов сам пошел обязанностию говорить о том, и доказал, что план был самый необдуманный и войска были расположены не по военным правилам, а более похожи на кордоны против чумы. <...> Наконец, когда дело зашло и за Смоленск — нечего делать, надобно послать Кутузова, поправить то, что уже близко к разрушению», — возмущенно писал в письме графу С.Р. Воронцову секретарь Императрицы Елизаветы Алексеевны Н.М. Лонгинов²⁷⁶. Замечание Н.А. Троицкого «Не будь

²⁷⁵ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 6.

²⁷⁶ «К чести России...» Из частной переписки 1812 года. М.. 1988. С. 108—109.

случая с назначением его главнокомандующим, он мог бы оставаться...» и т.д. даже и комментировать излишне. Переходя из области предположений в область источников, можно сделать вывод, что назначение М.И. Кутузова главнокомандующим всеми Российскими армиями было обусловлено не «случаем», а закономерностью.

Один из братьев-декабристов, М.И. Муравьев-Апостол, «пережив и многое и многих», с почтением вспоминал «екатерининских орлов»: «Батюшка нам говорил, что мы никогда не поймем громадного переворота, совершившегося у нас в России со вступлением Павла I на престол. Наши начальствующие генералы 1812 г. принадлежали царствованию Екатерины II; обхождением и познаниями они резко отличались от alexандровских генералов»²⁷⁷. В соответствии с этим замечанием, все биографии М.И. Кутузова можно сравнить с живописными полотнами, на которых детально проработан первый план, но почти отсутствует второй: перед нами — портрет «героя вне времени». В жизнеописаниях полководца традиционно главное внимание уделяется событиям Наполеоновских войн. Но это лишь последние десять из шестидесяти семи лет жизни М.И. Кутузова, «просвещенного дворянина», созданного наставниками по «проекту» Петра I в царствование его дочери Елизаветы Петровны и вступившего в большую жизнь при Екатерине II. Для М.И. Кутузова «век осьмнадцатый» был наполнен именами и событиями, без которых, невозможно представить его как личность и как полководца, следовательно, невозможно понять и объяснить его действия в 1812 году. Кстати, принц де Линь, прибывший в 1788 году под стены

---

²⁷⁷ Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество. Изд-во Московского университета. 1982. С. 167—168.

Очакова в качестве представителя союзной армии, в письме Г.А. Потемкину уже назвал М.И. Кутузова в числе первых военачальников «среднего возраста», подающих в будущем большие надежды: «Кроме множества достойных генералов, отличившихся храбростью и талантами, как например князь Репнин, соединяющий в себе все добродетели; князь Юрий Долгорукий, Текелли, графы Салтыков и Пушкин, пылкий Каменский и щастливый Суворов, внушающий во всех доверенность, вы имеете и других, которые могут служить с великою пользою, например: принц Ангалт, Кутузов, Волконский, Горич, Ферзен, ваш племянник, князь Сергей Голицын, Шпренгортен <...>»²⁷⁸. Полководческий почерк М.И. Кутузова сложился в эпоху спора о двух стратегиях ведения войн — «стратегии сокрушения» и «стратегии измора» (Г. Дельбрюк), который отнюдь не стал праздным и в эпоху Наполеоновских войн. Преимущество Наполеона над его противниками, достигавшееся за счет стремительного передвижения войск, основывалось на принципе «кормиться с земли», но этот принцип быстро превратился из преимущества в свою противоположность. «В национальных войнах, где население спасается бегством и уничтожает все на пути врага, как это было в Испании, Португалии, России и Турции, невозможно продвигаться вперед без сопровождения обозов с продовольствием и не имея надежной базы снабжения вблизи фронта операций. При таких обстоятельствах войны вторжение становится очень трудным делом, если не невозможным», — констатировал А. Жомини²⁷⁹. М.И. Кутузов, подобно другим полководцам «старой

²⁷⁸ Избранные философические, политические и военные творения принца де Линя. Т. 5. М., 1810. С. 18—21.

²⁷⁹ Жомини А. Указ. соч. С. 148.

Европы», задавался вопросами, при каких обстоятельствах важнее и выгоднее: вести войну наступательную или оборонительную? сокрушить противника в генеральном сражении или подорвать его силы в ходе затяжной кампании? В рамках двух стратегических концепций решался и вопрос о роли генерального сражения в ходе военной кампании: одни считали, что сражение — кратчайший путь к миру, другие были убеждены в том, что выиграть войну можно и не вступая в битву. Ближайшие же наставники М.И. Кутузова — П.А. Румянцев и Г.А. Потемкин — «творчески использовали идеи знаменитого полководца и военного теоретика Франции Морица Саксонского, оказавшего большое влияние на развитие военного искусства»²⁸⁰. В том давнем общеевропейском споре о «стратегии измора» и «стратегии сокрушения» этот полководец, вероятно, вызывал особые симпатии у Кутузова. Разве мысли, высказанные де Саксом, утратили для М.И. Кутузова свою актуальность в ходе Наполеоновских войн? «Я всегда отмечал, — рассуждал Мориц Саксонский, — что одна кампания уменьшает армию по меньшей мере на треть, а иногда наполовину, и что кавалерия к концу октября находится в таком жалком состоянии, что неспособна вести военные действия. Я бы предпочел дать войскам отдохнуть на квартирах или в казармах, беспокоя противника вылазками одиночных отрядов, а к концу длинной осады напасть на него со всеми своими силами. Понимаю, что этим я совершил бы выгодную сделку, заставив врага задуматься об отступлении, ибо ему было бы нелегко противостоять хорошо организованным и укомплектованным войскам. Вероятно, он был бы вынужден оставить свое снаряжение, пушки, часть кавалерии и все повозки. Эти по-

²⁸⁰ Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 2002. С. 62.

тери на следующий год затруднят его появление на поле боя. Вероятно, он даже не осмелится появиться там снова»²⁸¹. Разве кого-либо из современных историков интересовали военно-теоретические взгляды нашего полководца?

Нет, не интересовали. Вместо вопросов к прошлому, мы снова получили назойливо «навязываемую этому прошлому форму ответа» (Смоленский Н.И.). Приведем убедительный пример из монографии Н.А. Троицкого, показывающий, как далек автор от беспристрастности, стремление к которой, по его словам, послужило побудительным мотивом к написанию биографии полководца: «Например, Кутузов как военный мыслитель не создал ничего равного “Обряду службы” или “Мысли” П.А. Румянцева или “Полкового учения” А.В. Суворова. Единственный военно-теоретический труд Кутузова “Примечание о пехотной службе вообще и о егерской особенно (1786) ” информативен тактически, но для теории малозначим [выделено нами. — *Авт.*], уступая в этом не только трудам Суворова и Румянцева, но и таким документам М.Б. Барклая де Толли, как “Воинский устав о пехотной службе” и “Наставление господам пехотным офицерам в день сражения”»²⁸². Но во-первых, еще в начале прошлого столетия К. Симанскому удалось доказать, что предположение В.И. Харкевича о том, что автором «Наставления» являлся Барклай — ошибочно. Автором документа, первоначально носившего название «Наставления господам пехотным офицерам Нарвского пехотного полка», являлся граф М.С. Воронцов. Причем в основе этого сочинения — «Правила для французской армии, составленные Императором Наполеоном». По мнению К. Симанского, «Настав-

²⁸¹ Лопатин В.С. Указ. соч. С. 97.

²⁸² Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 5.

ления» Воронцова были переработаны П.И. Багратионом, распространены во 2-й Западной армии и лишь затем использованы при составлении Устава 1816 г.

Рассуждая о мастерстве М.И. Кутузова как тактика, вернемся в забытые времена «времен Очакова и покоренья Крыма». Кстати, Н.А. Троицкий и здесь допустил знаменательную оговорку в адрес М.И. Кутузова, блестящая карьера которого, по мнению автора, связана, главным образом, с придворной ловкостью и угодливостью. «По возвращении из-за границы, 28 июня 1777 г., Кутузов был произведен в полковники, а затем, в мирное время [выделено нами. — *Авт.*], между двумя русско-турецкими войнами 1768—1774-го и 1787—1791 гг., получил два следующих чина — бригадира (1782) и генерал-майора (1784)», — пишет Н.А. Троицкий²⁸³. Сразу же в душу закрадываются нехорошие сомнения: что это за генерал мирного времени? Историк почему-то «забыл», что Кутузов находился там, где война фактически не прекращалась: 1782—1784 годы — это время присоединения Крыма к России! Именно в те годы важным предметом обсуждения в военных трудах служил вопрос определения правильного строя для ведения боевых действий. «Если говорить о персоналиях, то фигурой, олицетворявшей некий апофеоз всех этих интеллектуальных дискуссий, следует, наверное, назвать графа Жака-Антуана-Ипполита де Гибера (1743—1790). <...> Самой знаменитой его работой надо считать «Общий очерк тактики», опубликованный в 1772 г., его находки в области тактики легли в основу “Правил, касающихся движения и маневра пехоты, от 1-го августа 1791 г.”»²⁸⁴. Но в сочинении французского автора был значи-

²⁸³ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 61.

²⁸⁴ Брюс Р.Р. Роль пехоты // Войны и сражения эпохи Наполеона. 1792—1815. М., 2009. С. 11—12.

Наполеон Бонапарт
в возрасте 23 лет

Первый консул Франции
Наполеон Бонапарт.
Гравюра 1800 г.

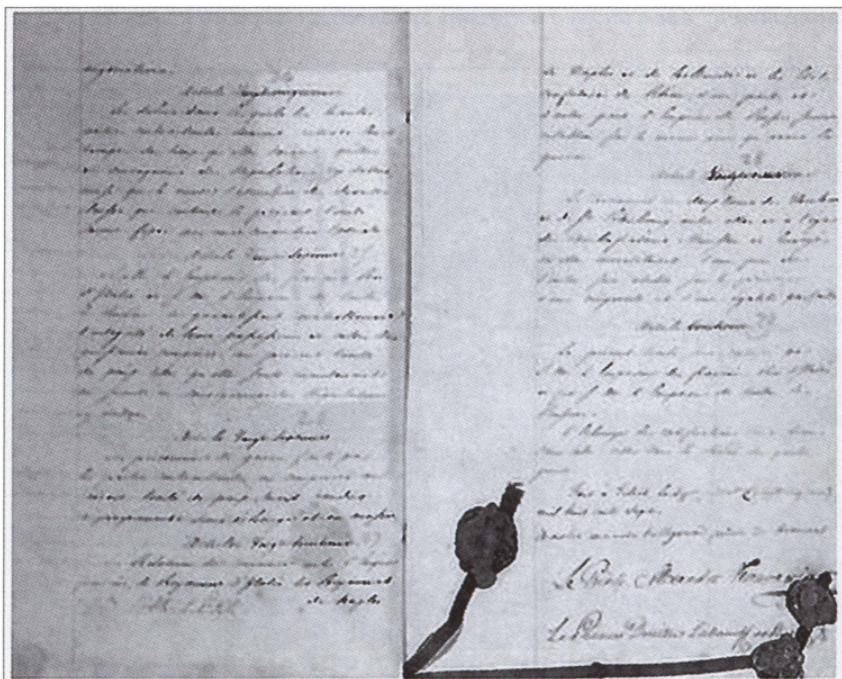
Подвиг Лейб-гвардии конного полка в сражении при Аустерлице.
Художник Б. Виллевальде. 1884 г.

Наполеон на поле боя под Фридландом. Художник О. Верне. 1836 г.

Тильзитский мир. Встреча Александра I и Наполеона в павильоне на середине Немана. 1807 г. Гравюра Ж.Б. Дебре. 1807 г.

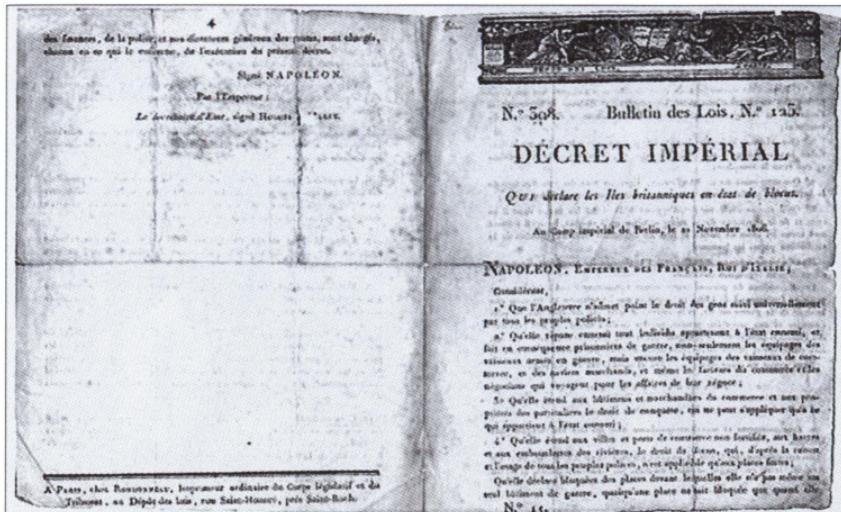
Тильзитский мирный договор 1807 г.

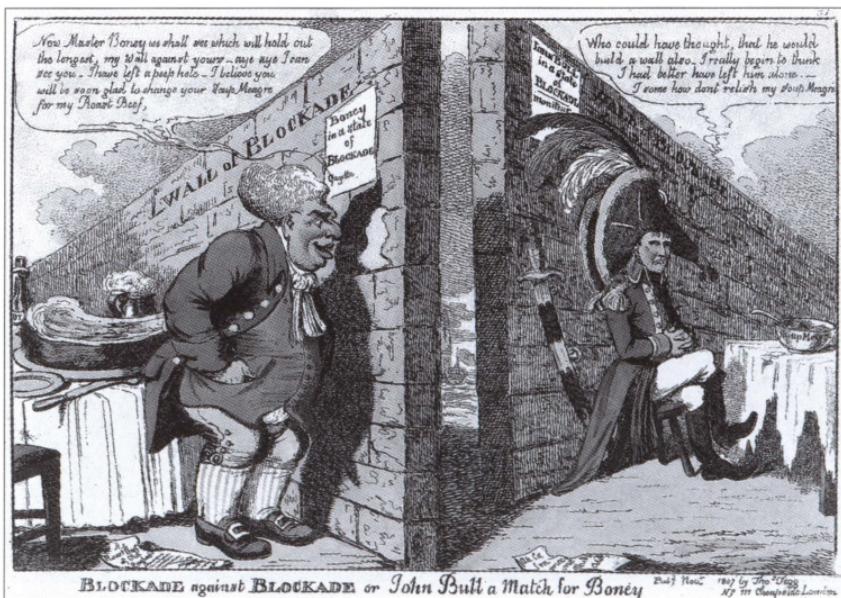
Тарелка из Олимпийского сервиза, подаренного Наполеоном императору Александру I в память заключения мира в Тильзите. 1807 г.

«Императорские объятия на плоту». Английская карикатура на встречу императоров в Тильзите в 1807 г.

Берлинский декрет Наполеона от 21 ноября 1806 г.

«Блокадой за блокаду. Джон Буль дает отпор Наполеону».
Английская карикатура 1807 г.

Император Александр I.
Художник В.Л. Боровиковский.
1801 г.

Король Англии Георг III.
Художник У. Бичи.
1799—1800 гг.

Король Пруссии Фридрих
Вильгельм III.
Портрет XIX в.

Австрийский император Франц I
верхом на коне.
Художник П.И. Крафт. 1832 г.

Наполеоновская империя к 1812 г.

Переправа армии Наполеона через Неман.
Художник Дж.Х. Кларк. 1816 г.

БОЖІЮ МИЛОСТІЮ
МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,
и в рочах, и в рочах, и в рочах,

Нашествие вспнулось в преддверье НАШИИ и продолжалось несис
оружие свое внуки. России, надеясь склонить и соблазнить по-
взглядом смелые Великое се Державы. Они подождали в
ути своем язвительном нападении, разрушив славу ее и блажден-
ствию. С Апостольским, в сердце и лестиво в успехах несис
был язвителен для них цели и оковы. Мы пришли, на помощь
Бога покоряясь в преграду ви войск НАШИИ, кинули мус-
кальские щиты, открылиши его, и то, что оставалось не-
испребывшем, гонили со лица земли НАШИИ. Мы подняли
всю силу и храбрость из твердую надежду, но не поклоняя и не
должны склоняться отъ външнъ НАШИИ поданныхъ, что соб-
ранные имъ разрозненные силы велики, и что оправдывало
его пребыванье не умствомъ пропагни все болтушничество. Сего
раза при всей твердой надежде на храброе НАШИИ воинство
погнали мы нещадно член соединя внуки Государевы
всю силу, сокори, иконы иконы ужъ язви, составляя
бы зверю отруду в подорвание первомъ, и въ заднии до-
всю, хвѣтъ и дланей хвѣдаго и язла.

Мы уже вспомнили из первопрестольного Граду НАШЕМУ
Москве, с чьим взысканием по всем НАШИМ ВНОРОДЛЯНИИ
ко всем взысканиям и составляемых духовных и мирских, пра-
здалиши всяких в НАШИ единодушны и общими вос-
приятиями, содействиями, привнесли всем бражеским замыслам
и волеюю. Да погашенье сего на каждом шаге взысканий сыновья
России, неразлучно со всеми представлениями и смыслями, не
взысканием по всем взысканиям и общими. Да воспринятыи отъ взы-
сканий архангелом Покорителем, в каждой духовной Пам-
ятности, в каждой грядущем Минине. Благородное дворянское
Союзное Ты во все времена было Спасением Отечества;
Святейшем Сюю и духовностью! Всегда Тебя Спасибою
всеми сыновьями призывают Благодать на главу России; народа
Русского! Хранище покровом твоим Славя!... или же подозрение
о том, что злые зумы устроилишица в наше землю и ширь?

составляется всей: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружиемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія въсѣ не одолѣютъ.

Для первоизначального составления предзначаемых сих предполагалось во всех Губерниях дворянству съяніи по спасительныхъ именъ для здѣшніи. Опредѣлья людей, избранныхъ среди самихъ себя Начальника надъ оными, и давая о чистотѣ именъ въ Москву, гдѣ избранные будоша Главный надъ всімъ Предводитель.

Въ лагерѣ близъ Полоцка 1812 года Іюля 6 дн.

На подлинном собствен-
но ЕГО ИМПЕРАТОР-
СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
руково подписано лико:
АЛЕКСАНДРЪ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Манифест императора Александра I о создании ополчения для защиты Отечества от 6 июля 1812 г.

*Ранение П.И. Багратиона в Бородинском бою.
Художник И.М. Жерен. 1816 г.*

ПИСЬМА
РУСКАГО ОФИЦЕРА

о
ПОЛЬШЬ, АВСТРИЙСКИХЪ ВЛА-
ДЫНЯХЪ, ПРУССИИ и ФРАНЦИИ,

съ
подробнымиъ описаниямиъ похода
Россиии противу Французовъ въ
1805 и 1806,
также
отечественной и заграничной вой-
ны съ 1812 по 1815 годъ.

Съ присовокуплениемъ
замѣчаній, мыслей и разсуждений
во время поездки въ иношорыѣ
оночесственныхъ Губерній.

ПИСАНЫ
Федоромъ Глинкою.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1815.

Титульный лист книги
Ф.Н. Глинки «Записки русского
офицера». Издание 1815 г.

Ф.Н. Глинка.
Рисунок 1825 г.

Вступление французскихъ войск въ Москву. Гравюра XIX в.

*Благословение ополченца 1812 г.
Художник И.В. Лучанинов. 1812 г.*

*Хоругвь
Московского
ополчения*

«Крестьянин Иван Долбила». Карикатура 1812 г.

Пожар Москвы в 1812 г. Художник И.К. Айвазовский. 1851 г.

Возвращение ратника в свое семейство.
Художник И.В. Лучанинов. 1815 г.

*Изгнание французов из Москвы.
Гравюра И. Иванова. 1810-е гг.*

10

qui sont concernés par la partie de la loi
qui établit que lorsque le déplacement sera
effectué, l'assurance sera déplacée avec
le bien. Cependant, il existe un grand
nombre de personnes dont les biens sont
évidemment déplacés mais qui n'ont pas
fait une déclaration de leur déplacement.
Résultat, le bien est déclaré à un endroit
mais cette déclaration est défaillante. Cela
lance une alerte dans les organes responsables
d'application de la législation et entraîne des
problèmes.

for the House of C. Canada's de Montréal
you have received (since) time of
Government for the necessary instructions?
A participation was requested on a number
of points more, comment on the first
On a number of points there is a question
a number of others, of which they are
not included in the document (see above) and
I do not know if it is necessary to send them
for your review. The question was a number
of points that you can be asked for
for instructions.

arrêts au bureau pour empêcher
nos députations d'arriver dans
les portes de la capitale, de faire échouer
nos amis, de empêcher la formation
d'un parti et d'empêcher les élections
à l'Assemblée législative, mais que difficile
il devient à ces amis honnêtes de vaincre
les amis de l'aristocratie, de l'oligarchie
et du capital, pour vaincre qui, pour empêcher
ce manœuvre, que le pays fût déclaré dans le Club.

*Письмо Стендаля сестре Полине об отступлении из России.
Сентябрь 1812 г.*

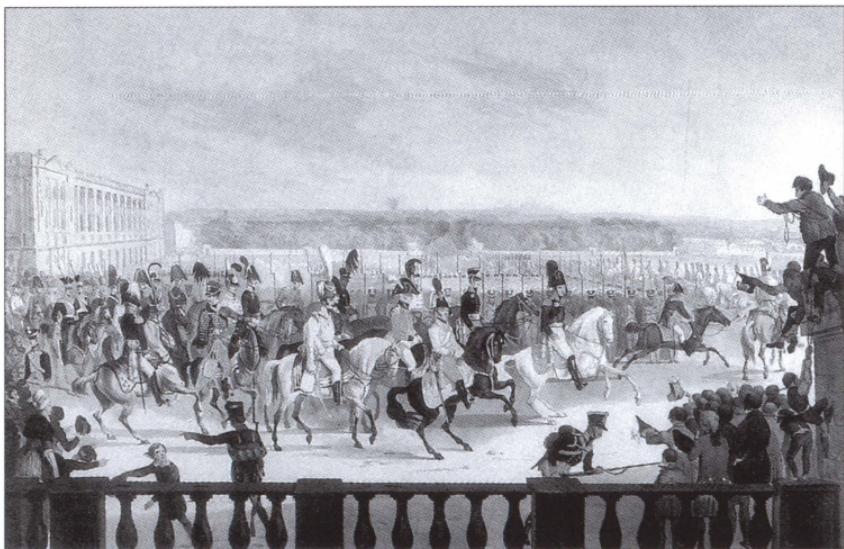
*Переправа Наполеона через реку Березина.
Художник П. Гесс. XIX в.*

*Отступление Великой армии из России.
Гравюра Ф. Кауслера. 1840-е гг.*

Освободители Европы — император Александр I, австрийский император Франц I и король прусский Фридрих Вильгельм III.
Гравюра 1814 г.

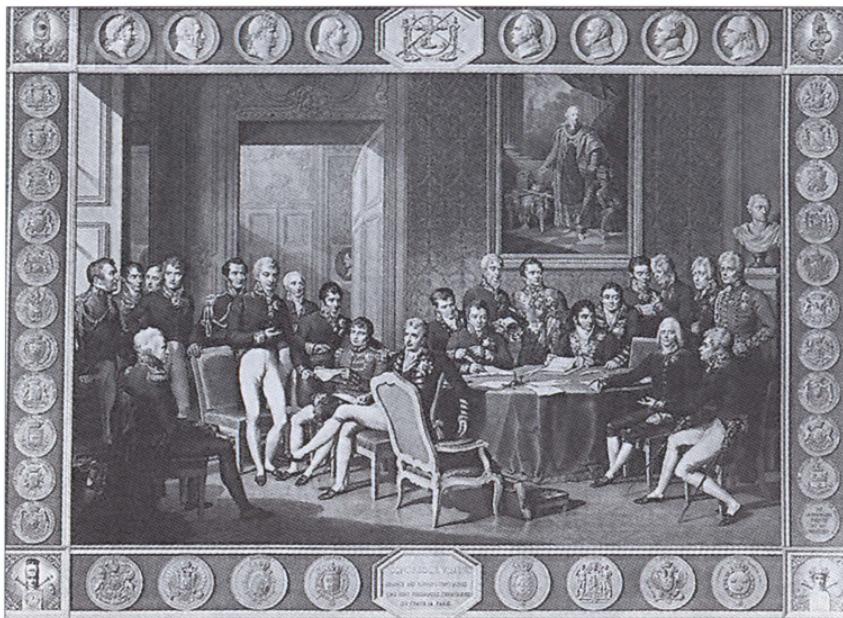
Вступление императора Александра Первого в Париж.
Картина неизвестного художника 1810-х гг.

«Первый шаг Александра I за пределы России».
Медальон Ф.П. Толстого. 1824 г.

Медаль «За взятие Парижа 14 марта 1814 года»

Венский конгресс. Гравюра 1819 г.

«Раздел Европы». Карикатура на участников Венского конгресса. 1815 г.

мый пробел, касающийся легкой пехоты (егерей), который, по мнению, британского исследователя тактики пехоты, был восполнен лишь в годы революционных войн: «Написанные в дореволюционную эпоху французские трактаты по большей части обходили молчанием вопросы применения легких частей, сосредотачиваясь вместо того на споре между преимуществами развернутой линии и колонны»²⁸⁵. Современный исследователь не имеет представления о том, что еще 14 января 1785 года, Екатерина II подписала Рескрипт Г.А. Потемкину об «умножении» и преобразовании армии. «Президент Военной коллегии давно подготовил и настойчиво проводил важную реформу — заведение егерских корпусов — отборной пехоты, приученной к рассыпному строю, меткой стрельбе, индивидуальному бою. Ни одна европейская армия не имела таких частей, а Фридрих II (один из пионеров заведения егерей) довольствовался небольшими по численности егерскими командами при пехотных полках»²⁸⁶. Уже 23 мая 1785 года президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал Потемкин-Таврический подписал ордер о назначении генерал-майора Голенищева-Кутузова командиром Бугского егерского корпуса, «составленного из четырех батальонов <...>»²⁸⁷. Все, чему следовало обучать новый вид пехоты, подробнейше изложено М.И. Кутузовым в «Примечаниях о пехотной службе вообще и о егерской особенно», созданном в России за три года до революции во Франции (!!). Как отметил Ю.Н. Гуляев: «Многое из того, чему нужно было научить егерей, делалось впервые и егे-

²⁸⁵ Брюс Р. Указ. соч. С. 19.

²⁸⁶ Лопатин В.С. Указ. соч. С. 94.

²⁸⁷ Цит по: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М., 1995. С. 89—90.

рями, и их командинами»²⁸⁸. Но это еще не все. В книге замечательного знатока тактики русской пехоты в 1812 году И.Э. Ульянова отмечается: «Только в 1818 г. был издан чрезвычайно подробный документ под названием «Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты». Между тем свою силу сохраняли и некоторые положения сформулированного в конце XVIII века «Приступления к обучению егерей», в котором среди прочего содержалось подробное описание основных егерских маневров»²⁸⁹. Если мы откроем текст «Примечаний о пехотной службе вообще и о егерской особенно»²⁹⁰, разработанного М.И. Кутузовым, то мы найдем там знакомый подзаголовок: «Приступим к обучению егеря». Сопоставив текст «Примечаний» с тем анонимным документом, цитаты из которого приводит И.Э. Ульянов, мы убедимся, что в 1812 году русские егера сражались по правилам, разработанным для них М.И. Кутузовым четверть века назад! Как относиться к заявлению Н.А. Троицкого о «малозначимом для теории труде» М.И. Кутузова?

Нельзя не задаться вопросом: почему столько веры на слово автору монографии о М.И. Кутузове профессору Н.А. Троицкому, который большую часть жизни изучал проблемы народников? Откуда «шоумен» Е.Н. Понасенков взял сведения, позволившие ему утверждать, что М.И. Кутузова все считали бездарным генералом? Почему средства СМИ, не задумываясь, повторили версию бывшего студента, как будто речь шла не о победителе Наполеона, а о ком-то малозначительном для нашей истории? Потому что

²⁸⁸ Цит по: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М., 1995. С. 91.

²⁸⁹ Ульянов И.Э. 1812. Русская пехота в бою. М., 2008. С. 65.

²⁹⁰ Тактика победы // Михаил Илларионович Кутузов. М., 2011. С. 7—34.

Е.Н. Понасенков в книге с ненаучным, но броским названием «Правда о войне 1812 года» процитировал В. Вернадского: «Гений не ждет появления новой науки, а сам создает ее»²⁹¹. Хорошая уловка для тех, кто не любит утруждать себя изучением источников и работ других исследователей! Но даже гений отталкивается в своих научных построениях от внутренней критики источника, а не создает очередной миф на «злобу дня». Хотя без мифотворчества, по-видимому, не обойтись: «История — это то, что делают историки. Дисциплина, называемая историей, не является некоей вечной сущностью, платоновской идеей. Она тоже реальность историческая, то есть реальность, помещенная в пространство и время, представленная людьми, которые называют себя историками и таковыми признаются, и воспринимаемая как история самой разнообразной публикой. Нет Истории *sub specie aeternitatis* (подобной вечности), чьи письмена оставались бы неизменными, проходя сквозь горнило времени, но есть разнообразная продукция, которую люди, живущие в данную эпоху, договариваются считать историей. Это значит, что, прежде чем быть научной дисциплиной, каковой она себя считает и каковой она до известной степени действительно является, история есть социальная практика»²⁹².

О Кутузове по выходе монографии Н.А. Троицкого все было решено без научных споров и дискуссий. Историку же остается констатировать факт, что каждый, кто интересуется историей Отечественной войны 1812 года и Бородинского сражения, должен признать, что у него нет под рукой самого главного источника для создания «сбалансированного» научного знания о тех далеких событиях — рассказа о них

²⁹¹ Понасенков Е.Н. Правда о войне 1812 года. М., 2004. С. 11.

²⁹² Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 11—12.

самого М.И. Кутузова с учетом мнений своих оппонентов. Заметим, что речь здесь идет даже не о правдивости «самовидцев», а об их умении «аранжировать» события. Автор не сомневается в том, что, если бы Кутузову было отпущено еще несколько лет жизни, он бы легко справился со всеми своими оппонентами и нашел бы убедительное объяснение всем тем обстоятельствам, над которыми почти два столетия ломают головы специалисты. Таким образом, отсутствие источника, содержащего необходимую информацию, — это не менее существенный факт, чем его наличие. Сам же историк, по справедливому замечанию участника Отечественной войны 1812 года, военного писателя-публициста И.П. Липранди, «сам не может ничего свидетельствовать. Он будет говорить только то, что говорят другие <...>»²⁹³, то есть опираться на мнения «самовидцев». Откуда же на протяжении многих десятилетий историки черпали материал для критики одного из самых популярных в России военных деятелей? Истоки «антикутузовского» направления в отечественной историографии, бесспорно, восходят к эпистолярной активности известного полководца М.Б. Барклая де Толли. Его «Оправдательные письма», адресованные Императору Александру I, оказали сильное воздействие на восприятие событий 1812 года современниками. Цикл «Оправданий» имеет весьма сложную историю бытования, подробно рассмотренную в монографии А.Г. Тартаковского²⁹⁴. Исследователь специально ввел в классификацию источников такое понятие, как «мемуары в форме документов служебного назначения», с полным основанием причислив к ним одно из писем Барклая — «Изображение военных действий 1-й За-

²⁹³ Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. Сб. статей. СПб., 1867. С. 118.

²⁹⁴ Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. М., 1996.

падной армии в 1812 году»²⁹⁵. Именно в этом документе, созданном в ноябре—декабре 1812 года, впервые была изложена стройная версия основных событий Отечественной войны, направленная против Кутузова. Обостренное чувство личного соперничества явилось основной мотивацией к созданию всего цикла «Оправданий». «Оправдательные письма»²⁹⁶ Барклая создавались «задним числом» с конкретной целью, и все точки над «и» в них уже были расставлены. В книге А.Г. Тартаковского перечислен ряд публикаций и названы имена авторов, прибегнувших к скрытому и, можно сказать, сплошному цитированию «Оправдательных» писем в публицистических сочинениях 1814—1816 гг.²⁹⁷ Причем самое одиозное «антикутузовское» сочинение Барклая — «Изображение военных действий 1-й Западной армии»²⁹⁸ — получило в обществе едва ли не самое широкое распространение. Его копия неосторожно была передана в декабре 1812 года Александром I бывшему начальнику Главного штаба 2-й Западной армии П.И. Багратиона генералу Э.Ф. де Сен-При. Документ, содержавший резкие выпады в адрес военачальника, смертельно раненного при Бородине, возмутил пылкого француза, и он передал его другому, не менее преданному памяти Багратиона сподвижнику Н.А. Старыкевичу. Так «секретный» документ пошел «гулять по рукам»: А.Г. Тартаковский выявил пятнадцать копий только 1810-х годов, полагая, что их было значительно больше. Он констатировал факт: «Совершенно исключительный размах

²⁹⁵ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 74—75.

²⁹⁶ Харкевич В.И. Переписка Императора Александра и Барклая де Толли в Отечественную войну // Военный сборник. 1903. № 11—12; 1904. № 1; 1906. № 3.

²⁹⁷ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 137—239.

²⁹⁸ Барклай де Толли М.Б. Изображение военных действий 1-й Западной армии в 1812 году // Труды ИРВИО. СПб., 1912. Т. VI. Кн. 2.

приняло рукописное распространение «Изображения военных действий 1-й армии в 1812 году» — самой «закрытой» из оправдательных записок Барклая»²⁹⁹. Специалисты же до сих пор не осознают влияния этого документа на всю отечественную историографию, где в 1810-е годы, кроме скрытого цитирования, уже наблюдалась и скрытая полемика с известным каждому автором. Так, генерал А.П. Ермолов в письме А.А. Закревскому от 17 апреля 1818 года сообщал: «Ты уведомляешь меня об описании военных 1812 года действий, составленном Барклаем, и не прежде соглашаешься доставить оное ко мне, как взяв прежде от меня слово, что я не пущусь в дружескую с ним переписку. Если сочинение сие не печатное и не выпущенное в публику <...>, то я и не смею тебя выдавать нескромностию моею»³⁰⁰. Ермолов полагал, что возражать можно лишь на сочинения, появившиеся в печати за подпись автора, чего, как известно, с письмами Барклая не случилось до второй половины XIX века. Из монографии А.Г. Тартаковского мы можем сделать вывод, что «презревшие печать» письма Барклая Александру I широко распространялись в обществе до «прокутузовских» сочинений («официоза», как их называют некоторые современные авторы) К.Ф. Толя, Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского³⁰¹. Следовательно, крепкая «антикутузовская» версия оформилась раньше. Специалисты до сих пор видят в М.Б. Барклее де Толли лицо страдательное, обо-

²⁹⁹ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 294.

³⁰⁰ Сборник РИО. Т. 73. С. 275

³⁰¹ Толь К.Ф. Описание битвы при селе Бородине 24-26 августа 1812 года, составленное на основании рапортов гг. корпусных командиров Российской армии, из официальных документов неприятельских. СПб., 1839; Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1—2. СПб., 1823—1824; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1—4. СПб., 1839.

ронявшееся от нападок общества, но факты, приведенные А.Г. Тартаковским, показывают, что он успешно нападал на обидчиков и соперников. Именно благодаря сочинениям Барклая в историографии и возникла устойчивая, по выражению А.Г. Тартаковского «антитеза “Кутузов — Барклай”»³⁰².

Работа А.Г. Тартаковского появилась в «разгаре» перестройки, и в ней по-прежнему чувствовалась сильная идеологическая составляющая, повлиявшая на выводы автора, постоянно стремившегося установить связи М.Б. Барклая де Толли с «прогрессивной общественностью»: по мнению историка, именно эти связи доказывали историческую правоту полководца, боровшегося за восстановление «доброго имени». Нельзя не согласиться с выводом ученого, что борьба эта была «беспрецедентной». Но на наш взгляд, дело здесь было не в том, что Барклай, по мнению исследователя, апеллировал к «прогрессивным кругам общественности». Акцент следует сделать на другом: современники обоих полководцев полагали, что ударная сила «Оправдательных» писем заключается в том, что их адресатом являлся Император Александр I. Книга А.Г. Тартаковского позволяет определить благодарную аудиторию, восприимчивую к откровениям «верного друга» Императора. Это, безусловно, военная молодежь, далекая от командования армиями в начале 1812 года. Старшие соратники Барклая, представлявшие «военно-аристократическую олигархию», оценивали эти письма трезво: так, Главнокомандующий 3-й Обсервационной армией генерал А.П. Тормасов категорически опровергал наличие у русского командования какого-либо продуманного плана отступления вглубь

³⁰² Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 9.

России. Но для человека непосвященного все, написанное Барклаем Императору, воспринималось как истина в последней инстанции, учитывая высокий пост сочинителя, используемый им, безусловно, в целях самозащиты. Историкам, опиравшимся впоследствии на «озарительный» источник, также зачастую казалось, что пером Барклая де Толли водила «истина»: «...Никем из других участников этих событий они не были изображены столь всесторонне, правдиво...»³⁰³ Но как заметил еще в середине прошлого века французский исследователь Ф. Бродель: «Не будем слишком доверяться этой еще обжигающей руки истории в том виде, в каком ее воспринимали, описывали и переживали ее современники. Она принимает очертания их гнева, их мечтаний, их иллюзий...»³⁰⁴

Сторонники М.Б. Барклая де Толли упускают из виду самое важное положение этой версии: генерал не претендует на то, что у него имелся в наличии собственный план отступления вглубь России, приписывая авторство этого плана Александру I. Именно поэтому Ф.В. Булгарин увидел в стихотворении А.С. Пушкина «Полководец», посвященном М.Б. Баркллю де Толли, прежде всего похвалу Александру I. В работах А.Н. Кочеткова, А.Г. Тартаковского, Н.А. Троицкого³⁰⁵ преуменьшается значимость этого обстоятельства, не вписывающегося в «демократическую» концепцию авторов, усиливающую, по их расчетам, позиции Барклая в сопоставлении с Кутузовым, которое в нашей историографии становится все заметнее.

³⁰³ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 75.

³⁰⁴ Braudel F. La Mediterranee et le Monde mediteraneen a l'epoque de Philippe II. Vol. 2. Paris, 1976. P. 11—12.

³⁰⁵ Кочетков А.Н. М.Б. Барклай де Толли. М., 1970; Тартаковский А.Г. Указ. соч.; Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.

В советской историографии противопоставление обоих полководцев не сразу приобрело актуальность. 30 января 1946 года военный историк профессор Е.А. Разин обратился с письмом к И.В. Сталину. Письмо собственно касалось сочинений К. Клаузевица, содержавших негативную оценку Кутузова (впрочем, оценка Клаузевицем Барклая была еще хуже)³⁰⁶. 23 февраля 1947 года в № 2 журнала «Большевик» появился знаменитый ответ Сталина, критиковавшего Ф. Энгельса, высоко оценившего Барклая де Толли (статья о Барклайе написана в соавторстве с К. Марксом). О Кутузове Сталин заявил: «...Полководец был бесспорно двумя головами выше Барклая де Толли». Думается, если бы это высказывание звучало бы менее декларативно, мы бы сегодня имели меньше проблем, связанных с оценкой роли Кутузова в Отечественной войне 1812 года. Проблем было бы меньше и в том случае, если бы специалисты той поры, вдохновленные словами И.В. Сталина, не дошли в своих высказываниях о Кутузове до абсурда: «Авторы изображали его надклассовым феноменом, который якобы отражал настроения и интересы русского крестьянства»³⁰⁷. Высказывание Сталина о Кутузове имело последствия, о которых говорится в работе отечественных исследователей: «Негативное влияние на историографию оказало противопоставление Кутузова Барклаю де Толли»³⁰⁸. Если в дореволюционной историографии это противопоставление, основанное на личном противостоянии военачальников, уже существовало, теперь оно осложнилось привнесением идеологических соображений: борьбой за чистоту «марксизма»

³⁰⁶ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1997. С. 64.

³⁰⁷ Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917—1987 гг. М., 1990. С. 90

³⁰⁸ Там же. С. 104

ленинизма» против «сталинизма» и т.д. Не надо быть особенно проницательным, чтобы понять, в каком направлении двинется историческая мысль в отношении Кутузова после развенчания культа личности Сталина. А.Г. Тартаковский, на наш взгляд, верно подметил определенную цикличность историографического явления: в годы демократизации, «оттепели», «перестройки», историки поднимают на щит Барклая де Толли, безоглядно доверяясь эпистолярному наследию полководца, воспетого Пушкиным. Заметим, что это отношение к «Оправдательным письмам» основывается, главным образом, на «эмоциональной публицистике», так как научного комментария к этому циклу источников пока не существует. Ученый отмечал факт общественного признания Барклая с явным удовлетворением. На наш взгляд, в этом явлении нет ничего положительного: кульп Барклая, так же, как и кульп Кутузова, отражают исторический процесс в жизни общества, а не историческую науку, которая в данном случае «ставит прошлое на службу дня». В.Н. Земцов отмечает в своей статье³⁰⁹: «Тартаковский увидел в русской традиции исторического осмыслиения событий 1812 г. определенное чередование всплесков националистических и патриархально-консервативных настроений и моментов более спокойного отношения к Западу, которые, как правило, сочетались с либеральным курсом правящих верхов»³¹⁰. Правда, в монографии Тартаковского не шла речь о Западе, который, в противовес «националисту» М.И. Кутузову, с некоторых пор стал олицетворять в историографии М.Б. Бар-

³⁰⁹ Земцов В.Н. «Образ врага» в русской историографии Бородинского сражения: рождение традиции // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов. К 190-летию Отечественной войны 1812 года. Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 132. С. 246—268.

³¹⁰ Там же. С. 248.

клай де Толли³¹¹. Обратившись к рапортам М.И. Кутузова о Бородинской битве, В.Н. Земцов сделал, на наш взгляд, далеко идущие выводы: «Так начинала складываться официальная традиция “русского Бородина”, хотя и опиравшаяся на объяснимое ощущение победы <...>, но прибегавшая при этом к сознательным искажениям. Последнее преследовало две цели: во-первых, оправдательную (что было вполне объяснимо в случае с К.Ф. Толем, за спиной которого довольно ясно вырисовывалась фигура его начальника М.И. Кутузова), а во-вторых, идеально-политическую, связанную с деятельностью крепостнических кругов, насаждавших псевдопатриотические и, до известной степени, антizападнические настроения в русском обществе. Могло ли этому что-либо противостоять? Да, наряду с официозной трактовкой, в ходе самой войны возникла и иная тенденция, духовно [выделено нами. — Авт.] ей противостоящая. Она была представлена людьми декабристского поколения. Вопреки клерикально-монархическому поношению европейцев, пришедших с Наполеоном в Россию, эти люди видели в Западе не только угрозу русской жизни, но и источник свободолюбивого духа. <...> К 1813 г. оформилась своеобразная группа, называемая «рейхенбахским кружком» и состоявшая в основном из гвардейских и квартирмейстерских офицеров <...>. Повествуя об историографической традиции Бородина, возникшей вокруг «рейхенбахского кружка», нельзя не остановиться на еще одной фигуре, влияние которой на первых историков 1812 г. демократического и либерального направлений было несомненным. Это — М.Б. Барклай де Толли. Еще осенью 1812 г. им была подготовлена своего рода оправдательная записка «Изображение военных действий

³¹¹ Талберг Ф. Барклай де Толли и Балтийский край. Рига, 2002.

1-й армии» <...>, написанное в жестко реалистичном духе, чуждом малейшего псевдопатриотического пафоса...»³¹²

Определение целеполагания перечисленных В.Н. Земцовым источников, уже представляется спорным: волновал ли вообще Кутузова «образ врага» при составлении рапортов, которые, как известно, имели сугубо прикладное назначение — предваряли наградные списки? К.Ф. Толю, как автору «Описания сражения при селе Бородине...» от лица М.И. Кутузова было также не до «клерикально-монархического поношения» неприятеля, равно как и М.Б. Барклаю де Толли при написании «Изображения военных действий 1-й армии» были безразличны проблемы «демократии» и «либерализма». Нельзя согласиться и с тем, что рапорты Кутузова и «Описание...» Толя побудили А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина к написанию «псевдопатриотических» манифестов и брошюр: граф Ф.В. Ростопчин стал сочинять свои знаменитые «афишки» задолго до приезда Кутузова к армии, так же как и А.С. Шишков — «Манифесты» от лица Императора. Оба автора во вдохновителях не нуждались. Сомнителен и критерий оценки автором документов штаба Кутузова, «Описания...» Толя и «Оправдательных» писем Барклая. Почему М.И. Кутузов и К.Ф. Толь, сообщавшие об отступлении неприятеля с поля боя при Бородине, рассматриваются как представители «воинствующего самодержавно-крепостнического патриотизма», а Барклай де Толли, утверждавший, что неприятель, «отраженный от всех пунктов с бесчисленною потерюю, удалился с места сего, можно сказать, беспримерного сражения», представлял «демократические и либеральные круги, воспринимавшие

³¹² Земцов В.Н. Указ. соч. С. 255—257.

аполеона и его армию в тираноборческом духе»³¹³? Все это свидетельствует о том, что у автора статьи в уме уже сложилась версия, к которой он «подтянул» факты, выстроенные в логическую концепцию еще А.Г. Тартаковским, преемником которого В.Н. Земцов считает себя с полным основанием: оба специалиста основывают свои построения в русле «теории прогресса». Кстати, о прогрессе. А.Г. Тартаковский перечислил в своей книге имена «прогрессивных» русских офицеров, составлявших во время Плейсицкого перемирия 1813 года так называемый рейхенбахский кружок, и, по мнению специалиста, сочувственно относившихся к Барклаю де Толли: А.И. Михайловский-Данилевский, братья А.А. и М.А. Щербинины, М.Х. и П.Х. Габбе³¹⁴. Историк же А.И. Михайловский-Данилевский, работая над «Описанием Отечественной войны, преследовал заветную цель: «Может быть, удастся мне представить в Кутузове идеал государственного человека...»³¹⁵ Версию о «рейхенбахском кружке», как об альтернативе патриархально-крепостническим взглядам М.И. Кутузова и его подчиненного К.Ф. Толя, заимствовал без критической проверки и В.Н. Земцов. Но эта «идеологическая» версия — явно надуманная. А.Г. Тартаковский упустил из виду важный источник — Записки А.А. Щербинина, обратившись к которым, мы встретим совершенно в другом месте уже знакомые нам фамилии: «В феврале 1813 года, во время бытности Главной квартиры в Калише, Карл Федорович [Толь. — *Авт.*] пил <...> чай в своей канцелярии, как с особенным ударением любил назы-

³¹³ Земцов В.Н. Указ. соч. С. 251.

³¹⁴ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 214.

³¹⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1814—1815. СПб., 2001. С. 122.

вать ее, и которую составляли квартирмейстерские офицеры: <...> Габбе, брат мой и я».³¹⁶ Из этого источника видим: трое «рейхенбахцев» — это офицеры «канцелярии Толя», которого А.А. Щербинин, в частности, просто боготворил, с годами решившись создать его жизнеописание. Таким образом, надежда на «прогресс» рушится на глазах: разве могли одни и те же люди одновременно олицетворять «патриархальное крепостничество» и являться надеждой «либеральной демократии», поддерживающей Барклая де Толли? На наш взгляд, сам термин «реабилитация», употребленный А.Г Тартаковским по отношению к Барклаю, чей портрет украшает Военную галерею Зимнего дворца, неправомерен. Кстати, из нашей историографии этот термин благополучно перекочевал во французскую: его уже употребил Т. Ленц в содержательной статье «Воспоминания о 1812 году в Великую Отечественную войну»³¹⁷. Этим термином военачальник как бы приравнивается к «репрессированным» в годы «культы личности», а Кутузова критикуют особенно жестко, прикрываясь, в первую очередь, борьбой со «сталинизмом».

Необходимо заметить, что «антитеза “Кутузов—Барклай”» в последнее десятилетие вытеснила другую не менее значимую «антитезу» — «Барклай де Толли—Багратион». Последняя антитеза, действительно, очень неудобна для тех, кто «ставит прошлое на службу дня», для тех, кто навязывает обыденному историческому сознанию версию о том, что единственной причиной отстранения от командования

³¹⁶ Щербинин А.А. Записки // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Вып. 1. Вильно, 1900. С. 16—17.

³¹⁷ Французский ежегодник, 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 202—203.

армиями в 1812 году М.Б. Барклая де Толли, а следовательно, и назначения М.И. Кутузова, была иностранная фамилия генерала, воспетого А.С. Пушкиным в стихотворении «Полководец». Но этой соблазнительной для современных борцов с «мифами» версии существенно мешает другой прославленный полководец с нерусской фамилией, которого тем не менее считали «красой и гордостью русской армии», — князь П.И. Багратион. В год 200-летия нашей победы в Отечественной войне 1812 года «разрушители мифов» почему-то обходят молчанием этот сюжет. Обстоятельств, связанных с отступлением в начале войны 2-й Западной армии П.И. Багратиона, представленных в синхронной оперативной документации, вполне достаточно, чтобы развеять мифы о «скифских планах» М.Б. Барклая де Толли. Если бы перед войной были учтены высказанные Багратионом опасения о том, что русские армии развернуты слишком близко к западной границе, чтобы не быть отрезанными друг от друга в случае вторжения неприятеля, нашим войскам не пришлось бы достигать соединения ценой огромных усилий. Если бы после перехода неприятеля через Неман Багратион получил приказ немедленно отступать в конкретном направлении. То в этом случае можно было бы задуматься о наличии у Барклая де Толли продуманного плана. Напротив, генерал Багратион, как верно заметили военные историки конца XIX — начала XX века Н.А. Окунев, А.П. Скугаревский, Омельянович, Иностранцев и др., был полностью дезориентирован. И только благодаря своим выдающимся военным способностям, гражданскому мужеству и, наконец, здравому смыслу, он спас свою армию, фактически брошенную на произвол судьбы. «Успех прикрыл все наши ошибки и столько искупительных подвигов, столько самопожертвования. Столько жертв было нами учি-

нено, что ошибки простит нам потомство», — откровенно писал о начальном периоде войны 1812 года военный историк А.И. Михайловский-Данилевский³¹⁸. Все беды, выпавшие на долю Барклая де Толли в 1812 году, не были связаны с его иностранной фамилией. Если бы Багратион и его армия не совершили подвигов ни у Александра I, ни у Барклая де Толли не было бы оснований вспоминать о «скифском плане». Не было бы и «Оправдательных писем», составленных задним числом. Принимая во внимание сухой лапидарный слог «Оправданий» М.Б. Барклая де Толли и «Писем» Л.Л. Беннигсена, главных оппонентов Кутузова и создателей крепкой «антикутузовской версии», вряд ли можно сомневаться, чей рассказ об Отечественной войне 1812 года получил бы в глазах потомков статус источника № 1. Таким образом, отсутствие источника является для историка проблемой не менее значимой, чем его наличие. Заметим, что и П.И. Багратион, получивший при Бородине смертельную рану, также не дожил до распространения в свете «Оправданий» М.Б. Барклая де Толли... Помимо роли выдающегося стратега, российскому герою с иностранной фамилией принято приписывать и исключительные заслуги в подготовке к военной кампании 1812 года. Не умаляя степени участия М.Б. Барклая де Толли как Военного министра в организации достойного противостояния нашествию, нельзя забывать о наличии у него могущественного «дублера» — другого «антигероя» российской истории, «крепостника» с русской фамилией графа А.А. Аракчеева. Именно он с 1808 года являлся министром военно-сухопутных сил и генерал-инспектором всей артиллерии, «обеспечивая численный рост армии, улучшая ее снабжение, сыграв тем самым важную роль в подготовке к

³¹⁸ РГВИА. Ф. 846(ВУА). Д. 3465. Ч. IV. Л. 385.

войне с императором Наполеоном I. <...> В январе 1810 года, сдав Военное министерство М.Б. Барклаю де Толли, возглавил Департамент военных дел Государственного совета»³¹⁹. На наш взгляд, в «легенде» (или «мифе») о Барклай де Толли есть существенный изъян, который стараются не замечать те, кто поддерживают эту «легенду»: благодаря источникам той поры, фигуры второго плана — А.А. Аракчеев, П.И. Багратион, М.И. Кутузов — по отношению к Барклай де Толли без усилий историков производят более яркое впечатление. Невольно возникает вопрос: а, может быть, они и есть фигуры первого плана, без которых «легенда» о спасителе России с иностранной фамилией существовать не может. Да и корректно ли поминать об иностранном происхождении М.Б. Барклай де Толли как причине «ужасных гонений» в 1812 году, когда начальником Главного штаба М.И. Кутузова был ганноверец без российского подданства Л.Л. Беннигсен; начальником Главного штаба П.И. Багратиона (с нерусской фамилией) был француз Э.Ф. де Сен-При; из четырех командиров корпусов регулярной кавалерии только один (Уваров) носил русскую фамилию, а фамилии остальных трех генералов говорят сами за себя: Корф, Крейц, Сиверс. Командир 2-го пехотного корпуса генерал К.Ф. Багговут перед тем как погибнуть от ядра в сражении при Тарутино успел сказать своим сослуживцам: «Для всех честных людей — одно небо». Кстати, и земля для них тоже была одна: лютеранин Багговут похоронен на Калужской земле в Лаврентьевском монастыре. Спустя 200 лет мы додумались поделить наших героев на немцев, русских, шотландцев, поляков, грузин... «Безусловно, в любом выборе историком темы своего исследования есть нечто личное, что никак не может

³¹⁹ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 28.

быть сведено к результатом влияния окружающей среды. Однако только этим невозможно объяснить в конечном итоге характер научной деятельности историка: она во многом связана с окружающей его средой, в которую входит и состояние исторической науки. <...> Стремление поставить прошлое на службу дня становится конъюнктурой. Актуальность отличается от конъюнктуры тем, что в первом случае по отношению к прошлому задается только вопрос, а во втором прошлое подгоняется под заранее определенную, навязываемую этому прошлому форму ответа <...>»³²⁰.

Борьба со «лжепатриотизмом» стала поистине «знамением времени», наложившим отпечаток на всю современную историографию событий 1812 года. Причем этот грех ставится в вину исключительно российским профессиональным историкам. Подобная постановка вопроса, на наш взгляд, располагает к опасной доверчивости к зарубежным источникам. Не случайно в трудах российских исследователей наполеоновской эпохи мелькают совершенно ненаучные определения по отношению к создателям писем, дневников и мемуаров: «исключительно правдивый». Заметим, что даже при масштабном сопоставлении источников противоречия и разногласия во взгляде на то или иное событие все равно остаются. Нельзя не удивиться самонадеянности авторов, когда один пытается «уточнить истинный масштаб личности Кутузова»³²¹, другой обращается к изучению личности канцлера Н.П. Румянцева, «чтобы опровергнуть ложь, выявить истину»³²². Историк не возглашает истину в последней инстанции, он предлагает свой, по возможности непротиворечи-

³²⁰ Смоленский Н.И. Указ. соч. С. 17—18.

³²¹ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002, С. 4.

³²² Лопатников В.А. Канцлер Румянцев: Время и служение. М., 2010. С. 9.

чивый и научно сбалансированный взгляд на историческое явление. Но он изучает и наблюдает не само явление, а то, как оно отражено в различных источниках, поэтому главная задача специалиста собрать возможно полную и всестороннюю информацию об авторе, когда и при каких обстоятельствах был создан источник, где, когда и кем был опубликован, при этом не исключая возможности, что какая-то часть важной информации все равно ускользнет из поля зрения специалиста. Пользуясь сведениями других источников, мы можем примерно реконструировать, когда и зачем они создавали свои источники, то есть определиться с «целеполаганием», и произвести внутреннюю критику источника. Но о какой внутренней критике источника может идти речь, когда мы сталкиваемся с обильным цитированием сочинений воинов Великой армии, о большинстве которых мы знаем лишь номер полка и цвет мундира? Сведения о каждом отдельно созданном источнике нeliшним было бы вписать в данные исследований «культурных инвариантов» — образцов сознания и поведения воинов русской и наполеоновской армий, которые также нуждаются в тщательном научном изучении и осмыслении. Приведу пример: каждый, кто изучает эпоху Наполеоновских войн, сталкивается с тем, что русские участники событий менее плодовиты в мемуарном наследии, чем французы. Более того, их воспоминания почти не содержат тех выразительных и ярких деталей, которые присущи рассказам ветеранов Великой армии. Можно, конечно, привычно списать это явление на невежество, а можно обратить внимание на обстоятельства, подчас не принимаемые в расчет. В восторженном почитании Наполеона и его армии мы гоним от себя мысли, что у их репутации не всегда были красные дни. Русские мемуаристы сознавали себя победи-

телями, их репутация в то время была бесспорна (им и в голову не приходило, что потомки усомнятся в них настолько, что займутся поиском уважительных причин для нашествия Наполеона на Россию), чего не скажешь об их противниках, «борцах противоположного лагеря» (А.Н. Витмер). На счету у наполеоновских ветеранов — проигранные кампании в России, Центральной Европе и Пиренеях 1812, 1813, 1814, 1815 гг. Союзные армии Европы дважды вступали в Париж в 1814 и 1815 гг. «Австрийцы ввели целую армию в Прованс, чтобы кормить на счет этой бедной и верной королю страны, — сообщал лорд Каслри лорду Ливерпулю летом 1815 года. — Пруссаки кормят на счет Франции 200 000 войска. Баварцы [те самые «верные союзники» Наполеона, которые якобы готовы были интегрироваться в созданную им «единую Европу»³²³. — *Авт.*], чтобы не потерять удобного случая покормиться на чужой счет, поспешили перевезти на телегах свое войско от Мюнхена на берега Луары, когда в их помощи не было более никакой нужды, и перевозка, разумеется, поставлена на счет Франции. Теперь во Франции союзных войск не менее 900 000, содержание которых стоит стране 112 000 фунтов стерлингов»³²⁴. Большая часть населения Франции знала о победах своего повелителя из газет и бюллетеней, а грандиозное по масштабу военное поражение видела своими глазами и ощущала на себе. Ветеранам Великой армии и самому Наполеону оставалось в этой ситуации только одно спасительное для их репутации средство — взяться за перо в надежде на будущее. Лично я не представляю себе русского офицера-мемуариста, взыва-

³²³ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2008. С.78.

³²⁴ Цит по: Соловьев С.М. Император Александр I. М., 1995. С. 414—415.

ющего к своим сослуживцам в тех же пылких выражениях, как это сделал граф Ф. де Сегюр: «Товарищи, я обращаюсь к вам! Не дайте исчезнуть этим великим воспоминаниям, купленным такой дорогой ценой, представляющим единственное достояние, которое прошлое оставило нам для нашего будущего. Одни, против стольких врагов, вы пали с большею славою, чем они возвысились. Умейте же быть побежденными и не стыдиться! Поднимите же свое побежденное чело, которое избороздили все молнии Европы! Не потупляйте своих глаз, видевших столько сдавшихся столиц, столько побежденных королей! Диктуйте же истории свои воспоминания. Уединение и безмолвие, сопровождающие несчастье, благоприятствуют работе. Пусть же не останется бесплодным ваше бодрствование...» «Бодрствование» наполеоновских ветеранов не осталось бесплодным. В доказательство того, что они выполнили идеологический заказ, приведу строки из текста Завещания Наполеона на острове Святой Елены: «...Полковнику Марбо, сто тысяч франков. Я возлагаю на него обязанность продолжать писать для защиты славы французского оружия, дабы покрыть позором клеветников и отступников»³²⁵. Путеводной звездой их воображению служили Бюллетени Великой армии и мемуары самого Наполеона, по поводу которых его падчерица королева Гортензия заметила, что узник острова Св. Елены «с изощренным кокетством хорошего драматурга» «аранжировал свою жизнь, свою защиту и свою славу»³²⁶. Эту «бумажную» войну российские ветераны, безусловно, проиграли: в их рядах не было генерала М. Марбо, полный текст «Мемуаров» которого был издан в России без соот-

³²⁵ Наполеон Бонапарт. Искусство войны. С. 346.

³²⁶ Цит. по: Земцов В.Н. Указ. соч. С. 9.

ветствующего научного комментария в 2005 году. Но, во-первых, русские офицеры были победителями, и им не надо было оправдывать своих поражений возвышенными причинами. Во-вторых, их разоружил сам Император Александр I, призвав к смиренению: «Не нам, не нам, а имени Твоему!» Кстати, во время вступления союзников в Париж французы сразу же отметили существенную разницу в психологии офицеров двух армий — русской и наполеоновской: «Мы слышали как молодые русские офицеры <...> рассказывали в самый день их торжественного вступления их в Париж о подвигах своих от Москвы-реки до Сейны как о делах, в которых они были предводимы помыслом Божиим; себе они предоставляли только ту славу, что они были избраны орудием его милосердия. Они описывали победы свои без восторга и в таких простых и ласковых выражениях, что мы думали, что они на сие условились из особенной учтивости. Они нам показали серебряную медаль, которую генералы и солдаты носят как знак отличия. На одной стороне сей медали изображено око Провидения, а на другом — слова из Священного Писания: «Не нам, не нам, и имени Твоему»³²⁷. Именно эта «схема» и составляла основу исторического характера офицера эпохи 1812 года.

В целом же, нельзя не согласиться с британским исследователем Д. Ливеном: «Основные французские первичные источники по войнам, конечно, представляют взгляд «со своей колокольни». <...> Агрессивное самовосхваление процветало как в армии Наполеона, так и в армиях его противников»³²⁸. Заметим, что в эпоху «национальных

³²⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 53—54.

³²⁸ Ливен Д. Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. VI. Труды ГИМ. М., 2007. С. 309.

историописаний» в российской историографии не происходило ничего из ряда вон выходящего. В то же время следует признать, что исторически сложилось так, что наши историки (и те, кто выступает от их лица) в русле традиции XIX века все еще рассматривают конфликт между Россией и Францией, игнорируя других участников противостояния. Кстати сказать, огромный научный интерес представляет книга А.А. Орлова, впервые обратившегося к актуальной теме российско-британских отношений³²⁹. По словам Д. Ливена, автора известной на западе монографии «Россия против Наполеона»³³⁰, в настоящее время «нарушена сбалансированность взгляда российских историков и их коллег за рубежом на проблему поражения Наполеона». Нельзя не признать основательности некоторых суждений специалиста «со стороны». В числе недостатков отечественной историографии им названы: «колossalный разрыв уровня знаний о 1812 г. и 1813—1814 гг.», приверженность «национальным сюжетам», препятствующую реально оценить вклад России в поражение Наполеона; определенную «зацикленность» исключительно на русско-французских отношениях в период Наполеоновских войн; традиционную сосредоточенность отечественных специалистов на военных операциях в отрыве от внимательного изучения дипломатических отношений; в силу вышеуказанных аспектов сложилось «искаженное понимание русской стратегии», в том числе и взглядов на «скифский план» и т.д. Наконец, открытым остается вопрос: действительно ли изжил себя потенциал «старорежимных» ар-

³²⁹ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху Наполеоновских войн. М., 2005.

³³⁰ Lieven Dominic. Russia against Napoleon. Penguin books. 2010.

мий Европы на фоне «прогрессивной» армии Наполеона? «Мифологизация сознания», давление общественных при-
стасий на науку благополучно существует и в наши дни. Рано ли поздно мы осознаем, что чувство «история нас обманула» на крутых виражах общественной жизни при-
суще всем народам. Вместо того чтобы «делать выговоры прошедшему», мы сможем задавать ему вопросы и искать на них ответы, ориентируясь на научные знания.

В.Я. КОРОСТЫШЕВСКИЙ,
член Союза писателей России

КАК ЭТО БЫЛО

Всё, что мы совершаем в жизни, не бывает случайным. Невозможно просто так взять и принять решение: «дай-ка я напишу исторический роман». Семя такой идеи не может появиться ниоткуда. Какой-то незримый, как мечта, росток должен однажды проклонуться в душе, и, постоянно тревожа, расти и расти в ней, вытесняя всё действительно случайное, второстепенное, мимолетное.

Часто семя вызревшей идеи падает на сухую, каменную почву нашей лени, инертности, робости перед грандиозностью замысла, и потому в кругу близких (и не очень близких) знакомых не раз приходилось слышать сакрментальную фразу: «У меня тоже была мысль сделать то-то и то-то... я думаю к этой идеи вернуться... в общем, как только, так сразу».

Идеей надо заболеть — неизлечимо, безнадежно, и видеть отсрочку своего распада только в ее реальном воплощении; это словно свет в конце тоннеля, к которому упрямо стремятся печальные оптимисты. Когда в далеком 1986 году десятилетняя дочь после каникул улетала обратно в своё

хореографическое училище за тысячи километров от родительского дома, она горько плакала в Хабаровском аэропорту. Родители растерянно говорили ей: «Доченька, да брось ты этот балет, оставайся дома, с нами, ты же знаешь, как мы тебя любим». И сквозь рыдания она ответила потрясающими словами: «Тогда мне будет еще хуже!»

В тот день, когда приходит понимание, что окружающий мир померкнет, если не сделать ЭТО, мы сжигаем за собой мосты и идем вперед до конца, еще неизвестно какого.

Весной 2010 года на заседании Химкинского краеведческого общества кто-то раздумчиво произнес: «А ведь через два года будет 200-летие Бородинского сражения» Все оживились и начали вспоминать то немногое, что знали из краеведческих трудов Б.А. Павлова и Г.В. Ильина. Вспомнили, что из деревень Юрово и Машкино ушло в ополчение в 1812 году 23 крестьянина. Юрово и Машкино — это поселения на территории современного московского района Куркино. Поскольку я живу в Куркино — все посмотрели на меня: мол, видишь, сам Бог тебе велел этим заняться. И тут я словно услышал удар колокола. Густой, долгий звук легко преодолел решетку ребер и, всё усиливаясь, начал резонировать в тесном пространстве грудной клетки. В тот миг впервые мелькнула в голове мысль о памятнике ополченцам района Куркино.

А за окном набирало силу жаркое лето 2010 года. Краеведы расстались до сентября. Столица наполнялась невесомым тополиным пухом, смогом тлеющих болот и горящих лесов, ароматом расплавленного асфальта и тяжелых выхлопных газов. Спасаясь от неведомого оружия всем известного таинственного противника, народ побежал из города. Мы с женой купили тур по морским просторам Скандинавии.

Но идея памятника (точнее, Памятного знака) уже жила в голове самостоятельной жизнью, она, как червь, точила яблоко моего разума. Наверное, поэтому ночью на просторах Норвежского моря ко мне пришло видение этого Знака. Проснувшись, схватил первый попавшийся клочок бумаги, карандаш, — и быстро зарисовал то, что родилось в недремлющем сознании: гранитный постамент со скошенными гранями, над ним, как бы висящее в воздухе, плоское бронзовое кольцо, на внешней и внутренней сторонах которого выгравированы эпизоды противостояния иноземным захватчикам. В центре кольца, возвышаясь над ним, стилизованные нержавеющие языки вечного огня. Цветное обрамление площадки вокруг постамента делало Памятный знак ярким, живописным, оригинальным.

С этой картинкой я и прибежал к главе Управы Куркино: «Даешь памятник!» Ответ меня несколько обескуражил: «Знаешь, сведения из почти художественной книжки уважаемых краеведов — ещё не повод ставить памятники. Можем крепко оконфузиться. Найди официальные документы в гос. архиве об участии наших крестьян в войне 1812 года, тогда и поговорим».

Архив — это тонны слежавшейся прелой бумаги, сотни тысяч томов, покрытых вековым слоем пыли, где что-то найти может только хорошо осведомленный специалист. Обнаружить иголку в стоге сена проще, если вооружиться хорошими магнитами...

В сентябре я показал красивую картинку Памятного знака своим товарищам-краеведам и рассказал о предстоящих мытарствах в Центральном историческом архиве Москвы. «У меня там хороший знакомый работает, запиши его телефон» — прозвучало спасительное предложение. Знакомый

оказался не просто профессиональным архивариусом, но и председателем Московского общества «Багратион», который знал исторические архивы лучше, чем Кутузов диспозицию Бородинского поля.

Под его руководством я уверенно взял курс в фонд № 4. Книг-описей этого фонда, плотно прижавшихся друг к другу, в шкафу читального зала стояло не менее сотни. В каждой описи — тысяча, а может и больше, строчек: том номер такой-то, содержание тома такое-то. Описи можно было ли-стать неделю, и две — искать что-то подходящее для себя. Как классический дилетант, я начал с описи № 1. Листал полдня и вдруг напрягся, как рыбак, у которого заходил кругами поплавок: том 3380 — *Дело о сдаче дворянами кре-постных крестьян в Московскую военную силу с 23 июля по 29 августа 1812 года*. Беру на заметку. Читаю дальше строчку за строчкой. Опять поплавок задергался: том 4199 — *Све-дения о крепостных крестьянах, служивших во время войны 1812 года в Московском ополчении*. Тоже беру на заметку. К концу дня список поклевок насчитывал шесть томов. Прежде чем покинуть читальный зал, делаю заявку на эти тома. Срок исполнения в архиве не скорый: три-пять дней, если эти книги не заказаны кем-то раньше. И еще узнаю одно не-приятное правило: разовая выдача томов не более 500 листов в общем исчислении. У меня более 2 тысяч. Работница архива резонно втолковывает новичку: две тысячи листов просмотреть за день нереально. Пришлось согласиться на два тома. Остальные потом...

Прошло три дня, получаю первые два тома — 810 листов. Книги большого формата, толстые, как ранец перво-классника. Серые листы исписаны с двух сторон гусиным пером, половина букв мне вообще неизвестна, прочитать

ничего не могу: какая волость? какая деревня? кто помешник? Начал толкать локтем соседей: «извините, подскажите как это...» Публика в читальном зале отзывчивая, каждый через это прошел. Через две недели кое-как освоил русский язык. Надо сказать, что фамилии крестьян, ушедших в ополчение из деревень Юрово и Машкино, отыскались достаточно быстро. Их оказалось не 23, а 25. Через месяц нашел том *«Сведения о крепостных крестьянах, служивших во время войны 1812 года в Московском ополчении и награжденных серебряной памятной медалью»*. Все 25 моих земляков из Юрово и Машкино оказались в списках этого тома. Это стало еще одним подтверждением, что ополченцев ушло из наших деревень 25 человек. Списки разделены на тех, кто вернулся и состоит налицо (т.е. живые). Другой список тех, кто после войны продолжил служить в рекрутках (а как же обещания после войны вернуть крестьян домой?), и еще один список — ополченцев, которые к моменту награждения уже умерли. Знать, вернулись с войны тяжело покалеченными, не зажились на белом свете, хотя до войны все молодыми и здоровыми были...

В ходе этой работы нашел сведения, что два казака из отряда полковника Иловайского 12-го погибли в боевых схватках возле села Куркино. Узнал их имена, кто совершил обряд их погребения, и место захоронения. Копии всех этих документов (15 листов) с государственной печатью получил в ЦИАМ.

И тут стало ясно, что красивый Памятный знак в честь ополченцев района Куркино, который приснился мне в холодном Норвежском море, морально устарел. На нем не было места для 25 фамилий крестьян Юрово и Машкино. Зачем тогда вся эта кропотливая работа в архиве, если име-

---

на героев-ополченцев, участников Бородинского сражения, не будут золотом гореть перед взорами сегодняшних жителей столичного района Куркино? Для списка из 25 фамилий нужна достаточно большая ровная плоскость. Значит — гранитный обелиск на ступенчатом пьедестале, общей высотой три с половиной метра, с гербом России той эпохи, с изображением медали на ленте, с крестом, венчающим обелиск — все эти детали отлить из бронзы, все надписи покрыть сусальным золотом; и поставить Памятный знак на холме, чтобы горел крест в лучах солнца и плыл в небе вместе с кучевыми облаками, заставляя думать о вечности...

* * *

Но на этом работа в архиве не закончилась, она дошла только до своей половины. По настойчивым рекомендациям опытного архивариуса я окунулся в исторические документы фонда № 203, где хранились Исповедные ведомости церквей гор. Москвы и уездов Московской губернии 1734—1915 гг. И снова утюжил глазами описи — строчку за строчкой, пока не нашел в описи 747 том 826 «*Исповедные ведомости Московской округи за 1808 год*», 606 листов. Оглавления нет, осторожно листаю страницу за страницей, не сомневаясь, что рано или поздно всё равно найду церковь Владимирской иконы Божьей матери в селе Куркино. Нашел, и в этих ведомостях открылось море информации: сколько в каждой деревне дворов, сколько человек живет в каждом дворе, да у всех возраст проставлен, и кто холост, женат, кто вдов, кто в солдатках маётся. И уж, конечно, люди духовного звания и их домашние перечислены. Кто на исповедь не приходил, батюшка пометку поставил. Сотни фамилий и имен — всех в свою тетрадку переписал.

А потом всю эту работу повторил, но уже за 1814 год (дело 877-а). Так незаметно пролетел еще месяц, зато сколько новой информации обнаружилось! Если сравнивать два среза (за 1808 и 1814 годы), то просматриваются человеческие судьбы: венчания молодых, рождение детей, неожиданные смерти, разделение семей, переселения, убыль. Именно в этот момент и родилась идея написать повесть (или роман) о судьбах крепостных крестьян Подмосковья, живших на берегах Сходни. Как они любили, молились, страдали, как свершали крестный ход в жестокую засуху, как собирались на сельский сход и спорили до хрипоты, как воевали в 1812 году и чего добились после победы.

Один из главных героев романа староста села Куркино Петр Терентьев стал вдовцом сравнительно молодым — в сорок лет. Жена умерла при родах на руках повитухи. А у этого Петра дочь Ирина невеста, восемнадцатый годок шел. Заменила она в семье и мать детям малым, и хозяйку в доме. Понимал Петр, что не прожить ему вдовцом с кучей детей, но привести в дом другую женщину при взрослой дочери он тоже не мог. Надо Ирину замуж отдавать. И отдал — по любви за хорошего парня. А через год Ирина умирает при родах. И рушится еще одна главная линия в романе. И жалко ее до слез, и мужа Лешку жалко. Можно было им другую судьбу сочинить? Можно. Но по документам Лешка овдовел через год после свадьбы, и не стал я ничего приукрашивать. Потому и имена у всех героев свои, подлинные.

Не пришлось приукрашивать и противостояние местных крестьян мародерам Великой армии. Деревня Филино, например, (она входила в сходненское поместье князя С.А. Меншикова), за активное сопротивление была полностью сожжена отступающими французскими отрядами.

Бой в селе Соколово (рядом с Куркино) отмечен в хрониках 1812 года. Невозможно было пройти мимо такого исторического факта: тяжелораненого в Бородинской битве Багратиона вывез с поля боя молодой полковник А.С. Меншиков (сын старого помещика, который скончался в 1815 году). На простой крестьянской телеге он вез прославленного полководца во Владимирскую губернию. Их тягостный путь проходил через Куркино, Юрово, Машкино, и ночевали они в деревне Филино в доме управляющего.

Если принять во внимание, что именно А.С. Меншиков подал в 1821 году императору Александру I проект реформы крепостного права (за что был отлучен от двора и отправлен в отставку), то можно представить себе характер отношений Меншикова с крепостными мужиками. При всём уважении к Кутузову, не следует забывать, что это был крепостник с весьма реакционными взглядами. Прочитав в 1809 году диссертацию Кайсарова «Об освобождении крепостных в России», генерал от инфантерии топал ногами и гневно кричал: «Эта книга — набат, бунт, и терпима быть не может!..»

В самом факте награждения крепостных ополченцев много удивительного. В целом дворянство противилось вручению наград крепостным крестьянам — это нарушило сложившуюся веками иерархию между «господами» и «чернью». Каждое награждение приходилось буквально пробивать (кому?) в инстанциях военного ведомства... 25 награжденных ополченцев из одного поместья — явление уникальное само по себе, вполне заслуживающее благодарной памяти земляков района Куркино.

Когда новый вариант Памятного знака был представлен руководству района, прозвучало высокое мнение о необхо-

**ПАМЯТНИК
МЕСТНЫМ КРЕСТЬЯНАМ –
УЧАСТНИКАМ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ
1812 ГОДА**

**ИЗГОТОВЛЕН ООО «НИМБЪ» (бронза)
И ОБЪЕДИНЕНИЕМ «РОСГРАНИТ»
НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РАЙОНА
КУРКИНО.**

**ОТКРЫТ 3 СЕНТЯБРЯ 2012 ГОДА В ЧЕСТЬ 200-ЛЕТИЯ
БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ**

АВТОР ПРОЕКТА В. Я. КОРОСТЫШЕВСКИЙ

димости проведения конкурса на лучший эскиз. Три весенних месяца 2011 года ушли на то, чтобы победить в этом конкурсе. Дальше встал вопрос — где установить Памятный знак. Начальству был по душе перекресток двух улиц Куркино, поближе к управе; автор настаивал на живописной парковой территории, там, где когда-то стояла деревня Машкино. Согласовать установку Знака в парковой зоне, конечно, сложнее, чем на перекрестке двух дорог. Раз тебе надо, ты и согласовывай. Проектная организация, которая в свое время проектировала парк, поняла идею благодарной памяти местным ополченцам 1812 года и сделала проект привязки Памятного знака в лучшем месте природного парка — как и мечтал автор.

Чтобы согласовать возведение Памятного знака в органах власти, управлениях и ведомствах Москвы, ушло не слишком много времени: около трех месяцев. Осталось решить вопрос финансирования — сметная стоимость памятника 2 млн рублей. Если бы навалиться всем миром, то получилось бы по 150 рублей на взрослого жителя Куркино. Но если должностные лица района ни разу не обратились к руководителям местных организаций, если школы района, Совет ветеранов, управляющие компании по этой причине остались глухи, то 150 рублей стали невыполнимой задачей. Не было такой школы или другой организации, где бы я не выступил перед коллективами, заканчивая везде рассказ о крепостных ополченцах, наших земляках, под бурные аплодисменты. Однако глухое молчание управы оказалось красноречивее патриотических возваний. И все-таки Памятный знак делается: отлиты вся бронза, гранитные плиты и обелиск шлифуются на гранитном заводе. Не воспрепятствует ли местное ру-

---

ководство его установке ко дню 200-летия Бородинского сражения (7 сентября) — не известно. До сего дня оно никак не обозначило своего интереса к первому в России памятнику крепостным крестьянам — ополченцам 1812 года. И если Памятный знак всё-таки будет открыт 7 сентября, то в качестве кого (или чего?) будут на этом празднике руководители района?

* * *

Более трехсот жителей Куркино (из 30 тысяч) внесли посильный вклад в строительство памятника. Каждый из них получит в подарок от автора книгу «За веру, царя и Отечество». Параллельно с заботой о памятнике пишется этот непростой роман, в конце которого автор поместит благодарственный список всех спонсоров, меценатов, людей, искренне любящих свою малую родину.

Главная задача, которуюставил автор, работая над романом «За веру, царя и Отечество», показать эпоху начала XIX века глазами крепостных крестьян Подмосковья, дать оценку происходящим событиям, в том числе войне 1812 года, через восприятие «нижних чинов». Как это получилось и получилось ли вообще — решать моим читателям, прежде всего, жителям района Куркино.

В.Я. КОРОСТЫШЕВСКИЙ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО»

В воскресенье двенадцатого июля 1812 года все постоянные дворы и почтовые станции на тракте Москва — Санкт-Петербург взволнованно гудели, словно потревоженные осинные рои. Проезжающий народ, потрясая газетами, сбивался в кучки и долго не расходился, обсуждая наиважнейшую государственную новость. Немногословные курьеры и фельдъегеря стремительно влетали на станции, меняли без очереди взмыленных лошадей и мчались дальше в направлении обеих столиц. У них один закон: *«Промедлить — значит потерять честь!»*. Смотрители почтовых станций, а также хозяева конных дворов, озабоченно вникая в суть свалившейся на их головы новости, прикидывали, не пора ли поднимать плату за прогон?

Вечером изрядно помятую газету *«Московскія Вѣдомости»* привез в Куркино с почтового большака Тимофей Архипов. Несколько часами ранее курьер из волостной Сабуровки вручил экземпляр *«Ведомостей»* батюшке Александру Яковлеву — настоятелю церкви Владимирской иконы Божией матери. Управляющий Меншикова Гохман Альберт Карлович

знал о царском воззвании к Москве и высочайшем Манифесте ещё до полудня — он получал корреспонденцию, в том числе газеты, с ямской станции села Черная Грязь во время второго завтрака.

К разного рода царским указам и манифестам деревенский народ был глух и равнодушен — они, как правило, не касались их лично. Но воззвание императора Александра к первопрестольной столице и высочайший Манифест к народам России от 6 июля дышали огнем и общей бедой. До глубокой ночи в Куркине грамотеи бегали от избы к избе с затертой газетой Тимошки Архипова — виданое ли дело, чтобы царь-батюшка воззвал прямо к своему народу. Видать нету у него твердой надежки на дворян-помещиков, уездных и губернских чиновников да дворцовых столичных подхалимов.

Утром народ начал стихийно собираться возле церкви: многие впервые узнали, что Россия уже месяц воюет с жестоким и коварным антихристом *Бунапартом*. Вот оно, значит, как ауクнулось небесное-то знамение! Нет, не зря полгода назад над их головами висела хвостатая комета — верное было предупреждение о грядущих тяжелых испытаниях.

Из сумрачного нутра церкви вышли на каменное крыльце батюшка Александр Яковлев и староста Петр Терентьев. Вид у обоих был строгий, торжественно-мрачный. На дворе и за пределами ограды воцарилась тишина. На паперти не торчало ни одного нищего — сегодня не тот случай, чтобы бренчать им своими оловянными кружками, выпрашивая полушки. Первым заговорил настоятель храма:

— Миряне, православные! Великое испытание пришло в наш дом. Неприятель невиданными силами вторгся на нашу землю, отъявленный антихрист разоряет и жжет наше Отечество.

ство. Любезный наш царь-батюшка наипервее всей России обратился к каждому из нас, живущему на земле древней столицы. Кто, как не Москва, покажет пример всем верным сынам России в противостоянии врагам своим? Никогда ранее не было в том вящей надобности, как ныне. Да распространится в сердцах наших дух той праведной брани, какую благословляет Бог и Православная Церковь...

Тревогой зашлись сердца жителей Куркино и других окрестных деревень, собравшихся в тот час возле своей церкви. Тревога быстро сменилась ропотом: «А что же наша армия делает? Только в нашей деревне с десяток солдаток мается, а по всей России это сколько их бедолаг? Давно ли ратников наших отсель проводили на службу, а как воевать, то выходит и некому, окромя землепашца?»

Петр Терентьев за спиной батюшки прятаться не стал и сделал шаг вперед:

— Государь наш Александр в манифесте и не скрывает от своих подданных, что слишком разновеликие силы сошлись в непримиримом противостоянии. При всей твердой надежде на храброе русское воинство, для победы над национальным разноязыким нашествием необходимо собрать новые силы, которые составили бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов наших, жен и детей каждого и всех...

Петр достаточно вольно пересказывал содержание царского высочайшего Манифеста. Мужики слушали его уважительно, но случая поторговаться, пусть хоть для виду, не упустили:

— Кабы нам вольную дали, то почему бы на войну не пойти и ворогу рога не обломать? — смелый голос тут же поддержали другие шутники: — А кого в полон с войны приведем, тех и заставим землю пахать да ярмо платить, —

мужики весело позубоскалили, видать, отлегло маленько от тревожных новостей.

В этот же день собрал своих крепостных и управляющий Гохман. Накануне вечером он несколько раз внимательно прочитал Воззвание и Манифест царя Александра. Понял, что в Санкт-Петербурге паника, и хотя генералитет пытается противостоять Наполеону, но видно по всему, что на этот раз России разгрома не избежать. Вопрос лишь в том, где и когда будет генеральное сражение и как быстро Россия капитулирует. Особо Альберт Карлович обратил внимание на вскользь упомянутое Манифестом ополчение. Усмехнулся: «Как всегда, самое важное маскируется потоком пафосных трескучих слов. Пожарские и Мининь им, видишь, нужны! Во времена ополчения Минина и Пожарского в России царской власти не было — одни самозванцы правили. Сейчас хоть и паника, но совсем не смута, никакой пугачевщины власть не допустит. Ясно, что в ближайшие дни по всей стране будет объявлена мобилизация ратников и ополченцев. Спасет ли это Россию или добавит в котел войны новые, никому не нужные жертвы?»

Гохман сидел в своей гостиной на мягком диване и размышлял в тишине о незавидной судьбе России, о Меншикове с его дворцами, которые будут сожжены или разграблены, но больше всего управляющего занимала его собственная судьба. Когда сюда придёт французская армия, его обязательно убьют или победители, или свои же мужики. И даже если не убьют, чем он будет управлять? Чьим управляющим он будет? Что завтра он скажет этим грубым, невежественным мужикам, признающим только силу, управляемым только страхом телесного наказания?

Утром, после мучительно проведенной ночи, в дурном настроении он сел в коляску и поехал в Машкино, где обыч-

---

но на сходки собирался народ. Не сходя с коляски, лишь привстав, Альберт Карлович сразу сказал главное:

— Французские войска перешли границу и идут вглубь России. Наша армия отступает в поисках места, где удобнее дать сражение и разгромить Наполеона. Однако война — это дело армии, и нас это не касается. Наше дело хорошо обрабатывать землю, собирать урожай и платить налоги.

Гохман замолчал, говорить ему больше было нечего, и вообще попусту тратить время он не любил. Дома на столе лежал отчет за первое полугодие, всевозможные накладные и счета — всё это надлежало срочно доставить в Главную московскую контору Меншикова. А потом... — Альберт Карлович даже мечтательно зажмурился — у него будет возможность провести несколько дней в московской квартире у дражайшей супруги Амалии Михайловны...

Дав нехитрые указания приказчикам, Альберт Карлович тронул возчика за плечо: «Поехали!»

* * *

Спустя три часа Альберт Карлович миновал большое и богатое село Всехсвятское; отсюда до Тверской заставы всего пять верст — за ней начинался город. Ныне на заставах строго: у всех проезжающих — и с подорожной, и тем более без оной — тщательно проверяли *пашпорта* — в Москве находился Государь Александр. Подъехав к шлагбауму, Гохман обратил внимание на необычную толчью возбужденной толпы, числом сорок-пятьдесят мужиков, которую караульные, держа ружья наизготове, осаживали назад. Многие мужики были при конных повозках. Со всех сторон неслись возмущенные крики:

— Нету такого права, чтоб на улице народ хватать!

— Я вольный человек, нечего меня силком на войну гнать!

— Ишь, оцепили всю Москву, сатрапы, вот и шли бы, куда надо, хранцуза бить, чем здесь штыками размахивать!

Мужики рвались из города. Старший караула, высокий усатый гренадер в меховой шапке, темно-синем камзоле и белых панталонах, держал ружье на плече и терпеливо объяснял толпе, наверное, уже в сотый раз:

— Ежели кто по делу, по заданию какому, должен иметь документ с печатью городской головы. Нет такой бумаги, не пропущу за шлагбаум. Освободите дорогу! Кому сказал — освободите! — гренадер делал вид, что снимает с плеча ружье. Толпа нехотя расступалась, но спустя короткое время снова шла грудью на полосатую преграду. Каменные будки караульщиков с узкими бойницами на все стороны света располагались с обеих сторон шлагбаума; дорога влево и вправо от кордегардий ограждалась чугунной оградой с фонарными столбами. Кроме караульных укреплений на заставе круглые сутки работал трактир — последний на выезде из Москвы. Возле него гуртом стояли телеги. Караульных на заставе было много — все с ружьями и палашами, потому толпа вела себя благоразумно.

Через пять минут Альберт Карлович знал все подробности неприятного происшествия. А произошло следующее: Император Александр, чтобы уклониться от шумной и торжественной встречи, прибыл в Москву ночью. С восходом солнца 12 июля на Кремлевских площадях не осталось «ни одного свободного ступня земли». Народ хотел лицезреть своего Государя, не пропустить миг, когда Он выйдет на Красное крыльце. В 10 часов утра раздался колокольный звон, толпа замерла в ожидании — и не на-

прасно. Александр вышел из своих чертогов. И понеслось, набирая силу, ревущее «Ура-а-а!». После краткого стояния на Крыльце и приветственных взмахов рукой, Государь прошествовал к Успенскому Собору, где его ожидала вся духовная и светская знать первопрестольной столицы. Викарий Московский Августин со знаменем и хоругвями приветствовал Монарха.

В этот торжественный момент кто-то пустил слух, что после молебна во имя победы над ворогом *Бунапартом*, ворота Кремля будут закрыты и всех простолюдинов прямо здесь заберут в солдаты. Поднялась паника, чернь ринулась вон, и вскоре на площадях остались только дворяне, купцы, знающие себе цену, и военные чины в парадных мундирах. Кремль почти опустел. Эхо каверзных слухов разнеслось по всей Москве, и чернь (пока еще не поздно) потекла из столицы куда подальше. Безлошадным было легче — они просачивались за кордоны по любому бездорожью; на гужевом транспорте ускользнуть из города оказалось не просто — малые дороги, которые шли в обход застав, были завалены лесом или перекопаны. Вот этот самый сбитый с толку народ и увидел управляющий Альберт Карлович Гохман на Тверской заставе. Паника в городе, кстати, ни через день, ни через неделю так и не схлынула, потому как такие слухи чаще всего оборачивались правдой.

К моменту приезда императора Александра с фронта военных действий в Москву, светлейший князь Меншиков Сергей Александрович пребывал в своем имении Черемушки-Знаменское. В Успенский собор Кремля на встречу с Государем князь не поехал — не те годы, чтобы толкаться среди молодых карьеристов. Но персональное приглашение на дворянское собрание в Слободской дворец

было ему любезно отправлено самим главнокомандующим военной силой Москвы графом Ростопчиным. По такому случаю Сергей Александрович снял пылинки с парадного генеральского мундира и достал орден Святого Георгия четвертой степени — боевая награда за победу над польскими конфедератами в далеком 1770 году. Он в то время был гвардии капитаном и служил под началом подполковника Суворова...

Кхе-кхе... пролетели годы молодые... Вот уж и Александра Васильевича давно нет... Князь еще постоял над заветной шкатулкой и, вздохнув, достал из бархатной глубины «Анну на шее» — пурпурный крестик с дорогим его сердцу девизом: *«Любящим правду, благочестие и верность»*.

* * *

Пятнадцатого июля московское дворянство и купечество съехались к восьми часам утра в Слободской дворец. Народу собралось так много, что публику разделили на два зала: в одном сверкало орденами, бриллиантами, золотом эполет дворянство, в другом — восседало, отягощенное солидными портмоне, золотыми цепочками карманных часов, массивными перстнями и роскошными бородами, купечество.

С приездом Государя в Москву закончилось брожение в умах, исчезли все колебания и сомнения, народная воля и энергия сосредоточились в одном убеждении, в одном святом чувстве — надо спасти Россию от вторжения неприятеля. Немедленно под руководством генерал-губернатора Ростопчина был составлен комитет по организации московского ополчения; в него вошли Аракчеев, Балашов и Шишков. Уже до появления Государя в Слободском дворце в душах и сердцах собравшихся всё было решено, всё было

готово, чтобы оправдать веру Императора в безграничное самопожертвование народа (чернь, которая бежала из Москвы, боясь призыва в армию, к народу не причислялась).

И вот настала торжественная минута. Государь вошел в Слободской дворец. Он был величаво спокоен, но заметно озабочен. Его всегда приветливое лицо на сей раз не озарялось улыбкой. Дворянское собрание встретило Царя горячим рукоплесканием, возгласами преданности и поддержки. Александр сдержанно поклонился, подождал, пока стихнут здравицы в Его честь, и начал говорить.

В кратких и ясных словах Государь определил положение России, честно рассказал об опасности, ей угрожающей, и выразил надежду на содействие и мужество своего народа. И опять ответом Ему был гром аплодисментов. Александр кивнул головой военному губернатору Ростопчину, предлагая ему продолжить собрание, и отправился в другую залу, где купцы с нетерпением ожидали своего Помазанника Божьего.

Право огласить тексты императорского Воззвания и высочайшего Манифеста предоставили государственному секретарю Шишкову. Впечатление, которое произвело чтение Манифеста, трудно описать словами. Гнев то глохло гудел в недрах Собрания, то прорывался наружу яростным негодованием. Когда Шишков дошел до того места, где говорилось, что «враг идет с лестью на устах, но с цепями в руке», присутствующие, по воспоминаниям Ростопчина, «рвали на себе волосы, заламывали руки, слезы ярости текли по этим лицам...»

Затем пошли бурные выступления, дебаты, предложения. В зале быстро повышался градус патриотических настроений, доходя порой до точки кипения. Каждый ощущал перед лицом общей опасности свое собственное растворение.

ние в союзе единомышленников. Слово взял издатель «Русского вестника» Сергей Николаевич Глинка (рано утром он первым записался в московское ополчение и пожертвовал 300 рублей серебром); свою пламенную речь он неожиданно закончил словами: «Мы не должны ужасаться тому, что Москва будет сдана»...

Зал оцепенел, люди не поверили своим ушам, у всех остановилось дыхание. В полной тишине несколько высокопоставленных чиновников сидевших в президиуме, то ли в изумлении, то ли в недоумении, привстали.

— Кто вам это сказал?

И грянула буря. Послышались крики: «Да по нему Сибирь плачет! Пусть ответит за свою крамолу! Может, он французский шпион!...» Присутствующие требовали ответа, и когда шум потих, Глинка, не виляя в стороны, не пряча глаз, закончил свою мысль: «Из отечественных летописей явствует, что Москва привыкла страдать за Россию. И дай Бог, чтобы сбылись мои слова: сдача Москвы будет спасением России и Европы». Крики протesta и возмущения снова взорвали Дворянское собрание...

Купеческое собрание, куда вошел Александр в сопровождении Ростопчина, заметно отличалось от Дворянского общества: здесь вообще никто и никогда не привык сдерживать своих эмоций. Едва Александр переступил порог залы, раздались крики: «Государь! Возьми всё — и имущество, и жизнь нашу!» Каждый, кто присутствовал в зале, ощущал, что нынче в нем воскрес дух Минина. Александр кратко доложил купечеству о ситуации в стране, о продвижении французских войск и о мерах, которые следует предпринять для спасения России. Казалось, сам воздух стал от него доверия, когда Александр рассказывал о вероломстве Наполеона.

леона и его желании поработить всю Европу. «Этим неуемным амбициям мешает только Россия», — закончил свою речь Император.

Из разных концов зала посыпались предложения: «Надо в каждом городе, в каждом селе создать боевые дружины! Вооружить народ, тогда никакая армия будет не страшна!» Кто-то задал вопрос в лоб: — А какова численность армии в России, и где она сегодня?

Такой поворот настроений не входил в планы Александра, и он, откланявшись, поспешил в придворную церковь, где его ждали на молебен. Вслед удаляющемуся Божьему Помазаннику летели боевые клики его ревностных подданных. Пока в обоих Собраниях шли бурные дебаты, обсуждения и выступления участников съезда, Александр истово молился...

…Не известно, что стало бы на Дворянском собрании с дерзким ясновидцем — спас Глинку от пристрастного допроса граф Ростопчин, вошедший в залу. Все ждали новостей и обернулись к нему. Генерал-губернатор, указывая рукой в сторону Купеческого собрания, сказал:

— Там сегодня соберут миллионы, а наше дело выставить ополчение и не щадить себя.

По Дворянскому собранию прокатился одобрительный гул, присутствующие требовали немедленно пустить по рукам подписной лист пожертвований — это был не мимолетный порыв патриотизма или угоджение посетившему их Государю. Перед лицом тяжелых испытаний, смертельной опасности Дворянское собрание явило истинное единение просвещенного сословия с высшей государственной властью.

Светлейший князь Меншиков, принимая из чьих-то холеных рук подписной лист, поднял взгляд — и широко заулыбался:

— О, сенатор Дивов Андрей Иванович, мой сосед по поместью на Сходне, очень приятно! очень приятно! рад вас видеть!

— Ваша светлость! Сергей Александрович! взаимно рад видеть вас в полном здравии! Какой сегодня знаменательный день!

Сергей Александрович окунул перо в чернильницу, но прежде чем вписать свою фамилию и проставить сумму, бросил взгляд на цифру напротив фамилии Дивова — 2500 рублей³³¹. «Ну что же, ничего не скажешь, щедрый взнос», и твердой рукой вписал: *Св. князь С.А. Менишков — 5000 рублей...* Через два-три часа подписьная сумма перевалила за миллион.

С ополчением Дворянское собрание решило просто и быстро: с каждого ста душ поставить в строй десять ратников при полном обмундировании и вооружении, и желательно при лошади.

Отслужив молебен, Александр вернулся к депутатам. Генерал-губернатор Ростопчин доложил Государю о пощертованиях и принятых Собраниями решениях. На глаза Александра навернулись слезы:

— Иного я и не ожидал, другого даже не мог себе представить; я счастлив, что мой народ оправдал мои ожидания. Фёдор Васильевич, вы заслужили право носить эполеты с царским вензелем!

Ростопчин поблагодарил Государя за высочайшую честь и, поколебавшись, доложил ему о выступлении журналиста Глинки. Брови Александра изумленно поднялись:

— Он так и сказал? — помолчав, Государь продолжил — А вы знаете, это интересная мысль. Вы включите его в

³³¹ 2500 руб. — Сведения о суммах взносов взяты в гос. архиве.

ваш комитет по ополчению. Он, кажется, не богат? Завтра я передам для него 300 тысяч рублей на разные нужды... И еще, — Александр взял Ростопчина под руку, уводя его чуть в сторону, давая тем самым понять, что разговор предстоит сугубо конфиденциальный, — призывы к всеобщему вооружению мы считаем преждевременными, излишними, более того, неуместными...

* * *

Куркинские мужики торжествовали — набор в ополчение летом 1812 года их не коснулся: не было над ними помещика, который бы одел, обул, вооружил и проводил своих рабов на святое дело — Отечество защищать. Сельская община Куркино — вотчина государственная, то есть царя-батюшки. Селений таких много, а Государь на всю Россию один, до каждого села додглядеть — руки не доходят, а поручить уездным или волостным чиновникам снарядить мужиков на войну никак нельзя — разворуют казенные деньги, и толку никакого не будет.

Другое дело деревни, где управлял помещик. Дворянин за честь считал исполнить царский указ в срок и в лучшем виде. Хотя, надо сказать, тоже всякое бывало...

Как-то уже после отправки ополченцев в Московскую военную силу Дивов Андрей Иванович (владелец соседнего села Соколово) рассказывал о встрече с помещиком деревни Аристово (нет нужды величать его по имени, потомки этого прохиндея стали вполне добропорядочными людьми); так вот, помещик из глухого, заглазного села Аристово спросил у Дивова, почему тот отправил в ополчение прямо-таки гренадеров — крупных, молодых и сильных мужиков?

— А как же иначе, — ответствовал Андрей Иванович, — сам Государь просил о защите Отечества. А ты разве не так сделал?

— Я-то, — насмешливо посмотрел на Дивова ушлый дворянин из Аристова, — я в ополчение весь «порох»³³² от-правил.

В Куркине нынче гуляли и пили горькую, не закусы-вая. От этого радость жизни, выпавшая им, ощущалась острее, а насмешливое презрение к соседям-неудачникам помогало скрыть глубоко упрятанную обиду не то чтобы отверженных, но непричастных к фронтовому делу. Было невозможно понять, что больше кружило головы непри-зывным счастливчикам: случайное везение ли, неправед-ное злорадство ли, перевернутая ревность случившегося неравенства, или желание утопить в штофе мутного са-могона сомнения в справедливости миропорядка? Война стала реальностью, и соперничество в очередности при-зыва сродни последним чаяниям смертников расстрель-ного ряда — они призрачны и безумны, вера в них раз-рушает волю, и потому последним падать страшнее, чем первым. Радость и злорадство в одной кружке — опасный и жестокий напиток, тяжелое похмелье легко порождает и слепую ненависть, и горькое раскаяние, но никогда — светлую надежду. Жизнь в Куркине бурлила, как благопо-лучно завершенная ярмарка: все пьяны, крик, шум, гам, песни, драка — дым коромыслом.

В Юрове и Машкине тоже бурлили страсти, но не разгульно-бесшабашные, а безысходно-торжественные, какие бывают при соборовании божьих послушников, бес-поворотно определивших свой путь за пределы земного

---

³³² «Порох» (*мест.*) — больные, немощные, ненужные в хозяйстве люди.

существования. Если деревня провожала в ратное бремя одного-двух мужиков, она смотрела на них печально и жалостливо, и даже то обстоятельство, что бритый лоб означал свободу от крепостного ярма, ничего для нее не значило — до этой свободы дожить еще надо, и что потом делать с этой свободой через двадцать пять лет строевой муштры, изнурительных походов и ратных свершений?

И совсем другое дело, когда добрая половина мужиков в деревне уходила биться с ворогом, осмелившимся топтать землю пращуров, осквернившим русские православные святыни, посягнувшим на какую-никакую свободу и Богом данное Отечество. Свобода есть понятие относительное: власть чужеземного поработителя — всегда несвобода, власть же твоего наследованного господина — есть свобода твоего выбора.

Выпавший жителям Юрова и Машкина жребий был неразрывен с трагедией России — и не только России. Жернова войны равнодушно перемалывали народы, границы, пространства, разум, оставляя взамен теплого животворящего духа хлебных злаков безжизненный, смердящий горечью пепел, которым будут посыпать себе головы те, кому доведется потом жить на пустошах укрошенного безумия.

Люди слабые духом всегда были и есть в обществе, они неизбежны, как дикая редька на хлебных полях. Но никогда окружающий мир не зависел от «сорняков» — самые худшие из них отбраковывали себя сами, рубя свои пальцы, вырывая зубы, калеча желудки. Может, потому и не были слишком засорены могучие всходы московского ратного строя, потому и стал таким прочным монолит русской армии на Бородинском поле. Не много, конечно, но встречались «сорняки» и на сходненской земле — однако не о них будет рассказ на этих страницах...

В.Н. ФИЛИППОВ,
председатель Совета директоров
ООО «Военмемориалпроект», скульптор

ПОДВИГ ВОЕННОГО СВЯЩЕНИКА В 1812 ГОДУ

«С крестом в руках и на груди»

Во всех войнах, в которых приходилось участвовать православной Руси и России, отстаивая Веру Царя и Отечество, подвиги священников являлись высшим духовным составляющим Русской Армии. Еще иноки-воины Пересвет и Ослябя, с православным крестом в руке шли впереди русских ратников на Куликовом поле и призывали их идти на врага собственным примером и героической смертью. Православные священники сопровождали русских воинов в большинстве воинских походов, но встали на официальную службу только в армии и флоте Императора Петра Великого. Многие из них в критические моменты боя брали на себя всю ответственность за судьбу воинов и совершали подвиги, зачастую рискуя собственной жизнью. Так, при штурме Измаила в Полоцком пехотном полку погиб командир, были

убиты или ранены многие офицеры, тогда впереди полковой колонны встал священник Трофим Куцинский и с крестом в руке повел солдат на штурм. За этот подвиг он одним из первых священников получил золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, который был специально учрежден для награждения военных священников за боевые подвиги.

Военные священники поощрялись за заслуги специальными духовными наградами: за боевые отличия их производили в протоиереи, представляли к скуфье и камилавке, награждали тремя видами золотых наперсных крестов — на Георгиевской ленте, из Кабинета Его Императорского Величества и от Священного Синода.

Высшей военной наградой в Русской Армии являлся Императорский Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия с девизом «За службу и храбрость». Он был учрежден 26 ноября (7 декабря) 1769 года Государыней Императрицей Екатериной II.

«Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают право быть пожалованным сим орденом: но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливым каким мужественным поступком, или подали мудрые, и для Нашей воинской службы полезные советы... Сей орден никогда не снимать: ибо заслугами оный приобретается»

(Из статута ордена 1769 года)

Значение этой награды для военных священников особенно подчеркивает следующий исторический факт. В 1869 году в России торжественно отмечали 100-летие ордена Святого

Великомученика и Победоносца Георгия. На праздничной церемонии в Зимнем дворце всеобщее внимание привлекал скромный военный священник, его простая ряса была украшена двумя георгиевскими наградами — орденом Святого Георгия 4-й степени и наперсным крестом на Георгиевской ленте. К священнику подошел и удостоил личной беседой Государь Император Александр II. После этого он обратился к гостям и рассказал им о подвигах священника. Этим героем был отец Иоанн Пятибоков, который в 1854 году был старшим священником Могилевского пехотного полка. В ходе многочасового кровопролитного боя, штурмая турецкие укрепления, были убиты или ранены большинство полковых офицеров. Когда под огнем вражеской артиллерии солдаты дрогнули и смеялись, перед полком с крестом в руке появился отец Иоанн и призывал воинов идти на противника. Солдаты воспрянули духом, и турецкие укрепления были взяты. Отец Иоанн получил в ходе боя две контузии и его крест был поврежден пулей. За этот подвиг он стал третьим среди священнослужителей кавалером ордена Святого Георгия, вслед за священником Тобольского пехотного полка Иовом Каминским, совершившим подвиг в русско-турецкую войну 1828—1829 гг.

Первым эту почетную боевую награду получил священник 19-го Егерского пехотного полка Василий Васильковский в героическое время для православного русского народа — Отечественную войну 1812 года

Отец Василий Васильковский родился в 1778 году. Он, окончив Севскую семинарию в 1804 году, был рукоположен в сан священника. В 26 лет он стал служить в Ильинской церкви города Сумы. Его супруга рано умерла, и отец Василий остался с четырехлетним сыном Симеоном на руках. Вскоре отец Василий с сыном перебрался в Старо-

Харьковский монастырь. В монастыре он принял решение встать на путь трудного, опасного и ответственного служения в Русской Армии. С 15 июня 1810 года отец Василий был назначен священником 19-го Егерского пехотного полка. Шеф полка полковник Загорский Т.Д. отмечал порядочность, рассудительность и прекрасное владение искусством красноречия полкового священника, а также его образованность — знание математики, физики, географии и истории. Отец Василий прекрасно владел иностранными языками — латынью, греческим, немецким и французским.

После начала нашествия на Россию наполеоновских войск 19-й Егерский пехотный полк вошел в состав егерской бригады 24-й пехотной дивизии 6-го корпуса 1-й Западной армии. Армия под командованием генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли двигалась к Витебску для сближения с войсками 2-й Западной армии генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона. 11 июля 1812 года отряд прикрытия 1-й армии вступил в бой с передовыми частями французской армии. На следующий день под Витебском разыгралось ожесточенное сражение. Ночью 15 июля в составе арьергарда в бой вступил и 19-й Егерский пехотный полк под командованием полковника Н.В. Вуича. В это время командующий 2-й Западной армией генерал Багратион П.И. сообщил о своем стремлении соединиться с войсками 1-й армии у Смоленска. Генерал Барклай немедленно направил главные силы своей армии к нему на соединение, приказав арьергарду армии продолжать задерживать неприятеля. С раннего утра 15 июля и почти до 17 часов арьергард Русской Армии сдерживал превосходящие силы неприятеля, особенно отличились в этом смертельном бою батальоны 19-го Егерского пехотного полка. Докладывая 18 июля о действиях полка,

его командир отметил бесстрашие полкового священника, вдохновлявшего егерей и поддерживавшего их боевой дух в сражении, несмотря на ранение в щеку, а потом и контузию от удара пули в его наперсный крест.

18 августа 1812 года начальник 24-й пехотной дивизии генерал-майор П.Г. Лихачев обратился в Святейший Синод с просьбой о награждении отца Василия за проявленное мужество 15 июля 1812 года в бою под Витебском, где упоминалось о контузии в наперсный крест. Этот кипарисовый крест в серебряной с позолотой ризе хранился в церкви 19-го Егерского пехотного полка, а потом в церкви сформированного на его основе Волжского пехотного полка. Кипарисовый крест имел в высоту около 30 сантиметров, на его лицевой стороне был гравирован год сформирования полка — «1797», на тыльной стороне его рукояти имелась трещина, стянутая винтом. В нижней лицевой части креста крепилась, расколовшая его в бою, неприятельская пуля, а на обратной стороне была сделана надпись: «Ранен в сражении 15 июля 1812 года при городе Витебске», по бокам креста продолжение надписи: «с отбитием мизинца священнику Василию Васильковскому». За этот подвиг отец Василий Васильковский был награжден камилавкой, как знаком отличия белого духовенства.

После Бородинского сражения и дальнейшего успешного перелома в ходе войны наши войска, под командованием генерал-фельдмаршала светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова, преградили путь отступающим французским армиям через Малоярославец. 12 октября 1812 года первым прибыл к городу и завязал бой 6-й пехотный корпус генерала от инфanterии Д.С. Дохтурова, для удержания города был направлен 19-й Егерский пехотный полк.

31 октября 1812 года генерал Дохтуров подал ходатайство о награждении священника этого полка В. Васильковского главнокомандующему М.И. Кутузову. В его ходатайстве отмечался подвиг отца Василия в бою за Малоярославец, где он все время находился с крестом в руке впереди полка и своим примером воодушевлял воинов, при этом сам был ранен в голову, но не оставил поле сражения. Главнокомандующий поддержал ходатайство и обратился к Государю Императору Александру I с рапортом, в котором описал подвиги военного священника в сражениях при Малоярославце и Витебске. Рассмотрев рапорт, Государь Император высочайше указал наградить героя-священника орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса.

17 марта 1813 года отец Василий Васильковский стал первым военным священником, награжденным орденом Святого Георгия. Сообщение о данном выдающемся событии появилось в газете «Московские ведомости».

В юбилей этого памятного награждения 11 марта 1836 г. газета «Русский инвалид или Военные ведомости» так напомнила своим читателям: «Геройское мужество священника Васильковского, находившегося при 19-м Егерском полку... заслуживает признательность соотечественников. Сей достойный и ревностный служитель алтаря во время бывших при Малом Ярославце и Витебске сражений, неся пред воинством святой крест, личным примером своим поселил в воинов вещую храбрость, поощрял их на праведную брань с полною уверенностию, что под сению честного и животворящего креста они прославятся победою над врагами. В первом из сих сражений священник Васильковский ранен пулею в голову, а во втором — в ногу». В 1842 г. увидела свет книжка В.С. Глинки, сына участника, современни-

ка и свидетеля событий 1812 г. С.Н. Глинки, родного брата Ф.Н. Глинки, «Малоярославец в 1812 году, где решилась судьба большой армии Наполеона». Вот как описан в ней подвиг отца Василия: «Неприятель бросился, смял полки наши и отбил город. Но вот идет колонна наших оправившихся войск и перед ея рядами, перед знаменем 19 Егерского полка, идет Священник Васильковский... идет вместе с духовными детьми своими умирать за веру и отчество. Высоко поднятый золотой Крест блещет в его руках, и за этим то святым знамением бросается дружно весь полк, лезут по трупам на неприятеля, гонят его и долго оспоривают площадь перед монастырем...». Свой жизненный путь отец Василий закончил так, как подобает воину: он скончался во Франции от ран, полученных во время заграничного похода. В Отечественную войну 1812 года погибло, умерло от ран и болезней около 50 полковых священников.

Последующие войны, в которых участвовала Россия, дали много примеров подвигов православных военных священников.

Особенно это проявилось в первой Великой войне начала XX века — Первой мировой войне. На полях ее сражений более 400 священников было контужено или ранено, а десятки пали смертью храбрых. Большинство из них было удостоено высокими военными наградами. В эту Отечественную войну 1914 года по всей Руси звучали строки стихов священника Аркадия Мамаева о подвиге военного священника иеромонаха Евтихия (Тулупова), старца Плещанской пустыни: «С крестом в руках и на груди он шел с полком на подвиг бранный, и всюду он был впереди, герой великий, дивный, славный!...». Отец Евтихий служил в 289-м Коротоякском полку 73-й пехотной дивизии. 9 июля

1915 года он с крестом в руке повел свой полк на прорыв из окружения на территории Восточной Пруссии и погиб в бою. За этот подвиг военный священник был награжден посмертно — орденом Святого Георгия 4-й степени.

Этим орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия, за всю военную историю России, было награждено 18 военных священников:

1. Священник 19-го Егерского пехотного полка о. Василий Васильковский. Отечественная война 1812—1815 гг. Умер от ран.
2. Священник Тобольского пехотного полка о. Иов Каминский. Русско-турецкая война 1828—1829 гг.
3. Протоиерей Могилевского полка о. Иоанн Пятибоков. Крымская компания 1853—1856 гг.
4. Иеромонах Иоанникий (Савинов) 45-го Флотского экипажа. Крымская кампания 1853—1856 гг. Оборона Севастополя.
5. Священник 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка о. Стефан Щербаковский. Русско-японская война 1904—1905 гг.
6. Иеромонах Бугульминского монастыря, 70-летний Антоний (Смирнов), судовый священник минного заградителя «Прут». Первая мировая война 1914—1918 гг. Посмертно.
7. Благочинный 7-го Финляндского стрелкового полка о. Сергей Соколовский. Первая мировая война 1914—1918 гг.
8. Священник 9-го драгунского Казанского полка о. Василий Шпичек. Первая мировая война 1914—1918 гг.
9. Иеромонах Амвросий (Матвеев) 3-го Гренадерского Перновского полка. Первая мировая война 1914—1918 гг. Посмертно.

-
10. Священник 5-го стрелкового Финляндского полка Михаил Семенов, Первая мировая война 1914—1918 гг.
  11. Иеромонах Филофей (Антипов) 209-го пехотного Богородского полка. Первая мировая война 1914—1918 гг. Пропал без вести.
  12. Иеромонах о. Евтихий (Тулупов) 289-го Коротоякского полка. Первая мировая война 1914—1918 гг. Посмертно.
  13. Священник 42-й артиллерийской бригады о. Виктор Кашубский. Первая мировая война 1914—1918 гг.
  14. Священник 217-го Ковровского полка о. Владимир Праницкий. Первая мировая война 1914—1918 гг.
  15. Протоиерей 6-го Финляндского стрелкового полка Андрей Богословский. Первая мировая война 1914—1918 гг.
  16. Протоиерей 154-го пехотного Дербентского полка Павел Смирнов. Первая мировая война 1914—1918 гг.
  17. Священник 439-го пехотного Илецкого полка Михаил Дудицкий. Первая мировая война 1914—1918 гг.
  18. Священник Черноярского пехотного полка Александр Тарноуцкий. Первая мировая война 1914—1918 гг. Посмертно.

К этому списку необходимо причислить священника 245-го Бердянского полка о. Василия Островидова, который был награжден солдатским Георгиевским крестом в Первую мировую войну 1914—1918 гг.

После революционного переворота 1917 года Императорская Русская Армия перестала существовать. Для Русской православной церкви наступили трагические времена но, несмотря на это, ее духовные пастыри в годы Великой Отечественной войны встали рядом с воинами России. Они служили в тылу в храмах и часовнях, шли на фронт в рядах советских войск и оказывали помощь партизанам и под-

---

польщикам, с честью выполняя свой гражданский и христианский долг. До сих пор неизвестно, сколько православных священнослужителей пало от рук нацистских оккупантов, сражаясь за Веру и Отечество.

Вот пример очень значимой научно-исследовательской работы иеромонаха Иоакима Заякина, председателя историко-архивного отдела Рязанской епархии, в рамках которой к 65-летию Победы в Рязани была издана книга «Солдаты Победы» с данными о ветеранах Великой Отечественной войны. В том числе в этой книге записаны и имена священнослужителей Рязанской епархии, воевавших на фронте. Вот как описывает работу своего отдела иеромонах Иоаким:

«Примерно год назад рабочая группа по составлению книги обратилась в наш отдел с просьбой выявить имена священнослужителей Рязанской епархии, которые участвовали в Великой Отечественной войне. Эта работа была проделана, и по личным делам священнослужителей мы составили список с анкетами на 21 человека. На данный момент в нашей епархии в живых осталось только четыре священнослужителя, принимавших участие в военных действиях. Нам удалось выявить, что в общей сложности в войне участвовало около 50 священнослужителей нашей епархии, возможно, эта цифра будет увеличиваться. Многие стали священниками уже после войны. Известно много случаев, когда верующие люди чудом оставались живы на войне и давали обет посвятить жизнь служению Богу. И в нашей епархии были такие люди, например, отец Георгий Кузнецов, который долгое время служил в селе Срезнево у чудотворной иконы «Споручница грешных». Он скончался уже давно, в 70-е годы, но жители села до сих пор чтят его память. Но были и священники, которые были рукоположены еще до

революции или в 30-е годы. Они были репрессированы, как и большинство священнослужителей, но во время войны их освобождали из тюрем и посылали на линию обороны. Так, схиархимандрит Серафим (Блохин) был посвящен в сан священника в 1932 году, был репрессирован, но во время войны его выпустили из лагеря и послали на поле боя. Он дошел до Берлина. Можно назвать имена и священников — ветеранов войны, рукоположенных еще до революции: протоиерей Михаил Архангелов, протоиерей Андрей Апрелов. У них есть боевые награды. Вернувшись с фронта, они продолжили свое священническое служение. К сожалению, в личных делах священников мало отслеживались военные годы. Сейчас мы продолжаем писать запросы их родственникам, надеемся от них узнать более подробные сведения. Некоторые уже передают нам подлинные вещи и документы священнослужителей. У нас в отделе хранятся подлинники удостоверений о наградах покойных схиархимандрита Серафима (Блохина), протоиерея Петра Санталова. Схиархимандрит Серафим (Блохин) был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и др., у нас есть полностью все его награды. В будущем они будут выставлены в епархиальном музее, где будет стенд, посвященный священникам — участникам Великой Отечественной войны. Это нужно для того, чтобы показать людям, что священнослужители тоже участвовали в войне, были защитниками своего Отечества. Работа по выявлению священников-участников войны продолжается».

И эти военные подвиги дала только Рязанская земля, а сколько подвигов православного воинства еще неизвестно. Такие подвиги смиренны в своем звучании по сравнению со

светскими литаврами, но гораздо глубже и знаменательны по своим действиям и духовному значению.

Сегодня, в XXI веке, Россия переживает как великое возрождение Русской православной церкви, так и многочисленные духовные испытания русского православного народа. В связи с этим направляющая роль православных пастырей необходима не только в обычной жизни верующих граждан Российской Федерации, но и при прохождении службы в ее Вооруженных силах. Восстановление статуса ордена Святого Георгия и должности военного священника в Армии и Флоте России является началом возрождения духовно-нравственной воинской силы нашего Отечества.

Одним из значимых действий на этом пути явился учебно-методический сбор штатного военного духовенства с 16 по 25 мая 2012 года в Санкт-Петербурге. На соборе были поставлены цели и пути развития института военного духовенства Вооруженных Сил Российской Федерации на ближайшую перспективу, а также содержание духовно-просветительской работы. В частности, священник должен уметь работать со всеми военнослужащими, независимо от их вероисповедания, он должен помочь военнослужащему в армейских условиях реализовать его право быть верующим той религии, к которой тот принадлежит и на этой основе укреплять мотивацию военной службы. Священник вносит в жизнь воинского коллектива нравственную составляющую, так необходимую современной молодежи, со всех сторон атакуемой не только обычными человеческими соблазнами, но зачастую целенаправленной деятельностью по разрушению духовно-нравственного и патриотического содержания жизни молодых граждан России.

На протяжении всей истории Российского государства работой по увековечиванию славы и памяти Вооруженных сил нашего Отечества занимались специалисты в области архитектуры, монументального и изобразительного искусства. Их работы украшают населенные пункты и музеи нашей страны. Особенно плодотворно они создавались как на государственные, так и на благотворительные средства после победы в Отечественной войне 1812 года. Вот только краткий выборочный список этих выдающихся произведений:

Музеи: музей-панорама «Бородинская битва» в Москве, Государственные военно-исторические музеи-заповедники на Бородинском поле и Малоярославце.

Архитектура: Александровская колонна в Санкт-Петербурге, храм Христа Спасителя — кафедральный собор Русской православной церкви в Москве (был воздвигнут в благодарность Богу за спасение России от наполеоновского нашествия, разрушен в советское время и восстановлен в 1999 году), Спасо-Бородинский монастырь, Триумфальные арки в Москве, Санкт-Петербурге и губернских городах Российской империи.

Скульптура: серия медальонов на темы Отечественной войны 1812 года, монументы в память доблестных защитников во всех городах России (памятник Софийскому полку в Витебске, памятники героям Отечественной войны 1812 года и аллея генералов участников обороны города в Смоленске, памятники М.И. Кутузову в Москве, Санкт-Петербурге, Смоленске, памятники Барклаю де Толли недалеко от Инстербурга в Восточной Пруссии, Санкт-Петербурге, Тарту, Риге и т.д.).

Живопись: Галерея героев войны 1812 г. в Зимнем дворце Санкт-Петербурга.

Двадцать первый век — чрезвычайно сложное для творческого сообщества время. От нас, православных архитекторов и художников, в первую очередь требуется не поиск новых форм в своей профессиональной деятельности, а возвращение к православным и светским художественным традициям Российской Империи. Эта работа должна соединить духовный и художественный разрыв современной жизни с жизнью православной России после революционного переворота 1917 года. В рамках этой задачи военные петербургские архитекторы и художники в составе организации, работающей по воссозданию памяти воинов Русской Армии и Великой Отечественной войны ООО «ВОЕНМЕМОРИАЛ-ПРОЕКТ», создали эскизный проект первого в современной России памятника, посвященного подвигам православных военных священников. Он объединяет память православных священников Русской Армии и священников, участников Великой Отечественной войны. Этот памятник, как никакой другой, может быть зернышком духовного объединяющего начала всех самых противоречивых исторических времен России. Памятник решен в реалистических традициях русского монументального искусства. Архитектурная композиция решена в виде обелиска из красного гранита, на котором расположены основные скульптурные и информационные элементы. Главным скульптурным элементом этого памятника стало изображение отца Василия Васильковского, первого военного священника, награжденного орденом Святого Георгия Победоносца. Священник изображен вставшим во весь рост для призыва в атаку русских воинов. В поднятой вверх руке он держит православный позолоченный крест, как символ духовной силы Русской Армии и небесное оружие русских православных священников. Скульптура сто-

ит на фоне главного фасада архитектурного обелиска. Над скульптурой вырубленная в граните позолоченная надпись: «ПАМЯТИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВОЕННЫХ СВЯЩЕННИКОВ, СОВЕРШИВШИХ ПОДВИГИ ЗА ОТЕЧЕСТВО». На пьедестале скульптуры священника надпись: «Герой Отечественной войны 1812 года Василий Васильковский первый военный священник, награжденный орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия». На правом фасаде гранитного обелиска установлен бронзовый рельеф с изображением воинов 19-го пехотного Егерского полка в бою под Малоярославцем, с кем совершил свой главный воинский подвиг отец Василий Васильковский. Над рельефом надпись: «12 октября 1812 года. 19-й пехотный Егерский полк в сражении под Малоярославцем». На левом фасаде памятника вырублены в граните позолоченные надписи с именами православных священников, совершивших воинские подвиги за всю историю Руси и Российского государства. На обратном фасаде обелиска расположен вырубленный в граните позолоченный текст с благословением Русской православной церкви и именами благотворителей памятника. Завершается гранитный обелиск позолоченным бронзовым орлом, держащим воинский бронзовый позолоченный венок как символ славы Русской Армии.

Желательно, чтобы этот памятник был установлен в таком месте нашего Отечества, где граждане Российской Федерации, особенно его молодое поколение, могли прочитать вырубленную в граните военную историю русских православных священников и поклониться их светлой памяти.

Данный проект был представлен на вышеуказанном собрании православного военного духовенства — учебно-методическом собрании военных священников и других долж-

ностных лиц по работе с верующими Вооруженных сил Российской Федерации, на круглом столе, проведенном в Военном инженерно-техническом институте Военной академии тыла и транспорта Министерства обороны Российской Федерации. В обсуждении проекта приняли участие

*Эскизный проект памятника, посвященного подвигам
православных военных священников.*

*Авторский коллектив ООО «ВОЕНМЕМОРИАЛПРОЕКТ».
Руководитель проекта В.Н. Филиппов. Санкт-Петербург, 2012 г.*

представители авторского коллектива: В.И. Мухин — заслуженный архитектор России, доктор архитектуры, профессор, полковник в отставке и М.А. Бунин — заслуженный строитель России, доктор архитектуры, профессор, генерал-лейтенант запаса. Эту работу авторский коллектив военных архитекторов и художников посвятил 200-летию Отечественной войны 1812 года, где ярко проявилось самоотверженное служение Вере, Царю и Отечеству православных военных священников. И память об этом великом народном подвиге во главе с его православными пастырями будет вечно жить в русских сердцах. Так, наша современница, поэтесса из Калужской области Лариса Потапова, написала в «Сказе про отца Василия Васильковского»:

*«Шла война в стране, шла великая,
Где страдал народ, где горело всё
От захватчиков — войска Франции.
И призвал Синод прихожан своих
Защищать страну от захватчиков.
Встал и стар, и млад, и священники...
Среди них отец Васильковский был
В девятнадцатом полку Егерском.
Он в атаки шел со крестом в руках,
Впереди солдат, шедших вслед ему,
Осенял крестом русских воинов.....
.....Меньше думая о себе самом,
Деля тяготы, славу с подвигом.
А деяньем своим, словом, жизнею
Он показывал Божью Истину Православную».*

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ДЕКРЕТЫ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА О БЛОКАДЕ АНГЛИИ

Décret du Blocus continental du 21 novembre 1806

Napoléon, Empereur des Français et Roi d'Italie, considérant:

- 1) Que l'Angleterre n'admet point le droit des gens suivi universellement par tous les peuples polisés;
- 2) Qu'elle répute ennemi tout individu appartenant à l'État ennemi et fait en conséquence prisonniers de guerre, non seulement les équipages des vaisseaux armés en guerre, mais encore les équipages des vaisseaux de commerce et des navires marchands et même les négociants qui voyagent pour les affaires de leur négoce.
- 3) Quelle étend aux bâtiments et marchandises du commerce et aux propriétés des particuliers le droit de conquête, qui ne peut s'appliquer qu'à ce qui appartient à l'État ennemi;
- 4) Qu'elle étend aux villes et ports de commerce non fortifiés, aux hâvres et aux embouchures des rivières, le droit de blocus, qui, d'après la raison et l'usage de tous les peuples polisés, n'est applicable qu'aux places fortes;

Qu'elle déclare bloquées des places devant lesquelles elle n'a pas même un seul bâtiment de guerre, quoiqu'une place ne soit bloquée que quand elle est tellement investie, qu'on ne puisse tenter de s'en approcher sans un danger imminent;

Qu'elle déclare même en état de blocus, des lieux que toutes ses forces réunies seraient incapables de bloquer, des côtes entières et tout un Empire;

5) Que cet abus monstrueux du droit de blocus n'a d'autre but que d'empêcher les communications entre les peuples, et d'élever le commerce et l'industrie de l'Angleterre sur la ruine de l'industrie et du commerce du Continent;

6) Que tel étant le but évident de l'Angleterre, quiconque fait sur le Continent le commerce des marchandises anglaises, favorise par là ses desseins et s'en rend le complice;

7) Que cette conduite de l'Angleterre, digne en tout des premiers âges de la barbarie, a profité à cette puissance au détriment de toutes les autres;

8) Qu'il est de droit naturel d'opposer à l'ennemi les armes dont il se sert, et de le combattre de la même manière qu'il combat, lorsqu'il méconnaît toutes les idées de justice et tous les sentiments libéraux, résultat de la civilisation parmi ses hommes.

Nous avons résolu d'appliquer à l'Angleterre les usages qu'elle a consacrés dans sa législation maritime.

Les dispositions du présent décret seront constamment considérées comme principe fondamental de l'Empire, jusqu'à ce que l'Angleterre ait reconnu que le droit de la guerre est un et le même sur terre que sur mer; qu'il ne peut s'étendre ni aux propriétés privées, quelles qu'elles soient, ni à la personne des individus étrangers à la profession des armes, et que le droit du blocus doit être restreint aux places fortes réellement investies par des forces suffisantes.

Décret

Nous avons, en conséquence, décrété et décrétons ce qui suit:

Article premier

Les îles Britanniques sont déclarées en état de blocus.

Article 2

Tout commerce et toute correspondance avec les îles Britanniques sont interdits.

En conséquence, les lettres ou paquets adressés ou en Angleterre, ou à un Anglais, ou écrits en langue anglaise, n'auront pas cours aux postes, et seront saisis.

Article 3

Tout individu sujet de l'Angleterre, de quelque état ou condition qu'il soit, qui sera trouvé dans les pays occupés par nos troupes, ou par celles de nos alliés, sera fait prisonnier de guerre.

Article 4

Tout magasin, toute marchandise, toute propriété, de quelque nature qu'elle puisse être, appartenant à un sujet de l'Angleterre, sera déclaré de bonne prise.

Article 5

Le commerce des marchandises anglaises est défendu; et toute marchandise appartenant à l'Angleterre, ou provenant de ses fabriques ou de ses colonies, est déclarée de bonne prise.

Article 6

La moitié du produit de la confiscation des marchandises et propriétés déclarées de bonne prise par les articles précédents, sera employée à indemniser les négociants des pertes qu'ils ont éprouvées par la prise des bâtiments de commerce qui ont été enlevés par les croisières anglaises.

Article 7

Aucun bâtiment venant directement de l'Angleterre ou des colonies anglaises, ou y ayant été depuis la publication du présent décret, ne sera reçu dans aucun port. “

Article 8

Tout bâtiment qui, au moyen d'une fausse déclaration, contreviendra à la disposition ci-dessus, sera saisi; et le navire de la cargaison seront confisqués comme s'ils étaient propriété anglaise.

Article 9

Notre tribunal des prises de Paris est chargé du jugement définitif de toutes contestations qui pourront subvenir dans notre Empire ou dans les pays occupés par l'armée française, relativement à l'exécution du présent décret. Notre tribunal des prises à Milan sera chargé du jugement définitif desdites contestations qui pourront survenir dans l'étendue de notre royaume d'Italie.

Article 10

Communication du présent décret sera donnée, par notre ministre des relations extérieures, aux rois d'Espagne, de Naples, de Hollande et d'Etrurie, et à nos autres alliés dont le sujets sont victimes, comme les nôtres de l'injustice et de la barbarie de la législation maritime anglaise.

Article 11

Nos ministres des relations extérieures, de la guerre, de la marine, des finances, de la police, et nos directeurs généraux des postes sont chargés, chacun en ce qui concerne, de l'exécution du présent décret.

Signé NAPOLEON

DÉCRET portant Saisie et Confiscation des Bâtimens qui, après avoir touché en Angleterre, entreront dans les ports de France.

Du 23 Novembre 1807. — (IV. B. 172, n.º 2912.)

ART. 1.er Tous les bâtimens qui, après avoir touché en Angleterre, par quelque motif que ce soit, entreront dans les ports de France, seront saisis et confisqués, ainsi que les cargaisons, sans exception ni distinction de denrées et marchandises.

2. Les capitaines des bâtimens qui entreront dans les ports de France, devront, dans le jour de leur arrivée, faire, au bureau des douanes impériales, une déclaration du lieu de leur départ, de ceux où ils ont relâché, et lui présenter leurs manifester, connaissemens, papiers de mer et livres de bord.

Lorsque le capitaine aura signé et remis sa déclaration, et communiqué ses papiers, le chef des douanes interrogera séparément les matelots, en présence des deux principaux préposés. S'il résulte de cet interrogatoire que le bâtimen a touché en Angleterre, indépendamment de la saisie et confiscation dudit bâtimen et de sa cargaison, le capitaine sera, ainsi que ceux des matelots qui, dans leur interrogatoire, auraient fait une fausse déclaration, constiué prisonnier, et ne sera mis en liberté qu'après avoir payé une somme de 6,000 francs pour son amende personnelle, et celle de 500 francs pour chacun des matelots arrêtés, sans préjudice des peines encourues par ceux qui falsifient leurs papiers de mer et livres de bord.

3. Si des avis et renseignemens donnés aux directeurs de nos douanes élèvent des soupçons sur l'origine des cargaisons, elles seront mises provisoirement en entrepôt, jusqu'à ce qu'il ait été reconnu et décidé qu'elles ne proviennent ni d'Angleterre ni de ses colonies.

4. Nos commissaires des relations commerciales qui délivreront des certificats d'origine pour les marchandises qui seront chargées dans les ports de leur résidence, à destination de ceux de France, ne se borneront pas à attester que les marchandises ou denrées ne viennent ni d'Angleterre ni de ses colonies et de son commerce; ils indiqueront le lieu de l'origine, les pièces qui leur ont été représentées à l'appui de la déclaration qui leur a été faite, et le nom du bâtimen à bord duquel elles ont été transportées primitivement du lieu de l'origine dans celui de leur résidence.

Il adresseront un duplicata de leur certificat à notre conseiller d'état directeur général de nos douanes.

Décret de Milan, 17 décembre 1807

Napoléon, Empereur des Français, Roi d'Italie, protecteur de la Confédération du Rhin;

Vu les dispositions arrêtées par le gouvernement britannique, en date du 11 novembre dernier, qui assujettissent les bâtiments des puissances neutres, amies ou alliées de l'Angleterre, non seulement à une visite par les croiseurs anglais, mais encore à une station obligée en Angleterre et à une imposition arbitraire de tant pour cent sur leur chargement, qui doit être réglée par la législation anglaise;

Considérant que par ces actes le gouvernement anglais a dénationalisé les bâtiments de toutes les nations de l'Europe; qu'il n'est au pouvoir d'aucun gouvernement de transiger sur son indépendance et sur ces droits, tous les souverains de l'Europe étant solidaires de la souveraineté et de l'indépendance de leur pavillon; que si, par une faiblesse inexcusable, et qui serait une tache ineffaçable aux yeux de la postérité, on laisserait passer en principe et consacrer par l'usage une pareille tyrannie, les Anglais en prendraient acte pour l'établir en droit, comme ils ont profité de la tolérance de gouvernements pour établir l'infâme principe que le pavillon ne couvre pas la marchandise, et pour donner à leur droit de blocus une extension arbitraire et attentatoire à la souveraineté de tous les Etats;

Nous avons décrété et décrétons ce qui suit:

Article 1er

Tout bâtiment, de quelque nation qu'il soit, qui aura souffert la visite d'un vaisseau anglais ou se sera soumis à un voyage en Angleterre, ou aura payé une imposition quelconque au gouvernement anglais, est par cela seul déclaré dénationalisé, a perdu la garantie de son pavillon et est devenu propriété anglaise.

Article 2

Soit que lesdits bâtiments, ainsi dénationalisés par les mesures arbitraires du gouvernement anglais, entrent dans nos ports ou dans

ceux de nos alliés, soit qu'ils tombent au pouvoir de nos vaisseaux de guerre ou de nos corsaires, ils sont déclarés de bonne et valable prise.

Article 3

Les îles Britanniques sont déclarées en état de blocus sur mer et sur terre.

Tout bâtiment, de quelque nation qu'il soit, quel que soit son chargement, expédié des ports d'Angleterre ou des colonies anglaises, ou allant en Angleterre ou dans les colonies anglaises ou dans des pays occupés par les troupes anglaises, est de bonne prise, comme contrevenant au présent décret, il sera capturé par nos vaisseaux de guerre ou par nos corsaires, et adjugé au capteur.

Article 4

Ces mesures, qui ne sont qu'une juste réciprocité pour le système barbare adopté par le gouvernement anglais, qui assimile la législation à celle d'Alger, cesseront d'avoir leur effet pour toutes les nations qui sauraient obliger le gouvernement anglais à respecter leur pavillon. Elles continueront d'être en vigueur pendant tout le temps que ce gouvernement ne reviendra pas aux principes du droit des gens, qui règle les relations des états civilisés dans l'état de guerre; les dispositions du présent décret seront abrogées et nulles par le fait dès que le gouvernement anglais sera revenu aux principes du droit des gens qui sont aussi ceux de la justice et de l'honneur.

Article 5

Tous nos ministres sont chargés de l'exécution du présent décret qui sera inséré au bulletin des lois.

DÉCRET additionnel aux Décrets contenant des Mesures contre le Système maritime de l'Angleterre.

Du 15 Janvier 1808. — (IV. B. 171, n.º 2904.)

ART. 1.er Lorsqu'un bâtiment entrera dans un port de France ou des pays occupés par nos armées, tout homme de l'équipage ou passager qui déclarera au chef de la douane que ledit bâtiment vient d'Angleterre ou des colonies anglaises, ou des pays occupés par les troupes anglaises, ou qu'il a été visité par des vaisseaux anglais, recevra le tiers du produit net de la vente du navire et de sa cargaison, s'il est reconnu que sa déclaration est exacte.

2. Le chef de la douane qui aura reçu la déclaration indiquée dans l'article précédent, sera, conjointement avec le commissaire de police, qui sera requis à cet effet, et les deux principaux préposés des douanes du port, subir séparément, à chacun des hommes de l'équipage et passagers, l'interrogatoire prescrit par l'article 2 de notre décret du 23 novembre 1807.

3. Tout fonctionnaire ou agent du gouvernement, qui sera convaincu d'avoir favorisé des contraventions à nos décrets des 23 novembre et 17 décembre 1807, sera traduit devant la cour criminelle du département de la Seine, qui se formera, à cet effet, en tribunal spécial, et poursuivi et puni comme coupable de haute trahison.

2. ТИЛЬЗИТСКИЕ ДОГОВОРЫ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И РОССИЕЙ

**Манифест от 9 августа 1807 года
«О заключении мира с Французской Империей».
С приложением трактата,
между Россией и Францией, заключенного
в Тильзите 1807 Июня 25. Июля 7. дня»**

Война между Россией и Францией, сильной помощью Вышнего и отличной храбростью Наших войск окончена; благословенный мир паки восстановлен.

В течение сей войны Россия испытала, сколь великие способы в любви и приверженности сынов своих во всех положениях обрести она может. Дух отечественной ревности, возбужденный обстоятельствами, мгновенно объял все состояния и произвел великие опыты мужества, пожертвований и рвения к общему благу.

В войсках, он везде знаменовал себя беспримерной храбростью, незыблемым бесстрашием, геройскими подвигами. Везде, куда призывал их галс чести, все опасности битв перед ними исчезали. Знаменитые их деяния в летописях народной славы пребудут незабвены, и благодарное Отечество в пример потомству всегда вспоминать их будет.

В гражданских сословиях, Дворянство шествуя по следам его предков, знаменовало себя не только жертвами имущества,

но и совершенной готовностью положить жизнь за славу Отечества.

Купечество и все другие состояния, не щадя ни трудов, ни стяжаний, несли с радостным чувством бремя войны и готовы были всем жертвовать его безопасности.

При таковом единодушном слиянии мужества и любви к Отечеству, Всевышний, приосеняя воинство Наше Своей помощью, укрепляя его в жестоких сражениях, напоследок в награду его неустрашимости благоволил положить счастливый конец сей кровопролитной брани и даровал благословенный мир, который в присутствии Нашем в Тильзите в 27 день Июня трактатом, между Россией и Францией постановленным и во всеобщее известие вместе с сим издаваемым заключен и совершен.

В основаниях сего мира все предположения к распространению Наших пределов, а паче из состояния Нашего союзника, признали Мы не согласными со справедливостью и с достоинством России.

В ополчении Нашем не расширения пространной Нашей Империи Мы искали, но желали восстановить нарушенное спокойствие и отвратить опасность, угрожавшую Державе нам сопредельной и союзной.

Постановлением настоящего мира не токмо прежние пределы России во всей их неприкословенности обеспечены, но и приведены в лучшее положение присоединением к ним выгодной и естественной грани.

Союзнику Нашему возвращены многие страны и области, жребием войны отторгнутые и оружием покоренные.

Совершив на сих основаниях мир желанный, и Богу, устрояющему судьбы Царств и покровительствующему Россию, восслав хвалу благодарения, удостоверены Мы, что все верные Наши подданные, предваренные уже известием о сем радостном происшествии, прольют теплые их молитвы к Престолу Царя Царей, да благодатью его ограждаемая Россия, в справедливом упованиях на любовь и преданность сынов ее, на непоколебимое и испытанное мужество знаменитого ее воинства наслаждается незыблемой тишиной и благоденствием.

Божией поспешествующей милостью Мы Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и проч., и проч. Объявляем через сие, что поелику по взаимному желанию и соглашению между Нами и Его Величеством Императором Французским Королем Итальянским, Протектором Рейнского Союза, обоюдными Полномочными Нашими, вследствие данных им надлежащих полномочий, заключен и подписан в Тильзите Июня 25 Июля 7 дня 1807 года трактат, который от слова до слова гласит тако.

Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Император Французский, Король Итальянский, Протектор Рейнского союза, одушевляемы равномерным желанием положить конец бедствиям войны, назначили для сего предмета Полномочными Своими: Его Величество Император Всероссийский Князя Александра Куракина, Своего Действительного Тайного советника, Члена Государственного Совета, Сенатора, Канцлера всех Российских Императорских Орденов, Действительного Камергера, Чрезвычайного и Полномочного Посла при Его Величестве Императоре Австрийском и орденов Российских Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского Св. Равноапостольного Князя Владимира большого креста 1-й степени и Св.: Анны 1 класса, Прусских, Черного и Красного Орла, Баварского Св. Губерта, Датских Данеброга и Совершенного Союза и державного Ордена Св.: Иоанна Иерусалимского большого креста Кавалера; и Князя Дмитрия Лобанова-Ростовского, Генерал-Лейтенанта и Орденов: Св. Анны 1 класса, Св. Великомученика и победоносца Георгия 3 класса и Св. Равноапостольного Князя Владимира 3-й степени Кавалера; а Его Величество Император Французский, Король Итальянский, Протектор Рейнского Союза: Карла Маврикия Талейрана, Князя Беневентского, своего Обер-Камергера, Министра Иностранных дел и Орденов: Почетного Легиона большого креста, Прусских Черного и Красного Орла и Баварского Св. Губерта Кавалера, которые, по размене взаимных полномочий, постановили следующие статьи:

Ст. I. Со дня размена ратификаций настоящего Трактата, будет между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Императором Французским, Королем Итальянским мир и совершенная дружба.

Ст. II. С обеих сторон немедленно прекратятся все неприятельские действия, как на суше, так и на море, во всех местах, где получено будет официальное известие о подписании настоящего трактата. Обе Высокие Договаривающиеся Стороны неукоснительно отправят оное известие с нарочными к обоюдным своим Генералам и Командующим.

Ст. III. Все суда военные или иные, принадлежащие одной из договаривающихся сторон или обоюдным их подданным, взятые после подписания Настоящего мирного трактата, имеют быть возвращены, или в случае продажи будет заплачено, чего оные стоили.

Ст. IV. Его Величество Император Наполеон, из уважения к Его Величеству Императору Всероссийскому и во изъявление искреннего своего желания соединить обе Нации узами доверенности и непоколебимой дружбы, соглашается возвратить Его Величеству Королю Прусскому, Союзнику Его Величества Императора Всероссийского, все те завоеванные страны, города и земли, кои ниже сего означены.

Часть Герцогства Магдебургского, лежащую по правую сторону реки Эльбы.

Марк Пригницкий, Укермарк, средний и новый Марк Бранденбургский, исключая Котбузер-Крейс, или округ Котбуский, в нижней Лаузации, который имеет принадлежать Его Величеству Королю Саксонскому.

Герцогство Померанское.

Верхнюю, нижнюю и новую Силезию с Графством Глатцким.

Часть уезда Нетцого, лежащую к северу от большой дороги, идущей от Дрезена к Шнейдемилю и от черты простирающейся от Шнейдемиля к Висле через Валдау, следуя по границам округа Бромбергского; плавание по реке Нетц каналу и Бромбергскому от Дрезена до Вислы и обратно, останется свободным и

неподтвержденным никакой пошлине; Померелию, остров Ногат, земли лежащие по правую сторону Ногата и Вислы к западу древней Пруссии и к северу округа Кульмского, Ермерланд и на конец Королевство Прусское в том положении, в каком оно находилось 1 Генваря 1772 года, с крепостями Спандау, Стетином, Кистрином, Глогау, Бреславлем, Швейдницом, Нейсом, Бригом, и Глатцом и вообще все крепости, цитадели, замки и укрепления земель, выше сего означенных, в том состоянии, в каковом помянутые крепости, цитадели, замки и укрепления теперь находятся и сверх того город и цитадель Грауденц.

Ст. V. Провинции, которые 1 Генваря 1772 года составляли часть преждебывшего Королевства Польского и после того перешли в разные времена во владение Пруссии, поступят, за исключением земель в предыдущей статье наименованных или означенных и тех, которые ниже сего в IX статье означенны будут, в полную собственность и обладание Его Величества Короля Саксонского, под названием Варшавского Герцогства и будут управляемы по таким конституциям, чтоб охраняя свободу и преимущества обитателей сего Герцогства, согласны они были со спокойствием Держав соседственных.

Ст. VI. Город Данциг (Гданск) с пространством земли на две мили во все стороны вокруг его, имеет быть постановлен в его Независимости под покровительством Их Величеств Короля Пруссского и Короля Саксонского и будет управляем законами, под коими он состоял до того времени, как перестал быть под собственным своим управлением.

Ст. VII. Для сообщения между Королевством Саксонским и Герцогством Варшавским, Его Величество Король Саксонский будет свободно пользоваться военным путем через владения Его Величества Короля Пруссского. Путь сей, число войск, которые могут вдруг проходить по оному, и место для заготовления съестных припасов, назначены будут особенной конвенцией, каковая имеет быть заключена между Их речеными Величествами при посредстве Франции.

Ст. VIII. Его Величество Король Прусский и Его Величество Король Саксонский и город Данциг не будут иметь права

никаким запрещением препятствовать свободному плаванию по Висле, ниже затруднять оное установлением каких бы то ни было сборов, налогов или пошлин.

Ст. IX. Для постановления между Российской и Герцогством Варшавским границ, сколь можно, естественных, область окруженная частью настоящих границ Российских, простирающейся от Буга до устья Лососны и линией, идущей от помянутого устья и следующей по Талвегу сей реки, по Талвегу Бобры до ее устья, по Талвегу Нарева от вышепомянутого места до Сурагца, по Талвегу Лисы до ее истока подле деревни Миен, по Талвегу протока, впадающего в Нурчек, подле той же деревни выходящего до его устья выше Нурра, и наконец по Талвегу Буга вверх до настоящих границ Российских, присоединяется на вечные времена к Империи Российской.

Ст. X. Никто, какого бы он состояния или звания ни был, из имеющих оседлость или собственность в области, предыдущей статьей означенной, или в провинциях, бывшее Королевство Польское составлявших и возвращаемых ныне Его Величеству Королю Прусскому, или же из людей, живущих в Герцогстве Варшавском, но имеющих в России недвижимые имения, пенсии или доходы, какого бы рода они ни были, не будет наказан ни лично, ни отобранием от него имений движимых или недвижимых, пенсионов и доходов какого-либо наименования, и не подвергнется ни лишению чинов, ни достоинств, ниже какому-либо взысканию и следствию за участие, какое мог он иметь в настоящую войну по делам военным или политическим.

Ст. XI. Все обязательства между Его Величеством Королем Прусским и прежними владельцами пожизненных должностей и доходов церковных, воинских и гражданских, равно как и обязательства с заимодавцами и пенсионерами прежнего Польского правления приемлются Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Королем Саксонским в соразмерности Их приобретений на основании статей V и IX и будут выполнены в точности без всякого ограничения и исключения.

Ст. XII. Их Светлости Герцоги Саксен-Кобургский, Ольденбургский и Мекленбург-Шверинский восстановлены будут каждый в полное и спокойное владение областей, принадлежащих им, но гавани Герцогства Ольденбургского и Мекленбургского по-прежнему занимаемы будут Французскими гарнизонами до размена ратификаций будущего окончательного мирного трактата между Францией и Англией.

Ст. XIII. Его Величество Император Наполеон приемлет посредство Его Величества Императора Всероссийского для переговоров и заключения окончательного мирного трактата между Францией и Англией в том предположении, что посредство сие и Англией равномерно принято будет в продолжение одного месяца, от размена ратификаций настоящего трактата.

Ст. XIV. Его Величество Император Всероссийский со своей стороны в доказательство желания Своего к восстановлению между обеими Империями искренних и прочных сношений, признает Его Величество Короля Неаполитанского Иосифа Наполеона и Его Величество Короля Голландского Людвига Наполеона.

Ст. XV. Его Величество Император Всероссийский равномерно признает Рейнский Союз, настоящее положение владения каждого из Государей оный Союз составляющих, и титулы, данные многим из них как актом Союза, так и силой трактатов присоединения, после того заключенных.

Его Величество Император Всероссийский обещает также, что по извещениям, каковые Ему учинены будут со стороны Его Величества Императора Наполеона, Государи, которые после делаются Членами Рейнского Союза, признаваемы Им будут в том качестве, каковое дано им будет актами присоединения.

Ст. XVI. Его Величество Император Всероссийский уступает в полную собственность и обладание Его Величеству Королю Голландскому Эверское Княжество в Ост-Фризе.

Ст. XVII. Настоящий мирный и дружественный трактат признается общим для их Величеств Короля Неаполитанского и Голландского, и для соединенных владетелей Рейнской Конфедерации, союзников Его Величества Императора Наполеона.

Ст. XVIII. Его Величество Император Всероссийский признает равномерно Его Светлость Принца Иеронима Наполеона Королем Вестфальским.

Ст. XIX. Королевство Вестфальское составлено будет из областей, уступленных Его Величеством Королем Прусским по левую сторону Эльбы и иных состоящих теперь во владении Его Величества Императора Наполеона.

Ст. XX. Его Величество Император Всероссийский обещает признать те распоряжения, кои вследствие предыдущей XIX статьи и уступлений Его Величества Короля Прусского учинены будут Его Величеством Императором Наполеоном (распоряжения сии должны быть сообщены Его Величеству Императору Всероссийскому), и положение владения из того произойти имеющее для Государей, в пользу коих оное учинено будет.

Ст. XXI. Все неприятельские действия прекратятся немедленно на суше и на море между войсками Его Величества Императора Всероссийского и войсками Его Султана Величества во всех местах, где получено будет официальное известие о подписании настоящего трактата.

Высокие договаривающиеся стороны немедленно отправят известие сие с нарочными, дабы оное сколь можно скорее получено было обоюдными Генералами и Командующими.

Ст. XXII. Российские войска выступят из Княжеств Валахского и Молдавского; но означенные провинции не будут заняты силами Турецкими до размена ратификаций будущего окончательного мирного трактата между Россией и Портой Оттоманской.

Ст. XXIII. Его Величество Император Всероссийский примет посредство Его Величества Императора Французского, Короля Итальянского для переговоров и заключения мира с выгодами и достоинством обеих Империй согласного.

Обоюдные Полномочные отправятся в то место, которое с обеих участвующих сторон назначено будет для открытия и продолжения переговоров.

Ст. XXIV. Срок, в который высокие договаривающиеся стороны имеют вывести свои войска из мест, которые вследствие

вышеозначенных постановлений, должны быть ими оставлены, равно как и образ приведения в действие различных статей в настоящем трактате содержащихся, будут определены особым конвенцией.

Ст. XXV. Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Император Французский, Король Итальянский, взаимно ручаются за целость как их владений, так и тех Держав, которые участвуют в настоящем мирном трактате, в том положении, в каковом они теперь находятся, или будут находиться вследствие вышеизображенных постановлений.

Ст. XXVI. Военнопленные, взятые договаривающимися сторонами, или Державами, в настоящем мирном трактате участвующими, взаимно будут возвращены без размена и все вместе.

Ст. XXVII. Торговые сношения между Империей Российской с одной стороны и с другой между Империей Французской, Королевством Итальянским, Королевствами Неаполитанским и Голландским и владениями Рейнский Союз составляющими, восстановлены будут на том самом основании, на каком оные прежде войны существовали.

Ст. XXVIII. Церемониал обоих Дворов С.П. Бургского и Тюллерийского как между ними, так и в рассуждении Послов, Министров и Посланников, которых они один у другого аккредитуют, установлен будет на правилах взаимства и совершенного равенства.

Ст. XXIX. Настоящий трактат будет ратифицирован Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Императором Французским, Королем Итальянским.

Размен ратификаций имеет последовать в сем городе в продолжении 4 дней.

Заключен в Тильзите Июня 25 1807 года.
Июля 7

Ратификация. Того ради, по довольною рассмотрении сего трактата, приняли Мы оный за благо, подтвердили и ратифицивали, яко же сим за благо приемлем, подтверждаем и ратификуем во всем его содержании, обещая Императорским Нашим

словом, все помянутым трактатом постановленное ненаруши-
мо наблюдать и исполнять.

В уверение чего Мы сию Нашу Императорскую рати-
фикацию, собственноручно подписав, повелели утвердить
Государственной печатью Нашей. Dana в Тильзите Июня
27 дня в лето от Р.Х. 1807 Государствования же Нашего в
седьмое.

Articles séparés et secrets.

ARTICLE PREMIER.

Les troupes Russes remettront aux troupes Françaises le pays connu sous le nom de Cattaro.

ARTICLE SECOND.

Les sept-îles seront possédées en toute propriété et souveraineté par Sa Majesté l'Empereur Napoléon.

ARTICLE TROISIÈME.

Consent Sa Majesté l'Empereur des Français, Roi d'Italie, à ne point inquiéter ni rechercher directement ou indirectement aucun sujet de la Sublime Porte et spécialement, les Monténégrins, pour aucune part qu'ils aient prise ou pu prendre aux hostilités contre les troupes françaises, pourvu que désormais ils vivent paisiblement.

ARTICLE QUATRIÈME.

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies s'engage à reconnaître Sa Majesté le Roi de Naples Joseph Napoléon comme Roi de Sicile, aussitôt que le Roi Ferdinand quatre aura une indemnité, telle que les îles Baléares, ou l'île de Candie, ou toute autre de même valeur.

ARTICLE CINQUIÈME.

Si, lors de la paix future avec l'Angleterre, le Hanovre vient à être réuni au Royaume de Westphalie, un territoire formé de pays cédés par Sa Majesté le Roi de Prusse à la rive gauche de l'Elbe, et ayant une population de trois à quatre cent mille âmes, cessera de faire partie de ce Royaume et sera rétrocédé à la Prusse.

ARTICLE SIXIÈME.

Les chefs actuels des Maisons de Hesse-Cassel, de Brunswick-Wolfsbüttel et de Nassau-Orange jouiront d'un traitement annuel et viager, dont jouiront également les Princesses leurs épouses, si elles leur survivent.

Le traitement du chef de la Maison de Hesse-Cassel sera de deux cent mille florins d'Hollande.

Le traitement du chef de la maison de Brunswick-Wolfsbüttel, de cent mille florins d'Hollande.

Ces traitements seront acquittés par Sa Majesté le Roi de Westphalie.

Le traitement du chef de la Maison de Nassau-Orange sera de soixante mille florins d'Hollande et acquittée par Son Altesse Impériale le GrandDuc de Berg.

Son Altesse Sérénissime Madame la Princesse douairière d'Anhalt-Zerbst ayant du jouir, sa vie durant, du revenu de la seigneurie de Jevers, en sera dédommagée par une pension de soixante mille florins d'Hollande qui sera acquittée par Sa Majesté le Roi de Hollande.

ARTICLE SEPTIÈME.

Les articles ci-dessus, séparés et secrets auront la même force et valeur que s'ils avaient été textuellement insérés dans le traité patent de Tilsit, et ils seront ratifiées en même temps.

Fait et signé à Tilsit, le vingt cinq Juin (sept Juillet) mil huit cent sept.

(L. S.) Le Prince *Alexandre Kourakin.*

(L. S.) Le Prince *Dmitri Labanoff de Rostow.*

(L. S.) Ch. *Maurice Tullevrand prince de Benevent.*

**Traité d'alliance offensive et défensive conclu à Tilsit le 25 Juin
(7 Juillet) 1807.**

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la confédération du Rhin, ayant spécialement à cœur de rétablir la paix générale en Europe sur de bases solides et s'il se peut inébranlables ont à cet effet, résolu de conclure une alliance offensive et défensive et nommé pour leurs Plénipotentiaires, savoir:

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies,

Monsieur le Prince Alexandre Kourakin, son Conseiller privé actuel, membre du Conseil d'état, Sénateur, Chancelier de tous les ordres de l'Empire, Chambellan actuel, Ambassadeur extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies près S. M. l'Empereur d'Autriche et Chevalier des ordres de Russie de S-t André, de S-t Alexandre, de S-t Anne de la première classe, et de S-t Wolodimir de la première classe, de l'Aigle noir et de l'Aigle rouge de Prusse, de S-t Hubert de Bavière, de Danebrog et de l'union parfaite de Dannemarck et Bailli Grand-Croix de l'ordre·souverain de S-t Jean de Jérusalem,

et Monsieur le Prince Dmitri Labanoff de Bostow Lieutenant général des armées de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, chevalier des ordres de S-t Anne de la première classe, de l'ordre militaire de S-t Georges et de l'ordre de S-t Wolodimir de la troisième classe,

Et Sa Majesté l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la confédération du Rhin,

Monsieur Charles Maurice Talleyrand, Prince de Bénévent, son Grand-Chambellan et Ministre des Relations Extérieuros, grand Cordon de la Légion d'honneur, chevalier grand-croix des ordres de l'Aigle noir et de l'Aigle rouge de Prusse et de S-t Hubert,

Lesquels, après avoir échangé leurs pleins-pouvoirs respectifs, sont convenus des articles suivants:

ARTICLE PREMIER.

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté l'Empereur des Français, Roi d'Italie, s'engagent à faire cause commune, soit par terre soit par mer, soit enfin par terre et par mer, dans toute guerre que la France ou la Russie serait dans la nécessité d'entreprendre ou de soutenir contre toute puissance Européenne.

ARTICLE SECOND.

Le cas de l'alliance survenant, et chaque fois qu'il surviendra, les hantes parties contractantes régleront par une convention spéciale les forces que chacune d'elles devra employer contre l'ennemi commun et les points où ces forces devront agir; mais, dès à présent elles s'engagent à employer si les circonstances l'exigent la totalité de leurs forces de terre et de mer.

ARTICLE TROISIÈME.

Toutes les opérations des guerres communes seront faites de concert, et ni l'une ni l'autre des parties contractantes ne pourra dans aucun cas traiter de la paix sans le concours ou le consentement de l'autre partie.

ARTICLE QUATRIÈME.

Si l'Angleterre n'accepte pas la médiation de la Russie, ou si l'ayant acceptée, elle n'a point au 1-er novembre prochain, consenti à conclure la paix en reconnaissant que les pavillons de toutes les puissances doivent jouir d'une égale et parfaite indépendance sur les mers, et en restituant les conquêtes par elle faites sur la France et ses alliés depuis 1805 *), où la Russie a fait cause commune avec elle, une note sera, dans le courant du dit mois de novembre remise au cabinet de S-t James par l'Ambassadeur de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies. Cette note, exprimant l'intérêt que sa dite Majesté Impériale prend au repos du monde et l'intention où elle est d'employer toutes les forces de son empire pour procurer à l'humanité le bienfait de la paix contiendra la déclaration positive et explicite que, sur le refus de l'Angleterre de conclure la paix aux conditions sasdites, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies fera cause commune avec la France, et pour le cas où le cabinet de S-t James n'aura pas donné au 1-er décembre prochain une réponse cathégorique et satisfaisante l'Ambassadeur de Russie recevra l'ordre éventuel de demander ses passeports le dit jour et de quitter immédiatement l'Angleterre.

ARTICLE CINQUIÈME.

Arrivant le cas prévu par l'article précédent, les hautes parties contractantes feront de concert et au même moment sommer les trois Cours de Copenhague, de Stockholm et de Lisbonne, de fermer leurs ports aux Anglais, de rappeler de Londres leurs Ambassadeurs et de déclarer la guerre à l'Angleterre. Celé des trois Cours qui s'y refusera sera traitée comme ennemie par les deux hautes parties contractantes et la Suède s'y refusant, le Danemark sera contraint de lui déclarer la guerre.

ARTICLE SIXIÈME.

Les deux hautes parties contractantes agiront pareillement de concert et insisteront avec force auprès de la cour de Vienne pour qu'elle adopte les principes exposés dans l'article quatre ci-dessus, qu'elle ferme ses ports aux Anglais, rappelle de Londres son Ambassadeur et déclare la guerre à l'Angleterre.

ARTICLE SEPTIÈME.

Si au contraire l'Angleterre dans le délai spécifié ci-dessus, fait la paix aux conditions susdites (et Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies employera toute son influence pour l'y amener), le Hanover sera restitué au Roi d'Angleterre en compensation des colonies françaises, espagnoles et hollandaises.

ARTICLE HUITIÈME.

Pareillement, si par une suite des changemens qui viennent de se faire à Constantinople, la Porte n'acceptait point la médiation de la France, ou si après qu'elle l'aura acceptée, il arrivait que dans le délai de trois mois, après l'ouverture des négociations elles n'eussent pas conduit à un résultat satisfaisant, la France fera cause commune avec la Russie contre la Porte Ottomane, et les deux hautes parties contractantes s'entendront pour soustraire toutes les provinces de l'Empire Ottoman en Europe, la ville de Constantinople et la province de Romélie exceptées, au joug et aux vexations de Turcs.

ARTICLE NEUVIÈME.

Le présent Traité restera secret et ne pourra être rendu public ni communiqué à aucun cabinet, par l'une des parties contractantes sans le consentement de l'autre.

Il sera ratifié et les ratifications en seront échangées à Tilsit dans le délai de quatre jours.

Fait à Tilsit, le vingt cinq Juin (sept Juillet) mille huit cent sept.

(L. S.) Le Prince *Alexandre Kourakin*.

(L. S.) Le Prince *Dmitri Labanoff de Rostow*.

(L. S.) Ch. Maurice *Talleyrand Prince de Benevent*

ДЕКЛАРАЦИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I от 24 октября 1807 года «О разрыве мира с Англией»

Чем более Император Всероссийский ценил дружбу Его Величества Короля Великобританского, тем с большим прискорбием видел, что Монарх сей совершенно от нее удаляется.

Двукратно Император Всероссийский воспринимал оружие в такой войне, коей прямые и ближайшие последствия относились к Англии. Тщетно Его Величество настаивал, чтоб, по убеждению собственных польз ее, решилась она содействовать. Не к соединению войск ее с Российскими была она призываема, но чтоб произвести диверсию; к удивлению Его Величества, в собственном ее деле она пребывала в бездействии. Взирая равнодушно на зрелице кровопролитной брани, ею воспаленной, она посыпала между тем войска свои к овладению Буенос-Аири; другая часть воинских сил ее, собравшихся в Сицилии, двинулась наконец с сего места. Надлежало предполагать, что сии, предназначенные действовать в Италии, обратятся к берегам Неаполитанским: но они обратились к покушению овладеть Египтом.

С большей еще чувствительностью и прискорбием Его Императорское Величество видел, что против доброй веры и точ-

ных и самых явственных выражений трактатов, Англия угнетала на море торговлю подданных Его Величества; и в какое время? тогда, как кровь Россиян проливалась в знаменитых сражениях, где против войск Его Величества были направлены и удерживаемы все воинские силы Его Величества Императора Французского, с коим Англия была, как и теперь еще находится, в войне.

Невзирая на все сии причины правильного неудовольствия при заключении мира между Империями, Российской и Французской, Его Величество Император Всероссийский не отрекся явить Англии свое благорасположение. В самом мирном трактате постановлено было, что Его Величество приемлет на себя посредство между Францией и сею Державой. Впоследствии Его Величество предложил сие посредство Королю Великобританскому, и вместе с тем предварил, что намерение его есть, доставить Англии условия мира, с честью сообразные. Но Английское Министерство, держась по-видимому непреложно намерения своего, чтоб ослабить и расторгнуть союз дружбы, Россию и Англию соединявший, отвергло сии предложения. Мир России с Францией долженствовал быть преддверием общего мира; но в сие самое время Англия, внезапно воспрянув от бездействия, в коем она быть казалась, решилась на Севере Европы возжечь новую войну, коей пламя не желала она видеть погасшим.

Флот ее и войска явились на берегах Дании, чтоб произвести насилие, коему равного во всей Истории, толико во всех примерах обильной, найти трудно.

Держава спокойная и в череде Государств Монархических долговременной и непреклонной умеренностью своих начал, стяжавшая нравственное к себе уважение, внезапно узрела себя облежимой и объятой Английскими силами, под предлогом, якобы она имела тайные замыслы и совещала на разрушение Англии, под предлогом, изобретенным для того, чтоб оправдать ее скорое и совершенное ограбление.

Сим действием насилия, учиненным на море Балтийском, на море закрытом, коего спокойствие с давнего времени и с

сведения Кабинета Сент-Джемского было обеспечено взаимным ручательством прилежащих ему морских Держав, Его Величество Император Всероссийский, оскорбленный в Своем достоинстве, в пользах Своего народа, в обязательствах Его с Державами Севера, не скрыл своего неудовольствия и повелел известить Английское Министерство, что Он не может взирать на сие равнодушно.

Его Величество не мог предполагать, что Англия, воспользовавшись успехом сил своих, когда уже сближалось для нее время восхитить ее добычу, решится нанести Дании еще новое унижение, и помыслить привлечь Россию в соучастие ее несправедливости.

Сделаны были новые и самые коварные предложения, чтоб Данию в виде Державы покоренной, униженной, и как бы одобряющей все события, с нею совершившиеся, вовсе поработить видам Англии. Его Императорское Величество еще менее мог предполагать, что предложено Ему будет обеспечить ручательством Своим сие покорение и обнадежить, что такое насилие не будет иметь никаких вредных для Англии последствий. Посол ее счел возможным предложить Министерству Российскому, чтоб Его Величество принял на Себя быть защитником такого действия, которое столь гласно обратило на себя Его негодование.

Император Всероссийский не мог внять сим предположениям, и признал, что время уже было положить предел Его умеренности.

Наследник Датского Престола, коему Провидение с характером исполненным силы и благородства, даровало твердость души, соразмерную достоинству Его Высокого звания, известил Его Величество Императора Всероссийского, что в праведном негодовании к событиям, в Копенгагене совершившимся, Он отрекся дать свое утверждение сделанному о сем постановлению, и признает его ничтожным.

Ныне Он вновь известил Его Величество, что Ему сделаны были новые предложения, кои не только Его не успокоили, но и более еще возбудили Его противодействие. Целью сих пред-

ложений было запечатлеть его деяния уничижением, коего они никогда иметь не будут.

Его Императорское Величество, приняв с чувствительностью доверие, Наследником Датского Престола Ему изъявляемое, уважив собственные Свои против Англии неудовольствия и во всем пространстве измерив силу обязательств, связующих Его с Северными Державами, обязательств, воспринятых Их Величествами, в Бозе почивающими, Государыней Императрицей Екатериной Второй и Государем Императором Павлом Первым, решился их исполнить.

Его Императорское Величество прерывает всякое сообщение с Англией, отзывает Свое Посольство, там бывшее, и не желает иметь здесь Английского. С сего времени не будет между обеими Державами никакого сношения.

Его Величество объявляет, что навсегда уничтожаются все акты, до сего времени между Россией и Англией постановленные, и именно: конвенция в ⁵₁₇ день Июня 1801 года заключенная.

Его Величество подтверждает начала вооруженного нейтралитета, сей памятник мудрости Ее Величества Императрицы Екатерины Второй, и приемлет на Себя обязанность никогда не отступать от сей системы.

Его Величество требует от Англии, чтоб удовлетворены были Его подданные во всех правильных их исканиях по кораблям и товарам, взятым или удержаным против точной и явственной силы трактатов, во время царствования Его заключенных.

Его Величество предваряет, что не восстановятся никакие сношения между Россией и Англией, доколе Дания удовлетворена не будет.

Император Всероссийский ожидает, что Его Величество Король Великобританский, внемля собственной своей чувствительности, вместо того, чтоб дозволять своим Министрам расширять вновь пламя войны, поступит к заключению мира с Его Величеством Императором Французским, мира, коего совершение может распространить на все народы неоцененные плоды общего спокойствия.

Когда Его Величество Император Всероссийских удовлетворен будет во всех вышеозначенных отношениях, и именно в отношении мира между Францией и Англией, без коего ни одна Держава в Европе не может предвещать себе постоянной тишины, тогда Его Величество с удовольствием паки восприимет дружественные с Великобританией сношения, кои в настоящем положении праведного неудовольствия, Его Величество может быть слишком долго сохранял.

3. ЗАПИСКА М.М. СПЕРАНСКОГО И ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

**Записка М.М. Сперанского о вероятностях войны
с Францией после Тильзитского мира
(конец 1811 — начало 1812 г.)³³³**

Общее обозрение дела

Период первый.

От Тильзитского мира до Эрфуртского свидания

Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром. Самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению не возможно.

Достоверность всякого мира может быть твердо основана на трех только положениях:

- 1) На относительной слабости одной из воюющих держав.
- 2) На выгодах мира.
- 3) На характере государей.

Тильзитский мир не довольно ослабил Россию, чтоб не могла она помышлять о новой войне.

Выгоды сего мира не столь были важны, чтоб вознаградить потерю коммерческих ее сношений.

---

³³³ Публикуется по: Русская старина. 1900. Том 101. № 1. С. 58—65.

Следовательно, один характер государя доставлял всю достоверность, все ручательство мира.

Франция совершенно знала и не скрывала сего положения вещей³³⁴.

Следовательно, самый простой расчет благоразумия запрещал ей полагаться на Тильзитский мир. Страхом оружия надлежало поддержать слабость трактатов.

Франция точно и следовала сему правилу.

С самым почти Тильзитским миром началось образование и сооружение Варшавского герцогства. Силы ее, в Пруссии и в Германии расположенные, не ослабевали; сколь ни настоятельны были нужды испанской войны, Франция всем жертвовала, чтобы сохранить по всей возможности северную воинскую ее систему.

Следовательно, Тильзитский мир для Франции всегда был мир вооруженный.

Отсюда возникли два главные политические мнения, разделившие в сие времена всю Европу.

Одни рассуждали, что, окончив испанскую войну, Наполеон обратится паки на твердую землю и довершит то, что было не окончено в континентальной его системе. Основываясь на сем, они предлагали предупредить войну, которую считали неизбежною, и составить новую коалицию³³⁵.

Другие, напротив, находили, что точным и продолжительным исполнением принятых обязательств, есть еще надежда сохранить мир, и что, впрочем, из всех систем оборонительных, война союзная в настоящем положении держав есть самая ненадежная, и что по сему лучше ожидать войны вероятной, нежели входить в связи, которые привлекут ее достоверно.

Первое мнение превозмогло в Вене; второе в Петербурге. Сие было поводом Эрфуртского свидания.

---

³³⁴ Послы ее, начиная с Савари, всегда здесь твердили, что мир сделан с императором, но не с Россией (прим. М.М. Сперанского).

³³⁵ Известно, что сие мнение было господствующим тогда в Вене. Его держался Меттерних; от Меттерниха перешло оно к графу Толстому, который и без того уже был к нему преклонен. В сем разуме писал граф Марков. Сие мнение здесь было почти общее. В Берлине не смели надеяться, но помышляли о том же (прим. М.М. Сперанского).

Период второй.

От Эрфуртской конвенции до Венского мира

Эрфуртское свидание произвело ту существенную перемену в вероятностях войны, что оно дало ей на время другое направление.

Под предлогом общего мира, Франция искала только удостовериться в России и достигла сей цели.

Тщетно Шварценберг домогался здесь переменить сие положение: оно было принято невозвратно.

Период сей можно считать самым благоприятнейшим в сношениях наших с Францией.

Благоприятство сие основано было не на словах, но на самом коренном начале всякого мира, — на невозможности воевать.

Россия вела войну с Турцией и оканчивала войну финляндскую. Франция имела на руках войну испанскую и начинала австрийскую.

Следовательно, в обоюдном положении сих держав существовало твердое ручательство взаимного их доверия.

Положение сие вскоре изменилось; Россия окончила финляндскую войну в сентябре; а Франция австрийскую — в октябре.

Период третий.

От Венского мира до настоящего времени

Венский мир две важные сделал перемены в нашем с Францией положении.

1) Усилил герцогство Варшавское всею западной Галицией и частью восточной.

2) Соединил две воюющие державы родственным союзом.

Отсюда вероятности войны, кои в предыдущем периоде утихли, снова возродились.

Две системы тогда представлялись вероятными: 1) Раздел Пруссии между Саксонией и Вестфалией. 2) Восстановление Польши с согласием Австрии.

Страхи сии питаемы были разными происшествиями:

- 1) Движением французских войск к северу.
- 2) Присоединением Рима и Голландии.
- 3) Отказом в польской конвенции.
- 4) Отказом в займе.

Страхи сии, всегда политику нашу более или менее колебавшие, положением испанской войны и турецких наших дел начинали утоляться, как вдруг паки и с новой силой они возникли избранием Бернадота на шведское наследство. Казалось, тогда все уже было к нападению на нас готово.

Но прошли два, три месяца, и дела шведские так прояснились, что там, где ожидали бед, можно теперь считать на некоторое даже содействие.

Между тем Наполеон издал примечательный свой декрет об истреблении английских товаров.

Все боялись, что он настоятельно будет требовать, чтоб и Россия приняла сие правило, и предвещали уже неминуемую войну.

Ни настоятельного требования, ни войны, однако же, не последовало.

Вскоре потом присоединены Ганзейские города, и, вместе с другими областями, Франция завладела Ольденбургом.

В течение всего сего времени поляки и здесь и в Париже не переставали твердить о войне. С обеих сторон страшали сильными приготовлениями, коих однако же в самом деле в сие время ни с той, ни с другой стороны еще не было.

Французские силы в Германии ограничивались до сего времени почти тем самым ополчением, которое для вооруженного мира Франция всегда считала необходимым.

Наша политика долгое время состояла в одном молчании; нельзя, однако же, нам было не готовиться, по крайней мере, издалека к войне.

Первым нашим приготовлением можно почесть вооружение и устроение крепостей.

Вслед за тем к концу 1810 года сделаны разные перемены в расположении войска, и количество их на границе умножено.

Вместе с тем и в политике нашей приняты две важные меры: 1) Издан тариф на 1811 год и 2) Вскоре потом протестация Ольденбургская.

С сего времени можно полагать начало четвертому периоду в сношениях наших с Францией.

Период четвертый.

Настоящее положение

Тариф 1811 года, лишивший Францию 35 м[иллионов] в торговом ее балансе, хотя не возбудил явных и формальных подозрений, но был для нее, без сомнения, весьма огорчителен. Для Наполеона он доказывал две важные истины:

1) Что Россия после четырехлетнего молчания начинает познавать свои силы и действовать с некоторой независимостью.

2) Что первый сей шаг предзнаменует и другие.

В других обстоятельствах нет сомнения, что не допустил бы он сея меры. Но на сей раз он по необходимости должен был скрыть свое негодование³³⁶.

Ольденбургская протестация должна была произвести или еще и усилить те же самые впечатления.

Из сего сами собою должны были родиться в уме его (Наполеона) следующие заключения:

I. Тильзитский мир есть мир вооруженный. Вся достоверность его основывается на страхе.

II. Страх сей по мере приращения внутренних сил России ослабевает, и Россия начинает действовать.

III. С окончанием турецкой войны она может совершенно переменить сию систему. Протестация Ольденбургская послужит ей достаточным к сему предлогом; следовательно,

IV. Франция должна готовиться к войне и усиливать свои вооружения; но между тем.

V. Вызвать Россию к объяснению.

VI. Затруднить сколь можно турецкий мир, как эпоху совершенного отпадения России.

³³⁶ Известно, что тариф сей он называл une mesure hostile (враждебная мера) (прим. М.М. Сперанского).

Заключения сии столь просты и естественны, что каждый на месте Наполеона точно то же бы сделал.

Вся сила известной бумаги³³⁷ состоит в сих почти заключениях.

Истинный разум Наполеоновой речи 15-го августа в сем же самом заключается.

Какие средства употреблены были с нашей стороны, чтоб переменить, или уничтожить сии заключения?

1) Словесные уверения.

Уверения сии, сами по себе ничтожные, сверх того имеют два разных смысла: один для нас, другой для Франции. Когда Россия уверяет, что она не начнет войны и что Наполеон должен прийти искать нас, в России сие значит, что мы ничего не сделаем, не только чтоб начать, но чтоб и возбудить войну; а во Франции сие значит, что, конечно, Россия не объявит войны, но отстав от континентальной системы после турецкого своего мира, она все употребит, чтоб для Франции войну сделать неизбежной.

2) Предположение о посылке в Париж уполномоченного.

Здесь множество всегда представлялось затруднений:

а) Выбор лица.

б) Трудность и почти невозможность определить инструкциями истинную черту его действия, и особенно словесных изъяснений с многоглаголивым Наполеоном.

Впрочем, если способ сей после 15-го августа и представлял некоторые удобства, то ныне, когда уже заявлено послу, что посылка сия отсрочена до турецкого мира, она была бы или ничтожна, или может быть и вредна.

3) Прусский двор, вероятно, желал вмешаться в сии объяснения и быть посредником. Весьма благоразумно сделано, если отклонено сие притязание.

4) То же должно сказать и о Венском дворе, если с его стороны сделаны какие-либо к тому повестки.

Из сего следует, что доселе никаких способов к истинному объяснению дела не было принято.

³³⁷ Какую бумагу в данном случае имеет в виду Сперанский, трудно сказать.

Между тем смута каждый день возрастає. Она питается:

а) Действительным вооружением.

б) Еще более слухами и известиями о вооружении.

в) Происками и даже самым усердием поляков, кои здесь распространяют разные слухи о конституциях и о намерении правительства восстановить Польшу. Естественно простираются сии слухи до самого Парижа; а там подзорчивый министр полиции и столько же подозревающий Наполеон всегда преклонны им верить.

Общие замечания

Из краткого обозрения настоящего положения дел происходят следующие о нем понятия:

I. Тильзитский мир, по самому существу его, есть для Франции мир вооруженный.

II. Франция никогда не считала и не могла считать, чтоб мир с нашей стороны был чистосердечен и чтоб коммерческие наши с Англией сношения были действительно закрыты. Но должно было по необходимости предпочитать слабый мир опасной войне.

III. Для сохранения мира Франция в самой простой и здравой политике всегда была обязана содержать на севере ополчение.

IV. Сила сего ополчения должна по необходимости изменяться и быть соразмерной: 1) положению России в отношении к турецкой войне; 2) военным ее приготовлениям, 3) политическому ее с Францией поведению и возникающим ее притязаниям.

V. В настоящем положении сих трех обстоятельств Франция должна была по всей необходимости усилить свои вооружения, ибо:

1) Турецкая наша война с тех самых пор, как мы приняли оборонительное положение и открыли негоциации, предвещала скорый конец.

2) Притязания или, лучше сказать, тон наш с Францией переменился двумя сильными мерами.

---

3) Приготовления наши к войне, хотя в начале своем они вызваны были движением французских войск, тем не менее суть действительны.

VI. Из сего следует, что ополчение Франции изъясняется само собою одним положением России и образом ее поведения и что нет никакой причины, для изъяснения сего, искать и составлять наступательные системы. Неосновательность сих систем доказывается:

1) Поведением Наполеона. Если бы в намерениях его было сделать войну наступательную: он старался бы усыплять Россию, а не грозить ей; он не хвалился бы своими вооружениями, но старался бы скрывать их.

2) Податливостью его на объяснения. В наступательной войне надлежало бы не искать объяснений, но стараться удалять их, и даже притворяться, что нет к ним никакого предлога, так как и нет никакого намерения к войне. Здесь могут возразить, что вызов на сии объяснения мог быть нужен для того, чтоб на нас впоследствии обратить всю тяжесть начала войны. Предположение странное: как будто Наполеон может озабочиваться мнением Пруссского или Венского двора о начале войны, и как будто может быть кто-нибудь виноват, начиная с ним войну.

3) Не можно согласить с обыкновенным его благоразумием, чтоб, не окончив испанской войны, он бросился в другую. Презирать Россию он не может. Все поведение его с нею с самого Тильзитского мира и самая известная бумага доказывают сие неоспоримо. Начать войну на Висле и окончить ее на Днепре нельзя ни в шесть {64} месяцев, ни в год. Впрочем, если бы в Париже и были на сей счет какие-либо заблуждения, то изъяснения французских послов могли давно их рассыпать. Следовательно:

VII. Истинный разум французских военных приготовлений состоит не в безрассудной предприимчивости новых побед, но в том весьма благоразумном расчете, чтоб предохранить Тильзитский мир от совершенного его разрушения и продолжить настоящий вещей порядок до окончания дел испанских. Следовательно:

VIII. Нет никакой вероятности, чтоб Франция начала войну, если Россия строго будет держать себя в настоящем положении. Из сего происходят следующие правила поведения для России.

I. Способы отрицательные

1) Не входить ни в какие связи ни с Прусским двором, ни с Венским. Они не могут желать войны и следовательно не будут содействовать ее приближению; а сего для России уже довольно. Всякая дальнейшая с ними связь усилит только подозрения, а в случае войны не принесет нам никакой пользы.

2) Не заводить Швецию в английскую систему; не поощрять ее к тому, но и не удерживать. Если мы будем ее поощрять, то сие будет для Франции явным предзнаменованием и нашего отпадения.

3) Ставраться пресекать слухи о переменах и конституциях в Польше. Перемены сии естественно обнаруживают разум, в коем мы хотим действовать.

4) Ставраться уронить слухи о неизбежности войны. Если в Петербурге войну считают неизбежной, то в Париже естественно должны заключать, что мы готовы уже оставить Францию. Война действительно может сделаться неизбежной в Париже для того, что в Петербурге ее считают таковою; а в Петербурге для того, что так думают в Париже.

5) Не раздроблять политику на многие части. Кроме других неудобств сим умножаются толки, гадания и слухи, сим правительство дает себе вид некоторого беспокойства и смущения, которое всегда изъясняется к войне.

II. Средства положительные

6) Искать всех случаев изъясняться с Францией, не отправляя туда нарочного. Весьма жалко, что речь 15-го августа прошла почти без внимания. Но другой случай легко представить может, если захотят им пользоваться. Под именем изъяснения здесь не разумеются сии обычные фразы дружбы и гармонии, от коих бы надлежало и совсем воздержаться. Основанием изъяснения должно быть прямое, простое, сильное, но умеренное изображение настоящего вещей положения и его последствий.

Цель его должна состоять в том, что две великие державы не могут начать войну ни за тариф, ни за Ольденбург. Изъяснения сии легко могут быть сделаны чрез послов. Своеручное письмо может быть еще более бы сему пособило. Но все сие должно быть сделано кстати при первом удобном случае, а не без повода.

7) Сими средствами, кажется, можно удалить войну. Но никакими нельзя отвратить ее на долгое время. Тильзитский мир по существу своему есть мир невозможный не потому, чтоб Россия не могла выдержать торговых его последствий, но потому, что она не может никогда представить Франции достаточного ручательства в точном его сохранении. Следовательно, удаляя войну, должно, однако же, непрестанно к ней готовиться. Должно готовиться не умножением войск, которое всегда опасно, но расширением арсеналов, запасов, денег, крепостей и воинских образований.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I АДАМУ ЧАРТОРИЙСКОМУ 1 АПРЕЛЯ 1812 ГОДА

Не знаю, любезный друг, поняли ли Вы причину моего молчания. Ваши предыдущие письма оставили мне слишком мало надежды на удачу, чтобы я имел право действовать, на что я бы мог тогда сознательно решиться, если бы предвидел хотя некоторую вероятность успеха. Я, следовательно, был должен безропотно примириться с ходом событий и не вызывать своими поступками борьбы, все значение и опасности которой я сознаю прекрасно, не веря, однако, в возможность от них избавиться.

К этому присоединяется еще другая причина: я узнал из верного источника, что за каждым Вашим шагом следят и что Вас окружают самые ловкие шпионы. Не желая Вас подвергать малейшей опасности, я полагал, что, если я прекращу с Вами всякие отношения на довольно значительное время, то возникшие против Вас подозрения улягутся, и что тогда, приложив к этому более осторожности и осмотрительности, чем прежде, мы можем возобновить нашу переписку без вреда для Вас.

Наконец, занимавшие нас проекты, может быть, по своему правдоподобию, не ускользнувшему от внимания всех здравомыслящих существ, или вследствие нескромности некоторых Ваших соотечественников, которые с добрыми намерениями неосторожно распространили свои собственные мысли, проекты эти, говорю я, приобрели гласность, которая могла быть для них только очень невыгодной, так как об этом заговори-

ли в Дрездене и Париже. Все эти соображения заставили меня хранить долгое молчание, но ни интерес, внущенный мне занимавшими нас мечтами, ни решение осуществить их на деле, когда этому будут благоприятствовать обстоятельства, не покинули меня ни на минуту. Прилагаемые при сем бумаги могут Вас убедить лучше, чем бы я это сделал на словах.

Разрыв с Францией кажется неизбежным. Цель Наполеона уничтожить или, по меньшей мере, унизить последнее государство, пользующееся уважением в Европе, и, чтобы этого добиться, он выдвигает вперед неприемлемые требования, которые несовместимы с достоинством России.

1. Он желает, чтобы были прерваны всякие торговые сношения с нейтральными державами. Это значит, лишить нас единственной торговли, которая нам остается.

2. В то же время он требует, чтобы, лишившись всякой возможности вывоза за границу наших собственных произведений, мы не делали бы никаких препятствий для ввоза предметов французской роскоши, что было у нас запрещено, так как мы стали не так богаты, чтобы их оплачивать.

Так как я бы никогда не мог согласиться на подобные предложения, то весьма вероятно, что следствием этого будет война, несмотря на то, что Россия сделала все, чтобы ее избежать. Она заставит кровь литься ручьями, и эти бедные люди будут опять принесены в жертву ненасытному честолюбию человека, казалось, созданного лишь для их несчастия. Вы слишком осведомлены, чтобы не видеть, насколько ему чужды либеральные идеи по отношению в Вашему отечеству. Наполеон имел по этому поводу конфиденциальные разговоры с австрийским и прусским посланниками, и тон, в котором он высказывался, рисует прекрасно его характер и недостаток привязанности к Вашим соотечественникам, которых он считает лишь орудием своей ненависти к России.

Эта война, которой, как кажется мне, не придется избежать, освобождает меня от всяких предосторожностей, соблюдаемых мною относительно Франции, и позволяет мне свободно

заняться моими любимыми мечтами о возрождении Вашего отечества.

Следовательно, надо лишь определить наиболее выгодный путь для обеспечения успеха нашим планам и, чтобы у Вас было более оснований для Ваших суждений, то я считаю полезным дать Вам некоторые указания, относительно военных операций.

Хотя не невозможно, чтобы мы могли с нашими войсками добраться до Вислы, даже перейти ее и таким образом вступить в Варшаву, все-таки будет благоразумнее не строить наших расчетов на столь выгодных шансах; из-за этого рождается необходимость сообразовать наши поступки с тем, чтобы не рассчитывать на помощь и преимущества, которые бы нам могло доставить обладание Варшавой. Следовательно, нам нужно будет сосредоточить нашу деятельность в наших областях.

Из этого вытекают несколько крайне важных для решения вопросов.

Какой самый удобный момент, чтобы провозгласить восстание Польши? Совпадет ли он с моментом разрыва?

Будет ли это после того, как военные действия доставят нам известные высшие преимущества?

Если предпочтение может быть оказано второму условию, то будет ли полезно успеху наших планов, если учредить Великое герцогство Литовское, как предварительное мероприятие, и даровать ему одну из намеченных конституций?

Или следует отложить это мероприятие, присовокупив его к возрождению Польши в полном составе?

Я прошу Вас выяснить мне откровенно Ваше мнение на эти существующие вопросы; я также желаю, чтобы Вы мне изложили Ваш взгляд на прилагаемые бумаги; и которая из двух заслуживает предпочтения; не найдете ли Вы, быть может, более полезным присоединить к ним третий проект, и я уполномочиваю Вас руководиться лишь собственным убеждением.

Я не буду здесь более заниматься рассуждениями о двух шансах, представляющих Россия в этой борьбе. Мне кажется

ся, что этот вопрос уже исчерпан в моих предыдущих письмах; удовольствуясь лишь тем, что напомню об огромном пространстве земли, которое имеет за собою русское войско на случай отступления и чтобы не позволить расстроить свои ряды, а также о затруднениях, которые увеличатся по мере того, как Наполеон будет удаляться от своих вспомогательных войск. Если война будет объявлена, то здесь решено не складывать оружия. Собранные военные ресурсы очень велики; общественное настроение превосходно и существенно разнится от бывшего прежде, чему Вы были уже дважды свидетелем. Нет более того хвастовства, заставлявшего презирать своего врага. Напротив того, делают надлежащую оценку его силе и верят, что перемена счастья очень возможна; но несмотря на это, принято решение поддерживать честь империи до последней крайности.

Какой эффект произвело бы присоединение поляков в подобном случае? Громадный, и масса немцев, подчиняясь сим обстоятельствам, конечно, последовали бы примеру первых. Нельзя ли вызвать этот крупный результат?

Швеция заключила с нами оборонительный и наступательный союзы. Наследный принц сгорает от желания стать противником Наполеона, к которому он питает давнишнюю неприязнь, и, идя по стопам Густава-Адольфа, только и стремится быть полезным такому делу, как дело угнетения Европы.

Я не сомневаюсь, что Вы сами, выказывая всегда столько рвения к этому делу, почувствуете скоро те огромные выгоды, которые последуют для Европы и для человечества вообще, если она восторжествует, и, как поляк, Вы не можете обманываться насчет тех бедствий, которым подвергается Ваша родина, если, шествуя под знаменами Франции, она тем самым даст России право отметить ей за все содеянное зло.

Я желаю, чтобы Вы мне дали список личностей, на которых мы могли бы рассчитывать при выполнении наших планов. Было бы крайне выгодно, если бы в том числе находились военные, из армии герцогства.

Сообразуясь с Вашими советами, я до сих пор был оченьдержан с Вашими соотечественниками в наших областях, считающимися крайне злонамеренными по отношению к России, надеясь, что эта сдержанность будет оценена. Но между тем она скорее породила мысль, что особого рода страх принуждает нас с ними скрытничать. Если война начнется, то было бы крайне необходимо определить свое к ним последующее поведение. От этого зависит общественная безопасность, и я бы очень желал, чтобы Вы мне высказали по этому поводу Ваши мысли.

Я прошу Вас, любезный друг, адресовать Ваш ответ в Вильну, направив его через Гродненского губернатора М. Ланского, или каким-либо совершенно другим путем, который Вам покажется самым надежным и быстрым. Это письмо Вам доставит Клушинский. Я замечаю, что не ответил Вам на постскрипту Вашего последнего письма от 25 января; идея заставить Наполеона по доброй воле установить Польшу, подчинив ее королю, русскому императору, есть плод воображения. Он никогда не согласится на такой выгодный для России результат и в особенности в тот момент, когда он занят составлением гибельных для нее планов. Он никогда не сочтет угодливостью со стороны России, что она не помешала ему овладеть Пруссией только благодаря невозможности, явившейся следствием полного недостатка энергии прусского короля, который признавал Берлин и дворец за свое государство.

Прощайте, любезный друг, одному только Провидению известен исход, уготованный всем грядущим великим событиям. Мне было бы очень приятно Вас опять увидеть в Вильне, куда я через три дня отправляюсь, хотя бы не надолго, в такие интересные моменты; но я не отваживаюсь Вам это предложить, так как прекрасно сознаю опасность, которую представляла бы для Вас эта поездка. Руководитесь во всем этом лишь Вашей собственной осторожности и верьте, что я Вам предан сердцем и душою на всю жизнь.

Мое почтение всему Вашему семейству, к которому я пишу искреннюю привязанность.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ АЛЕКСАНДРА I О ВТОРЖЕНИИ НАПОЛЕОНА. 6 ИЮЛЯ 1812

Неприятель вступил в пределы НАШИ и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие Великой сей Державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска НАШИ, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаем на силу и крепость их твердую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных НАШИХ подданных, что собранные им разнодержавные силы велики и что отважность его требует неусыпного против него бодрствования. Сего ради, при всей твердой надежде на храбре НАШЕ воинство, полагаем МЫ за необходимо нужное собрать внутри Государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

МЫ уже возвзвали к первопрестольному Граду НАШЕМУ, Москве, а ныне взываем ко всем НАШИМ верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с НАМИ единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сыновей России, поража-

юющих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! вы всегда теплыми молитвами призывали благодать на главу России; народ русский! храбре потомство храбрых славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют.

Для первоначального составления пред назначаемых сил предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых им для защиты Отечества людей, избирая из среды самих себя Начальника над оными и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель.

АЛЕКСАНДР

В лагере близ Полоцка, 1812 года Июля 6-го дня. —

(Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, том XXXII, СПб, Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830, с. 388).

Н.В. ПРОМЫСЛОВ,
научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ ПОЧТА ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ В РОССИИ В 1812 ГОДУ

Частные письма являлись в начале XIX в. важным источником знаний об окружающем мире для представителей самых разных слоев общества. При условии, что газеты во Франции очень внимательно отбирали сообщаемую информацию и не редко искажали ее, переписка становилась иногда единственным источником, которому безусловно доверяли. Именно из писем можно было узнать о судьбе своего родственника или знакомого, отправившегося на войну, т.к. в официальных сообщениях редко упоминали даже имена героев, не говоря о погибших и раненых. Значимость частной корреспонденции была велика еще и потому, что во Франции начала XIX в. было еще распространено коллективное чтение писем. Многие послания солдат и офицеров были фактически адресованы всей семье, хотя на лицевой стороне и могло стоять имя какого-то одного члена семьи³³⁸. Выбор того, кто указывался в качестве адресата (мать, отец, жена или кто-то из братьев и сестер), скорее всего, зависел от традиций и особенностей взаимоотношений конкретной семьи. В некоторых случаях письма с театра воен-

³³⁸ La Correspondance. Les usages de la lettre au XIXe siècle / Sous la dir. de Roger Chartier, Paris : Fayard, 1991. P. 288.

ных действий могли иметь и гораздо более широкий круг читателей, вплоть до целого прихода или тех его семей, выходцы из которой служили в одном полку³³⁹. В наполеоновскую эпоху грамотными были еще далеко не все жители Франции, поэтому иногда письма были адресованы местному кюре, как наиболее доверенному лицу³⁴⁰. Неаккуратность в работе почтовой службы, которая нередко теряла корреспонденцию или доставляла ее с большими (до нескольких месяцев) задержками, также способствовала сохранению традиции коллективного чтения.

Письма представителей высшего общества также часто читались не одним человеком, т.к. в послании могли содержаться вставные куски, адресованные тому или иному родственнику или знакомому. Кроме того, многие авторы упоминали всех знакомых среди сослуживцев, о ком они имели сведения и с кем случилось что-либо достойное отдельного упоминания (например, награждение, ранение или смерть).

Во время любой кампании почтовые службы становились объектами пристального интереса со стороны войск противника, т.к. даже в частной корреспонденции могли содержаться важные сведения о противнике, его планах, состоянии армии и настроений в войсках и среди мирных жителей.

В начальный период кампании 1812 года во французской армии действовали специальные отряды легкой кавалерии, которые занимались разведывательной деятельностью. Важнейшей их целью был перехват депеш российских командующих. При занятии населенных пунктов кавалерия должна была в первую очередь захватить и сохранить от уничтожения российские почтовые станции, для получения полезной информации³⁴¹. О размахе этой деятельности свидетельствует тот факт, что во французском военном архиве в Венсенне сохранились объемные дела, состоящие из этой перехваченной корреспон-

³³⁹ La Correspondance. Les usages de la lettre au XIXe siècle. P. 288.

³⁴⁰ См., например, письмо солдата Маршала кюре г-ну Тюнье. Lettres interceptées par les Russes. P. 34.

³⁴¹ Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 49.

денции³⁴². Во время отступления Великой армии из России плачевное состояние кавалерии не позволяло французам активно вести разведку и тем более перехватывать курьеров противника.

В российской армии сходной деятельностью занимались летучие корпуса, состоявшие преимущественно из отрядов легкой кавалерии. Наиболее активны были их действия в тылу Великой армии в сентябре—ноябре 1812 года, когда им удалось перехватить нескольких императорских курьеров, а также почтовые фургоны. Перехваченные документы отложились в ряде российских архивов³⁴³. Значительная часть из них была опубликована на французском языке в начале XX в. директо-ром Государственного архива иностранных дел С.М. Горяиновым³⁴⁴. Для своей публикации он отобрал преимущественно письма видных лиц: генералов, маршалов, а также интен-дантского чиновника А. Бейля, известного впоследствии как писатель Стендаль. Примерно тогда же часть перехваченной корреспонденции была издана французским историком Артю-ром Шюке³⁴⁵. Его подборка включала как некоторые письма из сборника Горяинова, так и ранее не публиковавшиеся докумен-ты из французских архивов. В преддверии столетнего юбилея кампании 1812 г. отдельные письма из Российского импера-торского архива переводились и печатались в отечественной периодике³⁴⁶, однако в большинстве своем они в нашей стране так и не были опубликованы.

---

³⁴² SHD/DAT, séries ETR 16YD 14 (Barclay de Tolly); 16YD 20 (Bennigsen); и др. Подробнее см.: Отечественная война 1812 года: актуальные вопросы совре-менной историографии. Материалы круглого стола // Французский ежегодник. М., 2011. С. 350.

³⁴³ ОР РГБ. Ф. 41. Карт. 165. Ед. хран. 25—26; РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д №№ 239—243, 245—267, 269.

³⁴⁴ Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913.

³⁴⁵ Chuquet A. 1812 La guerre de Russie. Paris, 1912. Т. 1—3.

³⁴⁶ См. например: К истории 1812 г. Сообщение Н. Затворницкого // Русская старина. Т. 131. Сентябрь, 1907. С. 459—478. И продолжение публикации: Русская старина. Т. 132. Ноябрь, 1907. С. 305—318; Декабрь, 1907. С. 563—575.

Основная часть отложившегося в российских архивах массива писем солдат Великой армии датируется периодом с начала сентября по середину ноября 1812 г., то есть с момента вступления французов в Москву до ухода главных сил Великой армии из Смоленска. Именно тогда в тылу французов активно действовали летучие отряды русской армии, не раз прерывавшие коммуникационную линию неприятеля. К более раннему периоду относится только небольшое число документов, изъятых, по всей видимости, у пленных или убитых французских солдат. Вся перехваченная почта тщательно сохранялась и доставлялась в особую комиссию, возглавлявшуюся Аракчеевым. Наиболее интересные, с его точки зрения, письма переводились и отправлялись Александру I для ознакомления³⁴⁷. Из писем старались не только почерпнуть сведения, важные в военно-операционном плане, но и рассматривали их на предмет возможного использования с целью антинаполеоновской пропаганды, именно поэтому письма и переводили с французского языка, который был хорошо известен как лично Александру I, так и его окружению. Корреспонденция более позднего периода в российских архивах не сохранилась, видимо, из-за того, что последние полтора месяца кампании французы находились в столь тяжелых условиях, что писать письма им стало практически невозможно³⁴⁸. В публикации А. Шюке писем за период с середины ноября до конца декабря, когда остатки войск оказались в Пруссии и Герцогстве Варшавском, также очень немного.

* * *

Согласно действовавшим установлениям³⁴⁹, корреспонденция из частей действующей армии поступала в армейскую почтовую службу, которая на границе передавала все отправления общей почтовой службе империи (*Direction général des postes*).

³⁴⁷ Русская старина Т. 131. сентябрь, 1907. С. 459–478.

³⁴⁸ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 302.

³⁴⁹ *Instruction général le sur le service de postes aux lettres*. 1808. и *Réglament sur le service des postes militaires*. 31 Août 1809.

Регламент от 31 августа 1809 г. запрещал французам использовать имевшуюся на оккупированной территории местную почтовую инфраструктуру. Армейская почта создавала свои промежуточные станции с собственным персоналом. В штат каждой станции входили один обычный и один чрезвычайный курьер для доставки корреспонденции. Понимая значимость для солдат и офицеров связи с родиной, Наполеон ввел намного более низкие расценки для почтового сообщения с армией по сравнению с обычной гражданской почтой.

В целом армейская почтовая служба была жестко централизована. Специальные почтовые канцелярии имелись в каждой дивизии, но они не могли отправлять письма напрямую во Францию, а обязаны были пересыпать их в Главную почтовую канцелярию при Главной императорской квартире, и только оттуда собранная со всей Великой армии корреспонденция транспортировалась во Францию³⁵⁰. По регламенту почтовые курьеры из Великой армии должны были отправляться каждый день, что на практике соблюдалось далеко не всегда³⁵¹. С 1805 г. существовала также служба императорских эстафет, которая была организована для ускорения отправки депеш императора, личных и государственных. Армейская почта подчинялась интенданской службе, и потому имела возможность осуществлять переводы денежных средств³⁵². На всем протяжении правления Наполеона военной и гражданской почтой руководил граф Лавалетт, оставивший очень интересные мемуары о своей деятельности в эпоху Первой империи и Реставрации³⁵³.

Наполеон всегда придавал большое значение общественному мнению и по этой причине старался управлять или, по крайней мере, быть в курсе господствующих в стране настроений по всем важнейшим вопросам. Одним из вариантов контроля

³⁵⁰ Pigeard A. *Le service de la post à la Grande Armée*. Tradition magazine. N 223. 1er Empire – Restoration – 1870. Juin 2006. P. 18.

³⁵¹ Pigeard A. *Dictionnaire de la Grande Armée*. P., 2002. P. 478.

³⁵² Tulard J. *Dictionnaire Napoléon*. P. 1380.

³⁵³ Lavallette A.M.Ch. *comte de. Mémoires et souvenirs. Tome second (1800–1825)*. Paris, 1831.

за обществом стала деятельность Черного кабинета (*Cabinet noir*), который занимался просмотром частной корреспонденции. Государственная перлюстрация ведет свою историю во Франции со времен Средневековья, но император французов сделал ее гораздо более систематичной и централизованной.

В Первой империи Черный кабинет находился полностью в ведении Дирекции почт, в отличие от времен Директории, когда он подчинялся тайной полиции и, соответственно, министерству внутренних дел³⁵⁴. Читалась далеко не вся корреспонденция. Большинство из вскрытых писем частных лиц, как правило, не были прочитаны. Вскрывали их только для того, чтобы предотвратить пересылку нежелательной информации, а не для того, чтобы выявить недовольных, т.к. читать все письма было практически невозможно. Те же письма, которые действительно читали, часто не имели никаких следов вскрытия. В первую очередь кабинет занимался письмами министров, высших военных и придворных, список которых составлял сам Наполеон. Также часто читались письма ближайших друзей и родственников высших особ империи (например, Талейрана и Фуше)³⁵⁵. Даже члены императорской фамилии не освобождались от действия цензуры. Так, письмо королевы Гортензии к брату Евгению Богарне от 13 ноября было задержано и попало затем в архив министерства иностранных дел³⁵⁶. О том, что письма читаются специальными чиновниками, было, судя по всему, хорошо известно. Подробности и принципы работы Черного кабинета известны не были, но уже сам факт его существования выступал основанием для самоцензуры в письмах.

Черный кабинет должен был отчитываться в своей деятельности каждый день перед графом Лавалеттом, а тот, в свою очередь, каждый день ходил с кратким отчетом о прочитанных письмах к императору. После ознакомления с этим отчетом его должны были сжигать. Информация из частных писем далеко не всегда призна-

³⁵⁴ *Vaillé E. Le Cabinet noir. Paris, P.U.F., 1950. P. 312.*

³⁵⁵ *Vaillé E. Le Cabinet noir. P. 307—308.*

³⁵⁶ *Lettres interceptées par les Russes. P. 345—346.*

валась императором достаточным доказательством нелояльности того или иного сановника, но некоторые письма он приказывал откладывать, собирая таким образом компромат на приближенных³⁵⁷. Но при этом информация, почерпнутая из частной переписки, крайне редко становилась основанием для преследования или наказания кого-то из подданных императора.

Как правило, те письма, которые были признаны неугодными, просто уничтожались. В период действия Континентальной блокады император приказал задерживать и сжигать все письма из Англии. Уничтожались не только письма англичан на континент, но и письма французских пленных, находящихся в этой стране, а также и письма, которые родственники пленных писали в Англию. Однако это распоряжение выполнялось плохо и письма все равно проходили³⁵⁸. Когда Людовик XVIII в марте 1815 г. бежал из Парижа, граф Лавалетт самовольно возвратил себе руководство почтой и тут же начинал останавливать письма, идущие в Париж из провинции³⁵⁹.

Первоначально Черный кабинет находился в Париже, как центре государства, но по мере расширения империи стало все сложнее отправлять каждое, определенное к прочтению, письмо в центр, т.к. это заметно увеличивало срок сообщения. Поэтому стали образовывать кабинеты на местах. Во время кампании 1812 года все письма, следовавшие из армии, видимо, досматривались в Вильно, где располагалась канцелярия министра иностранных дел герцога Бассано.

Во время кампании 1812 года на организацию сообщения между Францией и углубившейся в Россию Великой армией было затрачено немало усилий. В целом почта работала довольно четко, а эстафеты в первую половину кампании приходили практически точно по часам. В то же время из-за скорости на-

³⁵⁷ *Vaillé E. Le Cabinet noir. P. 310—311.*

³⁵⁸ *Rolland (Robert) La poste sous le Consulat et l'Empire // Revue des P.T.T. de France, n 2, 1981, P. 52.* Заметное количество таких писем отложилось в CARAN : F/7/3437-3444. *Lettres saisies ou interceptées (1792—1815) ; F/7/3437. Lettres saisies ou interceptées. Objets généraux an III – 1814 ; F/7/3443. Lettres saisies ou interceptées 1807—1811.*

³⁵⁹ Эти письма отложились в фонде CARAN, F/7/3444. *Lettres saisies ou interceptées 1813—1815.*

ступления и удаленности отдельных частей от Главной квартиры солдаты иногда подолгу оказывались лишены связи с домом. Так рядовой Ж.М. Пари в письме матери, написанном 18 сентября, сообщал, что с того момента, как его часть покинула свои квартиры, он еще ни разу не писал домой³⁶⁰, при этом он объяснял свое молчание скоростью передвижения войск и отсутствием почтового сообщения³⁶¹. Но если проблемы связи рядового Пари с родными были вызваны более или менее преходящими обстоятельствами (а возможно, и просто нежеланием писать), то фланговые корпуса Великой армии под Ригой, Полоцком и на Волыни испытывали в данном отношении перманентные трудности. Почта туда должна была поступать через Главную квартиру, которая удалялась от них все дальше на восток. Это дало основание майору инженерной службы Мариону заявить, что его 10-й корпус, осаждавший Ригу, «полностью отрезан от общения с Францией и французами, а новости поступают только с офицерами, доставляющими приказы маршалу [Макдональду]»³⁶². И это при том, что возможностей для отправки личной корреспонденции у майора инженерной службы было явно больше, чем, скажем, у рядового линейного полка.

В период пребывания Великой армии в Москве начались задержки даже с доставкой императорских эстафет, с началом же отступления французов ситуация еще больше усугубилась. Участники похода отправляли личную корреспонденцию либо с армейской почтой, либо старались пристроить ее с императорской эстафетой. Все письма, что шли почтой, подлежали военной цензуре, которую осуществлял Черный кабинет, и могли из-за этого не попасть к адресату. В первую очередь проверке подвергались письма министров и высокопоставленных генералов³⁶³.

³⁶⁰ Третья пехотная дивизия Великой армии, в которую входил 12-й линейный полк, где служил Ж.М. Пари, была сформирована в апреле 1812 г. на Эльбе, откуда и начала свой путь к границам России. Таким образом, можно предположить, что к сентябрю Пари не писал матери уже около пяти месяцев.

³⁶¹ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 16.

³⁶² *Lettres interceptées par les Russes*. P. 332.

³⁶³ Например, было задержано письмо генерала Э. Груши жене от 16 сентября, см.: *Lettres interceptées par les Russes*. P. 339.

Трудности связи с родиной после занятия французами Москвы и особенно в период отступления Великой армии были вызваны как действиями летучих отрядов русской армии на коммуникациях неприятеля, так и недостатком лошадей для почтовой службы. Находясь в Смоленске, Оноре де Ларибуазье сообщал матери в Париж, что работа почты осложнена нехваткой лошадей, и просил не беспокоиться, если письма запаздывают³⁶⁴. Раздачу адресатам писем, пришедших по официальной почте, могли задерживать и по иным соображениям. Так, получив 6 ноября известия о заговоре К.Ф. Мале, Наполеон распорядился не раздавать писем, причем исключения не было сделано даже для высших армейских чинов³⁶⁵. Лишь через несколько дней, убедившись в неудаче заговора, император снял запрет, и люди получили наконец свою корреспонденцию³⁶⁶.

Задержки с доставкой корреспонденции могли происходить также из-за недостаточно точного указания адреса на конверте. В качестве адреса на письмах в армию указывались номер корпуса, наименование дивизии и наименование или номер полка. Часто воинская часть именовалась по фамилии командующего, что могло служить дополнительным источником путаницы, ибо командиры менялись довольно часто, и некоторыми дивизиями за время кампании успели покомандовать несколько генералов³⁶⁷. Кроме того, менялся и состав воинских соединений: полки нередко передавались из одних дивизий и корпусов в другие. Как уже отмечалось, фланговые корпуса получали почту с изрядной задержкой, ибо все письма сначала доставлялись в Главную квартиру и лишь оттуда рассылались по корпусам³⁶⁸.

³⁶⁴ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 277.

³⁶⁵ Коленкур А. Указ. соч. С. 269.

³⁶⁶ Письма солдатам были, по-видимому, разданы 8—9 ноября. Свидетельства тому см., например: РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 8, 51, 79 и др.

³⁶⁷ Так, например, Пятой пехотной дивизией Великой армии только за время Бородинского сражения руководили четыре генерала.

³⁶⁸ *Pigeard A. Le service de la post à la Grande Armée.* P. 17—18.

Таким образом, из-за деятельности цензуры и постоянных задержек по самым разным причинам срок доставки корреспонденции армейской почтой мог составлять несколько месяцев. Например, солдат Маршал писал 25 сентября, что всего лишь несколько дней назад получил письмо от 26 июля³⁶⁹, а некто Кудер сообщал жене 27 сентября, что был очень рад получить ее письмо от 12 июня³⁷⁰.

Неудивительно, что офицеры и чиновники Великой армии искали также иные пути доставки писем на родину. Важнейшим альтернативным способом передачи личной корреспонденции были императорские эстафеты. Им отдавали предпочтение в первую очередь за скорость связи, так как они доходили из Парижа до Смоленска за 12 дней³⁷¹, а до Москвы за 14—15 с точностью до нескольких часов³⁷². Адъютант маршала Бертье Альфред де Ноайль с гордостью сообщал жене, что его письмо она прочтет, может быть, даже раньше, чем бюллетень³⁷³. А Генерал Брюйер, командир 1-й дивизии легкой кавалерии, писал жене из Смоленска, что отправляет письма только через императорские эстафеты³⁷⁴. Граф М. Дюма на своих личных письмах иногда ставил пометку рядом с адресом «*par estafettes*»: видимо, непосредственной отправкой его корреспонденции мог заниматься один из адъютантов, и эта надпись могла быть предназначена для него³⁷⁵. Такое примечание есть на всех дело-

³⁶⁹ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 34.

³⁷⁰ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 51.

³⁷¹ Стендаль писал Ф. Фору 24 августа: «Твое письмо шло 12 дней, хотя ему пришлось преодолеть 800 миль, как и всему, что мы получаем из Парижа». Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. Том 15. Письма. М.: «Правда», 1959. С. 107.

³⁷² Коленкур А. Указ. соч. С. 184. В письме барона Луи Сопранси, полковника 7-го драгунского полка, также говорится о том, что он получает письма по эстафете через 14 дней после их написания. См. *Lettres interceptées par les Russes*. P. 139.

³⁷³ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 119.

³⁷⁴ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 244.

³⁷⁵ Среди писем М. Дюма дочери Корнелии такая помета есть на письме (РГАДА. Ф. 30. Д. 249. Л. 5), в то время как на лл. 3, 9 подобных надписей нет.

вых письмах из того комплекса, который отложился в РГАДА, но в отличие от личной корреспонденции, оно могло ставиться как рядом с адресом на конверте³⁷⁶, так и в заголовке³⁷⁷.

Однако отправка корреспонденции с императорскими эстафетами имела и свои недостатки. Чтобы получить письмо, желательно было находиться в непосредственной близости от Главной квартиры, иначе оно могло затеряться или как минимум быть отложено «в долгий ящик». Поэтому А. Бейль жаловался аудитору Государственного совета г-ну де Ну (Noë), что после назначения в Смоленск, скорее всего, не будет получать никаких вестей из Франции, так как курьеры будут мчаться мимо, не оставляя ему ни единой весточки³⁷⁸. Видимо, до этого назначения будущий писатель активно использовал свое близкое знакомство с герцогом Дарю для ускорения собственной корреспонденции. Удаление от Главной квартиры было чревато потерей доступа к эстафетам. Командир 1-й дивизии императорской гвардии генерал граф А.Ф. Делаборд писал жене 14 октября, что снова, как и 9 октября, отправляет ей письмо через эстафету и надеется, что таким способом она получит быстрее новости о нем. И далее, он сообщал, что скоро выступит со своей дивизией в поход, а потому, вероятно, не сможет больше отправлять свои письма с эстафетой и просит ее не беспокоиться³⁷⁹. Однако еще как минимум в Смоленске граф сумел воспользоваться таким способом отправки корреспонденции³⁸⁰, но и это его письмо, как и ранее упомянутое от 14 октября, не дошло до адресата.

Иногда письма, поступившие с эстафетой в Главную квартиру, могли проследовать довольно причудливым маршрутом. Так, Коленкур в письме от 5 ноября к вдове маршала Ланна сообщал, что только теперь смог передать ее письмо от 11 сен-

---

³⁷⁶ Там же. ЛЛ. 26, 30, 37, 45-об, 47-об, 50, 54.

³⁷⁷ Там же. ЛЛ. 24, 25, 27, 32, 46, 51.

³⁷⁸ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 127.

³⁷⁹ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 104—105.

³⁸⁰ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 250.

тября адъютанту Л. Гувьон Сен-Сира³⁸¹. Можно предположить, что это послание проделало путь от Парижа до Москвы с императорской эстафетой (вдова любимого маршала императора, очевидно, имела возможность пользоваться таким способом доставки корреспонденции), где его получил Коленкур. Затем оно поехало с ним в обратном направлении, и только в Дорогобуже было передано адъютанту, который, возможно, сумел доставить его по назначению — в корпус маршала Гувьон Сен-Сира, находившийся под Полоцком, на довольно большом удалении от основной армии и ее коммуникаций.

Чтобы пользоваться императорской эстафетой, необходимо было также иметь близких и надежных знакомых в Главной квартире, которые не забыли бы вложить письмо в портфель с документами для курьера. Так, майор императорской гвардии Луи Мишель Лефорт писал жене в Париж, что при передаче писем может доверять только адъютанту императора Луи де Нарбонну, ибо все остальные могут забыть вложить его письмо в эстафету³⁸². Такими возможностями и знакомствами могли похвастаться далеко не все, поэтому те, кто не имел непосредственного отношения к Главной квартире, очень дорожили связями с офицерами наполеоновского штаба. Например, некто Жорж писал своей жене, что, к счастью, нашел способы (выделено в тексте. — Н.П.) для ускорения их переписки, но нужно быть осторожными и не злоупотреблять ими³⁸³. И даже командующий 3-м корпусом кавалерийского резерва генерал Груши просил свою жену отправлять через эстафету лишь не очень большие письма, а для более пространной корреспонденции пользоваться обычной почтой³⁸⁴.

Кроме армейской почты и эстафет, любой офицер или военный чиновник, отправлявшийся с поручением из Франции в Россию или в обратном направлении, получал от родствен-

³⁸¹ Lettres interceptées par les Russes. P. 199.

³⁸² Lettres interceptées par les Russes. P. 186.

³⁸³ Lettres interceptées par les Russes. P. 62.

³⁸⁴ Lettres interceptées par les Russes. P. 136.

ников и знакомых пачки писем, которые предстояло на месте раздать адресатам. При такой доставке писем можно было рассчитывать на то, что цензура их не коснется, но срок получения корреспонденции мог растянуться на неопределенное время, ибо человеку, выполнявшему функцию курьера, далеко не сразу удавалось добраться до адресата, к тому же он мог и просто забыть о чьем-нибудь письме. Однако такой способ нередко все же оказывался быстрее официальной почты. В письме уже упоминавшегося Жоржа от 30 сентября читаем: «вчера я получил сразу три твоих письма. Два — от 23 и 30 августа — через генерала Б. и одно — от 6 августа — по почте. Из этого ты можешь понять, что пересылка почтой занимает на 24 дня больше времени, чем другой способ»³⁸⁵. Централизация системы сообщений оказалась не очень эффективна в стране таких размеров, как Россия, даже для служебной переписки на оккупированной территории. А. Бейль, получив пост начальника заготовок провианта для складов в Смоленске, предвидел затруднения в общении со своими новыми подчиненными — интендантами Могилева и Витебска, а потому советовал могилевскому коллеге, А.Л. Феске, пользоваться услугами чиновников интендантского ведомства, которые ездили каждые семь дней с донесениями из Вильно в Главную квартиру по главной транспортной артерии, которая связывала Великую армию с Литвой и как раз проходила через Могилев³⁸⁶.

Поскольку официальная информация из России поступала нерегулярно, а сведения о погибших и раненых доносили и вовсе фрагментарно, нередко именно из частных писем во Франции узнавали о судьбах родственников и знакомых. Зная об этом, Коленкур специально написал 5 ноября герцогине Монтебелло, вдове маршала Ланна, о судьбе ее брата, барона Шарля Генека, раненного под Полоцком 20 октября, и обещал при первой возможности написать ей снова, как только узнает что-нибудь новое о его состоянии³⁸⁷. Позже он также упомя-

³⁸⁵ Lettres interceptées par les Russes. P. 62.

³⁸⁶ Стендаль. Собрание сочинений... Т. 15. С. 120.

³⁸⁷ Lettres interceptées par les Russes. P. 199.

нул Ш. Геенека в письме своему бывшему адъютанту, а в тот момент полномочному министру при саксонском дворе барону Н. де Сент-Эниону³⁸⁸.

Смерть полковника Александра Лебрена в окрестностях все того же Полоцка нашла отражение в семи перехваченных письмах³⁸⁹. В бою под Лепелем 26 октября полковник 3-го шеволежерского полка А. Лебрен был убит ядром во время одной из атак. Столь пристальное внимание к этому событию можно объяснить происхождением погибшего, который был младшим сыном Шарля Франсуа Лебрена, архиказначея Империи, и братом дивизионного генерала Анн Шарля Лебрена, герцога де Плэзанс, адъютанта Наполеона. В Главной квартире узнали о произошедшем, судя по всему, только после прибытия в Смоленск. Письма, в которых рассказывается о случившемся, датированы 9—11 ноября. В то время, как находившийся в Ульяновичах, также в районе Полоцка, А. де Верженн, упоминает о гибели полковника Лебрена еще 4 ноября. Анн Шарль сообщал о гибели брата в трех коротких письмах: отцу, своей жене и тестю Александру, вероятно, он также написал и своему тестю — графу Ф. Барбе де Марбуа, на что намекает в послании к отцу. Интересно отметить, что он называет брата по имени только в письме к жене. Отцу же он так сообщил о случившемся: «Его больше нет. Он не пережил ранения»³⁹⁰.

Безусловно, ошибки в сообщениях из частных писем также случались. Так, в письме неизвестного из Можайска к графине Радзивил³⁹¹ упоминалось о смерти адъютанта маршала

³⁸⁸ Lettres interceptées par les Russes. P. 291.

³⁸⁹ См.: письмо А. де Верженна отцу: Lettres interceptées par les Russes. P. 197; письма герцога Ш. Де Плэзанса, брата погибшего, отцу, собственной жене, а также г-ну Берару, тестю погибшего: Ibid. P. 245—246; письмо Б. де Кастеллана к отцу: Ibid. P. 206; письмо Ж. Дюрока жене: Ibid. P. 274; письмо Коленкура барону Н. де Сент-Эниону: Ibid. P. 291.

³⁹⁰ Lettres interceptées par les Russes. P. 245.

³⁹¹ Lettres interceptées par les Russes. P. 342.

Даву Ф. Кобылинского³⁹², который на самом деле получил ранение, но остался жив и прожил потом еще много лет. Но тем не менее другого источника информации о судьбе родственников и знакомых для оставшихся во Франции практически не было.

Иногда во Францию писали о родственниках, проживавших в России до начала войны. Так, чиновник Государственного секретариата Жюбиналь сообщал нотариусу Куфилю в департамент Верхние Пиренеи о том, что дядя того, Ж.Б. Трассен де Виси, служивший в России учителем, был обнаружен им в списках гражданских лиц, которым, по приказу императора, выделялась помощь как пострадавшим от московского пожара. Самого господина де Виси Жюбиналю повстречать не удалось, о чём он и сообщил с сожалением³⁹³. По сведениям родственников, г-н Трассен служил учителем в Риге, но в ходе кампании оказался в Москве, поскольку иностранных подданных и, в том числе французов, депортировали из приграничных и прифронтовых районов вглубь страны. Из Москвы, видимо, он уехать уже не захотел или не смог и остался здесь, где и встретил Великую армию. Отправился ли он с ней в отступление или остался в Москве, нам неизвестно.

Некакие тяготы войны не могли заставить участников похода забыть о личных финансовых и семейных делах и даже об увлечениях. Как только удавалось выкроить немного времени для написания более или менее пространного послания домой, такие темы сразу же появлялись на страницах писем из армии. Инспектор смотров Жозеф Делекур за всеми трудностями похода не забыл подать прошение императору о предоставлении его сыну бесплатного места в лицее, о чём и сообщал в пись-

---

³⁹² Кобылинский Флориан (1777—1843) — барон, полковник французской армии, старший адъютант маршала Л.Н. Даву. Перед началом кампании принимал активное участие в ведении разведывательной работы. В кампании 1812 г. командовал отдельными разведывательными отрядами кавалерии. Получил ранения под Смоленском и Малоярославцем, о последнем из них, видимо, и идет речь в письме.

³⁹³ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 189.

ме к жене³⁹⁴. Письмо к некому Кристиану³⁹⁵, перешедшему в четвертый класс, видимо, от бывшего учителя, целиком посвящено вопросам учебы и наставлениям³⁹⁶. Неизвестный автор в том числе требовал от своего бывшего ученика писать ему регулярно, чтобы эти письма продолжили «историю их обучения». Во время нахождения в Смоленске полковник 7-го драгунского полка барон Сопранси подробно описывал, как должна выглядеть его библиотека, которую он просил для него сформировать³⁹⁷.

Писали французы домой с разной периодичностью: так, в одном письме автор пенял своей дочери, что пишет ей регулярно, а в ответ за всю кампанию получил только одно письмо³⁹⁸, другой сетовал, что не имел возможности писать в течение трех дней, но высказывал надежду, что на следующий день напишет снова³⁹⁹, а третий извинялся, что не писал уже несколько недель⁴⁰⁰.

* * *

Переписка с родными была очень важна всем участникам кампании: от рядовых солдат до генералов. Во многих письмах можно найти упоминания о том, с каким нетерпением их авторы ждут вестей от родственников и знакомых и какие усилия предпринимают для поддержания непрерывного сообщения с ними. Безусловно, у разных участников похода были разные для того возможности, иногда те, кто служил в частях, удаленных от Главной квартиры, совершали специальные экспедиции, чтобы получить вести из дома. Так, Плейоль де Бриа,

³⁹⁴ Lettres interceptées par les Russes. P. 187.

³⁹⁵ Возможно, речь идет о Кристиане Дюма, сыне М. Дюма. О чем может свидетельствовать и приписка в этом письме от отца молодого человека с подписью М.

³⁹⁶ РГАДА. Ф.30. Д. 267. Л. 81—82.

³⁹⁷ Lettres interceptées par les Russes. P. 208.

³⁹⁸ РГАДА, Ф 30. Д. 267. Л. 67.

³⁹⁹ РГАДА, Ф 30. Д. 266. Л. 54.

⁴⁰⁰ РГАДА, Ф 30. Д. 266. Л. 24—24 об.

комиссар дивизии генерала Л. Партуно, собирался направить в Главную квартиру нарочного с кавалерийским эскортом, чтобы переслать письмо жене во Францию и поискать ее письма, если они вдруг затерялись⁴⁰¹. При этом де Бриа понимал, что подвергает своего гонца большому риску, но все равно шел на это, оговаривая, что, в случае необходимости, приложит все усилия для вызволения его из беды.

Армейская почтовая служба в наполеоновской армии была организована довольно эффективно для того времени, однако во второй половине кампании из-за протяженности коммуникаций и трудностей с транспортом начались регулярные задержки с доставкой писем адресатам. Аналогичные трудности постигли и тех привилегированных участников похода, которые могли пользоваться услугами императорских эстафет. Такое положение, без условно, оказывало негативное воздействие на настроение солдат и офицеров Великой армии, что нашло свое отражение в содержании писем.

---

⁴⁰¹ Lettres interceptées par les Russes. P. 209—210.

ПИСЬМА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВЕЛИКОЙ АРМИИ ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ 1812 г.⁴⁰²

№ 1⁴⁰³

*Bastier à Priest, huissier à Lagny (Seine-et-Marne)
Gjatsk, le 17 octobre 1812*

Monsieur, je suis sur le point de quitter d'ici où je suis depuis quelques jours pour rejoindre le quartier général impérial avec une escorte considérable; on est chaque minute sur le point d'être pris par les cosaques qui sont en grand nombre depuis Moscou et qui fréquemment pillent et assassinent notamment les courriers.

On est autant misérable ici qu'on puisse l'être dans un pays de désert, où il n'y a plus que le reste du feu et des flammes qu'ont mis partout en se sauvant les canailles de Russes. Il n'y a ni maison pour se mettre à l'abri, ni paille pour bivouaquer; il faut aller à la maraude à des six ou huit lieues pour trouver les moyens de s'empêcher de mourir, et souvent il arrive qu'on prend le chemin le plus court du trépas. Messieurs les cosaques, qui sont partout, ne perdent pas une occasion de se venger.

⁴⁰² Впервые опубликовано в: *Промыслов Н.В. Отступление Великой армии от Москвы до Смоленска в письмах ее солдат. Публикация документов: Письма военнослужащих Великой армии (октябрь—ноябрь 1812 г.)* // Французский ежегодник, 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохи Наполеона. М., 2010. С. 312—376.

⁴⁰³ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 173.*

Перевод

Бастие⁴⁰⁴ к Присту, судебному исполнителю в Ланни (деп. Сена и Марна)

Гжатск 17 октября 1812

Господин, я провел тут несколько дней, а прямо сейчас уезжаю отсюда со значительным эскортом, чтобы присоединиться к императорской Главной квартире. В любую минуту нас могут захватить казаки, которые в большом количестве расположились на подступах к Москве и часто грабят и убивают именно курьеров.

Мы здесь так несчастны, как это может быть в пустынной стране, в которой осталось лишь то, что уцелело в огне пожаров, которые повсюду разжигают эти негодяи русские в надежде спастись. У нас нет ни дома, где можно было бы найти приют, ни соломы, чтобы устроить бивак. Приходится мародерствовать и для этого удаляться [от основного лагеря] на 6—8 лье, чтобы найти что-нибудь, что не даст умереть [с голоду], и часто этот поход оказывается кратчайшей дорогой к смерти. Господа казаки везде и не упускают возможности отомстить.

N 2⁴⁰⁵

N... à M. Lyautey, commissaire ordonnateur

De Moscou, nous sommes partis le 18 pour aller attaquer la position de Malojaroslavetz, afin de masquer notre mouvement de retraite sur Smolensk, mouvement qui est nécessaire pour vivre⁴⁰⁶.

⁴⁰⁴ Курьер Главной квартиры Великой армии.

⁴⁰⁵ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 175.*

⁴⁰⁶ Эта выдержка из письма была представлена Александру I в 1812 г. как демонстрация настроений, царивших в тот момент во французской армии. — См.: *Русская старина. 1907. Т. 131. С. 461.*

Перевод

N к г-ну Лиотею, комиссару-ордонатору⁴⁰⁷

Из Москвы мы вышли 18 [октября] чтобы атаковать позицию [русских] у Малоярославца, чтобы замаскировать наше отступление на Смоленск, это движение было жизненно необходимо нам.

N 3⁴⁰⁸

*Delécourt à sa femme, Nancy Delécourt, à Bruges
Au bivouac près Wiasma, 2 novembre [1812]*

Tu auras sans doute reçu, ma chère amie, ma lettre qui t'annonçait que j'avais demandé à S.M. l'Empereur une place gratuite au lycée pour notre cher Edmond et que j'espérais beaucoup de réussir. J'ai appris très indirectement que le prince avait demandé pour moi le titre de baron, mais je n'en suis pas sûr, c'est pourquoi il ne faut en rien dire; si cela m'était accordé avec la dotation, bien entendu, il faudrait convenir que j'aurais fait une superbe campagne, puisque mon sort serait assuré avec un bel état. Je t'avoue que j'en serais très flatté pour toi, ma bonne amie, parce que tu représenterais dignement une baronne et que dans une nouvelle société d'Hambourg tu n'aurais plus à condescendre à mille complaisances envers certaines dames. Pardonne a mes réflexions, je jase sans ordre dans mes nuits, c'est pardonnable à cause du temps et du lieu.

Перевод

Делекур⁴⁰⁹ жене, Нэнси Делекур в Брюгге

Моя дорогая, без сомнения, ты уже получила мое письмо, в котором я сообщал, что попросил у его величества импера-

⁴⁰⁷ Пьер Антуан Лиотей, военный комиссар 6-й дивизии Великой армии, выполнил поручения как сотрудник личной канцелярии министра военного снабжения.

⁴⁰⁸ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 187—188.*

⁴⁰⁹ Жозеф Эдмон Делекур, родился 4 сентября 1773 г. в Аррасе инспектор смотров, 10 августа 1812 г. по приказу князя Экмольского назначен военным интендантом, вышел в отставку в 1820 г., скончался 20-го, а его жена 22 января 1832 г. Жена — урожденная Анна Тереза Франсуаза Одевер.

тора бесплатного места в лицее для Эдмона⁴¹⁰ и что я очень надеюсь на успех. Я косвенно узнал, что князь⁴¹¹ якобы просил для меня титул барона, но я в этом не очень уверен, поэтому ничего и не могу тебе сказать. Если мне его жалуют вместе с дотацией, тогда, разумеется, можно будет считать, что я провел великолепную кампанию, поскольку моя судьба будет обеспечена хорошим состоянием. Признаюсь тебе, я бы очень хотел этого для тебя, моя дорогая, поскольку ты бы стала достойной баронессой, и тогда в новом обществе Гамбурга тебе не придется уже быть столь услужливой по отношению к некоторым дамам. Прости за мои размышления, я без толку болтаю по ночам, это простительно, если принять во внимание время и место.

N 4⁴¹²

Fesquet, intendant de Mohilew, à sa mère.

Mohilew, le 3 novembre [1812].

Ma chère et bonne maman, voilà un siècle que je n'ai reçu de lettres. Nous voilà tout à fait en hiver; il gèle, il neige, il pleut, et l'on ne sort plus à pied, ni sans fourrure. Heureusement que j'ai à mes ordres une bonne voiture. Je suis équipé comme un prince, mais que mon père soit en repos, c'est une galanterie de mon gouvernement qui nous a donné au gouverneur et à moi une voiture toute montée. Les fourrures qu'on trouve ici sont peu belles, mais fort chères. Quand tout sera plus tranquille, j'espère qu'il en viendra de Moscou. Nous avons dans Mohilew trois couvents: les Jésuites, les Carmélites et les Bernardins. Nous avons tous les dimanches messe militaire chez les Carmélites Il y a une grande quantité d'églises grecques, surtout une qui est très belle par ses peintures et qui fut construite par Catherine II lors de sa célèbre entrevue avec Paul I dans la capitale de son gouvernement.

⁴¹⁰ Эдмон Делекур, родился 1802 г. в Брюгге, умер в 1851 г. в чине капитана 2-го полка карабинеров.

⁴¹¹ Имеется в виду маршал Даву, князь Экмюльский.

⁴¹² Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriainow. Paris. 1913. P. 188—189.*

Перевод

*Феске⁴¹³, интендант Могилева, матери
Могилев, 3 ноября 1812*

Моя дорогая мама, вот уже сто лет я не получаю от тебя писем. У нас уже совсем зима: мороз, идет снег, дождь, и больше не выйти на улицу пешком или без шубы. К счастью, в моем распоряжении есть хорошая коляска. Я снабжен как князь, так что мой отец⁴¹⁴ может быть спокоен, это так любезно со стороны моей губернии, которая предоставила губернатору⁴¹⁵ и мне коляску, снабженную всем необходимым. Меха, которые здесь есть, не очень хороши, но очень дороги. Когда все немного успокоится, я надеюсь съездить за ними в Москву. В Могилеве есть три монастыря: иезуитов, кармелитов и бернардинцев. Каждое воскресенье у нас проходит военная служба в монастыре кармелитов. Здесь большое количество греческих церквей, выделяется одна с прекрасными росписями, которая была построена Екатериной II, в честь ее знаменитой встречи с Павлом I в столице ее губернии⁴¹⁶.

N 5⁴¹⁷

Jubinal à Couffille, notaire à Luz (Hautes-Pyrénées).

Au bivouac de Iaskowo, 3 novembre 1812

Vous serez étonné, mon cher Couffille, comme je l'ai été moi-même en apprenant le malheureux sort de M. Trassens. Vous le

⁴¹³ Альфред Луи Мари Феске, барон де Болш, родился в Монпелье 23 мая 1771 г. Аудитор Государственного совета, чиновник Главной квартиры в качестве интенданта завоеванных провинций, служил в Могилеве. Вступил в армию в 1814 г., вышел в отставку в чине капитана генерального штаба в 1832 г.

⁴¹⁴ Жан Жак Феске, бывший судья окружного трибунала Монпелье, кузен графа Матье Дюома.

⁴¹⁵ Генерал маркиз д'Алорна.

⁴¹⁶ Имеется в виду собор, построенный в 1780 г. Екатериной II в память о встрече в Могилеве с австрийским императором Иосифом II.

⁴¹⁷ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriainow. Paris. 1913. P. 189.* Исправлено и дополнено по РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 267. Л. 5–6-об.

croyiez à Riga et je L'y croyais moi-même d'après vous. Eh bien! non! il est à Moscou; j'y suis resté plus d'un mois et je n'ai su que le dernier jour qu'il y était, et voici comment. Les 9/10e de cette ville ont été réduits en cendres dès les premiers jours de notre entrée. Parmi les habitants que nous y avons trouvés quatre ou cinq cents Français en faisaient partie. Tous ont été plus ou moins victimes de l'incendie et tous surtout étaient réduits à n'avoir pas de pain. Sur les réclamations qu'ils firent il leur fut donné des secours en argent, par ordre de l'Empereur. La liste de ces Français m'est tombée dans les mains et j'y ai lu le nom de J.-B. Trassens de Vici, âgé de 60 ans, instituteur en Russie depuis 13 ans. Il n'y a pas de doute que ce ne soit pas là votre oncle. Ce n'est que le 18 octobre que j'ai pu voir cette liste et je suis parti de Moscou le 19. Un ou deux jours de séjour de plus, je me serais empressé de le voir et de lui parler. S'il était à Riga, il s'était donc éloigné de cette ville à l'approche de l'armée et il était venu se réfugier à Moscou, comme devant être plus en sûreté, car personne ne s'attendait à voir les Français s'emparer cette année de cette ancienne capitale de la Russie. Votre oncle doit être bien malheureux aujourd'hui, s'il a survécu à la destruction du reste de cette ville; vous en ressentirez, je suis sur, ainsi que moi une bien grande peine!

Je vous écris cette lettre au bivouac sur mes genoux et dans la voiture, l'armée est en marche pour prendre ses quartiers d'hiver.

JUBINAL.

Перевод

Жюбиналь⁴¹⁸ Куфилу, нотариусу в Люз (Верхние Пиренеи)

Бивуак у Ясково 3 ноября 1812

Мой дорогой Куфиль, вы, как и я сам, будете удивлены, узнав о несчастной судьбе г. Трассена. Вы полагали, что он в Риге, я и сам так думал. Но нет! Он в Москве. Я пробыл там [в Москве] более месяца и узнал об этом только в последний

⁴¹⁸ Чиновник Государственного секретариата. Помощник отдела протокола и учета Государственного секретариата.

день. И вот как. Девять десятых этого города были обращены в пепел в первые же дни после нашего вступления [в город]. Среди жителей, которых мы там обнаружили, было 4 или 5 сотен французов. Все они в большей или меньшей степени являлись жертвами пожара, и все испытывали лишения, совершенно не имея хлеба. По приказу императора, в ответ на их ходатайства, им была выделена денежная помощь. Список этих французов попал мне в руки, и в нем я прочел имя Ж.Б. Трассена де Виси, 60 лет от роду, который служит учителем в России в течение 13 лет. Без сомнения, это может быть только ваш дядя. Однако я смог прочесть этот список только 18 октября, а 19 я уехал из Москвы. Если бы я пробыл там еще день-два, я постарался бы его увидеть и поговорить. Если он был в Риге, он вынужден был покинуть город при приближении армии и в поисках убежища прибыл в Москву как в более безопасное место, т.к. никто не предполагал, что французы в этом году захватят эту древнюю российскую столицу. Ваш дядя теперь, должно быть, очень несчастен, если он пережил разрушение оставшейся части города. Уверен, что вы, как и я, переживаете очень большие мучения по этому поводу!

Я пишу вам это письмо на коленях в повозке, находясь на бивуаке, армия находится по пути на зимние квартиры.

Жюбиналь.

N 6⁴¹⁹

*Rayon à sa mère, Mme Rayon, rue de France, n° 13,
Fontainebleau.*

3 novembre 1812

Ma chère mère, je vous écris du milieu des champs, c'est-à-dire sur mes genoux, dans la voiture qui m'a servi de maison depuis Paris. Je suis parti de Moscou le 19 octobre et j'ai toujours roulé depuis excepté le premier novembre, mais par les détours que j'ai faits je

⁴¹⁹ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 190.* Исправлено и дополнено по РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 267. Л. 17—18.

ne me trouve encore au bout de 16 jours de marche qu'à 60 lieues de Moscou. Dieu sait jusqu'où je suivrai cette bienheureuse route, pour moi je ne sais encore si je passe l'hiver aux environs de Vitebsk ou de Vilna, ou si je suis assez heureux pour revoir Eugénie, Mais comme ce n'est pas assez de celte incertitude pour me tourmenter, je souffre encore de la crainte d'être obligé de revenir l'année prochaine, car en supposant que je vous revoie cette année, je ne serai heureux que quand Eugénie m'aura obtenu de ne plus faire de pareilles corvées. Tout pauvres que nous sommes, je crois qu'elle préférera ainsi que moi la tranquillité à une aisance qui nous coûte tant de tourment.

Au milieu de toutes ces anxiétés de l'esprit et de quelques privations du corps, je me porte toujours parfaitement bien, quoique je n'aie pas couché dans un lit depuis Metz, car je ne compte pas pour des lits les outils d'Allemagne où on couche entre deux lits de plume sans draps. J'ai pour les bons jours, ou mieux dire les bonnes nuits, un sac de toile qui me sert de draps. Mes coussins de maroquin complétaient mon lit de Moscou. J'avais pour couverture deux aunes de gros drap que j'ai achetées au commencement de la campagne; mes habits et une pelisse de peau de mouton dont je me suis régale à Moscou pour dix francs. C'est à quoi se sont bornés mes achats d'hiver et cela me suffit très bien.

Votre fils.

Перевод

Рейон⁴²⁰ матери, г-же Рейон, рю де Франс, N 13 Фон-тенбло

3 ноября

Моя дорогая мама, я пишу вам посреди поля, то есть на коленях в повозке, которая служит мне домом с того момента, как я покинул Париж. Я выехал из Парижа 19 октября и еду все эти дни, за исключением первого ноября, но мы сделали крюк, и поэтому к концу 16 дня похода мы удалились только на 60 лье от Москвы. Бог знает, сколько еще я буду ехать по

⁴²⁰ Чиновник Государственного секретариата.

этой благословенной дороге. Что касается меня, то я не знаю, проведу ли я зиму в окрестностях Витебска или Вильно, или мне так повезет, что я вновь увижу Эжени. Но меня терзает не только эта неопределенность, я страдаю также от страха, что обязан буду вернуться сюда в следующем году, т.к. предполагая, что увижу вас в этом году, я буду счастлив только в том случае, если Эжени разрешит мне не приниматься больше за столь трудную работу. Какими бы бедными мы ни были, я думаю, она предпочтет мой покой тому богатству, которое будет стоить нам стольких мучений.

Несмотря на все мои переживания и некоторые материальные лишения, я чувствую себя вполне хорошо, хотя и не спал в [нормальной] постели с тех пор, как выехал из Мецца, т.к. я не считаю за постель то, что нам предложили в Германии, где спят между двумя перинами без белья. В лучшие дни, или точнее, в лучшие ночи холщовый мешок служил мне простыней. Сафьяновые подушки дополняли мою постель в Москве. В качестве покрывала я использовал кусок толстого сукна в два локтя [длиной], который купил в начале кампании, свою одежду и шубу из овечьей шкуры, за которую я в Москве заплатил десять франков. Вот чем ограничиваются мои покупки к зиме, и мне этого вполне достаточно.

Ваш сын.

N 7⁴²¹

*Rayon à sa femme, Mme Eugénie Rayon, à Meulan.
Yaskow, le 3 novembre [1812].*

Il y a un mois, ma chère amie, que je t'écrivis d'ici après m'y être baigné, je ne m'y baignai pas aujourd'hui, quoiqu'il y ait encore des sources qui ne sont pas glacées, mais je répondrai à tes trois lettres. J'ai reçu les premières à Viasma. J'ai toujours l'espoir de retour aussi, je le conserverai tant que nous marcherons du même côté, mais le plaisir que je me promets ne peut pas

⁴²¹ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 190—192.*

s'appeler le bonheur tant que j'aurai la terrible inquiétude d'être obligé de revenir l'année prochaine. Ah! je t'en prie, profite des bonnes dispositions que l'on te témoigne pour tâcher d'obtenir qu'il n'y ait plus de voyages de ce genre-là pour moi. Il me semble, tant j'en suis dégoûté, excédé, que j'aimerais mieux n'en jamais faire à Saint-Cloud ou ailleurs que de les acheter par une nouvelle corvée pareille. Je ne puis pas de si loin t'en expliquer tout l'ennui, mais tu peux m'en croire sur parole. Parles-en souvent à la demoiselle qui te témoigne tant d'amitié. Représente-toi que tu ne peux pas retourner chez tes parents chaque fois que je serai en voyage, que comme nous n'aurons pas de domestique, il faudrait donc que tu restasses toute seule dans une chambre à Paris, ce qui n'est pas praticable. Que je serais heureux si un peu plus loin du soleil j'étais employé dans une division. Celle de l'expédition me plairait le plus à cause de son chef M. Vergniaud, celle du Répertoire, pour le genre de travail qui est plus réglé que dans toute autre. Dans celle-là on ne fait que les petits voyages. Je n'entends pas dire par là que je les ferai puisqu'il n'y a que M. Husson et M. Berlin qui les font; mais au moins je serai sûr de ne pas faire les grands. J'entrerai à défaut de cela avec plaisir dans la division de Correspondance dont les chefs sont MM. Labiche et Durand, mais la division des «Procès-verbaux»! J'aimerais autant rester où je suis, non pas à cause de M. Billet, mais à cause de la nature de l'ouvrage. Il n'en coûte rien de dire son goût; comme tu vois je ne serai pas fâché que tu fisses de temps en temps tomber la conversation avec cette demoiselle sur ce projet. A force même de lui en parler elle en parlera peut-être elle-même. Je ne serai même pas fâché que tu fisses une visite à M. Vergniaud pour lui demander son avis. Tu lui représenteras qu'où je suis je n'apprends rien, que si au bout de quelques années on voulait me donner de l'avancement, ce ne pourrait être que datas une division, qu'il faut savoir la marche même des choses les plus simples et que je désirerais autant pour ma tranquillité présente que pour mon avantage futur être attaché à une division. — Je t'embrasse.

Перевод

Рейон жене, г-же Эжени Рейон в Мёлан⁴²²

Ясково, 3 ноября⁴²³

Моя дорогая, месяц назад я писал тебе отсюда перед тем как искупаться, сегодня я тут не купаюсь, хотя тут еще были источники, которые не замерзли, но я отвечаю на три твоих письма. Я получил их [письма] в Вязьме. У меня все еще есть надежда вернуться, и я сохраню ее, поскольку мы идем по тем же местам [что и в начале кампании]. Но удовольствие [видеть тебя], которое я себе обещаю, нельзя назвать счастьем, поскольку я очень боюсь, что в следующем году мне придется вернуться [в армию]. Ох! Я прошу тебя, воспользуйся хорошим расположением к себе, которое ты имеешь, чтобы попытаться добиться того, чтобы у меня больше не было поездок вроде этой. Мне кажется, что они мне очень надоели, я измучен, я предпочел бы никогда не работать в Сен-Клу или где-то еще, чем опять получить подобное задание. Я не могу тебе отсюда издалека объяснить все затруднения, но можешь поверить мне на слово. Говори об этом почше той девушке, которая столь дружна с тобой. Представь себе, что ты не смогла бы навещать своих родителей каждый раз, когда я отправляюсь в поездку, что у нас не было бы прислуги, и ты вынуждена была бы оставаться совсем одна в комнате в Париже, что совершенно неосуществимо.

Что сделало бы меня счастливым, так это если бы я устроился на службу в какой-нибудь отдел подальше от солнца. Мне больше понравилось бы в экспедиции из-за ее руководителя г-на Вернио⁴²⁴, или в комитете реестра,⁴²⁵ из-за порядка работы, который куда более регламентирован, чем в других [отделах].

⁴²² Коммуна в департаменте Сена и Уаза (в настоящий момент входит в департамент Ивелин) на севере центральной части Франции, является частью региона Иль-де-Франс.

⁴²³ РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 267. Л. 19—20.

⁴²⁴ Один из заместителей начальника Экспедиции Государственного секретариата.

⁴²⁵ Комитет Реестра, руководитель — г-н Уиссон.

К тому же здесь надо будет совершать лишь небольшие поездки. [Во всяком случае] Я не слышал о том, чтобы там ездили столько, сколько я сейчас, во всяком случае, как я, работают только Уиссон и Бертен. И, во всяком случае, я буду уверен в том, что они [поездки] будут непродолжительными. Если не получится поступить сюда, то я с удовольствием пойду в отдел корреспонденции, который возглавляют Лабиш и Дюран, но не в отдел протоколов. Я также хотел бы остаться там, где я сейчас, не из-за г-на Билле⁴²⁶, но из-за характера работы. Ему нетрудно будет замолвить слово. Как видишь, я не сержусь на то, что ты время от времени обсуждаешь с этой девушкой мой проект. И даже благодаря тому, что они общаются, она сама, может быть, расскажет ему об этом. И я также не буду сердиться, если ты съездишь к г-ну Вернио, чтобы узнать его мнение. Ты ему расскажешь, что там, где я сейчас, я ничему не научусь, и что если по прошествии нескольких лет мне захотят дать повышение, это может произойти только в отделе, работу которого мне надо будет знать вплоть до самых элементарных действий, и что я бы очень хотел также, для моего нынешнего спокойствия и будущего успеха, быть связанным с каким-либо отделом [Государственного секретариата].

Обнимаю тебя.

N 8⁴²⁷

Ballard à sa femme, Mme Ballard, née Ballard, à Autun (Saône-et-Loire).

*Du milieu de la Russie, à 5 lieues de Dorogobouje
le 3 novembre 1812*

On me permet de te mander que nous opérons notre retraite, je ne sais jusqu'où. Nous couchons depuis 20 jours au milieu des champs, à 6 pouces de glace. Je me porte assez bien, malgré toutes

⁴²⁶ Глава отдела Протокола и учета Государственного секретариата.

⁴²⁷ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 192.* Исправлено и дополнено по РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 267. Л. 15—16.

les privations dont la famine de Paris n'était qu'une miniature. Nous vivons de bouillie, lorsque nous avons de la farine ou du seigle que nous broyons nous-mêmes entre deux pierres. Avec cela et un peu de sucre nous nous soutenons vaille que vaille. Je t'écrirai quand nous aurons des postes. Celle-ci doit te parvenir par estafette. Je vous aime tous et vous embrasse chaudement malgré le froid qui gèle les doigts en plein air.

Перевод

Баллар жене, г-же Баллар, урожденной Баллар

В Отен (Сона и Луара)

Посреди России, 5 лье за Дорогобужем.

3 ноября

Позволь мне сообщить тебе, что мы производим отступление, и я не знаю насколько далеко [мы пойдем]. В течение 20 дней мы спим посреди поля на льду толщиной в 6 дюймов. Чувствую себя вполне хорошо, несмотря на все лишения, по сравнению с которыми голод в Париже сущий пустяк. Мы питаемся кашей, когда у нас есть мука или рожь, которую мы сами толчем между двумя камнями. Это и еще небольшое количество сахара нас и поддерживает кое-как. Я напишу тебе, когда у нас будет почта. Это письмо дойдет до тебя с помощью эстафеты. Люблю вас всех и целую горячо, несмотря на холод, который замораживает пальцы под открытым небом.

Б.

N 9⁴²⁸

Edouard, de Ribeaux à son père, à Orthez (Basses-Pyrénées).

3 novembre 1812. Mon cher papa, à treize lieues d'une ville qui se nomme Wiasma et à six d'une autre qui s'appelle Dorogobouje, il est une maison environnée de palissades et qui sert de maison de poste pour le service français. Devant ce bâtiment se trouve un

⁴²⁸ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 191—195.*

étang couvert de trois pouces de glace; une belle forêt de bouleaux le sépare de la grande route; une vaste allée percée vis-à-vis la maison sépare les bois et donne à celle-ci l'aspect du chemin. L'Empereur loge dans le poste fortifié, et votre fils, placé sur deux arbres qu'on vient d'abattre, goûte en ce moment en vous écrivant un des plaisirs auxquels il est le plus sensible.

Je savais votre retour des eaux, je savais que vous en aviez ressenti le plus heureux effet; j'ai éprouvé la plus grande satisfaction en vous l'entendant répéter. Mais, de grâce, ne gâtez pas le bien que les eaux vous ont fait. Soyez tranquille sur mon compte; Je me porte fort bien, c'est tout dire.

Je suis attaché au petit quartier impérial; je n'ai encore manqué de rien de nécessaire depuis mon départ de Moscou. Je voyage à cheval avec l'ordonnateur en chef du quartier impérial, qui est un ami de mon oncle, et avec l'ordonnateur des hôpitaux de l'armée, dont je suis l'adjoint. Je ne passe jamais deux jours sans voir M. Daru, ou pour mieux dire je me trouve toujours au même lieu que S. E. Pendant mon séjour à Moscou j'ai dîné chez lui tous les jours et depuis deux jours j'y fais deux repas, l'un à six heures du matin et l'autre à huit heures.

La bonne étoile de l'Empereur nous donne, depuis que je suis en Russie, le plus beau temps possible. Depuis dix jours le temps s'est mis à la gelée, il fait bien froid, le vinaigre gèle. Nous avons cependant tout le jour le plus beau soleil possible; il est trois heures après-midi, je suis en plein air sans la moindre peine, et si mon écriture n'est pas plus ferme, cela vient de ce que j'écris sur mes genoux. Mes finances sont en fort bon état; j'ai deux chevaux de selle et un domestique. Mon cheval est fort beau, grand trotteur, chose très utile dans un pays où, lorsqu'on est isolé, on peut se trouver exposé à être poursuivi par des cosaques, troupe légère, qui voltige de part et d'autre. Jusqu'à ce moment je n'en ai pas aperçu un seul. Il est vrai que je voyage toujours au milieu de quelque corps d'armée, et qu'ils n'approchent jamais lorsqu'ils voient que l'on est en mesure de défense. Mais il peut se trouver telle ou telle occasion où l'on est bien aise de pouvoir compter sur les jambes de son cheval. Rassurez ma chère Caroline, je n'étais pas à

l'affaire du 7. Je ne suis passé sur le champ de bataille que huit ou dix jours après. J'avais déjà vu celui de Smolensk, j'y étais un peu accoutumé. Je suis descendu de voiture pour aller voir les redoutes et les positions redoutables que les Français avaient enlevées d'autant plus glorieusement qu'elles ont été parfaitement défendues. J'ai eu un regret, celui de ne pas aller visiter la plus grande, mais cela se trouvait un peu éloigné de la grande route et une chute que je venais de faire ne me permettait pas de marcher autant que je l'aurais désiré. En montant une côte assez rapide, un cheval de la charrette dans laquelle j'étais s'emporta et me jeta dans des ravins au lieu de suivre la route. La voiture tombe sur moi, et j'en fus quitte pour une douleur à la jambe qui disparut quelques jours après. Voilà le seul accident qui me soit arrivé; si jamais j'écris mon voyage, je serai obligé d'user du privilège des voyageurs: il est ridicule de partir de Paris pour aller à Moscou et de ne pas se casser une jambe au moins.

Je remercie Laure de son aimable lettre et de ses bons conseils. Je n'ai pas encore eu l'occasion d'en user, quoique j'aie déjà eu bien froid aux pieds. Je couche presque toute la nuit à la belle étoile et je dors comme Laure dans son lit, à cela près cependant que je suis à cheval avant qu'elle se soit réveillée. La terre me sert de matelas, un porte-manteau d'oreiller. Mon ordonnateur me prête une de ses pelisses. J'en ai une dont je me trouve séparé, parce que mon domestique, dont le cheval est fort chargé, ne peut pas aller aussi vite que moi. J'ai aussi une belle peau de renard rouge, mais elle est en pièces; j'en ferai une belle redingote quand je trouverai du drap et un tailleur.

Mon oncle et ma tante m'écrivent souvent; j'ai déjà reçu trois lettres de mon oncle et autant de ma tante. Il est impossible d'écrire avec plus de bonté. Ils n'écriraient pas autrement à Henri ou à Gaston. Les sollicitudes de ma tante sont celles qu'aurait ma mère; elle craint qu'il me soit arrivé des accidents, que les fatigues ne me nuisent, que je ne manque d'argent; elle pense à tout et cherche à remédier à tout.

Je vous répète pour votre tranquillité et pour rendre hommage à la vérité, je suis fort bien, fort aise d'être ici, fort aise d'avoir

commencé par une campagne difficile et pénible. Je prends bravement mon parti et quand je considère ma position et celle de plusieurs de mes camarades, je ne peux m'empêcher de convenir que je suis mille fois plus heureux. Ma seule peine vient des inquiétudes que vous donne mon éloignement; je sais qu'elles vous font du mal. Pourquoi en avoir? Pourquoi ne pas être tranquille, puisque je suis aussi bien qu'il est possible d'être? Je suis au milieu d'amis de mon oncle ou du moins de gens qui auront soin de moi pour faire leur cour à Son Excellence, si des circonstances effaçaient tout autre motif.

Le temps se refroidit, le jour tombe, le froid aux pieds me gagne, je commence à tousser; par amour pour vous je finis ma lettre. Il me semble voir Laure, Caroline et maman me croire mort. Qu'elles se tranquillisent, j'ai fait aujourd'hui deux repas en plein air, j'espère dans deux heures en faire un troisième et dormir auprès du feu comme dans le lit aux rideaux duquel mes sœurs avaient tissé la frange. Je les embrasse de tout mon cœur; j'embrasse mille fois maman, je vous embrasse mille fois; mes souvenirs bien tendres au grand cousin, à sa belle moitié et à mes jeunes cousines.

Que dit Henri de Sault, que fait-il? Je pense souvent à lui et je le prie d'assurer de mon respect sa mère, son père, sa tante, son oncle, Je n'ai pas encore écrit à Zoraï; j'attends le moment que je me trouverai deux jours de suite dans le même endroit.

Je l'embrasse en attendant. Bonsoir.
de Ribeaux.

Перевод

Эдуар де Рибо⁴²⁹ отцу⁴³⁰ в Ортез (Нижние Пиренеи)
3 ноября 1812

Мой дорогой отец, в тринадцати лье от города, который называется Вязьма, и в шести от другого, который называется Дорогобуж, есть дом, обнесенный частоколом, кото-

⁴²⁹ Как Мари Эдуар Рибо (9 января 1790 – 22 августа 1853), родился в Ортезе, в 1812 г. временный заместитель военного комиссара.

⁴³⁰ Жан Батист Рибо, его жена — Жанна Фаже.

рый служит французской почтовой станцией⁴³¹. Около этого строения есть пруд, покрытый тремя дюймами льда, красивый березовый лес отделяет его от большой дороги. Широкая аллея проходит перед домом между деревьями, открывая вид на дорогу. Император остановился на укрепленной почтовой станции, а ваш сын разместился на двух деревьях, которые были срублены только что, и наслаждается в этот момент написания вам письма одним из самых приятных занятий.

Я знаю, что вы вернулись с вод, и знаю, что вы получили [отлечения] наилучший результат. Я получил наивысшее удовольствие и хочу, чтобы вы повторили поездку. Но, будьте добры, не разрушайте положительный эффект, который вам принесла поездка на воды. Будьте спокойны на мой счет. Я в полном порядке, и этим все сказано.

Я служу при Малой императорской квартире. Со времени выхода из Москвы я не испытывал недостатка ни в чем необходимом. Я путешествую верхом вместе с верховым распорядителем императорской квартиры, который является другом моего дяди⁴³², и распорядителем армейских госпиталей⁴³³, адъютантом которого я являюсь. Не проходит и двух дней, чтобы я не виделся с г-ном [Пьером] Дарю⁴³⁴, точнее говоря, я нахожусь в том же месте, что и его превосходительство. Во время пребывания в Москве я каждый день обедал у него, а в течение двух дней я дважды питался у него, один раз в шесть утра, а другой — в восемь вечера.

Счастливая звезда императора дала нам, на протяжении всего пребывания в России, наилучшую погоду. Уже десять дней заморозки и очень холодно, уксус замерз. Каждый день у нас ярко светит солнце, сейчас три часа после дня, а я нахожусь под открытым небом и не испытываю никаких затруднений, и

⁴³¹ Это, скорее всего, — Ясково.

⁴³² Барон Луи Жуанвиль.

⁴³³ Лоран Франсуа Трусе, военный комиссар, умер в российском плену в Мариямполе.

⁴³⁴ Государственный секретарь, дядя Э. Рибо.

если мой почерк не очень твердый, то это потому, что я пишу на коленях. Мои финансы в полном порядке. У меня есть две верховые лошади и один слуга. Лошадь у меня хорошая, быстрая, а это полезное качество в стране, где, когда окажешься один, можно подвергнуться опасности нападения казаков, легких отрядов, которые появляются с любой стороны. До сих пор я не заметил ни одного из них. Правда, я путешествую все время в середине какого-нибудь армейского корпуса, а они никогда не приближаются, если видят, что к обороне готовы. Но можно найти тот или другой благоприятный момент, когда можно легко пересчитать их со своей лошади. Убедите мою дорогую Каролину, что я не участвовал в деле 7 числа⁴³⁵. Я проезжал через поле битвы только восемь или десять дней спустя. Я уже видел поле сражения под Смоленском и немного привык [к подобному зрелищу]. Я вышел из коляски и пошел посмотреть редуты и грозные позиции, которые французы захватили со славой, несмотря на то, что их великолепно обороняли. К сожалению, я не поехал смотреть самый большой из них, т.к. он расположен довольно далеко от большой дороги, и случайное падение не позволило мне отправиться туда, куда я хотел. Взобравшись на холм довольно быстро, одна из лошадей повозки, в которой я ехал, понесла и сбросила меня в овраг, вместо того чтобы везти по дороге. Повозка упала на меня, и я вынужден был ее покинуть с болью в ноге, которая прошла через несколько дней. Вот единственное происшествие, которое со мной случилось. Если когда-нибудь я опишу свое путешествие, я должен буду воспользоваться преимуществом путешественника, это смешно выехать из Парижа, чтобы добраться до Москвы и хотя бы не разбить колено.

Благодарю Лауру за ее любезное письмо и хорошие советы. У меня еще не было возможности ими воспользоваться, хотя ноги у меня уже мерзли. Я ложусь практически каждую ночь под открытым небом и сплю как Лаура в своей постели, кроме тех случаев, когда я оказываюсь верхом на лошади, когда она еще не проснулась. Земля служит мне матрацем, а шинель —

⁴³⁵ Имеется в виду Бородинское сражение, которое произошло 7 сентября.

подушкой. Мой ординарец одолжил мне одну из своих шуб. У меня тоже есть одна [шуба], которую я должен был отдать, потому что мой слуга, лошадь которого тяжело нагружена, не может идти так же быстро, как я. У меня также есть прекрасная рыжая лисья шкура, но она в багаже. Я сделаю замечательный сюртук, когда найду материал и портного.

Мои дядя и тетя⁴³⁶ часто мне пишут, я получил уже три письма от дяди и столько же от тети. Невозможно писать с большей добротой [чем они]. Так они писали бы Анри или Гастону⁴³⁷. Моя тетя заботится обо мне как родная мать, она боится, чтобы со мной не произошел несчастный случай, чтобы трудности не причинили мне вреда, чтобы я не нуждался в деньгах, она думает обо всем и старается во всем помочь.

Скажу еще раз, чтобы вас успокоить и чтобы клятвенно заверить в истинности того, что со мной все хорошо, я очень рад быть здесь, очень рад начинать [службу] с трудной и утомительной кампании. Я храбро встречаю свою участь, и когда смотрю на свое положение и положение многих моих товарищ, я не могу воздержаться от признания того, что я в тысячу раз счастливее их. Единственное, что огорчает меня, — это ваши волнения из-за того, что я нахожусь [так] далеко, я знаю, что они причиняют вам боль. К чему они? Почему нельзя быть спокойным, ведь мне так хорошо, насколько это вообще возможно? Я окружен друзьями моего дяди или, по крайней мере, людьми, которые заботятся обо мне, чтобы проявить уважение к его превосходительству, если, в силу обстоятельств, иных причин нет.

Холодаает, день заканчивается, и ноги мерзнут, я начинаю кашлять. Из любви к вам я заканчиваю письмо. Мне кажется, что Лаура, Каролина и мама уже думают, что я мертв. Чтобы их успокоить, я ел сегодня дважды под открытым небом и на-

⁴³⁶ Жан Жак Фаже де Бор, один из председателей императорского двора, до-кладчик Комитета по спорным вопросам (*les affaires contentieuses*) Главного интендантства имуществ Короны, был женат на Марии Софии Дарю, одной из одиннадцати детей Нозель Дарю, сестре графа Пьера и барона Мартиала.

⁴³⁷ Анри Фаже де Бор — их старший сын. Жан Батист Клемент Гастон — в тот момент курсант Инженерной школы в Меце.

деюсь через два часа поесть в третий раз и заснуть у огня, как в кровати, к пологу которой мои сестры пришили бахрому. Целую их от всего сердца, целую маму тысячу раз, передавайте от меня искренний привет старшему кузену и его прекрасной половине, а также моим младшим кузинам.

Что рассказывает Анри де Сольт⁴³⁸, что он делает? Я часто о нем думаю и прошу передать ему мои искреннее пожелания его матери, отцу, тете и дяде. Я еще не писал Зорай, я жду момента, когда у меня будет два дня, которые я проведу в одном и том же месте.

Целую и жду. Доброго вечера.

де Рибо

N 10⁴³⁹

*Alphonse de Vergennes à son père, Frédéric de Vergennes, chez M. Louis de Vergennes, hôtel des douanes impériales, rue Bergère n° 16, faubourg Montmartre,
Paris.*

Oulianovitschi, le 4 novembre [1812].

Depuis que je ne t'ai écrit, mon cher ami, il nous est arrivé tant d'événements désagréables que je suis trop heureux de jouir de quelques instants de tranquillité pour te mettre un peu au courant. Il faut que je remonte un peu haut. Tu sauras donc que le 18 octobre nous étions encore à Polotsk avec notre petit corps d'armée, fort de 20.000 hommes; mais depuis quelque temps l'ennemi ayant reçu des renforts se trouvait avoir 52.000 hommes sous les armes, et avec ce renfort, fier de sa supériorité il nous chagrinait continuellement. Enfin, le 18 octobre il se décida à attaquer et à prendre Polotsk. M. le maréchal Gouvion Saint-Cyr fit la plus belle défense et tint pendant quatre jours avec une résistance qui peut passer pour le plus beau fait d'armes de l'armée française, mais

⁴³⁸ Анри Даррак-Винь де Сольт, служил в третьем полку почетной гвардии, вышел в отставку в 1819 г. в чине лейтенанта кавалерии.

⁴³⁹ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 196–197.* Исправлено и дополнено по РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 267. Л. 52—53.

enfin nous fûmes obligés d'évacuer et nous quittâmes les bords de la Dwina, poursuivis continuellement. L'ennemi perdit dans cette défense 18 à 20.000 hommes.

Étant trop faibles pour tenir seuls la campagne, nous cherchâmes à nous retirer sur le corps du maréchal Victor et malgré l'armée russe, nous le joignîmes il y a quatre jours. Dans notre retraite notre division a eu de très brillantes affaires de cavalerie et plusieurs fois nous avons fait voir aux Russes que nous étions peu, mais bons; nous avons beaucoup souffert, mais le passé s'oublie et ne devient pénible que par les souvenirs tristes et affligeants qu'il nous laisse; nous regrettons tous le colonel Lebrun, fils cadet du prince architrésorier, jeune homme de la plus grande bravoure et de la plus grande espérance.

Je t'embrasse, A. V.

De la Grande Armée

Перевод

Альфонс де Верженн⁴⁴⁰ отцу, Фредерику де Верженну⁴⁴¹, у Луи де Верженна⁴⁴², резиденция императорской таможни, рю Бержер № 16, предместье Монмартр, Париж.

Ульяновичи, 4 ноября.

За то время, что я не писал тебе, мой дорогой друг, с нами произошло столько неприятных событий, что я очень рад уделять несколько спокойных мгновений тому, чтобы немного ввести тебя в курс дела. Ты знаешь, что 18 октября наш небольшой армейский корпус, численностью в 20 000 человек, располагался еще в Полоцке. Но через некоторое время враг получил подкрепления, и его силы стали насчитывать

⁴⁴⁰ Альфонс Жан Мари Гравье де Верженн, капитан, адъютант генерала Думерка, вышел в отставку в 1837 г. в чине подполковника генерального штаба.

⁴⁴¹ Согласно акту о крещении его звали Жан Шарль, барон де Верженн, генерал-лейтенант (maréchal de camp), в отставке с 1791 г.. Lettres interceptées par les Russes. P. 196.

⁴⁴² Луи Жан Мари граф де Верженн, лейтенант легкой кавалерии Берга, в 1808 г. вынужден был оставить службу по болезни. Вернулся в строй в 1814 г., и снова в отставке с 1824 г. в должности шефа эскадрона.

52 000 вооруженных солдат. С этими подкреплениями, гордый своим превосходством, он постоянно нас беспокоил. Наконец, 18 октября он решил атаковать и взять Полоцк. Г-н маршал Гувьон Сен-Сир⁴⁴³ оборонялся наилучшим образом и держался в течение четырех дней, и его сопротивление можно считать наиболее славным подвигом французской армии, но в конце концов мы были вынуждены эвакуироваться и покинули берега Двины, постоянно подвергаясь нападениям. Враг потерял при этой обороне 18 000—20 000 человек⁴⁴⁴.

Оставшись слишком слабыми, чтобы вести кампанию самостоятельно, мы начали отход в сторону корпуса маршала Виктора, и несмотря на русскую армию мы соединились с ним четыре дня назад. Во время отступления наша дивизия⁴⁴⁵ участвовала в трех блестящих кавалерийских боях, и много раз мы показали русским, что нас мало, но мы хорошие солдаты. Мы очень пострадали, но прошлое забудется и останется только одна боль — горькое и прискорбное воспоминание, которое не покинет нас. Мы все скорбим о полковнике Лебрене,⁴⁴⁶ младшем сыне князя архиказначея, молодом человеке огромной смелости, подававшем очень большие надежды.

Целую тебя от всего сердца, А.В.

Из Великой армии

⁴⁴³ Гувьон Сен-Сир получил звание маршала 27 августа 1812 года за победу под Полоцком (17—18 августа), в ходе того сражения был ранен и передвигался по полу боя в коляске. В результате сражения наступление войск генерала Витгенштейна было остановлено, и боевые действия на Петербургском направлении замерли до октября.

⁴⁴⁴ Перед началом Второго Полоцкого сражения под началом Сен-Сира находилось 16—18 тыс. солдат, в корпусе Витгенштейна насчитывал около 40 000, только 19 октября к Полоцку подошел отряд Штейнгеля, насчитывавший 9000 солдат. В ходе сражения русская армия потеряла около 8 тыс., французы — около 6 тыс. убитыми и 1000 пленными. См.: *Отечественная война 1812 года. Энциклопедия*. С. 575—577.

⁴⁴⁵ Третья дивизия тяжелой кавалерии входила в состав Второго корпуса маршала Удино, особенно отличилась в боях на Березине, что было отмечено в 29 бюллетене Великой армии.

⁴⁴⁶ Александр Лебрен, полковник 3-го шеволежерского полка, погиб в бою под Лепелем 26 октября. В кампании 1812 г. участвовал также старший его брат Анн Шарль, адъютант императора Наполеона, получивший накануне начала военных действий чин дивизионного генерала.

Je reconnoite devoir, trois cent soixante quatre francs à Monsieur de Vergennes capitaine aide de camp du Général de division Doumerc.

Le 4 Novembre 1812.

Baudeville

Capitaine aide de camp⁴⁴⁷.

Я признаю долг, триста шестьдесят четыре франка, перед господином де Верженном, капитаном, адъютантом дивизионного генерала Думерка.

4 ноября 1812

Бодевиль, капитан, адъютант.

N 11⁴⁴⁸

*Alphonse de Vergennes à sa femme, Gabrielle de Vergennes.
Oulianovitschi, le 4 novembre [1812].*

Il est midi, ma chère et bonne Gabrielle, et cependant je suis obligé de t'écrire à la lumière. C'est te donner une idée du charmant local qui nous sert de quartier général. Nous sommes dans une baraque de paysan depuis avant-hier, et dans ce joli pays les habitants de la campagne sont logés dans des fours à peine ouverts à la lumière du jour. Cependant un général qui commande deux divisions de cavalerie se trouve fort heureux d'y être à abri du froid.

Depuis que nous avons quitté Sollenista dans les environs de Polotsk, il nous est arrivé toute sorte de désagréments; nous avons été presque continuellement aux prises avec l'ennemi; dans ces différentes affaires la division s'est parfaitement distinguée, mais elle a beaucoup souffert; reste à savoir à quoi cela aboutira, je ne sais encore rien.

Je t'ai déjà mandé que j'avais la croix. Cette nouvelle dignité m'a fait le plus grand plaisir et me rattache de nouveau à mon général; il

⁴⁴⁷ Эта долговая расписка была приложена к письму А. де Верженна отцу. РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 267. Л. 54.

⁴⁴⁸ Французский текст публикуется по: Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 197—198.

a mis tant d'obligeance à me remettre le brevet de cette décoration que je n'ai pu m'empêcher d'y être infiniment sensible. J'espère d'ailleurs que je n'en resterai pas là et que la fin de la campagne me donnera une autre épaulette. Malheureusement cette guerre ne nous paraît pas encore prête d'être terminée. Ce ne sera rien si nous prenions des quartiers d'hiver, car faire, en ce pays, une campagne dans le mois de janvier, ce doit être une chose pénible.

Je t'embrasse de tout mon cœur. A. V.

Перевод

*Альфонс де Верженн жене, Габриель де Верженн
Ульяновичи, 4 ноября*

Сейчас полдень, моя дорогая и милая Габриель, но я вынужден писать тебе при свете. Это даст тебе представление об очаровательном помещении, которое служит нам главной квартирой. С позавчера мы расположились в крестьянской лачуге, а в этой милой стране сельские жители живут в печах едва открытых свету дня. Тем не менее, генерал, командующий двумя кавалерийскими дивизиями, был очень счастлив найти здесь убежище от холода.

С тех пор как мы оставили Соленицу в окрестностях Полоцка, с нами случились все возможные неприятности. Мы практически постоянно участвовали в столкновениях с неприятелем, в этих различных делах наша дивизия показала себя великолепно, но очень пострадала, остается узнать, к чему все это приведет, я еще не имею об этом ни малейшего представления.

Я тебе уже сообщал, что получил крест⁴⁴⁹. Это новое звание доставило мне наивысшее удовольствие и по-новому связало меня с генералом. Он был столь любезен, вручая мне диплом о награждении, что я не мог сдержаться и был чрезвычайно растроган. Впрочем, я надеюсь, что я здесь не останусь и окон-

⁴⁴⁹ Альфонс де Верженн награжден крестом ордена Почетного легиона 25 сентября.

чание кампании даст мне новые эполеты. К несчастью, эта война, кажется, еще не собирается заканчиваться. Не будет ничего страшного, если мы остановимся на зимние квартиры, т.к. вести кампанию в этой стране в январе было бы крайне утомительно.

Целую тебя от всего сердца. А.В.

N 12⁴⁵⁰

Andriot à sa femme⁴⁵¹.

Du bivouac de devant Yasnowo, 4 novembre 1812.

Ma chère amy,

Depuis le 19 octobre que nous somme sortit De Moscou, nous avont toujours bivaqué dans lest bois. C'est que fait, ma chere amy, que j'aie n'a pas pu répondre à trois aimables lettres que j'aie reçut en route. L'on dit que nous salons à Varsovie; lest chemin est bien long étant obligé d'allait avec nos chevaux. Cest une affaire de cinq semaines encore à bivaque. Nous nous portons bien, moi et M. Crousse; je souhaite que la présente t'ait trouvé de même.

Tu tacheras de lirre ma l'etre, carre c'est en marchant que j'ai tait écri.

Ecrit moy toujours souvent, carre cest une douce consolation que de recevoir en route des nouvelle de ce que lon nat de plus cher au monde.

Tut mescura au pres de mon collegue Moreau de nest pas lui faire réponse, c'est que j'ai reçu sa lettre en route est que nous avons pas un moment temps à nous reconnaître; tus lui fera bien des compliments qu'ainsit qu'a son épouse. J'ai finit, ma chere amy, en embrassant du plus profond de mon cœur qu'ainsit que mon fils et j'ai suis pour la vie ton amy,

Andriot.

⁴⁵⁰ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 198.*

⁴⁵¹ Письмо публикуется в оригинальной орфографии.

Перевод

Андрио жене

На бивуаке под Ясново, 4 ноября.

Моя дорогая,

После выхода из Москвы 19 октября мы постоянно устраиваем бивуаки в лесу. Поэтому, моя дорогая, я и не мог ответить на три твоих любезных письма, которые я получил, пока был в дороге. Говорят, что мы идем в Варшаву, это очень долгий путь, чтобы проделать его на наших лошадях. Это означает, что еще пять недель мы проведем на бивуаках. Мы держимся хорошо, я и Крус, желаю тебе, чтобы ты сейчас чувствовала себя так же.

Тебе будет трудно прочитать мое письмо, т.к. я и писал его во время перехода.

Пиши мне также часто, ведь это такое приятное утешение, получить в дороге известия о том, что всего дороже в мире.

Попроси за меня прощения у моего приятеля Моро за то, что я не отвечаю ему. Это происходит из-за того, что я получил его письмо в дороге, и у нас совершенно нет времени для себя. Передавай ему мои наилучшие пожелания, а также и его супруге. Я заканчиваю, моя дорогая, целую тебя от всего сердца, а также моего сына, твой до конца жизни,

Андрио.

N 13⁴⁵²

M. de Bausset à sa femme.

Diatchnowo, près Dorogobouje, 4 novembre 1812

Il m'a été impossible, ma chère femme, de t'écrire depuis notre sortie de Moscou. J'ai été très souffrant de mes douleurs habituelles et, pour surcroît d'ennui, il m'était survenu au troisième doigt de la main droite un vilain panari qui m'a tourmenté beaucoup et qui avait enflé mon bras d'une sorte manière. Tu t'apercevras assez à mon écriture tremblante que c'est le premier usage que je fais du retour de mes facultés. Nous sommes en marche pour reprendre nos

⁴⁵² Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 198—199.*

cantonnements et pour nous reposer dans un pays moins sauvage et dans un climat moins dur. Il n'y avait rien à gagner à rester au milieu des ruines de Moscou et, en nous reportant du côté de la Lithuanie, nous nous rapprochons de tous nos moyens et de toutes nos ressources. L'Empereur est un peu maigri, mais se porte à merveille.

J'ai éprouvé bien des pertes depuis notre départ de Moscou. Voilà treize chevaux qui me manquent tant par la négligence de mes gens, entre autres de M. Charles, que par le peu de nourriture qu'il est possible de trouver pour eux. Tout cela ne serait rien, si je me portais bien; il paraît que ceci sera long et que nous devons nous attendre à un hiver très rigoureux.

Adieu, my dearest femme.

Перевод

Г-н де Боссе жене⁴⁵³

Дачново у Дорогобужа, 4 ноября

У меня не было никакой возможности, моя дорогая, написать тебе после нашего выхода из Москвы. Я очень страдал от своих хронических болей, и в довершение к тому, на третьем пальце правой руки у меня возник гадкий грибок, который меня очень мучает, из-за чего моя рука раздулась нелепым образом. Ты легко заметишь по моему дрожащему почерку, что я пишу первый раз после того, как я снова могу писать. Мы идем, чтобы встать на квартиры и отдохнуть в менее дикой стране с не столь тяжелым климатом. Нам незачем было оставаться посреди руин Москвы, перебравшись в Литву, мы окажемся ближе ко всем нашим запасам и всем ресурсам. Император немного похудел, но чувствует себя замечательно.

Я многое потерял со временем нашего выхода из Москвы. Тринадцать лошадей, которых я потерял как по недосмотру моих людей, в том числе г-на Шарля, так и из-за скучного питания, которое здесь можно для них найти. Но все это будет неважно,

⁴⁵³ Луи Франсуа Жозеф, барон де Боссе, префект императорского двора и камергер Наполеона. Прибыл в армию 6 сентября 1812 г. за несколько часов до Бородинского сражения и привез императору Наполеону портрет римского короля.

если я буду себя хорошо чувствовать. Кажется, что все это продлится долго и что мы должны ожидать очень суровой зимы.

Прощай, моя дорогая супруга.

N 14⁴⁵⁴

Le duc de Vicence à S. E. Madame la duchesse de Montebello, dame d'honneur de S.M. l'Impératrice et Reine, à Saint-Cloud.

Dorogobouje, le 5 novembre [1812].

Madame la Duchesse, nous apprenons que M. le maréchal Saint-Cyr a eu une affaire. M. votre frère a été blessé au bras. L'officier qui apporte ces détails ne peut me donner tous ceux que je voudrais vous envoyer pour vous tranquilliser. Il assure qu'il n'y a aucun danger et qu'il l'a vu après l'affaire plein de courage et bien pansé. Si je suis le premier à vous donner cette nouvelle, je remplis un douloureux devoir, car je pense à votre peine et à celle qu'éprouve votre mère. Mais il vaut mieux que les inquiétudes qu'elle aura lui viennent par vous qui saurez si bien les partager.

Comptez sur mon exactitude chaque fois que nous aurons des nouvelles de cette partie et agréez avec bonté, Madame la Duchesse, l'hommage de mes sentiments et de mon respect.

Caulaincourt, duc de Vicence.

La lettre jointe à celle que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser le 11 septembre par un auditeur, m'arrive seulement; je la remets à l'officier du maréchal Saint-Cyr, qui repart.

Перевод

Герцог Виченский ее превосходительству герцогине Монтебелло⁴⁵⁵, фрейлине ее величества императрицы и королевы, в Сен-Клу.

⁴⁵⁴ Французский текст публикуется по: Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 199—200.

⁴⁵⁵ Вдова маршала Жана Ланна, урожденная Луиза Антуанетта де Генек (1782—1856).

Дорогобуж, 5 ноября.

Г-жа герцогиня, мы узнали, что маршал Сен-Сир поучаствовал в деле⁴⁵⁶. Ваш брат⁴⁵⁷ был ранен в руку. Офицер, который привез эти новости, не мог сообщить мне все детали, которые я хотел бы сообщить вам, чтобы вас успокоить. Он уверил меня, что никакой опасности нет и что он видел его после боя в хорошем состоянии духа и хорошо перевязанного. Если я первым сообщаю вам эти новости, то я выполняю скорбный долг, т.к. понимаю ваше горе и страдания, которые испытает ваша мать. Но лучше, чтобы эти тревожные известия сообщили ей вы, т.к. она сможет их с вами разделить.

Рассчитывайте на мою точность, как только у нас будут известия по этой части, и примите, госпожа графиня, уверения в моем глубочайшем почтении.

Коленкур герцог Виченский

Письмо, присоединенное к тому, что вы имели честь отправить мне 11 сентября с аудитором, только что дошло до меня, я передал его офицеру маршала Сен-Сира, который сейчас уезжает.

N 15⁴⁵⁸

Louis Bro à Madame Bro, au Palais du Corps législatif.

5 novembre 1812.

Par un hasard bien heureux, chère amie, j'ai ce soir pour gîte la maison ou plutôt la hutte d'un paysan. Je suis à l'abri de la neige et du vent et mes doigts vont se dégourdir; une feuille de mon calepin et mon crayon, voilà de quoi tranquilliser ta pauvre âme souffrante, mais je souffre bien plus de ton inquiétude que de la rigueur de la saison, pauvre chère petite...

⁴⁵⁶ Сражение под Полоцком 18—20 октября.

⁴⁵⁷ Барон Шарль Луи Жозеф Генек, адъютант императора, полковник 26 дивизии легкой пехоты, получил огнестрельное ранение в руку под Полоцком 20 октября.

⁴⁵⁸ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 200.* Исправлено и дополнено по РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 267. Л. 161.

Перевод

*Луи Бро⁴⁵⁹ мадам Бро⁴⁶⁰ во дворец Законодательного корпуса
5 ноября 1812*

Моя дорогая, по счастливому случаю сегодня в качестве жи-
лица у меня крестьянский дом, или точнее хижина. Я укрылся
от снега и ветра, и мои пальцы отогреваются. Один листок из
записной книжки и карандаш — вот что успокоит твою бедную
исстрадавшуюся душу. А меня больше беспокоят твои волнения,
чем суровая погода, моя бедная дорогая малышка...⁴⁶¹

N 16⁴⁶²

Le général comte Compans à sa femme.

Dorogobouje, le... novembre 1812.

Ma chère Louise, j'ai reçu hier avec une extrême joie cinq de tes
lettres- Elles ont calmé une double inquiétude que j'éprouvais depuis
plusieurs jours, celle d'être sans nouvelles de toi et celle de voir par ta
correspondance qu'aucune des lettres, que j'avais écrites après celle
du 7 septembre, ne te parvenait; cette double inquiétude cesse enfin.

Je me rapproche tous les jours de toi et j'espère que cet hiver
notre correspondance qui fait tout mon bonheur reprendra toute son
activité.

Ma division a combattu plusieurs jours de suite à l'arrière-garde et
toujours avec beaucoup d'ordre et de bravoure; mais le 2 de ce mois
devant Viasma elle prit part à un combat assez sérieux où elle ajouta
beaucoup à la gloire qu'elle s'est acquise pendant cette campagne. Le
57e régiment a bien justifié le surnom de «Terrible» que l'Empereur

⁴⁵⁹ Шевалье Луи Бро. Капитан Старой гвардии, шеф эскадрона конных егерей
императорской гвардии. В 1832 г. стал генерал-лейтенантом.

⁴⁶⁰ Урожденная Мария Луиза Жозефина де Комере, вышла замуж 14 апреля
1812 г., дочь барона де Комере, майора артиллерии.

⁴⁶¹ Далее текст письма сильно пострадал и практически не читается.

⁴⁶² Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant
la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 200—201.* Исправ-
лено и дополнено по РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 253. Л. 6, 6-об, 6-а. В этом письме
генерал Компан не поставил число.

lui donna en Italie. Il s'est fort distingué dans celle campagne; j'ai été aussi très satisfait des trois autres régiments. Mon artillerie ne m'a rien laissé à désirer; elle était parfaitement conduite.

Je connaissais déjà l'intérêt que Mme de Lépine avait bien voulu prendre à ma blessure et je t'avais priée d'être auprès d'elle l'interprète de ma gratitude et de tous mes sentiments. On dirait que je me suis donné le mot avec cette aimable dame pour te mettre dans la confidence de ce que nous avons l'un pour l'autre. Réitère-lui que je l'aime bien et que je saisirai toutes les occasions de le lui témoigner. Je ne m'intéresse pas moins à sa santé qu'elle ne s'est intéressée à ma blessure.

Je conçois que ta famille n'ait pas été moins inquiète que toi sur mon compte, voyant ma correspondance cesser après le 7 septembre. Je conçois aussi qu'elle ait vivement partagé toute ta joie lorsque tu reçus à la fois cinq lettres qui te donnent de mes nouvelles jusqu'au 14. J'aime cette bonne famille autant qu'elle peut m'aimer et j'espère qu'un temps viendra où nous passerons d'heureux jours ensemble.

L'accident d'un de tes beaux yeux n'aura probablement pas de suites fâcheuses, ma chère Louise. C'est ordinairement un mal très passager qu'un coup d'air de cette espèce.

Je vois avec plaisir que ta santé et celle du petit Minique-Napoléon vont bien, ménage-les bien l'une et l'autre.

Je t'écris au bivouac, la neige tombe en ce moment d'une telle force qu'elle m'oblige à finir cette lettre.

Je vous embrasse de cœur et d'âme.

Comte D. Compans.

Перевод

Генерал Компан жене⁴⁶³.

Дорогобуж ... ноября 1812

Дорогая Луиза, вчера я с огромной радостью получил пять твоих писем. Они уняли двойное беспокойство, которое я ис-

⁴⁶³ В 1811 г. Жан Доминик Компан женился на Луизе Октавии Лекок (ум. 1816), в 1812 г. у них родился сын Доминик-Наполеон Компан (1812—1847), крестным которого был сам император Наполеон.

пытывал уже несколько дней, из-за того, что не получаю от тебя новостей и из-за того, что вижу из твоей корреспонденции, что ни одно мое письмо, из тех, что я писал тебе после 7 сентября, до тебя не дошло. Наконец, это двойное беспокойство рассеялось.

С каждым днем я становлюсь ближе к тебе, и я надеюсь, что этой зимой наша переписка, которая составляет все мое счастье, станет вновь активной.

Моя дивизия сражалась много дней подряд в арьергарде, и все еще находится в порядке и полна храбрости. Но 2 [числа] этого месяца под Вязьмой она участвовала в серьезном сражении, где завоевала себе еще славу в дополнение к той, которую она уже снискала в эту кампанию. 57 полк полностью оправдал свое прозвище «Грозный», которое император дал ему в Италии. Он чрезвычайно отличился в этой кампании. Я также полностью удовлетворен тремя другими полками⁴⁶⁴. От моей артиллерии нельзя желать лучшего, она управляет великолепно.

Я уже знаю о том беспокойстве, которое проявила м-м де Лепине, по поводу моего ранения, и поэтому я прошу тебя: вырази ей мою благодарность и мое почтение. Как будто мы договорились с этой милой дамой объяснить тебе, что мы с ней значим друг для друга. Скажи ей еще раз, что я очень дорожу отношениями с ней и пользуюсь любой возможностью засвидетельствовать ей мою любовь. Я также беспокоюсь о ее здоровье, как и она о моей ране.

Понимаю, что твои родные были так же, как и ты, обеспокоены моей судьбой, после того как после 7 сентября от меня перестали приходить письма. И понимаю также, что они полностью разделили всю твою радость, когда ты получила сразу пять писем, которые рассказали тебе о моей жизни вплоть до 14 [октября]. Я люблю этих милых людей настолько, насколько они могут любить меня, и надеюсь, что придет время, когда мы будем счастливо жить вместе.

---

⁴⁶⁴ В состав дивизии генерала Компана входили кроме 57-го — 25-й полк полковника Дюнесма, 61-й полк полковника Бужа и 111-й полк полковника Жюлье.

Неприятность, которая случилась с одним из твоих прекрасных глаз, наверное, не будет иметь неприятных последствий, моя дорогая Луиза. Такая беда, как подобная простуда, обычно быстро проходит.

С удовольствием замечаю, что ваше здоровье в порядке, твое и маленького Миник-Наполеона, берегите друг друга.

Пишу тебе на бивуаке, снег сейчас идет столь сильно, что я вынужден закончить это письмо.

Обнимаю вас от всего сердца.

Граф Д. Компан.

N 17⁴⁶⁵

Le comte M. Dumas à sa fille Cornélie, baronne de Saint-Didier.

*Au bivouac de Slop-Pneva, près de Smolensk,
le 6 novembre [1812].*

Ma chère Cornélie, arrivé de jour au bivouac, blotti sous mes bonnes fourrures dans ma dormeuse, je veux te donner moi-même une preuve du progrès de ma convalescence en répondant à ta lettre du 13 octobre de Boulogne et à celle de Bécheville du 16 que le comte Daru a bien voulu me faire passer tout de suite. Je profite d'abord de la permission que me donne Mme Bellejame de lui répondre par toi qui n'as pas moins bien qu'elle exposé les vues et les désirs de la famille et des amis du jeune Lurieu. Je ne partage pas leur opinion sur la manière d'employer ce jeune homme en le jetant dans une carrière peu avantageuse, obstruée et dans laquelle il ne retirera aucun fruit de l'éducation distinguée qu'il a reçue; au reste je n'y puis rien absolument; le refus que m'a fait M. le comte de Cessac de commissionner comme adjoint provisoire, c'est-à-dire de donner un uniforme sans aucune existence au 3e degré inférieur des commissaires des guerres, au jeune Adolphe Lanneau, parce qu'il n'a pas 21 ans, me dispense de toute explication, de toute démarche.

⁴⁶⁵ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 202–204. Исправлено и дополнено по РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 249. Л. 14—15.*

A Dieu ne plaise que j'engage les parents de M. de Lurieu à une folie dangereuse et inutile. Ce jeune Adolphe qui m'a donné trois mois d'inquiétudes et de regrets m'a enfin rejoint pendant cette marche au bivouac; il a soutenu à merveille ces fatigues; il restera près de moi comme Christian est chez son père. Voilà tout ce que j'ai pu dire; nous verrons plus tard; je suis plus embarrassé qu'aidé par tous ces enfants, je ne puis ni ne veux augmenter ce genre de charge et l'exemple d'Adolphe ne saurait servir à personne. Tu remercieras pour moi ma cousine et son mari, et cette pauvre petite victime du mocha, de leur bonne amitié et souvenir.

Ton mari n'aura pas manqué de te donner de mes nouvelles; cette crise a été aussi courte que vive; je n'avais jamais eu de maladie aiguë, je dois celle-ci à une imprudence dont je devrais depuis longtemps être corrigé. J'avais couru à cheval, je négligeai de changer, en me laissant retenir par des importuns; j'ai beaucoup souffert à la fois du crachement de sang, du point de côté et d'un vésicatoire qui m'a sauvé, mais qu'on ne pouvait panser. Tu peux juger de l'effet du mouvement de la voiture dans une telle situation, et des inconvénients du bivouac. J'ai été soigné à merveille par le 1er médecin de l'armée, le baron Desgenettes, qui s'est mis dans ma voiture et ne m'a pas quitté. J'ai reçu de tout ce qui m'entoure les plus touchantes preuves d'attachement et des témoignages d'intérêt de tout le monde, mais surtout de mon aimable compagnon le comte Daru et de mon vieux camarade le prince de Neuchatel. Voilà mon enfant toute la vérité; je vais mieux de jour en jour; je respire sans ressentir qu'à peine l'impression du point de côté; j'ai bon appétit; il ne me faut que quelques jours de repos, et un peu de mouvement pour reprendre des forces. Sois donc tranquille, l'orage est passé.

Je viens d'écrire à M. de France; je lui envoyé un peu d'argent pour payer mes dettes les plus criardes et servir les intérêts et les charges, tout cela j'arrangerai peu à peu.

Il faut que je te félicite de la décoration accordée par S. M. à Alexandre. J'espère que tu auras eu comme lui le bon esprit d'entendre, quant à la différence des ordres, le changement de système. Il travaille de manière à mériter la place que j'ai déjà

---

sollicitée pour lui, et que je demanderai comme le meilleur prix de mes services personnels.

Dis à ton oncle Edouard qu'enfin Alexandre Romeuf a pu venir pendant cette marche passer quelques moments et pleurer avec moi notre malheureux ami; je lui ai dit un dernier adieu en traversant le champ de bataille et fixant la maison où je l'embrassai trois heures avant sa mort. Ni son frère ni moi n'avons écrit à personne, fais comprendre cela à ton oncle, j'ai bien pensé à lui dans cette circonstance.

Voilà une terrible production pour un convalescent étendu dans une voiture depuis 17 jours et cependant je ne veux pas terminer cette longue lettre sans te prier de remercier madame Durosnel de son bon souvenir et de toutes ses aimables manières pour nous.

Adieu, ma chère Cornélie, embrasse pour moi le bon papa, ton frère et Armand et Julie. Soyez tranquilles, je suis très bien; tout va bien.

M. D.

Перевод

*Граф Дюма⁴⁶⁶ дочери Корнелии, баронессе Сен-Дидье⁴⁶⁷
На бивуаке в Слопнево под Смоленском,
6 ноября*

Моя дорогая Корнелия, прибыв днем на бивуак в дормезе, завернутым в хорошие меха, я могу сам предъявить тебе доказательства моего постепенного выздоровления, отвечая на твое письмо от 13 октября из Булони, а также на письмо из Бешевиля⁴⁶⁸ от 16 [октября], которое граф Дарю только что любезно мне передал.

---

⁴⁶⁶ Матье граф Дюма (1753—1837), граф империи, дивизионный генерал. В 1812 г. генерал-интендант Великой армии.

⁴⁶⁷ Старшая дочь Матье Дюма — Аделаида Корнелия Сюзанна (1786—1856), жена барона Александра Николя де Сен-Дидье (1778—1850), префекта Дворца, аудитора Государственного совета.

⁴⁶⁸ Замок Бешевиль в департаменте Ивелин, Иль-де-Франс. Принадлежал графу Дарю.

Сперва воспользуюсь разрешением, которое мне дала м-м Бельжам⁴⁶⁹, и передам ей через тебя, что она вполне неплохо представляет интересы и желания семьи и друзей молодого Лурио⁴⁷⁰. Я не разделяю ее точки зрения на то, как [она предлагает] устроить этого молодого человека, предлагая ему службу, не сулящую больших выгод, трудную, на которой он не извлечет никаких выгод от своего выдающегося образования. В остальном я не имею ничего против. Отказ г-на графа де Сессак мне помогать в получении для юного Адольфа Ланно⁴⁷¹ места временного помощника, т.е. с правом ношение формы без какого-либо содержания, военного комиссара 3-ей нижней ступени из-за того, что ему еще нет 21 года, избавляет меня от необходимости что-то объяснять и от [дальнейших] хлопот. Дай Бог, чтобы мне удалось убедить родителей г-на Лурио в опасности и бессмысленности их страстного желания. Юный Адольф, который доставил мне три месяца беспокойства и тревог, наконец присоединился ко мне во время перехода к этому бивуаку. Он прекрасно переносит все тяготы и останется при мне, как и Кристиан со своим отцом⁴⁷². Вот и все, что я могу сказать, а позже посмотрим. Я очень занят, чтобы помогать всем этим детям, я не могу и не хочу увеличивать это свое бремя и случай с Адольфом не должен служить никому примером. Поблагодари от меня мою кузину и ее мужа и эту бедную маленькую жертву [боя на реке] Моча за их доброе отношение и память [обо мне].

Твой муж не забыл рассказать и обо мне. Приступ был сколь краткий, столь и сильный. У меня никогда раньше не было столь острой болезни. Должно быть, я проявил неосторожность здесь, [последствия] которой теперь буду еще долго исправ-

⁴⁶⁹ Кузина графини Дюма, жены автора письма.

⁴⁷⁰ Франсуа Бенуа Гонин де Лурио, в 1813 г. закончил Эколь Политехник.

⁴⁷¹ Регулус Адольф де Ланно, 16 июля 1812 г. был устроен в военное министерство по протекции М. Дюма, впоследствии был мэром 12-го округа Парижа.

⁴⁷² Граф Дюма взял Адольфа де Ланно на службу в качестве частного секретаря, поручив ему обучение собственного сына Кристиана-Леона Дюма (1799—1873), впоследствии адъютант Луи-Филиппа, Командор ордена Почетного легиона.

лять. Я ездила верхом, забывала переодеваться, позволяя себе задерживать скучными делами. Я очень страдала одновременно от кровохаркания, колик в боку и от нарыва, который меня спас, но который не могли прочистить. Ты можешь догадаться о том, что получилось в результате путешествия в коляске в такой ситуации и неудобств бивуаков. За мной наилучшим образом ухаживал 1-й врач армии, барон Деженетт, который разместился в моей коляске и не покидал меня. Я получила самые трогательные доказательства привязанности от всех, кто меня окружал, и знаки внимания от всех, но особенно от моего дорогого друга графа Дарю и старинного товарища — князя Невшательского⁴⁷³. Вот, дитя мое, вся правда. С каждым днем мне становится лучше, я дышу, ощущая только небольшую тяжесть в боку. Аппетит у меня хороший. Мне нужно только несколько дней отдыха и поменьше переездов, чтобы восстановить свои силы. Так что не беспокойся, опасность миновала.

Я собираюсь написать г-ну де Франсу, я отправляю ему немногого денег, чтобы заплатить по моим самым неотложным долгам, процентам и обязательствам, и все потихоньку придет в порядок.

Должен тебя поздравить с орденом, которым Его величество наградил Александра⁴⁷⁴. Надеюсь, что ты, как и он сам, догадаешься подождать нового порядка и изменения системы [службы]. Он достоин получить за свою работу то место, о котором я уже ходатайствовал для него и которое я сочту лучшей наградой за мою собственную службу.

Скажи своему дяде Эдуарду, что Александр Ромеф⁴⁷⁵, на конец, смог за время этого похода провести со мной несколько минут, чтобы поплакать вместе над судьбой нашего несчастного друга⁴⁷⁶. Я рассказал ему о нашем последнем прощании на

⁴⁷³ Александр Бертье, князь Невшательский, и Матье Дюма еще до Революции вместе служили при Генеральном штабе.

⁴⁷⁴ Барона Сен-Дидье, зятя графа Дюма.

⁴⁷⁵ Как Александр Ромеф, адъютант Мюрат, генерал-лейтенант неаполитанской армии, в 1814 г. вернулся на службу во французскую армию.

⁴⁷⁶ Барон Жан Луи Ромеф, бригадный генерал, начальник генерального штаба Первого корпуса, погиб в Бородинском сражении.

поле боя и о том, что запомнил дом, где обнял его за три часа до его кончины. Ни его брат, ни я не писали никому, объясни это твоему дяде, т.к. я не хотел беспокоить его в такой момент.

Таков ужасный итог для быстро выздоравливающего [от путешествия] в коляске в течение 17 дней, и тем не менее я не хочу завершать это длинное письмо, не попросив тебя поблагодарить мадам Дюронель⁴⁷⁷ за то, что она помнит и любит нас.

Прощай, моя дорогая Каролин, обними за меня дедушку, твоего брата, Армана и Жюли⁴⁷⁸. И будьте спокойны, со мной все хорошо, все идет хорошо.

М.Д.

N 18⁴⁷⁹

Boniface de Castellane à monsieur le Comte de Castellane, Général de brigade, maître de requête au Conseil d'État en son hôtel rue de l'Ariah n 12 fbr St. Honoré. Paris.

Nikolskaia, le 6 novembre [1812], à 3 3/4 de l'après-midi.

Bonjour, mon bon pro, j'espère que vous avez bien dormi. Nous sommes partis ce matin à 8 h. 1/2 de Dorogobouje, avons fait 6 ou 8 lieues, sommes arrivés ici à midi par un assez vilain temps, pas très froid, mais de la neige. La Vigoureuse est crevée hier avant d'arriver à Dorogobouje où j'ai reçu votre excellent n° 88 du 20 octobre et l'excellente lettre de ma tante qui y était jointe. J'ai acheté hier un double konia 46 fr. pour monter un domestique et un autre konia 12 fr. Je suis demain de service. Ordinairement on laisse le 1er à marcher pour attendre l'arrière-garde. Alors il ne rejoint que le lendemain ou deux jours après. C'est ce qui fait que je mettrai cette lettre à l'estafette toute

⁴⁷⁷ Жанна Луиза Леклерк-Дюбрийе, жена генерала графа Дюронеля.

⁴⁷⁸ Имеются в виду: Кристиан Дюма, Арман Андре Аме де Сен-Дидье и его сестра Аделаида Шарлотта Жюли.

⁴⁷⁹ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 204—207.* Исправлено и дополнено по РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 267. Л. 130 — 131 об.

courte qu'elle est, s'il en part une. Fernand et toute ma liste se portent bien à l'exception de Montaigu qui a la fièvre. J'ai vu ce matin Edmond de Périgord en très bonne santé. J'écris dans une chambre où est une partie des officiers de la maison. Le général Durosnel me charge de le rappeler à votre souvenir. Je vous embrasse mille et mille fois.

Nikolskaya, le 7 novembre, vendredi, 11 h. matin.

Bonjour, mon bon pro, j'espère que vous avez bien dormi. Je suis resté ici étant 1er à marcher jusqu'à l'arrivée du maréchal Ney qui fait l'arrière-garde. J'occupe le logement de l'Empereur où le général Marchand vient d'arriver. Je pense que je rejoindrai ce soir le quartier de l'Empereur. Il tombe pas mal de neige, malgré cela le froid n'est pas très vif. Je vais voir mes chevaux. Je vous embrasse mille fois. Mille fois ou meilleur pas plus tendrement de tout mon cœur ainsi que ma excellente mère.

Village à 6 lieues de Smolensk, le 8 novembre, samedi, 5 h. de l'après-midi.

Bonjour et bonsoir, nous avons fait 7 lieues aujourd'hui, à cheval et plus à pied, par la neige et le verglas, amusement que j'ai eu toute la nuit ayant été hier à 3 lieues en arrière de Nikolskaya au maréchal Ney. L'Empereur occupait un château près du Dniepr à 7 lieues de Nikolskaya. On avait oublié de placer une garde au pont du Borysthène, de sorte que j'ai dépassé et cherché jusqu'à près de 6 h. du matin. On est parti à 9 heures. Le Wolfs a dû faire à peu près 23 lieues presque sans débrider par un verglas et une neige peu agréable. Nous sommes arrivés ici vers les 2 heures. J'ai fait presque toute la route à pied. Fezensac, que j'ai vu hier, se porte très bien et a reçu hier 2 balles dans sa pelisse. Faites dire de ses nouvelles chez lui. Le pauvre Alexandre Lebrun a été tué du côté de Polotsk. J'en suis fort triste. Je vais prendre part à la conversation de ces messieurs qui sont avec moi dans notre cuisine chambre. Je vous embrasse mille et mille fois.

Smolensk, le 9 novembre, dimanche, 9 h. 1/4 du soir.

Mon bon pro, nous sommes arrivés ici à 2 heures, étant partis à 7 h. avons fait 23 verstes. En arrivant Ayh [arts] m'a appris la perte de l'Anglaise, restée avant-hier sur la route. Je suis désespéré d'avoir perdu, mon bon pro, cet excellent cheval. Je suis décidé à ne point en acheter. Si le Wolfshager vient à manquer, alors j'irai à konia. J'ai aujourd'hui la jouissance du sac, je vais en profiter. Je vous embrasse mille et mille fois.

Smolensk, le 10 novembre, lundi, midi 1/2.

Bonjour, mon bon pro, j'espère que vous avez bien dormi, pour moi je suis bien reposé. Le bon Fernand est bien fatigué et souffre de sa jambe droite. Toute ma liste se porte bien. Les 2 konia achetés à Dorogobouje sont restés en route, on m'en a volé un autre ce matin. Voilà l'état de mon écurie: pour moi le Wolfshager, un cheval double konia pour un domestique, cinq chevaux de voiture. Le seul cheval de suite doit monter Ayharts, Mellon et Malinowski. Un brigadier chasseur à cheval de la garde légèrement blessé que j'avais dans ma voiture a bu tout mon vin et mangé une partie de mon sucre. Ma voiture est au bas de la ville et a bien de la peine à monter. J'y ai envoyé chercher une chemise que je viens de changer. Je vais tâcher d'avoir une paire de bottes, les miennes ont la moitié de la semelle usée par la marche. Augustin m'en a apporté une des siennes dont je me servirai, si je n'en trouve pas d'autres; toute ma liste se porte bien, je pense que nous séjournerons demain ici.

Jeudi, 5 3/4 après-midi.

Je viens de dîner, mon bon pro, j'ai vu Faudoas qui m'a chargé de vous prier de dire au duc de Rovigo qu'il se portait bien, avait perdu ses équipages. La Woestine vous prie de dire à Mme de Valence qu'il se porte bien. Anatole de Montesquiou va demain en mission à Paris. J'ai vu après dîner M. Angles, je dois prendre 1.000 fr. ce soir sur les 2.000 restant. Anatole m'a bien promis d'aller vous voir. Je vous embrasse mille et mille fois de tout mon cœur.

Перевод

Бонифаций Кастеллан⁴⁸⁰ господину графу де Кастеллану⁴⁸¹, бригадному генералу, докладчику Государственного совета в его отель рю де л'Ариа № 12 предместье Сент-Оноре, Париж

Никольская, 6 ноября в 3 и ¾ часа после полудня

Здравствуйте, дорогой отец, надеюсь, что вы хорошо спали. Сегодня утром мы вышли в 8 ½ из Дорогобужа, прошли 6 или 8 лье, прибыли сюда в полдень при довольно мерзкой погоде. Сейчас не холодно, но идет снег. Крепыш околел вчера перед приходом в Дорогобуж, где я получил ваше [замечательное послание за номером] № 88⁴⁸² от 20 октября и замечательное письмо от тети, которое было к нему присоединено. Вчера я купил за 46 франков второго konia⁴⁸³, чтобы посадить на него слугу, и еще одного konia за 12 франков. Я завтра дежурный. Обычно первый остается, чтобы дождаться арьергарда. Так что он возвращается только на завтра или через два дня. По этой причине я передам это письмо с эстафетой совсем коротким, как оно есть, если она [эстафета] пойдет.

⁴⁸⁰ Бонифаций Кастеллан (1788—1862), начал службу в день коронации Наполеона 2 декабря 1804 г., участвовал в испанской кампании 1808 г. В 1809 г. отличился при Ваграме. В походе 1812 г. был адъютантом сперва генерала Мутона, а с 3 октября — генерала Нарбонна в чине капитана. Входил в Священный эскадрон, созданный для охраны императора на завершающем этапе кампании. Впоследствии маршал Франции (1852).

⁴⁸¹ Бонифаций Луи Андре маркиз де Кастеллан (1758—1837), отец автора письма, был избран депутатом Генеральных штатов 1789 г. от дворян, одним из первых присоединился к третьему сословию, при Наполеоне занимал различные государственные должности, в 1812 г. сенатор, после 1814 г. присоединился к Бурбонам.

⁴⁸² Свою корреспонденцию Бонифаций Кастеллан нумеровал, так же как и его отец. Однако на этом письме номера найти не удалось, т.к. автор явно неоднократно собирался отправить письмо, но по каким-то причинам откладывал этот момент и делал новую запись на оставшемся фрагменте листа. В результате последние две записи расположены на полях, а также вверх ногами и через строчку по отношению к первым, кроме того, в верхнем углу первой страницы, письма находится большое чернильное пятно, возможно, именно оно и скрывает этот номер.

⁴⁸³ Кастеллан презрительно называет лошадей, купленных в России konia.

Фернан и все мои⁴⁸⁴ чувствуют себя хорошо, за исключением Монтегю⁴⁸⁵, у которого жар. Сегодня утром видел Эдмона де Перигора в добром здравии. Пишу сейчас в комнате, где расположилась часть офицеров императорской квартиры. Генерал Дюронель⁴⁸⁶ просит меня передать вам поклон. Обнимаю вас тысячу тысяч раз.

Никольская, 7 ноября, пятница, 11 утра.

Здравствуйте дорогой отец, надеюсь, вы хорошо спали. Я остался здесь в качестве первого дожидаться подхода маршала Нея, [корпус которого] составляет арьергард. Я занял квартиру императора, куда только что прибыл генерал Маршан⁴⁸⁷. Думаю, я сегодня присоединюсь к императорской квартире. Снега выпало немало, однако мороз не очень силен. Пойду проверю своих лошадей. Обнимаю вас тысячу раз. Тысячу раз или лучше еще более нежно, от всего сердца, а также мою милюю маму.

Деревня в 6 лье от Смоленска, 8 ноября, суббота, 5 часов после полудня

Доброе утро и добрый вечер, сегодня мы прошли 7 лье верхом, но больше пешком, по снегу и гололеду. Забавно, но я провел всю ночь вчера в 3 лье за Никольским у маршала Нея. Император занимает дворец на берегу Днепра в 7 лье от Никольского. На мосту через Борисфен забыли поставить стражу,

⁴⁸⁴ Бонифация Кастеллана во время отступления окружало несколько человек, которым он оказывал помощь. Этих людей, по-видимому, он и именует в письмах «tout ma list».

⁴⁸⁵ Огюст Луи Габриэль Софи граф де Монтегю, адъютант и камергер императора.

⁴⁸⁶ Антуан Жан Огюст Анри Дюронель (1771—1849), граф империи, дивизионный генерал. В 1812 г. — адъютант императора, возглавлял подразделение гвардейских жандармов, в сентябре 1812 г. назначен военным губернатором Москвы.

⁴⁸⁷ Жан Габриэль Маршан (1765—1851), граф империи, дивизионный генерал. В начале кампании 1812 г. начальник штаба группировки войск под командованием Жерома Бонапарта, с 9 августа командовал вюртембергской пехотной дивизией 3 корпуса.

поэтому я прошел мимо [императорской квартиры] и искал [ее] почти до 6 утра. А вышел я в 9 утра. Вольф вынужден был пройти почти 23 лье без отдыха по льду и довольно глубокому снегу. Сюда мы прибыли к 2 часам. Я практически всю дорогу прошел пешком. Фезенсак⁴⁸⁸, которого я видел вчера, чувствует себя очень хорошо, и вчера же он получил две пули в шубу. Так он сам сказал. Бедный Александр Лебрен⁴⁸⁹ убит под Полоцком. Я очень грущу о нем. Сейчас я собираюсь поговорить с господами, которые вместе со мной делят эту кухню. Обнимаю вас тысячу тысяч раз.

Смоленск, 9 ноября, воскресенье 9 и ¼ вечера.

Мой дорогой отец, мы прибыли сюда в 2 часа, вышли в 7 и прошли 23 версты. Когда мы прибыли Эйар⁴⁹⁰ сообщил мне о гибели Англичанки⁴⁹¹, которая позавчера осталась на дороге. Я в отчаянии, мой дорогой отец, что потерял такую замечательную лошадь. Я решил не покупать никакой другой. Если Вольфшаже помрет, тогда я поеду на konia. Я сегодня при деньгах и воспользуюсь этим. Обнимаю вас тысячу тысяч раз.

Смоленск, 10 сентября, понедельник, половина первого после полудня.

Здравствуй, дорогой отец, надеюсь, вы хорошо спали, что касается меня, то я отдохнул хорошо. Милый Фернан⁴⁹² очень измучился и страдает от боли в правом колене. Все мои чув-

⁴⁸⁸ Эмери Фезенсак, 11 сентября 1812 г. назначен полковником 4-го линейного полка.

⁴⁸⁹ Об А. Лебрене см. примечание к письму А. де Верженна отцу.

⁴⁹⁰ Эйар — личный слуга Бонифация Кастеллана с 1805 г. В ходе отступления Эйар попал в плен и вернулся во Францию в 1814 г., после чего жил в семье будущего маршала до глубокой старости.

⁴⁹¹ Любимая кобыла Бонифация Кастеллана (отца), которую он получил в подарок от королевы Гортензии в 1807 г.

⁴⁹² Фернан де Шабо получил шесть ударов пикой в бою на калужской дороге 18 октября.

ствуют себя хорошо. Два коня, купленные в Дорогобуже, остались на дороге, еще одного у меня украли сегодня утром. Состояние моей конюшни таково: для меня есть Вольфшаж, одна лошадь и пара коня для слуги, пять лошадей для повозки. На единственной лошади для свиты вынуждены ехать Эйар, Меллон и Малиновский. Легкораненый капрал конных егерей гвардии, который едет в моей повозке, выпил все мое вино и съел часть сахара. Моя повозка внизу под городом и едва ли сможет сюда въехать. Я послал туда [слугу] за рубашкой, т.к. ее надо сменить. Я попытаюсь получить пару сапог, т.к. у моих наполовину стерлись подошвы во время перехода. Огюстен дал мне одни из своих, я воспользуюсь ими, если не найду другие. Все мои чувствуют себя хорошо, думаю, мы и завтра останемся тут.

Четверг [13 ноября?] 5 и ¾ после полудня.

Дорогой отец, я только что отобедал, виделся с Фодо⁴⁹³, который через меня просил вас передать герцогу Ровиго, что у него все в порядке, [и что] он потерял свои экипажи. Ла Воэстин⁴⁹⁴ просил вас сообщить мадам де Валанс⁴⁹⁵, что с ним все в порядке. Анатоль де Монгескье вчера отправился с поручением в Париж⁴⁹⁶. После обеда видел г-на Англе, я должен был взять сегодня вечером 1000 франков из оставшихся 2000. Анатоль мне твердо обещал зайти с вами повидаться. Обнимаю вас тысячу тысяч раз.

⁴⁹³ Поль Эжен маркиз де Фодо-Барбазан, шеф эскадрона 9-го гусарского полка.

⁴⁹⁴ Анатоль Шарль Алексис маркиз де Воэстин (1786—1870), капитан, адъютант генерала Горация Себастиани.

⁴⁹⁵ Его тетя. Мать Анатоля де Воэстина умерла через пять дней после рождения сына.

⁴⁹⁶ Об этом поручении Наполеон объявил в письме к Марии-Луизе еще 11 ноября, однако А. де Монгескье выехал только 3 декабря. На тот момент Анатоль де Монгескье, сын старшего камергера, был шефом эскадрона и адъютантом маршала Бертье.

N 19⁴⁹⁷

Sopransy à Guestalle, à Paris.

Le 7 novembre [1812]. Mon cher Guestalle,

Je suis en route pour aller vous rejoindre. J'arriverai demain à Smolensk. Je marche à petites journées dans une bonne berline; dans vingt jours, environ, je serai en état de prendre la poste. Je me porte à merveille et ma blessure se cicatrice et ma jambe se dégourdit.

Ayez la bonté, mon ami, de faire faire les démarches nécessaires pour que mes journaux me soient adressés à Paris, chez moi; je n'en ai plus besoin ici. J'ai ceux de l'estafette à 14 jours de date. Je veux commencer une petite bibliothèque. Je vous prie donc de m'acheter tous les ouvrages français et italiens qui sont stérotipés, de les faire relier par un excellent relieur avec une reliure à l'anglaise, c'est-à-dire en joli papier marbré lisse, la tranche jaune. Chaque volume sera relié séparément; on emploira différentes espèces de papier marbré lisse. Je veux que le relieur tienne le format le plus grand possible.

Je choisis le stérotipe en papier d'Angoulême. Je crois qu'il y a plus de deux cents volumes stérotipés; je veux toute la collection française et italienne. Je désire que les ouvrages se trouvent rangés dans ma bibliothèque quand j'arriverai, c'est-à-dire au 15 décembre.

Je vous embrasse; écrivez-moi encore

Louis.

Перевод

Сопранси⁴⁹⁸ Гесталу в Париж. 7 ноября 1812.

Дорогой Гестал,

Я нахожусь на пути к вам. Вчера я прибыл в Смоленск. Я передвигался небольшими переходами в хорошей берлине⁴⁹⁹.

⁴⁹⁷ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812* / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 207—208.

⁴⁹⁸ Луи Амбруаз Бартоломи барон Сопранси (1780—1814), полковник 7 драгунского полка, тяжело ранен в Бородинском сражении. В 1813 г. получил звание бригадного генерала, умер от раны, полученной 18 октября 1813 г. под Лейпцигом.

⁴⁹⁹ Дорожная карета.

Еще примерно двадцать дней я смогу получать почту. Я чувствую себя лучше, моя рана затягивается, а нога идет на поправку.

Будьте добры, мой друг, предпримите необходимые меры, чтобы мои газеты приходили на мой адрес в Париже, здесь они мне больше не нужны. Я получил их с эстафетой через 14 дней. Я хочу начать [собирать] маленькую библиотеку. Поэтому прошу вас купить для меня все сочинения на французском и итальянском, которые выйдут, чтобы хороший переплетчик собрал их под английским переплетом, то есть сделанным из красивой гладкой мраморной бумаги с желтым обрезом. Каждый том будет переплетен отдельно с использованием разной гладкой мраморной бумаги. И я хочу, чтобы переплет был наибольшего из возможных форматов.

Я выбираю печать на ангулемской бумаге. Думаю, будет более двухсот печатных томов, я хочу иметь полное французское и итальянское собрание. Я хочу, чтобы работы были расположены по порядку в моей библиотеке уже к моему приезду, то есть к 15 декабря.

Обнимаю вас, пишите.

Луи.

N 20⁵⁰⁰

Playoult de Bryas, commissaire des guerres, à Madame de Bryas, aux soins de Figuet, contrôleur de la poste aux lettres, à Arras, département du Pas-de-Calais.

*Au quartier général de Voniskoe Gorodistche,
le 7 novembre [1812].*

Au moment où nous allions monter la voiture, le général Partouneaux et moi, ce matin pour venir ici, un officier d'ordonnance est venu nous annoncer l'arrivée de M. le maréchal duc de Reggio qui passait par le quartier général pour aller rejoindre son corps d'armée qui pendant quelques jours a été fondu dans le nôtre; peu

---

⁵⁰⁰ Французский текст публикуется по: Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 208—210.

d'instants après S. E. arrive et j'en reçus l'accueil le plus flatteur. Si je n'avais pas été prévenu de son arrivée il m'eût été impossible de le reconnaître tellement il est changé; il déjeuna avec nous ou pour mieux dire dévora quelques morceaux et partit comme un éclair après m'avoir chargé de le rappeler au souvenir de ma famille. Sa blessure le fait encore souffrir, il est même estropié, mais il n'est heureux qu'où on se bat et le malheur qui le poursuit ne le dégoûte pas de voler partout où il y a des dangers à courir.

L'espoir que tu avais conçu de nous voir prendre des cantonnements à Vilna ou aux environs ne s'est pas réalisé, car comme tu le vois nous sommes toujours par voies et par chemins; selon toute apparence cependant nous allons y entrer et c'est cette époque que nous avons fixée, le général Partouneaux et moi, pour solliciter ma rentrée en France. Si nous attendions le retour de la belle saison la chose deviendrait impossible, c'est une faveur qu'on n'obtiendrait pas à l'époque de l'ouverture d'une nouvelle campagne. Il faut donc saisir le moment puisqu'il est favorable. Le général est certain de la réussite, mais si contre toute attente je ne réussissais pas, j'obtiendrais au moins une résidence fixe, ce qui serait doublement avantageux, puisque je serai sûr de la régularité de notre correspondance et que je pourrai là compter sur la rentrée des sommes qui me sont dues, ce que je n'obtiendrai jamais tant que je serai employé dans une division active; au reste, ce ne serait pas encore là mon compte, car mon unique désir est de me réunir à toi et de servir aussi efficacement l'Empereur que je le fais ici dans une résidence de l'intérieur, puisque ma santé ne me permet pas de le faire aux armées. C'est aussi ce que j'ai l'espoir et la presque certitude d'obtenir.

Depuis longtemps je suis privé de tes nouvelles et cela me contrarie fort, aussi enverrai-je après-demain M. Bouillon que je ferai escorter par quelques-uns de mes hussards porter cette lettre à la poste et chercher les tiennes; il peut aller et revenir en un jour au grand quartier général et c'est une corvée qu'il fera d'autant plus volontiers qu'il est amateur de savoir ce que le sort lui a réservé. S'il ne l'a pas traité favorablement, toutes mes mesures sont prises pour le servir dans cette circonstance et la chose m'a été d'autant

---

plus facile qu'il s'est fait estimer par sa bonne conduite et par sa sévère probité; c'est réellement un honnête garçon que je perdrais avec peine et je fais des vœux sincères pour qu'il n'en soit rien.

Depuis quatre jours il neige beaucoup dans ce pays, mais le temps est doux et la neige ne tient pas; cela n'améliore pas les chemins, alors les communications en traîneau seront faciles et promptes et c'est ainsi que je voudrais voler vers toi. Le général Partouneaux me comble d'amitié et de caresses, nous ne nous quittons plus, sa chambre est la mienne et sa table également, ses blessures le font cruellement souffrir, et si cela continue il lui sera impossible de continuer de faire le dur métier de la guerre.

Bonsoir, chère bonne amie, je te fais mille caresses ainsi qu'à maman et à mes chers enfants.

Перевод

Плейоль де Бриа⁵⁰¹, военный комиссар, мадам де Бриа, проживающей у Фиге, контролера почт в Аррасе, департамент Па-де-Кале.

Главная квартира в Воинском городище, 7 ноября.

В тот момент, когда утром мы, генерал Партуно и я, уже садились в коляскую, чтобы ехать сюда, прибыл адъютант и сообщил о прибытии маршала, герцога Реджио, который ехал из Главной квартиры, чтобы присоединиться к своему корпусу⁵⁰², который уже несколько дней назад растворился в нашем. Через несколько мгновений Его превосходительство пришел сам, и я оказал ему самый теплый прием. Если бы меня не предупре-

---

⁵⁰¹ Мари Жозеф Квентин Плейоль де Бриа, комиссар 12-й пехотной дивизии 9-го армейского корпуса, которой командовал дивизионный генерал Л. Партуно. Большая часть этой дивизии была окружена на Березине и сдалась в плен.

⁵⁰² Николя Удино, герцог Реджио (1767—1847), в ходе кампании 1812 г. командовал 2-м армейским корпусом, который действовал на петербургском направлении. 17 августа маршал получил тяжелое ранение в ходе первого Полоцкого сражения и передал командование Гувьон Сен-Сиру, после чего уехал лечиться. После второго Полоцкого сражения получил приказ императора вновь возглавить корпус. Отличился в битве на Березине.

дили о его приходе, я не смог бы его узнать, так сильно он изменился. Он позавтракал с нами, а точнее сказать, проглотил несколько кусков и умчался как молния, прежде чем я успел передать ему приветы от моей семьи. Его рана все еще заставляет его страдать, и он даже искалечен, но он счастлив, только когда может драться, и несчастья, которые его преследуют, не мешают ему мчаться туда, где витает опасность.

Надежда, которую ты высказывала, приехать повидаться с нами на зимних квартирах в Вильно или окрестностях, не может быть воплощена в жизнь, поскольку, как ты видишь, мы все время в пути и движении. Тем не менее, по всей вероятности, мы туда [в Вильно] приедем, и в тот момент, когда мы остановимся [на зимние квартиры], генерал Партуно и я, я буду просить отпустить меня во Францию. Если мы будем ждать возвращения хорошей погоды [такая поездка] станет невозможной, такую милость никогда не оказывают во время начала новой кампании. Так что надо пользоваться благоприятным моментом. Генерал уверен в успехе, но если против всех ожиданий мне не удастся [уехать], я, по крайней мере, получу постоянное место обитания, что вдвойне хорошо, поскольку я буду уверен в регулярности нашей переписки, и потому что я смогу рассчитывать на возврат всех денег, которые мне должны, чего ранее никогда не случалось, поскольку я служу при дивизии, которая активно перемещается. Кроме того, мое место совсем не здесь, поскольку мое единственное желание — соединиться с тобой и служить императору столь эффективно, как я это делал внутри страны, ведь мое здоровье не позволяет мне находиться при армии. Вот на что я тоже надеюсь и практически уверен, что смогу этого добиться.

Вот уже длительное время я не получаю от тебя вестей, и это меня чрезвычайно огорчает, поэтому послезавтра я отправляю г-на Буйона с эскортом из нескольких моих гусар отвезти это письмо на почту и поискать твои. Он может съездить в Главную квартиру и вернуться за один день, и это работа, за которую он возьмется тем более охотно, что он любит утверждать, что судьба хранила его. Если она не будет к нему bla-

госклонна, я приложу все усилия, чтобы помочь ему в этих обстоятельствах, и это было бы мне тем более легко, что он своим хорошим поведением и чрезвычайной порядочностью заставил ценить себя. Он действительно честный малый, которого мне было бы больно потерять, и я искренне надеюсь, что с ним ничего не случится.

Уже четыре дня в этой стране идет сильный снег, но погода теплая, и снег не ложится. Это не делает дороги лучше, но придет время, когда он выпадет в огромном количестве, так что будет легко и быстро передвигаться на санях, и вот тогда я хотел бы помчаться к тебе. Генерал Партуно очень добр и ласков со мной, мы больше не расстаемся, его комната теперь моя, а также и стол. Его раны⁵⁰³ заставляют его сильно страдать, и если это продолжится, он не сможет продолжать заниматься нелегким военным ремеслом.

Прощай, моя дорогая, обнимаю тебя тысячу раз, а также маму и моих дорогих детей.

N 21⁵⁰⁴

Granal à sa femme, Mme Granal, née hagarde, à Montagnac (Hérault).

Krasnowi, le 7 novembre 1812.

Ma chère femme, Moscou exista; Viasma, Dorogobouje, Smolensk, existaient aussi, mais il ne reste de ces villes que les cendres.

L'armée russe a eu la fausse politique d'emmener avec elle les administrations et de donner l'exemple de l'incendie; nous avons achevé. Elle avait sans doute le but de nous réduire à la famine; mais Dieu est ici comme tout ailleurs. Jamais campagne n'a offert tant d'horreur; l'armée se retire de Moscou pour former une ligne, dit-on, à Smolensk. La campagne prochaine (s'ils ne se mettent à

⁵⁰³ Генерал Партуно получил тяжелое огнестрельное ранение правого колена в 1793 г. во время атаки на английский редут под Тулоном.

⁵⁰⁴ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 210.*

la raison) nous irons brûler ou leur faire brûler (s'ils l'osent) Saint-Pétersbourg. Adieu, embrasse nos enfants.

Граналь.

Перевод

Граналь⁵⁰⁵ жене м-м Граналь, урожденной Лагард в Монманьяк (Эро).

Красново (?) 7 ноября 1812 г.

Моя дорогая жена, Москва существовала, также существовали [когда-то] Вязьма, Дорогобуж, Смоленск, но теперь от этих городов остался только пепел.

Русская армия проводила преступную политику: увозила с собой [городских] чиновников и сама подавала пример пожаров, чтобы прикончить нас. Ее целью, без сомнения, было заставить нас голодать, но Бог есть везде и тут тоже. Никогда еще кампания не приносила столько ужаса. Армия отступила из Москвы, чтобы, как говорят, установить границу в Смоленске. В следующей кампании [если они не образумятся] мы пойдем и сожжем или заставим их самих (если они осмелятся) сжечь Санкт-Петербург. Прощай, обними наших детей.

Граналь.

N 22⁵⁰⁶

Le comte Méjan à sa femme, la comtesse Méjan, rue Neuve-Saint-Marck, n° 8, Paris.

Dorogobouje, le 7 novembre [1812].

Il m'est arrivé un malheur, qui me coûtera bien cher, ma tendre amie. On m'a volé mes meilleurs chevaux et ceux qui me restent ne peuvent plus mettre un pied l'un devant l'autre, de sorte que me voici à pied ou bien près de l'être, puisqu'il ne me reste qu'un seul

⁵⁰⁵ Филипп Граналь (род. 1770), помощник военного хирурга 53-го линейного полка.

⁵⁰⁶ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 211—212.*

cheval. Heureusement que si nous n'avons la paix nous aurons un peu de repos et que je pourrai trouver de quoi réparer cette perte en partie au moins, car je ne suis pas assez riche pour acheter les chevaux qu'il faudrait avoir. Il faudra faire de fières économies pour boucher tous les trous qu'aura faits cette campagne. Adieu, ma bien bonne et tendre amie. Méjan.

Перевод

Граф Межан⁵⁰⁷ жене, графине Межан, улица Нов-Сен-Марк, № 8, Париж.

Дорогобуж, 7 ноября 1812 г.

С мной случилось несчастье, моя дорогая, которое мне очень дорого стоило. У меня укради моих лучших лошадей, а те, которые у меня остались, одна за другой уже не могут сделать и шагу, так что я теперь иду пешком и [нахожусь] на грани существования, поскольку у меня осталась всего только одна лошадь. К счастью, если даже у нас не будет мира, у нас будет небольшой отдых, и тогда я смогу найти способ, как вернуть эти потери, хотя бы частично, поскольку я не настолько богат, чтобы покупать таких лошадей, каких нужно иметь. Нужно будет строжайше экономить, чтобы заткнуть все дыры, которые нанесла эта кампания. До свидания, моя дорогая и любимая. Межан.

N 23⁵⁰⁸

*N... à la comtesse Krasinska, née Radziwill à Paris
Mojaïsk, 28 octobre 1812*

Nous allons tranquillement à Smolensk pour prendre nos quartier d'hiver. Le pauvre Kobylinski, aide de camp du maréchal Davout, a reçu un coup de boulet dans le bas-ventre. Avant de mourir, il a pu

⁵⁰⁷ Граф Пьер Этьен Межан, государственный советник Итальянского королевства, секретарь штаба вице-короля.

⁵⁰⁸ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 342.* Остановлено герцогом Бассано в Вильно.

prier le maréchal de lui accorder une grâce, et il lui demanda de ne pas oublier la Pologne et d'en parler le plus souvent à l'Emperuer.

Перевод

*Н... графине Красинской, урожденной Радзивил⁵⁰⁹
Можайск, 28 октября 1812 г.*

Мы потихоньку двигаемся к Смоленску, чтобы остановиться там на зимние квартиры. Бедный Кобылинский, адъютант маршала Даву, был ранен ядром в низ живота. Перед смертью он умолял маршала простить его, и он [также] попросил его не забывать о Польше и как можно чаще напоминать о ней императору.

№ 24⁵¹⁰

Le général Baraguey d' Hilliers à la comtesse Baraguey d' Hilliers, à Montigny, près Tillières (Eure-et-Loir).

Elnia, 31 octobre 1812.

Je t'ai déjà mandé, ma chère amie, mon arrivée à Elnia où se rassemblent les troupes à mes ordres. Il en arrive chaque jour, mais par petits pelotons, et tout réuni ne fait guère qu'une bonne brigade, quant au nombre; car quant à la qualité, c'est autre chose. Tous ces corps de marche s'exténuent à courir après la Grande Armée sans pouvoir l'attraper. Ils n'ont pas encore tiré un coup de fusil, de sorte qu'ils s'effraient facilement des Cosaques qui font la guerre à la manière des Mameloucks et les entourent en poussant de grands cris. J'espère cependant être bientôt en contact avec le corps de l'Empereur et, par conséquent, débarrassé de ce mauvais commandement qui ne peut jamais devenir ni utile ni honorable. Je l'ai accepté sans murmurer, je le mènerai jusqu'à la fin. Mais il faut

⁵⁰⁹ Княгиня Мари Радзивил, жена генерала Винсена Корвена, графа Красинского, полковника 1-го полка шеволежеров-улан императорской гвардии, камергера императора.

⁵¹⁰ Французский текст публикуется по: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. Par S.E.M. Goriaïnow. Paris. 1913. P. 343—344.* Письмо остановлено герцогом Бассано в Вильно.

---

convenir que les emplois qu'on me donne ici ne ressemblent guère ni à de la faveur ni même à de la justice.

Depuis ma dernière lettre, j'ai été tranquille. L'ennemi s'est retiré à quatre lieues et se borne à m'observer. Il m'arrive aujourd'hui un vieux corps, et demain je le mettrai en jeu pour étendre mon rayon d'action.

La paix ne paraît pas prochainement probable. Il y aura nécessairement une seconde campagne, parce que l'armée russe est encore nombreuse malgré ses pertes et connaît l'état de la nôtre, et sait très bien que nous ne sommes pas en mesure de faire une campagne d'hiver.

Il faut donc que sous très peu de temps on prenne des quartiers pour quatre à cinq mois, afin de se rapprocher des magasins qui sont sur le Niémen. Je crois que c'est à quoi l'Empereur travaille en ce moment.

Il n'y a pas un soldat dans l'armée qui ne soupire après la fin de cette guerre. Les officiers soupirent encore bien plus. De sorte que, quand l'Empereur voudra exaucer les vœux les plus ardents de son armée, il fera fermer les portes du temple de Janus. Mais je le connaît trop opiniâtre dans ses projets pour croire qu'il les écoute.

Je me trouve toujours dans un grand embarras d'argent. Il m'est dû trois mois de solde, le remboursement de mes frais de voyage, et je n'ai pas un sol d'argent comptant. Cependant j'en aurais grand besoin pour réparer les pertes de mon écurie.

Перевод

Генерал Барагэ д'Ильер⁵¹¹ графине Барагэ д'Ильер в Монтины (Эр и Луара)

Ельня, 31 октября 1812

Я уже сообщал тебе, дорогая моя, о своем прибытии в Ель-

---

⁵¹¹ Луи Барагэ д'Ильер (1764—1813), граф империи, дивизионный генерал. Служил под началом Наполеона еще в Итальянской кампании (1796), в ходе Египетского похода участвовал в захвате Мальты, где был взят в плен англичанами. В ходе кампании 1812 г. назначен губернатором Смоленской провинции с центром в Вязьме, затем назначен командиром дивизии, которая формировалась в Смоленске. В бою под Ляхово 9 ноября бригада под командованием генерала Ж. Ожера из дивизии Барагэ д'Ильера попала в плен. За это генерал был отстранен от командования и отправлен во Францию, где должен был предстать перед судом. Умер в Берлине «от нервной лихорадки».

ню, где собираются подчиненные мне войска. Они подходят сюда каждый день, но небольшими группами, и все они составят в лучшем случае бригаду, в отношении количества, а в отношении качества, это совсем другая история. Все эти части истощены быстрыми маршами в направлении Великой армии, не имея возможности ее догнать. Они не сделали еще ни одного ружейного выстрела, так что они легко испугаются казаков, которые воюют как мамелюки, окружают и издают громкие крики. Я надеюсь теперь войти в соприкосновение с корпусом императора и следовательно, освободиться от этого скверного командования, которое никогда не сможет быть [для меня] ни полезным, ни почетным. Я принял его безропотно, и выполню его до конца. Но надо признать, что те должности, на которые меня тут назначают, не походят ни на милость, ни даже на справедливость.

Со времени моего последнего письма я оставался в покое. Враг отошел на четыре лье и ограничился наблюдением за мной⁵¹². Ко мне сегодня подошел один из старых корпусов, и завтра я использую его, чтобы расширить мой район действий.

Мир не кажется в скором времени возможным. Необходима будет вторая кампания, поскольку русская армия еще многочисленна, несмотря на свои потери и знает положение нашей [армии], и очень хорошо знает, что мы не в состоянии вести зимнюю кампанию.

Необходимо в самое короткое время встать на зимние квартиры на четыре-пять месяцев, чтобы приблизиться к магазинам, которые расположены на Немане. Я думаю, что как раз над этим император сейчас работает.

Во всей армии нет такого солдата, который не желал бы конца этой войны. Офицеры желают его даже еще больше. Поскольку когда император внемлет наиболее ярым мольбам из его армии, он закроет ворота в храме Януса. Но я слишком хорошо знаю его отношение к своим проектам, чтобы верить в то, что он прислушается к ним.

⁵¹² Скорее всего, речь идет об отряде генерала В.М. Яшвиля.

Я все еще очень стеснен в деньгах. Мне должны жалованье за три месяца, возмещение моих дорожных расходов, и у меня нет ни одного соля наличными. Между тем я очень нуждаюсь в восстановлении потерь в лошадях.

N 25⁵¹³

Au bivouac en deçà de Smolensk

Le 6 Novembre 1812

Mon cher Christian, ton papa me charge de répondre à la lettre que tu lui as écrite à la date du 17 Octobre. Je remplis cette commission avec bien du plaisir puisq'elle me donne l'occasion de m'entretenir un moment avec toi et de te donner quelques petits conseils, que tu recevras, je n'en doute pas avec plaisir de celui qui prendra toujours le plus grand intérêt à ton avancement. Je t'engage, mon cher Christian, à bien commencer cette année tu es maintenant, en 4ème c'est une classe où il faut prendre le gout de la latinité et pour cela il faut lire et relire ses auteurs, il faut meubler son cahier d'expression. Il faut enfin travailler pour recueillir à la fin de l'année les recompenser qui sont distribuer aux premier d'élève classe. J'espère mon cher Christian que tu n'oublieras pas, j'attende des lettres de toi, et ces lettres je veux qu'elles contiennent l'histoire de tes études, je veux être instruit de tes plans, je veux savoir quel jour à été signalé par un bon estime, par une bonne version, je veux savoir quels sont les auteurs que tu expliquer en un mot, mon cher Christian, je suis curieux peut être un peu trop, mais je m'engage aussi à te répondre lettre par lettre; de cette manière si nous ne travaillons pas ensemble, si nos leçons ne se font pas de vive voix, elles se feront par lettre et je pourrai du moins reconnaître encore les bontes dont Son excellent père me comble; je suis ici dans sa voiture, il a la complaisance de me faire écrire auprès de lui, tu voudrais bien sans doute être à ma place, ton tour viendra un jour, mon cher Christian mais il faut finir ce qu'on a commencé, et il faut bien finir.

⁵¹³ РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 267. Л. 81—82.

Adieu, mon cher Christian je t'embrasse de tout mon coeur.
Ton ami⁵¹⁴

Pour mon fils Christian, que j'embrasse de tout mon coeur s'il est saisi. M⁵¹⁵.

Перевод

*На бивуаке под Смоленском
6 ноября 1812.*

Дорогой мой Кристиан, твой папа поручил мне ответить на твое письмо, которое ты ему написал 17 октября. Выполняю это поручение с большим удовольствием, поскольку это дает мне возможность поговорить с тобой немного и дать тебе несколько небольших советов, которые ты, я не сомневаюсь, примешь с удовольствием, от того, кто всегда проявлял наибольший интерес к твоему развитию. Я беру с тебя слово, мой дорогой Кристиан, хорошо начать этот год. Ты теперь уже в четвертом, а это класс, в котором надо привить себе вкус к латинскому языку, а для этого нужно читать и перечитывать авторов, писавших на нем. Надо заполнить свою тетрадь выражениями. Надо, наконец, работать, чтобы получить в конце года награду, которая вручается первому ученику класса. Надеюсь, мой дорогой Кристиан, что ты не забыл, что я жду твоих писем, и я хочу, чтобы эти письма продолжили историю нашего обучения. Я хочу быть осведомленным о твоих планах, хочу знать, в какой день ты получил хорошую отметку, сделал хороший перевод, я хочу знать, каких авторов ты легко пересказываешь. Мой дорогой Кристиан, может быть, я немного слишком любопытен, но в то же время, я обещаю отвечать тебе письмом на [каждое твое] письмо. Таким образом, даже если наши занятия не проходят устно, они могли бы идти в письмах, и я смогу, по крайней мере, еще раз отблагодарить за благодеяния, которые

⁵¹⁴ Подпись неразборчива.

⁵¹⁵ Приписка, сделанная на обороте последнего листа этого письма другой рукой. Л. 82-об.

оказывает мне Его превосходительство, твой отец. Я здесь в его повозке, он сделал мне любезность, позволив мне писать прежде него самого. Ты, без всякого сомнения, хотел бы быть сейчас на моем месте, твой черед придет однажды, мой дорогой Кристиан, но нужно закончить то, что уже начато, и закончить хорошо.

Прощай, мой дорогой Кристиан, обнимаю тебя от всего сердца.

Твой друг...

Моему сыну Кристиану, которого я, если смогу, обнимаю от всего сердца. М.

N 26⁵¹⁶

B. Brostaret à son père monsieur Brostaret ancien Magistrat à Casteljaloux (Loretgaronne)

Du bivouac en avant de Viazma

C'est dans une voiture bien close, mon cher papa, que je vous écris. Le froid commence à être vif et nous nous en garantissent le mieux que nous pourons avec nos pelisses. J'en ai une de femme que j'ai achetée à Moscou. Elle est font de peau du lapin blanc, doublée d'un tafetas grisatre et bordée de renard. Nous prenons presque tous les jours nos repas en plein air. Nous fournir à peu près une 20e en y comprenons les auditeurs. Depuis que nous sommes entrés en campagne nous avions rarement manqué de provisions et à Moscou nous étions l'abondance. Madame R. a eu la bonté de m'envoyes deux livres de chocolat que je conserve précieusement en cas de batterie. Elle m'anonce dans sa dernière lettre l'envoi d'un grand gilet de laine tricoté, de deux paires de chaussons de laine et d'une autre paire de chausson du liniere. Cette exellente amie n'a cessé de l'occuper de moi avec la plus tendre sollicitude quoiqu'elle ait beaucoup souffert d'un abcès qui lui est venu sous le jour gauche. Heureusement qu'elle est maintenent hors de danger quoique la coup du mal l' obsède encore.

⁵¹⁶ РГАДА Ф. 30. Оп. 1. Д. 267. Л. 83—84-об.

Adieu, mon cher papa, je vous embrasse de tous bien tendrement.
B. Brostaret

Се 3 novembre 1812.

Перевод

*Б. Бростаре отцу, г-ну Бростаре, бывшему магистрату
Кастельжалу⁵¹⁷ (Ло и Гаронна)*

На бивуаке не доходя Вязьмы.

Я пишу вам, мой дорогой отец, из хорошо закрытой повозки. Мороз становится силен, и мы защищаемся от него наилучшим образом, с помощью наших шуб. У меня есть одна женская, которую я купил в Москве. Она сделана из шкуры белого кролика, подбита серой тафтой и оторочена лисицей. Практически каждый день мы отдыхаем под открытым небом. Нас снабжают примерно на одну двадцатую [от того, что должно быть], как это понимают аудиторы. С тех пор как мы начали кампанию, мы редко испытывали недостаток в продовольствии, а в Москве у нас было изобилие. Мадам R. была столь добра ко мне и прислала два фунта шоколада, который я тщательно храню на случай битвы. В последнем письме она обещала мне выслать большой жилет из вязаной шерсти, две пары шерстяных мягких туфель и еще одну — льняных. Эта замечательная подруга не перестает заботиться обо мне со столь нежным вниманием, хотя она очень страдала от нарява, который она получила в один несчастный день. К счастью, она теперь вне опасности, хотя приступы боли еще преследуют ее.

Прощайте, мой дорогой отец, обнимаю вас самым нежным образом. Б. Бростаре.

3 ноября 1812.

---

⁵¹⁷ Кастельжалу — небольшая коммуна в департаменте Ло и Гаронна на юго-западе Франции в Аквитании.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. <i>Н.А. Нарочницкая</i>	3
РОКОВАЯ ВОЙНА НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА.	
<i>В.А. Томсинов</i>	15
КАМПАНИЯ 1812 ГОДА В ПЕРЕПИСКЕ НАПОЛЕОНА I.	
<i>М.-П. Рей</i>	83
НАПОЛЕОНОВСКАЯ «ФЕДЕРАТИВНАЯ СИСТЕМА».	
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД. <i>Т. Ланц</i>	98
СЕН-СИМОН, НАПОЛЕОН И ИДЕЯ ЕВРОПЫ.	
<i>А.В. Гладышев</i>	120
ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
1812 ГОДА. (200-летний юбилей события). <i>Л.Л. Ивченко</i> ...	170
КАК ЭТО БЫЛО. <i>В.Я. Коростышевский</i>	
217	
ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО».	
<i>В.Я. Коростышевский</i>	228
ПОДВИГ ВОЕННОГО СВЯЩЕННИКА В 1812 ГОДУ.	
«С КРЕСТОМ В РУКАХ И НА ГРУДИ». <i>В.Н. Филиппов</i>	243

ПРИЛОЖЕНИЕ	260
1. Декреты императора Наполеона о блокаде Англии	260
2. Тильзитские договоры между Францией и Россией.....	268
Декларация императора Александра I	
от 24 октября 1807 года «О разрыве мира с Англией»	284
3. Записка М.М. Сперанского и письмо императора	
Александра I	289
Записка М.М. Сперанского о вероятностях войны	
с Францией после Тильзитского мира	
(конец 1811 — начало 1812 г.)	289
Письмо императора Александра I	
Адаму Чарторижскому 1 апреля 1812 года	299
Высочайший манифест Александра I	
о вторжении Наполеона. 6 июля 1812	304
Французская военная почта во время кампании	
в России в 1812 году.....	306
Письма военнослужащих Великой армии.	
Октябрь—ноябрь 1812 г.....	323

Научно-популярное издание

ПАРТИТУРА ПЕРВОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. ВОЙНА 1812 ГОДА

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*

Корректор *Р.Ф. Зайнуллина*

Верстка *И.В. Хренов*

Оформление и подготовка обложки *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 09.08.2012. Формат 84 × 108 ½.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 12. Тираж 2500 экз. Заказ М-812.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

Неприятель вступил в пределы НАШИ и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие Великой сей Державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска НАШИ, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли НАШЕЙ. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных НАШИХ подданных, что собранные им разнодержавные силы велики и что отважность его требует неусыпного против него бодрствования... Мы уже воззвали к первопрестольному Граду НАШЕМУ, Москве, а ныне взываем ко всем НАШИМ верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с НАМИ единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сыновей России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина...

Высочайший манифест Александра I
о вторжении Наполеона.
6 июля 1812

ISBN 978-5-4444-0219-1

9 785444 402191

